

РУССКИЙ БЕРЛИН 1921-1923

РУССКИЙ БЕРЛИН

1921-1923

Л.ФЛЕЙШМАН
Р.ХЬЮЗ
О.РАЕВСКАЯ-
ХЬЮЗ

Эта книга, вышедшая в Париже в «УМСА-Press» в 1983 году, продолжает пользоваться живым интересом и вниманием у многочисленных исследователей культуры русского зарубежья. Настоящее, второе ее издание, предпринятое в ответ на поступающие из разных стран запросы, не содержит никаких дополнений или переделок — отчасти потому, что мы не считали их необходимыми в рамках предпринятой архивной работы, отчасти же потому, что не находили допустимым переписывание ее задним числом. Исправлению подверглись лишь опечатки, вкравшиеся в первое издание.

Беркли — Стэнфорд
Июнь 2002 г.

Лазарь Флейшман
Роберт Хьюз
Ольга Раевская-Хьюз

РУССКИЙ БЕРЛИН 1921-1923

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
Б.И. НИКОЛАЕВСКОГО
В ГУВЕРОВСКОМ ИНСТИТУТЕ

Издание подготовили
Л. Флейшман
Р. Хьюз
О. Раевская-Хьюз

Paris • YMCA-Press
Москва • Русский путь
2003

ББК 83.3(2Рос)6
Р 89

ISBN 2-85065-259-8
ISBN 5-85887-161-5

Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз

© YMCA-Press, 1983
© Русский путь, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Заметный подъем в науке о русской литературе, которым отмечены последние два-три десятилетия, связан с пересмотром основных представлений о самом составе русской культуры XX столетия. Открытие и обнародование ранее неизвестных поэтических текстов, новых документов, мемуарных свидетельств, введение в научный оборот множества новых фактов радикальным образом изменили существовавшую картину современной русской литературы, позволили выдвинуть убедительные расшифровки художественных произведений таких «трудных» авторов, как Мандельштам и Пастернак, Ахматова и Маяковский, Хлебников и Кузмин, Цветаева и Белый, Булгаков и Ремизов, и заложить основы детального и исчерпывающего описания специфических законов поэтики литературного авангарда (на русском материале). Это освоение новых научных горизонтов было неразрывно связано с пробуждением интереса к литературе русской эмиграции. Пионерский труд Г.П. Струве¹ стимулировал появление ряда ценных исследований, ей специально посвященных².

Современное состояние научного изучения ставит во весь рост задачу осмысления послереволюционной русской литературы как некоего целостного, единого организма. Составные ее части, на протяжении десятилетий отделенные, казалось бы, непреодолимыми — государственными, политическими, идеологическими — барьерами, необходимо представить в виде соотносимых компонентов целого, находящихся в постоянном историческом «диалоге». Идея эта была уже сформулирована некоторыми исследователями, ощущавшими наличие напряженного взаимоотношения и отталкивания двух «половин» послереволюционной культуры — и невозможность (каковы бы ни были партийные лозунги, индивидуальные интенции или политический климат в тот или иной момент) полного разрыва между ними³. Ни один специалист по русской литературе XX века или общественным отношениям этого периода не может дать точную интерпретацию сколь-нибудь значительному культурному феномену или лите-

ратурному тексту, не принимая во внимание эту особую историческую ситуацию, в которую русская культура поставлена в XX веке, или реакцию на него «с того берега».

Публикуемые в этой книге документы относятся к историческому моменту, не имевшему прецедента в истории русской культуры, — к 1921—1923 годам, когда «диалог» двух «половин» русской культуры выступал в наиболее явной и (в то же время) наиболее осложненной форме. Специфический этот момент можно было бы обозначить и специальным термином: «русский Берлин» или «берлинский период» русской культуры XX века. В науке предлагались уже логически близкие понятия — «петербургская» или «московская поэзия»⁴, причем термины эти в меньшей степени обозначают *географическую* приуроченность определенного явления, чем место его на фоне тех или иных норм литературных отношений или стилистических систем. Наши материалы позволяют присоединить к этим двум понятиям и новое — «русский литературный Берлин» — с тем, чтобы дополнить картину особой литературной ситуации начала 20-х годов. Существенное отличие «русского Берлина» от, скажем, «русского Парижа», «русской Праги», «русского Харбина» и других литературных столиц межвоенной эмиграции состоит как раз в беспрецедентной интенсивности «диалога» метрополии и эмиграции внутри данного острова русской культуры. «Диалог» этот выразился в различных формах неожиданного симбиоза противостоявших друг другу литературных и общественных сил, в лихорадочной их перегруппировке, калейдоскопической пестроте культурных антреприз, но более всего — в характере деятельности причастных к «берлинскому периоду» литераторов. Поэтому история новейшей русской литературы немислима вне изучения специфического опыта русского Берлина, и ни один историк или литературовед не может пренебречь этим моментом «двойной жизни» русской литературы, обозначившим собой резкий перелом в биографиях ряда русских писателей, ученых, философов. Кропотливая работа по восстановлению деталей литературной жизни «России в Берлине» имеет вовсе не самодовлеющий интерес: она позволяет буквально на каждом шагу убедиться в сквозной проекции друг на друга и в тесном переплетении обстоятельств, интересов, оценок и вкусов «метрополии» и «эмиграции».

Яркую иллюстрацию этому являет, в частности, деятельность А.С. Ященко и его берлинских журналов *Русская Книга* и *Новая Русская Книга*. Журналы эти и по сей день сохраняют большое справочное значение, так как — в отличие от позднейших, хотя бы и более капитальных, библиографических описаний новой русской литера-

туры⁵ — были проникнуты идеей единства русской культуры «поверх барьеров». Материалы архива журнала *Новая Русская Книга*, публикуемые нами, позволяют представить не только закулисные стороны его деятельности, но и многие факты культурной жизни, до настоящего времени не попадавшие в поле зрения историков. Архив этот сохранен был Б.И. Николаевским и, вместе со всей его громадной архивной коллекцией, теперь находится в Гуверовском институте в Стэнфорде (Калифорния)⁶. Видный деятель русской социал-демократии, ученый-архивист, замечательный историк революционного движения и советского общества, Б.И. Николаевский стал сотрудничать в редакции *Новой Русской Книги* сразу по приезде в Берлин в 1922 году. Архив журнала сохранился, по-видимому, не полностью — во всяком случае, в мемуарах Р.Б. Гуля утверждается, что материалы журнала перешли к художнику Н.В. Зарецкому, а от него в Русский исторический архив в Праге, позднее, после Второй мировой войны, переданный в Москву⁷. Но и тот архив Яценко, который находился у Николаевского, с достаточной полнотой отражает разветвленную деятельность редакции, источники и каналы сведений, помещенных на страницах журнала, круг его сотрудников и корреспондентов. В этом отношении включенные в наш сборник архивные материалы, вместе с комментариями к ним, служат своего рода приложением к *Новой Русской Книге*, этому своду справок по русской литературе 20-х годов.

Мы смогли вместить в настоящий том лишь меньшую часть литературных материалов архива Николаевского. При отборе документов для публикации мы руководствовались их историко-литературной ценностью. Понятно, что мало кто на нашем месте осмелился бы пожертвовать автографами Бунина и Сологуба, Белого и Цветаевой, — однако решающим критерием для нас оставалась не громкая известность того или иного имени, но новизна или авторитетность сведений, извлекаемых из публикуемых материалов. В совокупности они воссоздают ряд важных моментов и событий тогдашней литературной жизни — как, например, историю напечатания «Стихов о терроре» Волошина, роль визита Пильняка в Берлин в процессе оформления берлинского «сменовеховства», скандал вокруг публикации письма К.И. Чуковского в *Литературном приложении к «Накануне»*, влияние И. Эренбурга на литературно-критическую позицию журнала Яценко, нереализованный проект совместного «метропольно»-эмигрантского сборника по религиозно-философским вопросам, предполагавшегося для тогда созданного издательства УМСА, неизвестные стороны деятельности М. Горького в «берлинский период».

Подготовка архивных материалов к печати и комментирование их были завершены нами в 1981 году, и издания, появившиеся после этого, учтены быть, как правило, не могли.

Письма, публикуемые в нашем сборнике, сгруппированы по авторам их, причем каждая подборка снабжена краткой преамбулой и комментариями к текстам. Нашей целью было избежать повторения сведений, широко известных или легко добываемых из доступных справочников; мы стремились ограничиваться только теми из справок, которые прямо перекликаются с печатаемыми архивными документами или проливают новый свет на историю литературных отношений. Письма в каждой подборке следуют в хронологическом порядке. Но общий порядок следования этих подборок вызывал у нас известные колебания, так как оказалось невозможным механически придерживаться сколько-нибудь строгого правила. Ни алфавитный принцип, ни хронологическая иерархия смысла не имели; столь же бесплодной явилась бы и попытка тематического размещения материалов. Публикаторы вынуждены были в конечном счете полагаться исключительно на собственное усмотрение. Но вдумчивый читатель, смеем надеяться, уловит внутренние нити, связывающие разрозненные компоненты нашей книги, и почувствует общность проблематики, лежащей в ее основе.

В заключение мы хотели бы выразить глубокую благодарность лицам и учреждениям, поддержавшим нас в этой работе. Особо значительную роль на всех этапах подготовки этой книги сыграли многочисленные критические замечания и консультации Г.П. Струве (Беркли), острого наблюдателя, непосредственного участника и первого летописца литературной жизни русского Зарубежья. Неоценимую помощь предоставили нам наши друзья, коллеги и терпеливые читатели книги в рукописи — Г. Баран (Нью-Йорк), Е. Бешенковский (Нью-Йорк), Эдвард Браун (Стэнфорд), Б.С. Вассерман (Иерусалим), С.Г. Исаков (Тарту), С.А. Карлинский (Беркли), И. Лилли (Новая Зеландия), Х. Мак-Лейн (Беркли), Дж. Мальмстад (Нью-Йорк), Н.В. Рязановский (Беркли), А. Сумеркин (Нью-Йорк) и Т. Эммонс (Стэнфорд), а также персонал архива Гуверовского института и его заведующий Милорад Драчкович. С искренней признательностью вспоминаем мы о содействии, оказанном нашей работе Еврейским университетом в Иерусалиме и Калифорнийским университетом в Беркли (его Центром по славянским и восточно-европейским исследованиям и Комитетом по научным исследованиям). Без них всех — книга наша не могла бы быть завершена.

Беркли — Иерусалим — Стэнфорд

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глеб Струве. *Русская литература в изгнании*. Нью-Йорк, 1956.

² *The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West. 1922—1972*, ed. Simon Karlinsky and Alfred Appel, Jr. (University of California Press, 1977); *Русская литература в эмиграции. Сборник статей*. Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. См. также: *Одна или две русских литературы?* Женева, 1981; Robert C. Williams. *Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany, 1881—1941* (Cornell, 1972).

³ Gleb Struve, «The Double Life of Russian Literature», *Books Abroad*, 28, No. 4 (Autumn, 1954), pp. 389—406, and «Russian Writers in Exile: Problems of an Emigré Literature», *Comparative Literature*, Vol. II. Proceedings of the Second Congress of the International Comparative Literature Association at the University of North Carolina, September 8—12 (UNC Studies in Comparative Literature, No. 24, University of North Carolina Press, 1959), pp. 592—606; Ник. Андреев. «Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (опыт постановки темы)», *Русская литература в эмиграции*. Питтсбург, 1972, стр. 15—38; Николай Арсеньев. «Эмиграция — на фоне России», *Возрождение*, № 191 (1967), стр. 77—83; Ф. Больдт, Д. Сегал, Л. Флейшман. «Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX века. Тезисы», *Slavica Hierosolymitana*, III (1978), pp. 75—88.

⁴ Обоснование их содержится в работе Р.Д. Тименчика «К изучению русской поэзии XX века». *Тартуский университет. Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика*. Тарту, 1971, стр. 58—59.

⁵ *История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель*. М.—Л., 1963; А. Тарасенков. *Русские поэты XX века*. М., 1966; *Литературно-художественные альманахи и сборники*, т. 3, 4. М., 1959—1960; Б.Л. Кандель, Л.М. Федюшина, М.А. Бенина. *Русская художественная литература и литературоведение. Указатель справочно-библиографических пособий с конца XVIII века по 1974 год*. М., 1976; *Русские советские писатели. Прозаики*. Т. 1—7. Л.—М., 1959—1972; *Русские советские писатели. Поэты*. Т. I (М., 1977); *Библиография русской зарубежной литературы. 1918—1968*. Составитель Л.А. Фостер. Т. 1—2. Бостон, 1970 и др.

⁶ Nicolaevsky Collection, No. 72.

⁷ Р.Б. Гуль. «Я унес Россию», *Новый Журнал*, 136, 1979, стр. 94—95. До какой степени точна эта справка Р.Б. Гуля — трудно судить, так как эмигрантские материалы в советских архивах нам остались недоступными. Однако многочисленные документы коллекции Н.В. Зарецкого (и между ними — автографы опубликованных в журнале Ященко автобиографических заметок А.Н. Толстого, Есенина и Ходасевича) поступили в Бахметевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк).

БЕРЛИНСКИЕ ЖУРНАЛЫ
А.С. ЯЩЕНКО

А.С. ЯЩЕНКО И ЕГО ЖУРНАЛЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО БЕРЛИНА

А.С. Ященко родился в Ставрополе 24 февраля 1877 года. В 1895 году он окончил Ставропольскую классическую гимназию и поступил на математический факультет Московского университета. В 1896 году он перевелся на юридический факультет, который и окончил в 1900 году. По окончании курса Ященко был оставлен при университете по кафедре международного права для подготовки к профессорскому званию.

В студенческие годы Ященко познакомился с молодыми представителями новаторских течений в русском искусстве — с Брюсовым, Балтрушайтисом, Чулковым. Как и они, он входил в кружок В.А. Морозовой, где, по сохранившимся свидетельствам, прочел доклад о «Докторе Штокмане» Ибсена¹. О знакомстве с Ященко в этот период вспоминает Г.И. Чулков (сам прочитавший в салоне Морозовой реферат о поэзии Брюсова²). По словам Г.И. Чулкова, в начале 1902 года Ященко был привлечен (по недоразумению) по делу московского студенческого Исполнительного комитета и даже сослан на короткое время в Сибирь³. Весной 1903 года, когда Ященко находился в Париже, Брюсов пишет о нем Чулкову: «Очень Вами интересуется здесь А.С. Ященко. Пишите ему. Он полюбился мне еще больше с тех пор, как я узнал его здесь больше»⁴.

В 1905 году Ященко командирован университетом на два года за границу для завершения магистерской диссертации. В Париже он работает в русских литературных и художественных кругах⁵, знакомится с преподавателями русской Высшей школы социальных наук, шлет корреспонденции в русские газеты (Ященко сотрудничал в эти годы в либеральных изданиях *Век* и *Русские Ведомости*). По возвращении в Россию он читал лекции в Московском университете в качестве приват-доцента (1907/08 г). 16 декабря 1908 года Ященко защитил диссертацию на степень магистра международного права⁶, в январе 1909 года был избран приват-доцентом, а в сентябре 1909-го назначен экстраординарным профессором Юрьевского университета по кафедре энциклопедии.

лопедии и философии права. Здесь, в Юрьеве, им была подготовлена докторская диссертация⁷, защищенная 1 февраля 1913 года в Московском университете⁸. В том же году Яценко переходит экстраординарным профессором в Петербургский университет.

Академическую карьеру он сочетает с выступлениями (в качестве критика) в литературных журналах, с близостью к модернистским художественным кругам. Константин Эрберг вспоминает его на маскарадах в доме Сологубов:

Друзья приходили, кто в чем хотел, и вели себя, как кто хотел. Помню артистку Яворскую (Барятинскую) в античном хитоне и расположившегося у ее ног Алексея Н. Толстого, облаченного в какое-то фантастическое одеяние из гардероба хозяйки; помню профессора Яценко в одежде древнего германца, со шкурой через плечо; Ремизова, как-то ухитрившегося сквозь задний разрез пиджака помахивать обезьяньим хвостом, помню и самого Сологуба, без обычного *pinse-nez* и сбрившего седую бороду и усы, чтобы не нарушать стиля древнеримского легионера, которого он изображал, и выглядеть помоложе⁹.

Продолжается его дружба с Г.И. Чулковым (во время работы над романом «Сатана» поселившимся вместе с Яценко в квартире на Тучковой набережной в Петербурге¹⁰), с А.Н. Толстым. В записных книжках Блока мелькает упоминание о встрече с Яценками в Царском Селе¹¹.

В 1915 году в ученых записках Юрьевского университета вышел большой библиографический труд Яценко, до сих пор служащий незаменимым подспорьем для специалистов¹². Это был фрагмент подготовленного Яценко громадного библиографического свода по истории философии «Русская библиография по философии и религии с начала письменности и по наши дни», предполагавшегося к изданию в 1918 году в московском религиозно-философском издательстве «Путь»¹³.

Во время революции Яценко примыкал к литераторам и философам, группировавшимся вокруг московского журнала *Народоправство* (Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, Вяч. Иванов, Георгий Чулков, Н.А. Бердяев и др.). В 1917/1918 году он стал ординарным профессором Пермского университета. Весной 1919 года Яценко получил «научную командировку»¹⁴ от Пермского университета и прибыл в составе первой советской делегации¹⁵ в Берлин — в качестве эксперта по международному праву. Он отказался вернуться с делегацией в Советскую Россию и стал, по словам М.В. Вишняка, одним из первых «невозвращенцев»¹⁶.

Берлинский период явился и наиболее ярким моментом биографии Яценко, и наиболее многогранным. Здесь Яценко сблизился с В.Б. Станкевичем и стал одним из деятельных участников основанной Станкевичем политической группы «Мир и Труд», сотрудником журнала Станкевича *Жизнь* (1920 г.). С 1920 года он выступал на общественно-политические (и изредка литературные) темы в газете *Голос России* и в выходившем с апреля 1921 года (под редакцией Б.С. Оречкина) журнале *Русский Эмигрант*. Тогда же им была написана книга «Берлинские ночи. Размышления о русской революции», оставшаяся неизданной¹⁷. Летом 1921 года он стал сотрудничать в американском Христианском Союзе молодых людей, организовавшем при своем берлинском отделении «Русские курсы заочного преподавания» (руководили ими П.Ф. Андерсон и А.С. Яценко)¹⁸. Осенью 1922 года курсы начали выпускать журнал *Вестник Самообразования*, редактировавшийся Н.Н. Алексеевым, П.Ф. Андерсеном и А.С. Яценко. Одновременно Яценко принимал близкое участие в различных проектах основывавшегося тогда издательства YMCA-Press.

Но, конечно, наиболее интересной стороной берлинской биографии Яценко явилась деятельность, связанная с основанием в 1921 году и изданием журнала *Русская Книга*. Журнал выходил вначале при крупнейшем тогда в Берлине русском книжном магазине «Москва»¹⁹. В 1921 году вышли девять номеров журнала. В 1922 году Яценко с журналом перешли в издательство И.П. Ладыжникова; книготорговая фирма «Москва» продолжала выпуск бюллетеня под названием *Вестник русского книжного рынка*²⁰. В 1921—1923 годах Яценко становится одной из центральных фигур берлинской русской литературной жизни. Журнал его приобретает значение бесспорного справочного центра по текущей русской литературе — и в глазах эмиграции, и в глазах литераторов, оставшихся в Советской России. Яценко — активный и авторитетный участник образованного в 1921 году в Берлине «Дома Искусств». Он выступает на литературных вечерах Дома Искусств и (созданного в противовес Дому Искусств осенью 1922 года²¹) Клуба писателей и поддерживает дружеские контакты с представителями самых противоположных, нередко враждебных литературных и политических кругов. Напряженный и постоянный интерес сам Яценко и его журнал питали к событиям культурной жизни, происходившим в Советской России, и *Русская Книга* стала одним из первых и наиболее полных источников информации о новостях русской литературы по обе стороны границы.

Не соглашаясь со сменовеховцами по некоторым центральным пунктам их платформы, Яценко сотрудничал в сменовеховской га-

зете *Накануне* и (после отъезда организаторов газеты в СССР) редактировал ее приложение — *Иностранная Жизнь*. В середине 20-х годов, вместе с Р.Б. Гулем и С.К. Гогелем, Яценко работал в немецком издательстве «Taugus», где готовил к выпуску двуязычные словари. На протяжении 20-х годов он колебался относительно возвращения в Россию, и следы этих колебаний обнаруживаются и в публикуемых в нашем томе письмах к нему (Г. Алексеев, В.П. Белкин, А.Н. Чеботаревская, А.Н. Толстой). В изданной в 1930 году (когда никаких колебаний Яценко уже не испытывал и выбор был сделан окончательно) мемуарной книге *Годы странствий* старый его приятель Георгий Чулков приписал ему «географический патриотизм» и привел давнишнее письмо Брюсова, где рассказывается о восхищении Яценко брюсовскими строками «Я люблю тебя, Россия, за торжественный простор: Ты, как новая стихия, царство рек, степей и гор...»²².

С осени 1924 года Яценко, назначенный ординарным профессором юридического факультета Каунасского университета, заведующим кафедрой международного права, поселился в Литве. Это назначение было им получено благодаря знакомству с Августином Иосифовичем Вольдемаром (Augustinas Voldemaras), выдающимся литовским государственным деятелем²³. Здесь Яценко выпустил на литовском языке несколько работ по международному праву, в том числе капитальный труд *Tarptautinės teisės kursas. Pirmasis tomas. Konstitucinė tarptautinė teisė* (Kaunas, 1931) (*Курс международного права. Т. I. Международное конституционное право*). В то время в Каунасском университете работало несколько друзей и коллег Яценко, русских профессоров, — в том числе В.Б. Станкевич (на кафедре уголовного права), П.П. Гронский (кафедра всеобщей истории), философы В.Э. Сеземан и Л.П. Карсавин. От эмигрантской литературно-общественной жизни Яценко отошел полностью. В марте 1932 года с ним встретился в Берлине А.Н. Толстой (впервые, после возвращения в Россию в 1923 г., выехавший в Европу). Об атмосфере, в которой прошла эта беседа, отчетливо говорит дневник писателя, процитированный в монографии Ю.А. Крестинского: «Яценко проворонил Россию, — занес Толстой в дневник после этой встречи. — Потому и обиделся, что почувствовал вдруг, что — нуль, личная смерть, а Россия обошлась без него»²⁴. Умер Яценко 10 июня 1934 года в Берлине²⁵.

Общий портрет Яценко приведен в новейшей мемуарной книге Гуля. По словам Гуля, «профессор международного права А.С. Яценко был колоритной фигурой. И полной противоположностью В.Б. Станкевичу, типичному интеллигенту, немного не от мира сего.

Ященко — крепкий *желец*, без всяких интеллигентских “вывихов”. Среднего роста, крепко сшитый, физически сильный, с лысым черепом и невыразительным лицом, Ященко был уроженец Кубани»²⁶. Суммарную «идеологическую» характеристику его дал М.В. Вишняк в мемуарном описании встречи в 1909 году у профессора П.И. Новгородцева, где собрались его ближайшие ученики и единомышленники: «Среди собравшихся находились знакомые мне Ильин и Алексеев. А среди неизвестных внимание мое привлек Ященко, Александр Семенович. Он интересовался проблемами федерации и развивал идеи, близкие к анархизму. По существу же, он был ярко выраженным типом оппортуниста»²⁷.

Р.Б. Гуль свидетельствует, что термин «оппортунист» («человек, приспособляющийся к обстоятельствам») имел обыкновение применять к себе сам Ященко²⁸.

Насколько обоснована эта характеристика, можно судить по истории его общественно-издательских антреприз берлинского периода.

* * *

Генезис журнала *Русская Книга* следует искать в политической концепции, выдвинутой группой В. Станкевича «Мир и Труд» в 1920 году. Самими участниками группы платформа ее характеризовалась как «культурное примиренчество»²⁹. Несмотря на то, что просуществовала группа короткое время (около года), значение ее в истории эмигрантского движения несомненно. Зародившись в 1919 году, еще до начала массовой русской эмиграции в Берлин, и сложившись в период, когда еще продолжалась Гражданская война в России, организация Станкевича выросла в среде русских военных, интернированных в Германии, как обоснование отказа от участия в братоубийственной войне на чьей бы то ни было стороне. Как писал В.Б. Станкевич в очерке «История возникновения организации *Мир и Труд*», в начале 1920 года, в момент ликвидации армий Колчака, Деникина, Юденича и Бермонта, эти настроения оформились окончательно, и «в Берлине, в стороне от политических центров, где творилась русская заграничная политика, сорганизовался небольшой кружок единомышленников, решивших под знаменем “Мир и Труд” вести борьбу с духовной разрухой, причиненной войной международной и гражданской»³⁰. Группа выпустила рукописное, а затем и печатное воззвание, брошюру «Мир и Труд» (на русском и на немецком языках), а с апреля (по октябрь) 1920 года стала издавать и журнал, вы-

ходивший в Берлине под названием *Жизнь* (редакторы — В.Б. Станкевич и В.В. Голубцов). В том же году в издательстве И.П. Ладыжникова вышли *Воспоминания* В.Б. Станкевича о 1914—1919 годах³¹, «исторически» обосновывавшие программу берлинского кружка³². Текст печатного воззвания³³, излагающего платформу организации, в июле 1920 года был помещен в журнале *Жизнь*³⁴, а также в газетах. Среди подписавших его — председатель комитета организации В.Б. Станкевич и его заместитель В.В. Голубцов, члены комитета — редакторы берлинских газет *Время* Г.Н. Брейтман и *Голос России* С.Я. Шклявер, А.С. Ященко, совсем молодые и совершенно безвестные в то время литераторы Р. Гуль и Ю. Офросимов, юристы Г.Л. Ландау (умерший в том же 1920 г.) и Н.Н. Переселенков и др. Помимо берлинцев, к программе присоединились находившийся тогда в Варшаве журналист А. Вольский, один из первых советских перебежчиков-невозвращенцев М. Смильг (Бенарио)³⁵, известный до революции литературовед проф. Е.А. Ляцкий, тогда находившийся в Стокгольме, а позднее поселившийся в Праге³⁶, В. Горвиц-Самойлов — редактор газеты *Варшавское Слово* и К.М. Вальницкий — редактор львовской газеты *Прикарпатская Русь*.

Центральным пунктом этой программы, объединившей представителей различных в прошлом политических течений, был лозунг прекращения Гражданской войны и восстановления мира в России, возобновления нормальной, созидательной жизни в стране. Утверждая «недемократичность и нежизненность правового и хозяйственного режима Советской власти в России», участники организации выступали в то же время против иностранной интервенции и приходили к выводу о том, что «путем вооруженной борьбы и насилия создать демократическую государственность и единство России нельзя. <...> Продолжение этой борьбы грозит гибелью остаткам русской культуры, вымиранием населения и развалом страны». В условиях продолжавшейся Гражданской войны и кровавого террора группа «Мир и Труд» провозглашала веру в «неотвратимость конечной победы идей человечности и практичности». Отвергая обвинения в пацифизме и толстовстве, она уверяла, что существующие технические и общественные условия делают войну нецелесообразной, что сами большевики в России неминуемо убедятся в том, что великие социальные лозунги равенства и братства людей только дискредитируются в реальных условиях подавления гражданских прав и жестокого террора и что вместо «государства будущего» нынешняя практика российского государства возвращается, по существу, к нормам «аракчеевской казармы». Группа «Мир и Труд» апеллировала к со-

ветским властям с тезисом, что обеспечение политических свобод и гражданских прав, прекращение террора укрепили бы саму существующую в России государственную власть. «Революция так истосковалась по мирной работе, что примет любой политический строй, который обеспечит возможности производственного труда», — заявлял Станкевич³⁷. Надежды возлагались на мирную эволюцию большевизма, самой практикой хозяйственной, творческой деятельности сумевшего бы вернуться к здоровым, органическим основам русской национальной государственной жизни.

Эта программа вызвала резкие нападки и справа, и слева: как говорил Станкевич, левые подозревали «Мир и Труд» в контрреволюционности, правые — в симпатиях к большевизму и капитуляции перед ним³⁸. Между тем, предвосхищая своим «позитивным» пафосом программу вскоре оформившегося сменовеховства³⁹, члены группы «Мир и Труд» практически оказались вне идейного ядра *Накануне* (хотя Ященко и Гуль вошли впоследствии, после отъезда в Россию ведущих сотрудников газеты, в ее редакцию). В.Б. Станкевич, безусловная политическая честность которого и принципиальная верность либеральным идеалам русской интеллигенции подчеркивается всеми мемуаристами, вне зависимости от их политической ориентации и отношения к деятельности «Мира и Труда»⁴⁰, в программной статье «Под новым лозунгом» писал:

«Ни к красным, ни к белым!
Ни с Лениным, ни с Врангелем!»

— так звучат лозунги русской левой демократии.

Многим кажутся странными эти лозунги. «Красное» и «Белое» покрывает всю Россию без остатка. Отрицать и то и другое — не значит ли отрицать всю Россию? <...>

А зачем выбирать? Не пора ли безнадежный анализ, разборчивость, разрушающую критику заменить творческим, созидающим синтезом? Если можно было отрицать всю Россию, то почему же нельзя ее всю принять и признать? Что, если рискнуть, и вместо «ни к красным, ни к белым», поставить смелое, гордое и доверчивое:

«и к красным, и к белым!»

И принять сразу и Врангеля, и Брусилова, и Кривошеина, и Ленина⁴¹.

Политическая иллюзорность программы группы Станкевича — первой «политически окрашенной ячейки» берлинской эмиграции⁴² —

выразилась в скором прекращении деятельности журнала и — в начале 1921 года — самой группы. Когда Берлин стал центром сменовеховского движения, лидер «Мира и Труда» В.Б. Станкевич предпочел неучастие в сменовеховских изданиях рискованной попытке реализации утопических лозунгов 1920 года и отошел от политической жизни эмиграции⁴³.

Отдел литературы и искусства в журнале *Жизнь*⁴⁴, за исключением единичных появлений Н.В. Дризена (воспоминания о Комиссаржевской), Бориса Григорьева и Евг. Лундберга, опирался на выступления группы молодых писателей. Р.Б. Гуль напечатал здесь куски вскоре получившей громкую известность книги *Ледяной поход*⁴⁵ и интересный обзор о «пролетарской» поэзии в Советской России⁴⁶, Г. Росимов (Ю. Офросимов, 1894—1967)⁴⁷ — ряд стихотворений⁴⁸, рассказ и статью «Грядущий театр» (в 1926 г. в Берлине вышел сборник его рецензий и статей об эмигрантском театре). Ценный очерк о петербургской богеме 10-х годов поместил Федор Иванов — здесь рассказывалось о «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов», вечерах у Гиппиус и литературном кружке «Медный всадник» (видную роль в котором играл Ю.Л. Слезкин), о встрече автора с М. Кузминым и о Борисе Садовском, о Ларисе Рейснер и Каннегиссере. Впоследствии Ф. Иванов выпустил сборник рассказов *Узор старинный* и книгу статей *Красный Парнас* — один из первых эмигрантских откликов на пореволюционную русскую литературу. Центральными и наиболее симптоматическими явлениями текущей культуры в *Красном Парнасе* назывались имажинизм и «пролетарская» поэзия, причем утверждалась декадентская природа первого и (вслед за приехавшим в Берлин в 1921 г. Андреем Белым) жизненность поэзии, рожденной четвертым сословием:

Я далек от мысли быть сторонником идеологии этого сословия и его поэзии. Мне чужды пролетарские Буало и их l'art poétique, но все же должен признать, что пролетарская поэзия тот здоровый источник, мимо которого не пройдет замутившая последним безвременьем русская литература⁴⁹.

С рассказом и со статьей «Писатели за рубежом» выступил в журнале А. Дроздов⁵⁰. В ней Дроздов писал:

Дурно ли, хорошо ли, но русская политическая мысль в дни русского изгойства бьется за границей. Дореволюционные партии, в большинстве нежизнеспособные, так как дышали затхлым воздухом подполий, зовут по-прежнему к своим дорогам, в большинстве не торным, потому что по ним ни разу еще не гремела государственная телега. Политические группы, либо

меня окраску, либо гримируюсь старыми карандашами, будят среди эмигрантов полуразбитые силы и апеллируют к скептическому мнению Европы.

Но в одиночку, как это было и при царизме, сиротливо и вяло живут выкинутые за борт Советской России писатели. Странна их судьба: вечно одиноки, разъединены, часто враждебны <...>

Война и революция застали писателей врасплох, разметали и раскидали их по далеким границам.

Для ликвидации этого положения Дроздов предлагал меры, частично реализованные в Берлине в ближайшие месяцы:

Нужно вызвать к жизни литературный комитет в одном из центров Европы, наладить выход периодических или непериодических литературных изданий, открыть кооперативное издательство, кассу взаимопомощи. Нельзя верить, чтобы в годы безудержных национальных испытаний могла молчать русская литература, всегда шедшая впереди нации и неугасимым фонарем своим освещавшая ей дорогу⁵¹.

Прямым откликом на эти призывы «собирания» русской литературы и явился замысел журнала Яценко *Русская Книга*⁵². Задача «объединения» литературы воспринималась современниками как беспрецедентная по культурному значению и по смелости организации — в условиях крайней политической и географической раздробленности нации. Наибольший вес в тот момент первоначального существования журнала получал раздел «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1920 гг.». Для исследователей, историков русской литературы этот раздел журнала и сейчас продолжает служить незаменимым источником (в большинстве случаев надежных) сведений о судьбе, перемещениях, работе и замыслах не только крупных, прославленных литераторов, но и второстепенных, бесследно исчезнувших впоследствии из анналов русской литературной жизни. Но для современников этот раздел был в начале 1921 года более чем справочным бюро: он служил доказательством непрерывности культуры, ее существования в беспримерных условиях Гражданской войны и государственной смуты. Журнал Яценко принял на себя функцию организационного объединения рассеянных по разным уголкам земного шара литераторов, ученых, работников книги.

Замечательно при этом, что задачу журнала Яценко видел как раз в том направлении, где потерпела поражение организация «Мир и Труд». То, что не удалось ей в сфере политической, Яценко пытался осуществить в области культуры, книги. В четвертом номере своего журнала он писал:

Всякому, кто беспристрастно размышляет о наших русских делах, к какому бы политическому направлению он ни принадлежал, ясно одно, — и здесь нет двух разных мнений, это, кажется, единственное, в чем согласны все: — какая бы власть ни утвердилась в России, останется ли нынешняя власть, видоизменится ли, «эволюционирует» ли она, придет ли другая на смену ей из недр революции, будет ли она опрокинута к<аким>-н<ибудь> оппозиционным движением (социалистическим крестьянским, демократическим, монархическим или еще каким), независимо от характера этой власти, ей придется работать над воссозданием и возрождением России <...>

Обедневши и обнищавши материально, русский народ — горьким опытом, тяжким путем исторического испытания — обогател духовно <...> Новая Россия, какова бы она ни была, будет более *просвещенной*. И решающее значение в этом просвещении будет принадлежать, конечно, книге⁵³.

Программа журнала отличалась подчеркнутой, принципиальной беспартийностью и намеренной аполитичностью. В ней провозглашалось неразрывное единство культурной работы, где бы она ни протекала:

Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и на эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах. И мы будем стремиться к тому, чтобы наш журнал получил доступ и в Россию. Для того, чтобы наилучшим образом достигнуть этой цели, мы будем оставаться вне всякой политической борьбы и вне каких бы то ни было политических партий⁵⁴.

Центральный — справочный — раздел первых номеров поразил читателей⁵⁵. То, что именно этот раздел выглядел в тот момент особенно неотложным, иллюстрируется перенесением отдела критики и рецензий (объявленного с самого начала журнала) во второй номер, «вследствие обилия фактического и чисто биографического материала»⁵⁶. За сухими строками скупых справок скрывались душевраздирающие для современников новости (расстрелян или уцелел писатель, арестован ли в Одессе, нищенствует ли в Константинополе или Риме). То, что историку может показаться бессодержательной ремаркой: «N живет в Алуште», — несло бесконечно более глубокую информацию: решил не уезжать или не смог уехать при эвакуации Крыма, попытки вырваться в столицы, оторванность от издательств, вероятность голода, угроза ареста и т. д. Поскольку пресса периода Гражданской войны, где бы ни издавалась книга или газета, представлена в основных хранилищах СССР и Запада с невосполнимыми лакунами, сведения, рассыпанные на страницах журнала Яценко, во многих случаях являются если не единственным, то исходным источ-

ником наших знаний о данном периоде. Цель справочного раздела своего журнала Яценко видел не в конструировании свода безликих справок, их ремесленной регистрации. Он был для него способом организации литературной жизни, попыткой доведения (в существующих условиях) рукописи до читателя, включения ее в «диалог» с историей, спасения от небытия. Отсюда в биографических справках журнала упоминания не только об изданном, но и о невышедших и ищущих издателя книгах.

Хроника вообще выдвинулась в русской литературной журналистике начала 20-х годов на одно из самых почетных мест. У нас нет другого периода в истории русской литературы и печати, когда целые страницы литературных журналов отводились бы мелким хроникальным фактам. Это само по себе служит иллюстрацией специфических условий функционирования литературы в данный момент. Хроника не только доминировала в *РК* и *НРК* — она присутствует в петербургских *Доме Искусств*, *Литературных Записках*, *Летописи Дома Литераторов*, в московских *Жизни и Печати и Революции*, пражской *Воле России*. Часть хроникальных заметок кочевала из журнала в журнал — так, в третьем номере *Летописи Дома Литераторов* (1 декабря 1921) приводятся справки *РК* об Аничкове, Бурлюке, Волошине, Добронравове, Елпатьевском, Потемкине.

Не случайно поэтому «жанровое» переосмысление этого явления у Алексея Ремизова, одной из наиболее ярких фигур русской литературы нового времени. Это переосмысление шло у Ремизова в русле его игровой концепции «литературной жизни», как основанной на «сплетне». Пяст рассказывает в воспоминаниях, относящихся к периоду 900-х годов:

Ремизов открыл мне секрет: «Сплетня, — говорил он, — очень нехорошая вещь — вообще, в жизни, в обществе; но литература только и живет, что сплетнями, от сплетен и благодаря сплетням».

И он любил распространять слухи о каких-нибудь не имевшихся в виду ни воображаемым женихом, ни воображаемой невестой сватовствах; и о каких-нибудь, действительных или мнимых, ссорах из-за какого-нибудь нелепейшего «лисьего хвоста» и т. д. и т. д. без конца⁵⁷.

Мемуаристы предупреждают об «испорченности» хроникальных заметок русской берлинской прессы мистифицирующими ремизовскими вторжениями (ср. хронику в *Бюллетенях Дома Искусств*, 1922, и в газете *Голос России*). Подчас стилизаторские или прямо пародийные ремарки вкраплены в «нормальный» текст — так, внезапно

обнаруживая на фоне нейтральных анонимных газетных справок⁵⁸ хвастливую фразу типа: «А.М. Ремизов подготавливает с *обширнейшими комментариями* свою переписку с В.В. Розановым» (о «Кукхе») или сенсационное сообщение: «Известная художница Л.М. Козинцева заканчивает большой труд — апологию “конструктивизма”, озаглавленную “Она не перестала вертеться”. В художественных кругах книга вызывает много толков: выходит в издательстве “Макабуз”»⁵⁹, — трудно сомневаться в источнике этих свидетельств.

Хроникальный раздел *РК* демонстрирует размах организационной деятельности редакции. Просматривая журнальную хронику номер за номером, историк литературы не только уловит определенный исторический пафос, лежащий в основе этой деятельности, но и получит возможность проследить перипетии писательских судеб на протяжении освещенного журналом периода. Публикуемые в нашем томе материалы позволяют увидеть в этих страницах журнала не статическую мозаику бесхарактерных и невзрачных справок, но действительное столкновение «судьбы» и «слова», факта и вымысла, «лицевого», объявляемого факта и его подоплеки. Сопоставление с архивными материалами показывает, сколь опасными последствиями могло обернуться для литератора хроникальное сообщение о нем или хотя бы неуместное упоминание — или забвение — его литературного имени — ср. письма Кречетова и Чайнова. Само собой разумеется, что как и все документы, напечатанные в журнале справки (пользуясь словами Тынянова) «врут как люди» — или не могут не умалчивать. Приведем, в качестве примера, справку о художнике Арнштаме, появившуюся в первом номере *НРК* за 1922 год (стр. 37). Справка эта основана на (анонимном) автографе, сохранившемся в архиве *НРК*⁶⁰. Текст приводим по автографу, указывая в квадратных скобках вычеркнутые перед набором и не вошедшие в печатную справку куски:

Александр Мартынович Арнштам, художник [— один из лучших современных графиков], до 1919 года жил и работал в Петербурге. В 1917 г. заведовал художественн. отделом Издател. Скобелевского Просветител. комитета, редактировал художеств. часть «Свободного Журнала». В 1918, 1919 гг. был членом отдела Комисс. Народного Просвещ., редактировал про-изв. Пушкина. Отдельные произведения Пушкина должны были быть изданы с иллюстрациями Александр. Бенуа, Б. Кустодиева, В. Замирайло, Д. Митрохина, А. Арнштама и др. Одновременно А. много работал в Петроградск. Отдел. Государственн. Издател., где между прочим [работал] над [отдельными] обложками для Полного собрания сочинений. [В декабре 1919 г. художник Арнштам был впутан Петр. Ч.К. в большое дело и, не-

смотря на хлопоты М. Горького, А. Луначарского и др. видных деятелей, которым Ч.К. на запросы отвечала, что у А. нет личного дела, он нужен в качестве свидетеля и «на днях будет освобожден» — тем не менее продержали его до конца дела, т. е. до августа 1920 года. За девять месяцев им написан дневник, рисующий жизнь Ч.К. и Бутырской тюрьмы.] В 1920 г. Арнштам переехал в Москву. Был приглашен консультантом художеств. отдела Государств. Издательства. Им сделан целый ряд книжных украшений, между прочим обложки для: «Дневник Пушкина» издан. Румянцевского Музея, В. Брюсова «В такие дни», А. Луначарского «Фауст», «Город» — и др. издан.

В настоящее время А. [находится с семьей в Риге (Hôtel Commerce) и намеревается ехать в Париж] в Берлинс (Motzstrasse 37. Hôtel Hager).

Как видно по приведенным исправлениям, в «лицевой» справке *HPK* оказалось полностью исключенным упоминание об аресте художника и нависшей над ним опасности. Трудно сказать, кто был инициатором (и каковы были причины) этого изъятия — редакция, стремившаяся уклониться от ввода всякого рискованного политического материала, либо сам художник, только что выбравшийся из Советской России и избегавший возможных кривотолков или причинения вреда друзьям⁶¹.

В связи с тем, что для историков литературы *HPK* сохраняет значение одного из главных справочных изданий по первой трети XX века, — встает вопрос, в какой степени «авторитетными» могут считаться сведения, сообщенные журналом. Или, точнее, какова степень «авторизованности» их. Насколько мы можем судить по собранным в архиве Николаевского бумагам, абсолютное большинство справок восходит к самим лицам, упоминаемым в хронике «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов». Более того, редакция положительно стремилась к «авторизованности» сведений, помещаемых в этом разделе, и многие справки, содержащиеся в сохранившейся переписке редакции, так и не попали на страницы хроники. Это правило авторизации — не абсолютно; в особенности на начальном этапе существования журнала сведения, сообщаемые «третьими лицами», допускались в хронику. Об этом говорит, например, публикуемое нами письмо Амфитеатрова-Кадашева; справки о Н.Ф. Олигере и Степном (И.А. Белоозерцеве) в шестом номере *PK* восходят (как и справка здесь же о нем самом) к письму С.Ф. Гортинского, справки о А.М. Гневушеве, Л.А. Зандере, А.Я. Гане — в четвертом номере *PK* — к А.М. Большакову (см. здесь же его авторскую справку); справки о «римлянах» Г.И. Шрейдеру, К.Л. Вейдемюллеру, А.Г. Айзенштадте, кн. А.М. Волконском, А.Н. Колпинской, Н.И. Петровской,

Мих. Френкеле, К. Кочаровском во втором номере *РК* — к Михаилу Первухину⁶²; сведения о работавших в Крыму ученых в хронике № 1 и 2 *НРК* за 1922 год — к П.С. Гальцову⁶³. В.И. Забржежев (см. справку о нем самом в *РК*, № 5) дал сведения об анархистах проф. А.А. Карелине (*РК*, № 3) и поэте Всев. Мих. Эйхенбауме (*РК*, № 4) — брате известного литературоведа, виднейшего представителя «формальной школы»; Е.А. Зноско-Боровский — о И.И. Бунакове, Мережковских, Тэффи и Пилленко в *РК*, № 1; М.Я. Лазерсон послал 18 апреля 1921 года из Риги справку о своем друге Питириме Сорокине (*РК*, № 5, стр. 24), журналист В.Е. Ландсберг — о литераторах, работавших на Урале и Дальнем Востоке, Н.Н. Асееве, С.М. Третьякове, А.А. Богданове, Г.Г. Младове (*РК*, № 4); Е.Г. Лундберг в письме от 21 ноября 1920 года предложил редакции справки об Иванове-Разумнике, Бальмонте и Шестове (см. *РК*, № 1). И все же стремление редакции к предпочтению авторских свидетельств вырисовывается совершенно определенно. Самое яркое и красноречивое исключение из этого — материалы о литераторах в Советской России в пятом номере *РК*. Они представлены в журнал только что приехавшим в Париж из Москвы И. Эренбургом и, как бы ни были в большинстве случаев скупы или даже, на внешний взгляд, «бессодержательны», — были тотчас обнародованы Ященко. Эренбургу здесь принадлежат справки о Н.Я. Абрамовиче, Адалис, И.А. Аксенове, Кларе Арсеньевой, Н. Архиппове, Н.С. Ашукине, Ю.К. Балтрушайтисе, Н.А. Бердяеве, А.А. Блоке, С.П. Боброве, К.А. Большакове, Н. Бромлее, В.Я. Брюсове, А. Белом, В.В. Вересаеве, Н. Венгрове, М.А. Волошине, В. Волькенштейне, Черубине де Габриак, М. Герасимове, Э. Германе, А. Герцык, В.А. Гиляровском (слово «поэт» вставлено редакцией), С. Городецком, Л.Я. Гуревич, Б.А. Диксе (ср. письмо Эренбурга к Ященко от 27 июня 1921 г.), С. Есенине, Б.К. Зайцеве, М. Зенкевиче, Е. Зозуле, В.И. Иванове, Вере Инбер, В. Казине, В.В. Каменском, Вячеславе Ковалевском, П.С. Когане, М.А. Кузmine, Е.Д. Кусковой, Б.К. Лившице, К.А. Липскерове, О.Э. Мандельштаме, А. Мариенгофе, Маяковском, Мейерхольде, П.П. Муратове, И.А. Новикове, М.А. Осоргине (в редакции добавили первую и последнюю фразу заметки), Н.А. Павлович, С.Я. Парнок, Б. Пастернаке, Г.Н. Петникове, В.П. Полонском, В. Пясте, А. Радловой, С.Я. Рафаловиче, Ремизове, Юрии Слезкине, Юрии Соболеве, Андрее Соболе, Ф.К. Сологубе, Ф.А. Степуне, К.А. Треневе, Я. Тугендхольде, Хлебникове, Ходасевиче, Цветаевой, К. Чуковском, Чулкове (первые два предложения), А.А. Чумаченко, Т. ЧуриLINE, М. Шагинян, В.Г. Шершеневиче (кроме последнего предложения), М. Шкапской, В. Шкловском, В. Шкля-

ре, А.М. Эфросе, Н.Е. Эфросе — и о себе самом. В большинстве случаев это были либо первые упоминания этих авторов на страницах журнала Яценко, — либо единственные. Нам неизвестен ни один другой пример подобного рода, когда хроника *РК* покоилась бы в таком значительном объеме на показаниях одного источника. Объясняется это, конечно, тем голодом по сведениям из Советской России, которым страдали все зарубежные печатные органы.

Но появление Эренбурга обозначило и вообще крутой перелом в журнале. До него «литературный» — не чисто библиографический — аспект журнала сводился к рецензиям; в этом разделе доминировали заметки молодых берлинских беллетристов, участников журнала *Жизнь* в 1920 году — А. Дроздова и Ф. Иванова. Статьи И. Эренбурга в *РК* позволили Яценко уменьшить удельный вес справочно-регистрационного материала, журнал приобрел более «литературный» характер, причем в лице Эренбурга редакция нашла не просто авторитетного информатора об «экзотических» событиях текущей художественной жизни в России, но убежденного, последовательного пропагандиста русского молодого искусства в его наиболее радикальных проявлениях. Бесстрастная, объективная справка стала уравновешиваться литературным манифестом. При этом с эстетической декларацией выступал представитель авангарда, в политическом отношении независимый и, скорее, пользовавшийся в тот момент репутацией антибольшевистской (ср. близость Эренбурга к Савинкову в 1917 г.), чем просоветской. Его пропаганда современного русского искусства шла под тем же лозунгом, который *РК* выдвинула с первых дней своего существования, — *au-dessus de la mêlée*⁶⁴.

Статьи Эренбурга решительно изменяли концепцию литературной современности, сложившуюся у Яценко⁶⁵: проповедью «конструктивистских» тенденций в молодом искусстве и литературе Эренбург разрушал культ символизма и мирискусничества у Яценко в 1921 году. Если Яценко, заявляя о подъеме поэтического творчества в период Гражданской войны, выдвигал в качестве симптоматического примера Волошина:

Максимилиан Волошин, сидя у себя в Коктебеле, пишет апокалипсически-сильные стихи о новой смуте на Руси и подымается в них иногда на неожиданную и жуткую высоту, — ⁶⁶

то для Эренбурга Волошин — как и Брюсов и Бальмонт — вне живой современной поэзии потому, что они «сохранили неподвижность» и предпочли «статическую позу преждевременных памятников». «Но

как бы ни были велики их общепризнанные заслуги, не они ныне олицетворяют современную поэзию»⁶⁷.

Положение о том, что русская культура не умерла в Советской России, об интенсивности и ценности художественных исканий там (выдвинутое в статьях Эренбурга) стало господствующим в журнале со второй половины 1921 года, оно проводилось также в статьях Андрея Белого, Ремизова, С. Сумского⁶⁸, Г. Лукомского⁶⁹. Со слухами о рождении новых имен в России Яценко сопоставил выдвинувшегося в 1921 году А. Дроздова, связав с ним надежды на расцвет русской беллетристики и в эмиграции⁷⁰. Но, солидаризируясь с переключением внимания на молодую литературу и противопоставив ее предреволюционным течениям, Яценко отказался принять провозглашенные Эренбургом критерии современности в искусстве. Poleмика с Эренбургом была организована журналом в нескольких планах. Один из ведущих представителей русского художественного авангарда (и теоретик его⁷¹) Иван Пуни опровергал основные постулаты эстетической концепции Эренбурга⁷². В рецензии Яценко на *Хулио Хуренито* утверждалось, что у Эренбурга нет «подлинной любви к будущему», что за проповедями конструктивизма и «грядущей организации и индустриализации жизни» у Эренбурга на самом деле таится «отрицание ради отрицания» и «полное безверье», в которых редактор *НРК* усматривал отсутствие «здоровья»⁷³. А именно «здоровье» вошло в число трех главных требований, которые Яценко предъявил — наряду с «правдивостью (реализмом)» и «моральностью» — искусству в современности⁷⁴. Совершенно неприемлемыми были для Яценко кумиры Эренбурга⁷⁵ в изобразительном искусстве. В области же литературных оценок взгляды Эренбурга в значительно меньшей степени расходились с тактической линией журнала. Как и в отношении к политическим разделениям, в пестрой картине берлинской русской литературной жизни⁷⁶ журнал занял принципиально надпартийную позицию, хотя личные вкусы редактора обозначились с достаточной отчетливостью⁷⁷. Отсюда — обвинения в «какой-то половинчатости» *НРК*⁷⁸, эклектизме редакционной политики⁷⁹. Между тем главным принципом деятельности журнала стало превращение его в трибуну писателей. Со второго номера 1922 года был введен раздел «Писатели — о себе», служивший для противников Яценко вещественным доказательством «преступного» сведения на страницах его журнала несовместимых общественно-литературных деклараций⁸⁰. В этой линии на привлечение писателей к работе журнала⁸¹ проявилась основная установка программы Яценко — обеспечить «единение» русской литературы, «возрождение» ее былого единства. Ту же цель провозгласил берлинский «Дом Ис-

кусств»⁸², в числе инициаторов создания которого был и Яценко. В начальный период существования этого клуба *НРК* практически оказалась его печатным органом. Прочитанные на первых заседаниях в декабре 1921 года доклады А. Белого о культуре современной России и Ремизова о «петербургской весне 20-го года», сообщение Н.М. Минского о последних стихотворных сборниках Кузмина и Гумилева⁸³ — легли в основу первого номера *Новой Русской Книжки*, после трехмесячного перерыва в октябре—декабре 1921 года вышедшей под видоизмененным названием. «Дом Искусств» объявлял себя «организацией аполитической, преследующей только культурные цели, защиту правовых и материальных интересов деятелей искусства и литературы как за границей, так и в России, связь с писателями, живущими в России»⁸⁴. Аналогичные цели были сформулированы в редакционной статье по поводу возобновления выхода журнала Яценко:

«Новая Русская Книга», по нашему плану, должна быть непосредственным продолжением «Русской Книжки», вышедшей под нашей редакцией в 1921 году <...>

По мере сил своих мы стремились создать из «Русской Книжки» мост, соединяющий зарубежную и русскую печать. Оставаясь в стороне от какой бы то ни было политической борьбы, мы смотрели на русскую литературу, где бы она ни создавалась, *здесь* или *там*, как на единую, и не противопоставляли Эмиграцию Советской России. В сущности, и там, и здесь она болеет одними и теми же болями, — болями нашей темноты, заблужденности, смуты, братоубийственного раздора, и живет одними и теми же надеждами, — на лучшее, свободное и культурное будущее нашей великой родины.

Служить объединению, сближению и восстановлению русской литературы ставит себе задачей и «Новая Русская Книга»⁸⁵.

Но именно эта платформа «аполитизма» и «сплочения» культуры оказалась в 1922 году перед лицом решающих испытаний. В самом конце 1921 года русский Берлин потряс слух о сожжении всего тиража брошюры Л. Шестова «Что такое русский большевизм?» ее издателем — Е.Г. Лундбергом⁸⁶. Скандальность этого разоблачения состояла, в частности, в том, что издатель и автор были связаны долголетней дружбой, Лундберг считал себя учеником Шестова, и оба принадлежали к Вольной философской ассоциации, основанной в Берлине одновременно с «Домом Искусств»⁸⁷. Уничтожение книги Шестова явилось следствием сближения Лундберга с советскими представителями в Берлине. История эта широко освещалась в прессе⁸⁸. Откликом *НРК* на нее явилась лаконичная библиографическая справка: «Шестов, Лев. *Что такое русский большевизм?* Изд. «Скифы». Бер-

лин, 1921 (издание сожжено)»⁸⁹. А в начале марта в газете *Руль* появилось новое сообщение:

Новые полномочия Лундберга (От собств. корреспондента).
Ревель, 6.3.

Здесь получены сведения из Москвы, что сожжение г. Лундбергом книги Шестова заставило советскую власть обратить особое внимание на деятельность его. Берлинскому представительству предложено поставить г. Лундберга во главе наблюдения за поведением писателей и ученых, приезжающих из России и вообще находящихся за границей⁹⁰.

В ответ на это Лундберг направил 25 марта в редакцию газеты *Новый Мир* опровержение (напеч. 26 марта 1922 г.); оно было помещено также в *НРК*:

Письмо в редакцию.

Многоуважаемый Александр Семенович!

В газете «Руль» появилось, под видом телеграммы собственного корреспондента из Ревеля, извещение о том, будто мне предложено Российским правительством наблюдение за учеными и писателями, живущими за границей. Само собой разумеется, что сообщение это является вымыслом от начала до конца.

С совершенным уважением

Евг. Лундберг⁹¹.

Одновременно он послал следующее письмо Ященко:

Berlin 25 марта 1922
Eisenackerstr. 54^{III}

Дорогой Александр Семенович,

я намерен привлечь И.В. Гессена к третейскому суду. Согласие В.Б. Станкевича быть судьей и представителем моих интересов мною уже получено. Позвольте просить и Вас принять ближайшее участие в этом весьма для меня важном деле. Я просил бы Вас — если Вы исполните мою просьбу — сегодня же по возможности снестись с В.Б. Станкевичем, предложить Гессену наметить своего представителя и предать гласности факт привлечения его суду. Ввиду моего отъезда я хотел бы в ближайшие дни дать мои показания по этому делу, которому я придаю значение не только личное, но и общественное.

С искренним приветом,

Евг. Лундберг

По-видимому, тогда же было послано и сопроводительное письмо:

Глубокоуважаемый Александр Семенович,

я бы считал правильным привлечь Гессена и Каминку, как ответств<енных> редакторов «Руля» (см. заголовок газеты).

Обвинение формулировал бы следующим образом:

Систематическая травля — с целью дискредитировать меня в литерат<урных> кругах, — в чем сам Гессен признается в *подписанной* им статье, рассказывающей о провокационном его приеме. Травля сопровождалась нарушением литературной этики и добрых литературных нравов и выразилась во- 1 <первых>: в раздувании истории с книгой Л. Шестова: *книга мною уничтожена не была*, а лишь мое издание этой книги, без нарушения прав или материальных интересов автора.

Во- 2 <вторых> — в сознательном и умышленном распространении заведомо ложных сведений (участие в контрразведке), которые, по мнению Гессена, окончательно позорят меня.

Позвольте Вас просить во всех вопросах юридического характера обращаться к Илье Яковлевичу Хейфецу, проф<ессору> Петерб<ургского> унив<ерситета> (Sietzenburgerstr. 11, Научно-технич<еский> отдел). Пр<офессор> Хейфец — выдающийся юрист, и обещал мне всяческое содействие. Он не откажется присутствовать на Ваших с Влад<имиром> Бенедиктовичем совещаниях и редактировать письма, имеющие юридич<еское> значение.

С искренним уважением

Евг. Лундберг

Оба этих письма сохранились в архиве *НРК* в коллекции Николаевского (№ 72).

Переписка между А.С. Яценко и И.В. Гессеном, относящаяся к организации третейского суда, была опубликована Яценко в газете *Накануне* (№ 34, 1 мая 1922 г., стр. 6)⁹².

Параллельно Е.Г. Лундберг переслал копию переписки Яценко с Гессеном в редакцию *Литературных Записок*, по-видимому, усматривая в этих материалах бесспорное доказательство своей общественной правоты. Но петербургский журнал отказался от их публикации, ограничиваясь заметкой, завуалированным образом от Лундберга отмежевывавшейся:

Редакцией «Литературных Записок» получена от Евг. Лундберга копия переписки между проф. А.С. Яценко и редактором газеты «Руль» И.В. Гессеном по вопросу о привлечении Евг. Лундбергом И. Гессена к суду чести за помещение в газете «Руль» ряда заметок, порочащих имя Евг. Лунд-

берга. Эта переписка по поводу несостоявшегося в конце концов суда чести была воспроизведена в берлинской газете «Накануне», имеющей значительное распространение в России⁹³.

Еще в разгар скандала с Лундбергом, весной 1922 года, русский литературный Берлин был поражен новой литературной сенсацией — присоединением А.Н. Толстого к сменовеховской газете *Накануне*. Этот драматический шаг обозначил не только крутой перелом в литературной судьбе самого Толстого; вслед за ним целый ряд берлинских русских литераторов повернул в сторону сменовеховства. Необходимо отметить, что непосредственным катализатором этого процесса явился приезд в Берлин Пильняка, с энтузиазмом встреченного русским Берлином⁹⁴ и пропагандировавшего в «третьей русской столице» нашествие новой — «мужицкой» — русской литературы. В феврале 1922 года на квартире И.В. Гессена состоялся вечер Пильняка и Толстого⁹⁵. Спустя 4—5 недель сама идея подобной встречи у Гессена показалась бы кощунственной. Литературно-общественная ситуация в русском Берлине стала резко изменяться.

Одним из признаков этого была стремительная эволюция общественно-политических позиций А.Н. Толстого. Поскольку она достаточно полно освещена в научной литературе⁹⁶, мы коснемся только тех ее аспектов, которые имеют прямое касательство к публикуемым нами в настоящем томе материалам. Значение этих материалов состоит как раз в том, что в них специфически преломляются *отношения* «эмигрантской» и «метропольной»⁹⁷ частей русской литературы. Трудности исторической интерпретации и квалификации участников «литературного Берлина» начала 20-х годов вытекают из того факта, что одни и те же лозунги и формулировки — например, лозунг национального единства русской литературы, близости ее «возрождения», утверждение ее мессианической функции, требование «аполитичности» и т. д. — проходя через весь спектр общественно-политических платформ эмиграции и пересекая границу в «метрополию» — получали всякий раз новую идеологическую окраску и выражались в диаметрально противоположных установках и формах практической деятельности. Если для Корнея Чуковского⁹⁸ письмо А.Н. Толстого к Н.В. Чайковскому⁹⁹ и вступление в *Накануне* окружены ореолом героизма, — то для М. Алданова, вместе с Толстым издававшего в Париже *Грядущую Россию*, тот же поступок предстает в совершенно ином свете: «ему, разумеется, очень хочется придать своему переходу к большевикам характер сенсационного, по-

трясающего исторического события <...> он собирается съездить в Россию и там, за полным отсутствием конкуренции, выставить свою кандидатуру на звание “первого русского писателя, который сердцем почувствовал и осмыслил происшедшее” и т. д. как полагается»¹⁰⁰. С другой стороны, как заметила З.Г. Минц, и некоторые из близких друзей Толстого, жившие в Советской России, восприняли письмо Толстого к Н.В. Чайковскому как «приспособленчество»¹⁰¹. Несомненным отражением этой интерпретации является фрагмент об «Алихане» в письме В.П. Белкина к А.С. Яценко от 2 мая 1922 года (печатается ниже). В борьбе с нею К.И. Чуковским и была предпринята публикация письма к нему Алексея Толстого от 20 апреля 1922 года. Озабоченный будущим отношением к нему в Советской стране, Толстой изобразил свой конфликт с эмиграцией не в политическом, а в культурном и чисто-психологическом ключе¹⁰². В опубликованном тексте говорилось:

Вы доставили мне большую радость Вашим письмом. Первое и главное это то, что у Вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей. Важно потому, что, как мне кажется, — никогда еще на свете не было так нужно искусство, как в наши дни: в нем залог спасения. Радостно потому, что эмиграции — пора домой. Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция — высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: — как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось — быть может вернемся домой, и там примут неласково: — без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, не знакомы.

Именно в этот момент завязались отношения и *НРК* с Чуковским. Приводим здесь письмо К. Чуковского, отзыв которого о журнале Яценко позволяет детальнее обрисовать идеологический и бытовой фон его нашумевшей корреспонденции с А.Н. Толстым. Письмо к Яценко не датировано, но по содержанию его следует отнести к концу мая — началу июня 1922 года:

Многоуважаемый Александр Семенович.

Русской Книги я так и не получил. Спасибо за приглашение. С удовольствием напечатаю у Вас серию «Петербургских писем» о делах и днях петербургской словесности. Меня очень взволновала Ваша статья *О новых путях и новом искусстве*¹⁰³. Она такая широкая, и писана с большой высоты: над кружками, партиями, группами. Тут огромная перспектива и дали. Самая тема огромна. Мне эта статья дорога еще тем, что она во многом совпа-

дает с давнишней статьей Уота Уитмэна «Democratic Vistas». Знаете ли Вы эту статью? Я напечатал ее в только что вышедшем пятом издании своей книги о Уоте Уитмэне¹⁰⁴. Там много мыслей параллельных Вашим. На днях я постараюсь выслать Вам эту книгу. Я болен, уже месяц лежу в постели, у меня бронхит — не знаю, когда поправлюсь, а то бы — давно уже откликнулся на Ваше письмо. (Простите кляксу, писано в постели!)

Сейчас я очень увлечен одной работой: мы с Замятиним и Тихоновым затеяли журнал *Современный Запад*¹⁰⁵ (Моховая, 36). Хотим отразить нового человека, возникшего в Европе после войны и революции, хотя этот человек, кажется, не слишком пригляден¹⁰⁶. Будьте добры — черкните нам корреспонденцию и других побуждайте к тому же: о новой науке, новом искусстве и т. д.

Как литератор многосемейный, я, по условиям современного Нэпа, должен печатать в месяц *три книжки* для того, чтобы существовать.

Поэтому в декабре я напечатал:

1. Поэт и палач.
2. Некрасов как художник.
3. Жена поэта.

В январе:

4. Слононок.
 5. О глупом царе.
 6. Джэк.
- } Сказки

В феврале:

7. Книга об Александре Блоке.
8. Книга об Анне Ахматовой¹⁰⁷.
9. Футуристы¹⁰⁸.

В марте:

10. Щедринский сборник. (Письма Щедрина к Некрасову. Переписка царя с Поль де Коком.)
11. } Два некрасовских сборника.
12. }

В апреле — ничего — голод.

В мае:

13. Уот Уитмэн (5-е издание, увеличенное вдвое).
14. Оскар Уайльд.
15. Самюэль Батлер (Samuel Butler).

Из этих книга 8-я, 9-я, 10, 11, 12 и 15-я еще не вышли, застряли в типографии, но в общем, *это около 50 печ <атных> листов!*

50 печ<атных> листов в год, не считая Воспоминаний о Блоке, Воспоминаний о Леониде Андрееве, Воспоминаний о Набокове, не считая работы

для Всем<ирной> Литер<атуры>¹⁰⁹ (в постели я напр<имер>, перевел роман О. Генри «Короли и Капуста»)¹¹⁰, не считая редактуры журнала¹¹¹.

Еще хорошо, что кончился основанный мною «Дом Искусств»¹¹². Он поглощал у меня всю энергию. Я основал там вместе с Н. Гумилевым «Литер<атурную> Студию», устроил около 200 лекций, привлек таких работников, как Блок, Горький, Замятин, М. Лозинский, Сологуб, Ахматова, Ал. Бунуа, Добужинский и т. д. и т. д. — и вот, едва только отошел от них, делом завладела бездарная кучка во главе с Акимом Вольнским, ввела картеж, кабак, уничтожила выставки, лекции, уничтожила студию — превратила Дом Искусств в Дом Паскудств. На днях мы все, члены Совета, заявляем о своем уходе: Замятин, Добужинский, я, Ю. Анненков, А.А. Ахматова.

Все это письмо — для Вас, для Александра Семеновича, а не для печати.

Знаете ли Вы, как любил Ваш журнал покойный Блок?¹¹³ Он читал мне вслух однажды вечером — каждую строчку из первого номера (это была первая книга из-за границы) и восклицал простодушно:

— Откуда *они* это знают?¹¹⁴

Его удивляли те сведения, которые вы сообщали о каждом из нас. Не трудитесь высылать мне Русскую Книгу. Я читаю ее в «Доме Литераторов». Я знаю, как трудно посылать экземпляры.

Преданный Вам

Чуковский.

Планы помещения в *НРК* статей Корнея Чуковского, — о которых он говорит в начале этого письма, — не осуществились. Причина этого, по-видимому, — та общественная буря, которая разразилась вслед за помещением его письма к А.Н. Толстому в *Литературном Приложении к «Накануне»* 4 июня 1922 года. Поскольку не только сама эта буря, но вызвавшая ее публикация подверглись почти полному историческому забвению, мы перепечатаваем ниже это письмо — по газетной публикации. Это представляется нам тем более целесообразным, что письмо к Толстому тесно связано с обоими письмами Чуковского к Яценко.

Письмо К. И. Чуковского А. Н. Толстому.

Дорогой Толстой. Я радуюсь тому, что происходит с Вами. Ваш ответ Ч-му прекрасен. Безо всякого злорадства, а напротив: с умилением — читал я его в «Известиях»¹¹⁵. Да, да, это то, что чувствую я давно! — с самого начала революции. Слава Богу, ненависти к своему народу у меня и мимолетней не было. Я сразу пошел читать лекции матросам, красноармейцам, милиционерам — всем *нынешним* людям, которых принято так ненавидеть и, читая, чувствовал: «это Россия». И еще: «хороша Россия!» Талантливые, религиозные, жадные к жизни люди. Они тысячу лет были немые, теперь впервые думают и говорят — еще косноязычно и нелепо, — но это они создали Досто-

евского, Чехова, Державина, Блока, они, они, и у них еще тысячи лет впереди, и они силачи: прошли через такие войны, голода, революции, — а вот смеются, вот поют, купаются в Неве, козыряют за девками. А в деревне бабы рожают, петухи кричат, голопузые дети дерутся на солнце, крепкий народ, правильный народ, он поставит на своем, не бойтесь. Хоть из пушек в него пали, а он будет возить навоз, любить землю, помнить зимних и вешних Никол, и ни своих икон, ни своих тараканов никому не отдаст. Я жил в этом году в деревне¹¹⁶ и видел, что в *основе, в главном, в идеале* все сложилось по мужику, для мужика, что мужик весь этот строй приспособил к себе, повернул на свою мельницу, взял из него то, что нужно ему, мужику, остальное выбросил вон. Говорить о «гибели» России, если в основе — такой прочный, духовно одаренный, работающий народ — могут только эмигранты — в Париже, Софии и Праге. Теперь эмигранты каются и «прозревают» — Достоевский сказал им, что презревшему свой народ остается одно: Смердяковская или Ставрогинская петля, — все они чувствуют себя (в потенции) вильгельмами¹¹⁷, но, дорогой Толстой, не думайте, что эмигранты только за границей. Когда я в 1917 году пошел по детским клубам читать детям своего «Крокодила» — мне объявили бойкот!¹¹⁸ Я поощряю правительство! Когда я проредактировал Некрасова, — для широких масс, чтобы распространить его по всей России, в этом увидели измену великим заветам и проч., и проч. Оторванность от России — ужасная.

В 1919 году я основал «Дом Искусств»; устроил там студию (вместе с Николаем Гумилевым), устроил публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А. Бенуа, Добужинского, устроили общежитие на 56 человек, библиотеку и т. д. И вижу теперь, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют, бездельничают — эмигранты, эмигранты! Дармоедствовать какому-нибудь Волынскому или Чудовскому очень легко: они получают пайки, заседают, *ничего не пишут*, и поругивают Советскую власть. В этом-то я вижу Вашу основную ошибку: те, которые живут здесь, еще больше за рубежом, чем Вы. Вот сейчас вышел сборник молодежи — «Звучащая Раковина»¹¹⁹. Ни одного стихотворения о России, ни одного русского слова, все эстетические ужимки и позы! Нет, Толстой, Вы должны вернуться сюда гордо и с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы Вы перед ней *извинялись* или *чувствовали себя виноватым*. Замятин очень милый человек, очень, очень, — но ведь это чистоплюй, осторожный, ничего не почувствовавший. Серапионы — да! Это люди, прокипевшие в котле, — жаль, что Вы не знаете их лучших вещей, — но если бы Вы знали, как их душит вся эмигрантщина, в какой они нищете и заброшенности.

Вот, если б можно было им помочь — через Ара или как-нибудь Слонимскому, Лунцу, Всев. Иванову, Зошенке (больной, с пороком сердца, милый, милый), Конст. Федину. Я сказал им о Вашем приглашении, все они пишут для Вас, на днях вышлют. (Я целый месяц валялся в постели — плевролит — это письмо — первое, что я пишу.) Спасибо Вам за дивный подарок — «Любовь Книга Золотая» — Вы должно быть сами не понимаете, какая это полновесная, породистая, бессмертно-поэтическая вещь. Только Вы один

умеете так писать, что и смешно, и поэтично. А полновесная вещь — вот как дети бывают удачнорожденные: поднимешь его, а он — ой, ой, какой тяжелый, три года, а такой мясовитый. И глупы все — поэтически, нежно-глупы, восхитительно-глупы. Воображаю, какой успех имеет она на сцене. Пришлите мне рецензии, я переведу их и дам в «Литературные Записки» (журнал Дома Литераторов) — пускай и Россия знает о Ваших успехах. Если Вы выдаете Алексея Максимовича, поклонитесь ему. Наша русская эмигрантщина относится к нему сволочно, а он много поработал для нее. Вы пишете о русском искусстве в Европе. Помню, когда умер Чехов, я жил в Лондоне и ревел весь день, и некому было сказать, никто не знал, что такое Чехов — и казалось, никто не узнает. А сейчас читаю в *London Mercury*, 1922, 1, что со времен Шекспира не было такого проникновения в человеческую душу, как у Чехова¹²⁰. Подражают ему до смешного. Хью Уолполл, Катерина Мэнсфилд воспроизводят все его приемы — но чеховской музыки у них нет, и они это чувствуют. Они чувствуют, что Россия для них катарсис и осердечение — и переводят даже Евреינוва! Но гордиться этим не надо, а надо принять это с постом и молитвой. Это возлагает на нас такую страшную ответственность, такой труд!

Прилагаю при сем стихи моего сына, Николая, 17 лет. Его так отпугнули от себя символисты, футуристы и проч., что он ударился в русский провинциальный романс.

Ваш Чуковский¹²¹.

Сразу за этим письмом в газете следовали два стихотворения Н.К. Чуковского — «Птенцов щеглиха в крыльях прячет» и «Засыпает сторож в будке»¹²². Это было едва ли не первое выступление молодого поэта (род. в 1904 г.) в печати. Стихи были посланы Корнеем Чуковским в ответ на просьбу Толстого об участии в *Литературном приложении к «Накануне»*.

Вопрос о том, предназначалось ли опубликованное А.Н. Толстым письмо Чуковского к печати, следует считать открытым, поскольку, во-первых, оно являлось ответом на письмо Толстого, прямо приглашавшее в *Накануне*. С другой стороны, Чуковский сам только что напечатал «частное» письмо Толстого к нему в петроградских *Литературных Записках*.

В литературных кругах Петрограда опубликованное Толстым письмо Чуковского вызвало не меньшую бурю, чем в эмигрантских кругах весной 1922 года заявление Толстого о разрыве с эмиграцией. Для объяснения этого следует принять во внимание тот факт, что в самый момент появления письма Чуковского в органе Толстого произошел перелом в официальном статусе газеты *Накануне*. 31 мая 1922 года редакторы ее Ю.В. Ключников и Ю.Н. Потехин отправились в Москву¹²³. 1 июня в Москве открылась контора редакции¹²⁴.

Накануне стало единственной «эмигрантской» газетой, официально распространявшейся в Советской России. В связи с этим снова был поднят вопрос о финансовых источниках деятельности *Накануне* в Берлине. В открытом письме к Н.В. Чайковскому в апреле А.Н. Толстой отрицал какую бы то ни было связь газеты с советскими инстанциями. Как признается в новейшем исследовании, «в лице этой газеты советская пресса имела активного сотрудника за рубежом»¹²⁵. Р.Б. Гуль в своих воспоминаниях заявляет: «Не знаю, кто финансировал «Накануне», но думаю — через какое-нибудь подставное лицо оно издавалось на советские деньги»¹²⁶. Осенью 1923 года лидер московского сменовеховства И.Г. Лежнев прямо говорил о «субсидной зависимости» этой газеты с самого начала ее существования¹²⁷.

Эти события послужили тем фоном, на котором было встречено письмо Чуковского. В анонимной редакционной статье *Руля* «Сюаса тахіта» говорилось:

В редактируемом им литературном приложении к «Накануне» гр. А. Толстой напечатал письмо, полученное им от К. Чуковского. Письмо, по-видимому, не было предназначено для печати — такую наивно неприкрытую лесть, какой оно дышит, можно себе позволить только в частном послании и притом лишь к заведомо не очень взыскательному человеку. Иначе преувеличенная фальшь внушает мысль даже об издевательствах. Точно также только в частном письме можно себе позволить те гаденькие сплетни, в которых изливает свою душу петербургский корреспондент графа Толстого. «Я основал Дом Искусств... И вижу теперь, что создал клоаку». Это не про берлинский — про петербургский Дом Искусств так «выражается» его создатель. К сплетням о товарищах по этому учреждению присоединяется заглядывание в чужие пайки и нечто весьма похожее на критику обоснованности их получения. Кто «милый-милый», так тому выслать посылку Ара¹²⁸, а кто не милый, так тот оказывается дармоедствующим даже и на пайке советском. Все это венчается доносом по части советской неблагонадежности некоторых лиц.

Именно это последнее обстоятельство всего более убеждает в том, что письмо не было предназначено его автором к опубликованию, ибо доносы надлежит направлять непосредственно по начальству, а никоим образом не окольным путем через «Накануне» в Берлин <...> Нет, такой оплошности не сделал Корней Чуковский, это просто его предал граф Толстой¹²⁹.

В ответ на обвинения по адресу Чуковского Толстой спешно поместил в своей газете следующее опровержение:

Напечатанное в предыдущем номере письмо К.И. Чуковского было написано мне, как частное письмо. Я напечатал его, не испросив предвари-

тельно разрешения на это К.И. Чуковского. Поэтому все упреки и бранные слова прошу направлять только по моему адресу.

Алексей Толстой¹³⁰.

16 июня в *Руге* появилась статья А. Яблоновского о письме К. Чуковского¹³¹, а 21 июня в той же газете был напечатан стихотворный фельетон Лоло, откликавшийся на этот же эпизод и отчасти перефразировавший известную эпиграмму Пушкина на Булгарина («Не то беда...»)¹³².

О реакции петербургских литераторов на письмо Чуковского и его публикацию в *Накануне* мы имеем несколько хотя и косвенных, но вполне авторитетных указаний. В первую очередь — это письмо самого Чуковского к Яценко, приводимое ниже. Оно послано Яценко в машинописном (начиная со слов «Мне больно, что Ал. Толстой...») виде; приписка же в начале текста сделана от руки:

Многоуважаемый Александр Семенович.

Сегодня увижу Ахматову, скажу ей насчет автобиографии¹³³. Боюсь, что откажет. Она ведь ненавидит публичность. Анненков согласен¹³⁴. Сегодня мы с Замятиным подписываем последний лист «Современного Запада», на днях вышлем Вам. Видели те страницы «Democratic Vistas» Whitman'a о которых я Вам говорил? Они только что вышли в немецком переводе. Посылаю Вам свое письмо, по поводу чепухи с моим письмом к Ал<ексею> Толстому. Если хотите, напечатайте или дайте в какую хотите газету.

Ваш Чуковский.

Мне больно, что Ал. Толстой напечатал мое частное письмо, так оно повредило тому, что мне дорого.

Это — большое несчастье, и произошло оно так.

С марта по июнь я хворал и почти не покидал постели. Во время моей болезни ко мне стали доходить чудовищные слухи об основанном мною «Доме Искусств». Говорили, что с тех пор, как я ушел из президиума, в «Доме Искусств» устроен игорный дом, что на улицах красуются вывески «Казино Дома Искусств», на которых нарисованы четыре девятки. Это, естественно, взволновало меня. «Дому Искусств» я отдал два года работы. Из недели в неделю я устраивал там публичные лекции Кони, Горького, Гумилева, Блока, Белого, Ремизова, Замятина и многих других. В то бескнижное время «Дом Искусств» был чуть ли не единственным местом, где писатели общались друг с другом и со своими читателями. В Студии «Дома Искусств» я пытался сплотить талантливую молодежь Петербурга, распыленную по разным канцеляриям.

И вот мне говорят, что ни Студии, ни лекций нет, а есть игорный дом, казино!

[Естественно, я обвинил в этом А.Л. Волинского, заведующего литературным отделом, и] сгоряча в письме к приятелю излил свое негодование на всех, кого считал причастным к гибели моего любимого дела. Как нарочно, в тот день с утра ко мне приходили обитатели «Дома Искусств» и жаловались на установившиеся там порядки и нравы.

Мою тревогу по этому поводу я не скрыл от самого А.Л. Волинского. Выяснилось, что он и сам сокрушается об участии «Дома Искусств», что мерзкая вывеска появилась без его согласия и ведома, что в отсутствии лекций виноват не он, виноваты современные условия. Когда я стал выздоравливать, он посетил меня и тогда мы решили сплотиться и дружными силами возродить «Дом Искусств».

Но этому помешало письмо, напечатанное Толстым в «Накануне».

Потому-то и не следует печатать в газетах наши частные письма, что в этих письмах сказываются впечатления минуты, случайные, беглые, скоропреходящие чувства.

Подлинные же мои отношения к Волинскому¹³⁵ сказались хотя бы в том, что когда лет 15 назад против него была поднята общая травля, я немело, но искренно выразил в печати свое преклонение перед гонимым писателем. Но мало ли что не напишешь под влиянием гнева о самом близком и любимом друге!

* * *

В моем письме к Толстому имеется «страшная фраза»: «они поругивают с<оветскую> в<ласть>». Нашлись идиоты, подумавшие, что этой фразой я защищаю пр<авительст>во от ругающих его интеллигентов.

Эти господа не заметили, что в том же письме я радуюсь тому, что русский мужик победил, что Россия внутренними органическими силами преодолела чужое. Как же я могу вступаться за это чужое.

Эти господа не заметили, что я употребил выражение «поругивать»: не ругать, но поругивать. Поругивание — праздное занятие, ни к чему не ведущее. Это не борьба, но отказ от борьбы. Бороться нужно творчеством, идеями, а не экивоками и анекдотцами.

Говорят, будто я оскорбил петербургских писателей обозвав их быт эмигрантским. Если бы это было так, я первый презирал бы себя. Но конечно, это не так. Как мог бы я ругать петербургских писателей, если за все эти годы я и сам принадлежал к их числу, если и для меня, как для них, за все эти годы каждый день был исполнен смертельного голода и смертельной тоски. Те четыре года, 1918—1921-й, торжественны для меня и священны. Всякий раз, когда я видел Блока, как он [в арестантской казенной фуражке] похоронно шагает по глыбам и ямам умершего города, я чувствовал, что мы все обреченные. Почти на моих глазах умер от голода Батюшков, умерли Измайлов, Венгеров, а потом Блок, Гумилев. Это свято, об этом я даже говорить не хочу.

Но в последнее время, в 1922 году, под влиянием новых условий, наша среда изменилась. В ней появились черты, которых не было раньше. Выдвинулись новые люди. Это-то и вызвало мое осуждение. Но я не мог приписать эмигрантские качества тем, кто мученической жизнью и смертью доказали свою преданность России.

Кто сомневается в этом, пусть прочтет мои «Воспоминания о Блоке»¹³⁶.

* * *

Однажды в самом начале октябрьских дней я пошел в детский клуб, на Сергиевскую и стал читать свои стишки о Крокодиле. Одна дама сказала мне: как же можно читать для советских детей? Эта фраза изумила меня. Я всем существом ощущал, что советских детей нет, а есть русские дети, точно так же, как нет советских солдат, советских моряков, а есть — плохие или хорошие — русские люди. Потому-то я был фанатическим врагом саботажа в области культурной работы: читал лекции красноармейцам, матросам и радовался, узнавая их ближе.

Об этом я и написал Толстому. Я написал ему, что русский народ и на этот раз победил, отстоял свои идеалы и ценности.

Но на столбцах газеты Накануне эта мысль приобрела другой оттенок, которого она не имела, оставаясь изложенной в частном письме. [Если бы во время писания письма я знал эту газету, как знаю ее теперь, я не послал бы такого письма. Но в то время я прочитал лишь 9 номеров этой газеты, в их числе был целый номер посвященный Набокову. Это-то и обмануло меня. Но] к самому Толстому я продолжаю относиться с доверием. Он не политикан, он органический простой человек, который всем нутром ощутил, что Россия, несмотря ни на что, все же осталась Россией, что русскому жить без нее невозможно.

За это я и послал ему свой (неправильно воспринятый) привет, в чем и посейчас не раскаиваюсь.

К. Чуковский.

28 июня
Петербург.

В данной редакции — печатаемой нами по автографу в архиве НРК¹³⁷ — текст отличается от двух его, тогда же появившихся публикаций. Первая из них — в берлинской газете *Голос России* (№ 1007, 16 июля 1922, стр. 5) сопровождалась следующим обращением С.Г. Каплуна-Сумского (владельца издательства «Эпоха»¹³⁸):

Гражданин редактор.

Мною получено письмо К.И. Чуковского в ответ на опубликование гр. А.Н. Толстым частного письма К. Чуковского. Настоящим прошу Вас

напечатать это письмо, так как К.И. Чуковский просит меня довести его до сведения заграничных читателей.

С. Сумский.

Берлин, 14 июля 1922.

Сопоставление текста этой публикации в *Голосе России* с автографом в архиве *НРК* убеждает, что Сумский получил текст письма не через Яценко, а, по-видимому, прямо от Чуковского. Текст в основном идентичен нашему. Но заканчивалось письмо Чуковского в газете иначе, чем в *НРК*. Для сравнения приводим ниже эту концовку (она выделена в газете жирным шрифтом):

Но на столбцах газеты «Накануне» эта мысль приобрела другой оттенок, которого она не имела, оставаясь изложенной в частном письме. Если бы во время писания письма я знал эту газету, как знаю ее теперь, я не послал бы такого письма.

Здесь же, на стр. 5—6, был помещен комментарий самой редакции, где, в частности, приводились противоположные отзывы в советской прессе — в *Петроградской Правде* (Ильи Садофьева) и в литературной газете *Новости* (Ионы Кугеля)¹³⁹.

Публикация С. Сумского в *Голосе России* вышла одновременно с десятым номером *Литературного приложения к «Накануне»*, где А.Н. Толстой, пытавшийся поначалу скрыть усилия Чуковского по «провержению» собственного письма к Толстому, поместил дополнительное разъяснение:

Разъяснение.

В дополнение к заметке, что письмо К.И. Чуковского ко мне опубликовано мною без его разрешения, — сообщаю, что письмо это напечатано не целиком, но что это *отрывки* из его частного письма ко мне.

А.Толстой¹⁴⁰.

Тогда же направил в печать полученное им письмо Чуковского и Яценко — оно появилось (без рукописной приписки) в седьмом номере *НРК* за 1922 г. (стр. 41—42; номер вышел в начале сентября). Замечательно при этом, что приведенный нами текст отличается не только от газетной публикации Сумского, но и от текста, помещенного Яценко в *НРК*, причем опущенные в журнале и зачеркнутые в машинописи места¹⁴¹ элиминированы не Чуковским, а, по всей вероятности, редак-

цией *НРК*. Купюры эти немаловажны: они смещают не только характеристику эпизода самого по себе¹⁴², но и характеристику, даваемую Чуковским газете *Накануне*. Момент самооправдания Чуковского и осуждения *Накануне* звучал в автографе значительно резче:

Если бы во время писания письма я знал эту газету, как знаю ее теперь, я не послал бы такого письма. Но в то время я прочитал лишь 9 номеров этой газеты, в их числе был целый номер, посвященный Набокову. Это-то и обмануло меня.

Таким образом, за мелкой деталью скрыта целая позиция. Вычеркнутая в *НРК* фраза Чуковского как нельзя лучше демонстрирует кристаллизацию негативного отношения советских литераторов его круга к *Накануне* в июне—июле 1922 г.¹⁴³ В июне 1922 года с заявлением о прекращении печатания в *Накануне* выступил Пильняк. В июле 1922 года в третьем номере петербургских Литературных *Записок* было помещено письмо Ахматовой с протестом против напечатания Ал. Толстым ее стихов¹⁴⁴.

Другой «петербургский» отклик мы находим в статье В. Шкловского, только что бежавшего от ареста в Берлин. Описывая голодный петербургский быт, жизнь интеллигенции и упоминая подопытных собак академика И.П. Павлова, автор писал:

Нужно уметь работать, когда нечего есть. Грызть сухие корни, работать при 0 гр<адусов>. Работать перед угрозой смерти и писать, убегая от шпика на трамвае.

О боли не нужно думать.

Не нужно писать о большевиках. Не нужно писать о Корнее Чуковском, хотя он и неподражаемый исполнитель критических романсов¹⁴⁵.

Он ниже Павловской собаки¹⁴⁶.

Волны от публикации в *Накануне* письма Чуковского продолжали расходиться и позже. В конце августа 1922 года Горький сообщал А.Н. Толстому о петроградских делах: «Но, по словам Пинкевича, там весьма настроены против вас литераторы за письмо Чуковского»¹⁴⁷. Ср. также в письме А.Н. Толстого к Горькому, октябрь—ноябрь 1922 года, где реферируется письмо одного из «Серапионовых братьев», Всеволода Иванова:

«Про Чуковского пишет, что тот ужасно оправдывается за свое письмо»¹⁴⁸. Более детальными сведениями снабжают нас недавно опубликованные воспоминания Евгения Шварца о Чуковском:

У него были основания задумываться и страдать не только по причинам внутреннего неустройства, но и по внешним обстоятельствам. За несколько месяцев до моего секретарства разыгралась громкая история с письмом, что послал он за границу Алексею Толстому. Он приветствовал Алексея Николаевича, сменившего вехи, звал Толстого в Советский Союз и подробно и неодобрительно описывал людей, с которыми ему, Чуковскому, приходилось жить и работать. Я забыл, что именно он писал. Помню только фразу о Замятине: «Евгений Иванович, милый, милый, но такой чистоплюй». И каждому посвящал он две-три фразы подобного же типа, так что на обсуждении кто-то сравнил его послание с письмом Хлестакова к «душе Тряпичкину». Вся беда в том, что письмо Корнея Ивановича приобрело неожиданно широкую известность. Толстой взял да и напечатал его в «Накануне».

Дом Искусств и Дом Литераторов задымились от горькой обиды и негодования. Начались собрания Совета Дома, бесконечные общие собрания. Проходили они бурно, однако в отсутствие Корнея Ивановича. Он захворал. Он был близок к сумасшествию. Но все обошлось. В те дни, когда мы встретились, рассудок его находился в относительном здравии¹⁴⁹.

К концу 1922 года вакуум, окружавший *Накануне* в Берлине, усиливается; газета переживает период крайнего брожения, раздоров и склок. Первоначально выступивший в ней Горький¹⁵⁰ советует А.Н. Толстому порвать с органом сменовеховцев:

Слышал, что вы ушли из «Нак<ануне>», — это очень хорошо! Но вам *необходимо* заявить об этом гласно, напечатав, хотя бы в «Днях», коротенькое письмо: больше в «Н<акануне>» не сотрудничаю.

Сделайте это!¹⁵¹

Об обстановке в редакции *Накануне* незадолго до отъезда ее ведущих сотрудников в Советскую Россию рассказывает харбинский сменовеховец Н.А. Ухтомский в письме к Н.В. Устрялову:

Лично мое впечатление, что идеологическое вдохновение «сменовеховцев» выродилось в чисто прикладное ремесло «наканунников», возглавляющих доходное и небезынтересное предприятие. Фактическим диктатором — состоит газетный «спец» Кирдецов, энергичный и талантливый по-своему. Подпирает его такой же делец, но менее симпатичный Дюшен, который произвел на меня неприятное впечатление. Лукьянов и Чахотин — фиговые листики, гарнир. О Садыкере и говорить не приходится. Он всецело поглощен хозяйств<енно>-издательскими работами и в редакцию включен по недоразумению, не «издав» еще, кажется, на страницах «Накануне» ни одной строчки¹⁵². Уместнее было бы вхождение в редакцию Гуровича, много работающего в газете, человека с головой, но необычайно скрытного. Политическая хроника в руках бывшего сотрудника «Известий ЦК» Шенфельда-Россова,

который с презрением взглянул на «Зарю»¹⁵³, узнав, что ее призывы к «здоровому смыслу» — это тяготение к капитализму, каковое слово в «Накануне» произносится с величайшим презрением. С грустью должен Вам сообщить, что моральный престиж «Накануне» в Берлине и особенно в Москве (да, да) весьма низок¹⁵⁴. Меня даже «советчики», люди близкие к Крестинскому, уговаривали не связываться с «наканунниками», в то время как правые круги мне прямо говорили (Ал. Яблоновский), что лучше уж сходитья с советскими официальными кругами, нежели с «Накануне». Даже Ключников, и тот нашел нужным мне с брезгливым видом говорить о «Накануне», упрекая газету в излишнем раболепстве. (Впрочем, и «Накануне» в свою очередь отрещивается от Ключникова и Потехина, считая, что, наоборот, они сделали попытку опередить берлинских сменеховцев.) <...> Жалкое впечатление производит Ключников, взгляд которого стал еще более бегающим, чем раньше. Выбитый Кирдецовым из «Накануне», он лишен рупора, да и вообще что осталось от его широковещательных писем, которые Вы мне, помните, прочитывали. Он даже меня просил найти средства для издания журнала или альманаха. Сыгин¹⁵⁵ предложил ему редактировать журнал «Ниву», но поставил условием раздобыть часть денег¹⁵⁶.

В ноябре 1922 года симптомы кризиса коснулись и берлинского Дома Искусств, отстаивавшего «беспартийную» платформу. 29 октября в *Литературном приложении к «Накануне»* (№ 24, стр. 4—7) была напечатана статья широко известного до революции фельетониста И. Василевского (Не-Буквы) «Тартарен из Таганрога (О двенадцати новых книгах г. Ильи Эренбурга)», ехидно вышучивавшая все творчество писателя и обвинившая его в саморекламе, низкопробной порнографии и беспринципности («идеология от кафе»). Сравнивая Вербицкую¹⁵⁷ и Эренбурга, Василевский приходил к выводу: «Эренбург тяжелее! Вербицкая — это пошлость простая, естественная, у Эренбурга пошлость на ходулях, на цыпочках, квалифицированная, рассчитанная на то, чтобы как можно выгоднее свою интеллигентность, «образованность доказать»¹⁵⁸. Определив творчество Эренбурга как «буйное» графоманство, он добавлял: «Что, если здесь срочно нужен психиатр, а вовсе не литературный обозреватель? Что, если здесь, меж нами, на Kurfürsten-damm-е бродит душевнобольной, и гримасничает, и хихикает, и забрасывает нас этими своими разнокалиберными, разноликими книгами?»¹⁵⁹ Эта статья возмутила многих, и был поднят вопрос о несовместимости пребывания ее автора, «наканунника» Василевского, и редактора *Литературного приложения*, А.Н. Толстого, в Доме Искусств (членами которого они числились вместе с Эренбургом). «Беспартийная» позиция Дома Искусств и до того вызывала регулярные нападки со стороны «Накануне». В

президиум Дома Искусств было подано два заявления, одно из которых было подписано С.Г. Каплуном-Сумским, а другое — группой членов, в том числе председателем президиума А. Белым, Ходасевичем, Шкловским. Как свидетельствует его письмо к М.М. Шкапской от 30 октября 1922 года, к фельетону Василевского Эренбург отнесся с большим спокойствием, чем его соратники по президиуму Дома Искусств: «Кстати, здесь сейчас большой “литературный” скандал вокруг статьи (в литер<атурном> приложении к “Накануне”) Василевского обо мне. Статья действительно аховая. Но по-моему — ерунда. А. Белый, Вл. Ходасевич хотят исключить его... из “Дома Искусств” и пр.»¹⁶⁰ Вспоминая позднее свою берлинскую жизнь, Эренбург коснулся и этого эпизода, объяснив закулисную подоплеку нападок Василевского:

Я писал поэтессе М.М. Шкапской¹⁶¹: «“Наканунновцы” не хотят прогнать мне отказа писать у них, но, что делать, я для них слишком левый...» Журналист Василевский-Не-Буква напечатал в «Накануне» хлесткую статью обо мне, вспоминая, как в «Хуренито» мулатка хлестала героя романа Эренбурга ломтями ростбифа по щекам, говорил, что меня следует бить по лицу окороком с хорошей костью¹⁶².

Одновременно с обсуждением дела Василевского разыгрались инциденты на заседании Дома Искусств 3 ноября, где был прочитан доклад И.А. Пуни «Современная русская живопись и русская выставка в Берлине». Они произошли между К. Залитом и Н.И. Альтманом и между Маяковским и А. Белым¹⁶³. За месяц до того избранный президиум ушел в отставку. В это же время распадается и литературное содружество «Веретено».

К концу 1922 года общественно-политические противоречия в русском Берлине резко обострились, происходит крайняя поляризация литературных лагерей. Позиция Яценко и его журнала, с самого начала стремившаяся к «наведению мостов», к сближению полюсов¹⁶⁴, — оказывалась все более анахроничной. Осенью 1922 года в рецензии на журнал А.М. Дроздова *Слохои* Яценко писал:

Среди эмигрантских периодических изданий мало таких, которые обнаружили бы продолжительную живучесть и сумели бы найти спокойный и беспартийный тон. Впрочем, первое, по нашему мнению, находится в прямой зависимости от второго: для того, чтобы создать что-нибудь длительное и живучее среди разногласия и разброда нашей эмиграции, нужно суметь подняться *au dessus de la mêlée*, нужно обратиться к публике, состоящей не из одних коммунистов, или сменовеховцев, или монархистов, или

врангелианцев, или кадетов, или эсеров черновского толка, или эсеров толка Керенского, а надо презреть все эти разделения <...>¹⁶⁵

Симптомы кризиса русского литературного Берлина наложили отпечаток на характер журнала с самого начала 1923 года. Раздел «Писатели — о себе» истощился и прекратил существование. В 1921 году единственной линией разделения казалась «территориальная» граница между литературой в коммунистической России и литературой в эмиграции¹⁶⁶. К концу 1922 года выяснилась невозможность объединения разнопорядковых идеологических явлений, даже принадлежащих к одному, берлинскому ареалу. Стремление к сохранению нейтралитета роковым образом оборачивалось тенденцией к нивелировке, к стиранию реальных фактов литературной жизни в журнале, целиком их регистрации посвященном. Скандалы, потрясавшие русские литературные столицы в 1922—1923 годах, находили все более бледное отражение на страницах *НРК*. Агония журнала в 1923 году проявилась и в сужении участия активно в нем сотрудничавших ранее А. Белого, А. Толстого, А. Ремизова, И. Эренбурга¹⁶⁷.

Но ликвидации журнала предшествовал экстравагантный шаг — публикация цикла стихотворений М. Волошина «Усобица». Это было первое — и оставшееся единственным — «самостоятельное» (а не в виде цитат) появление стихотворных текстов на страницах библиографического журнала. Провозглашавший безусловную аполитичность, журнал откликнулся на политические обстоятельства времени публикацией лирических произведений находившегося по ту сторону границы поэта. В этом шаге в такой же степени выразилась «политическая» ориентация Яценко, сколько и его литературная платформа. Яценко начинал свой журнал еще до гибели Блока и Гумилева, и, осуждая тогда большевистский режим за закрытие границ перед поэтами, он тем не менее не считал военный террор направленным против культуры:

Было бы несправедливостью, однако, обвинять большевиков в личном гонении или даже в презрении к русским литераторам или к русским ученым. Наоборот, беспристрастие, которое, к сожалению, в настоящее время не часто встречается, требует признать, что если жизнь кого в России за это время подвергалась наименьшей опасности, то это жизнь писателей и ученых. Несмотря на беспощадный террор, нам известны лишь немногие случаи казни в этой среде <...>¹⁶⁸

События последующих месяцев разрушили идиллические надежды Яценко. Публикацией волошинских «Стихов о терроре», неле-

гально переправленных через границу, он признавал иллюзорность прежней программы и старых чаяний. Редакционная статья Ященко в последнем номере журнала поражает беспомощностью и отчаянностью попытки предотвратить развитие событий, через несколько месяцев окончательно ставших реальностью. Она стремится «уговорить» враждующие стороны видеть в культурной работе, где бы она ни совершалась, общерусское дело, сохранить национальное единство хотя бы в сфере книжного производства, наладить нормальные книжные отношения между всеми центрами русской книгоиздательской деятельности.

Журнал Ященко, являющийся бесценной летописью русской литературы в один из самых ярких критических моментов ее истории, пережил такой же неожиданный, стремительный конец, что и весь русский литературный Берлин. Безнадежно хромая весной 1923 года, журнал закрылся осенью, выпустив с января всего четыре книжки¹⁶⁹. Хотя нам неизвестны непосредственные обстоятельства прекращения издания журнала, очевидна связь его с общим кризисом, развившимся в русском книгоиздательском деле осенью 1923 года. И все же было бы ошибкой в закрытии *НРК* видеть только одно из проявлений финансового краха издательского дела¹⁷⁰ и не замечать крушения самой идеологической платформы, на которой основывалась деятельность журнала. Писатели, творчество которых казалось Ященко залогом расцвета зарубежной русской литературы — и вместе с тем русской литературы вообще, — порвали с эмиграцией. Русский Берлин опустел¹⁷¹. Прекращение журнала означало для Ященко и уход из литературы вообще. Отказавшись от возвращения в Россию и не примкнув ни к какой общественной или литературной группе в эмиграции, — он не вернулся и в литературу. Это обязывает нас судьбу *НРК* рассматривать в контексте исторических сдвигов, произошедших в русской литературе 20-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: С.Г. Кара-Мурза. «Московская т-те Жоффрен». Газ. *Понедельник Власти Народа* (М.), № 2, 11 марта (26 февраля) 1918, стр. 3.

² Г. Чулков. «В.Я. Брюсов», в его кн.: *Годы странствий*. М., 1930, стр. 92.

³ Там же, стр. 349.

⁴ Г. Чулков. *Годы странствий*, стр. 318; письмо Брюсова от 8 мая 1903.

⁵ Ср. сообщение о знакомстве с Ященко — в Париже в доме И.И. Шукина (крупного библиофила, обладателя большой коллекции книг по истории русской философии и религиозной мысли. См. о нем: П.А. Бурыйшкин. *Москва купеческая*. Н.-Й., 1954,

стр. 143) — в письме И.Э. Грабаря к брату, 24 октября 1906 года — Игорь Грабарь. *Письма. 1891—1917*. М., 1974, стр. 189. Ср. упоминание о приезде Ященко в Москву на Рождество в письме Брюсова к З. Гилпиус, 27 декабря 1906 г. — *Литературное Наследство*. Том 84. Валерий Брюсов. М., 1976, стр. 688. (В архиве Брюсова, кстати, сохранилось 25 писем к нему Ященко за 1903—1923 гг. Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. Ленина, ф. 386. 110.37. — см.: *Литературное Наследство*, том 84, стр. 690.) Коллективное поздравительное письмо, отправленное Брюсову к его юбилею в 1923 году из Берлина, подписанное в частности, и Ященко, опубликовано в газете *Накануне*, № 680, 20 декабря 1923, стр. 5.

⁶ А.С. Ященко. *Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVII века*. М., 1908.

⁷ А.С. Ященко. *Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства*. Юрьев, 1912.

⁸ *Право*, 1913, № 7, стлб. 434—436.

⁹ Конст. Эрберг (К.А. Сюннерберг). «Воспоминания». Публикация С.С. Грешикина и А.В. Лаврова. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год*. Л., «Наука», 1977, стр. 140—141. Колоритный рассказ Нины Петровской об участии Ященко в оргиастических шалостях на символистских вечерах в Москве в начале 900-х годов приводит Р.Б. Гуль («Я унес Россию», *Новый Журнал*. 131, 1979, стр. 82).

¹⁰ См.: Г. Чулков. *Годы страстий*, стр. 267, 269.

¹¹ Александр Блок. *Записные книжки. 1901—1920*. М., 1965, стр. 264; запись от 28 мая 1915.

¹² А.С. Ященко. *Русская библиография по истории древней философии*. Юрьев, 1915 (Отгиск из *Ученых записок Императорского Юрьевского университета*, 1915). Оценку его см. в кн.: М.В. Машкова. *История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года)*. М., 1969, стр. 246—247.

¹³ См.: *Русская Книга* (Берлин), 1921, № 1, стр. 35. Далее ссылки на журнал А.С. Ященко даются сокращенно: *Русская Книга* — *РК* (без указания года), а *Новая Русская Книга* — *НРК* (с указанием года издания).

¹⁴ *РК*, № 1, стр. 35.

¹⁵ Ее возглавлял А.А. Иоффе. См.: Georges Haupt and Jean-Jacques Marie. *Makers of the Russian Revolution. Biographies of Bolshevik Leaders*. Cornell University Press, 1974, p. 351.

¹⁶ Марк Вишняк. *Дать прошлому*. Н.-Й., 1954, стр. 171; ср. также воспоминания Р.Б. Гуля, *Новый Журнал*, 132, 1978, стр. 50. (В Москве оставалась сестра Ященко, Лидия Семеновна Радугина, учительница Миусского училища. В позднейшем письме к А.С. Ященко, разыскивавшему родных через берлинскую газету *Накануне*, художник А.И. Деншин сообщал, что сведениями о Л.С. Радугиной может располагать ее подруга, — известная в 20-е годы — скульптор Б. Сандомирская.)

¹⁷ См.: *РК*, № 1, стр. 35.

¹⁸ См.: *Руль* (№ 231), 21 (8) августа 1921. Курсы прекратили свое существование летом 1924 года. (См. письма П.Ф. Андерсона к Ященко, в коллекции Б.И. Николаевского.)

¹⁹ Магазин принадлежал А.С. Заксу (Heinrich Sachs), он был открыт в начале 1920 года, в 1921 году открылся его филиал в Нью-Йорке, а весной газета *Накануне* сообщала о намечавшейся сети отделений фирмы в Москве и других городах Советской России (см.: «Стороннее сообщение», *Накануне*, № 23, 23 апреля 1922).

²⁰ Ср. «Письмо в редакцию» А.С. Закса, газ. *Руль*. № 395, 4 марта (19 февраля) 1922 года.

²¹ См. о нем в письмах В. Зайцевой к В. Буниной от 9 ноября и 2 декабря 1922 года — *Новый Журнал*, 92, 1968, стр. 178, 179.

²² Г. Чулков. *Годы странствий*, стр. 92; стр. 329—330 (письмо Брюсова к Чулкову от 24 августа 1905 г.).

²³ А. Вольдемар (1883—1942) в 1911—1914 гг. был приват-доцентом Петербургского университета и Бестужевских курсов (он преподавал историю и древние языки), в 1916 году стал экстраординарным профессором в Перми. В 1918 году он принимал участие в Брестских мирных переговорах на стороне Украинской рады в качестве эксперта. Из Бреста он отправился в Берлин (там, по-видимому, и сблизился с ним Ященко), где был включен в состав литовской тарибы и возглавил первый литовский кабинет министров, одновременно занимая пост министра иностранных дел. С осени 1920 года Вольдемар преподавал на Высших курсах в Каунасе (см. справку о нем в *РК*, № 6, стр. 22), а в 1922 году был избран ординарным профессором по кафедре всеобщей истории новообразованного Литовского университета и деканом факультета общественных наук (см.: *Lietuvos Universitetas. 1922. II. 16 — 1927. II. 16. Pirmųjų penkerių veikimo metų apyskaita. The University of Lithuania. Feb. 16, 1922 — Feb. 16, 1927. Kaunas, 1927, p. 103*). С конца 1926 года он снова стал премьер-министром и министром иностранных дел — вплоть до сентября 1929 года. В 1934 году, после неудавшейся попытки военного переворота, ставившего целью вернуть его к власти, А. Вольдемар был приговорен к 8 годам тюремного заключения, в 1938 году амнистирован, а в 1940 году снова был арестован советскими карательными органами.

²⁴ Ю.А. Крестинский. *А.Н. Толстой. Жизнь и творчество (Краткий очерк)*. М., 1960, стр. 206. Ср.: А. Толстой. «Записные книжки». Предисловие и публикация Ю.А. Крестинского и Л.И. Толстой. *Литературное Наследство*, т. 74, *Из творческого наследия советских писателей*. М., 1965, стр. 330.

²⁵ См. некролог о нем в литовском бюллетене: *Bibliografijos žinios* (Kaunas), 1934, Nr. 5/41, p. 164.

²⁶ Р. Гуль. «Я унес Россию», *Новый Журнал*. 132, 1978, стр. 49. Ср. замечание о Ященко в автобиографии поэта Александра Кусикова: «Профессор-то кубанец, еще станичник, а от спинжака так и прет черноземом», — *НРК*, 1922, № 3, стр. 43.

²⁷ Марк Вишняк. *Дать прошлому*. Н.-Й., 1954, стр. 171.

²⁸ *Новый Журнал*, 132 (1978), стр. 49.

²⁹ См.: А.С. Ященко. «Русская политическая литература за границей». *РК*, № 5, стр. 3.

³⁰ Машинопись, хранящаяся в архиве Николаевского (№ 143).

³¹ Ср. позднейшие мемуары В.Б. Станкевича о революции 1917 года, печатавшиеся в нью-йоркской газете *Новое Русское Слово* в 1967 году.

³² Ср. рецензии на книгу Станкевича в советской печати: Н. Мещеряков. «Без дороги». *Печать и Революция*, 1921, кн. 2, август—октябрь, стр. 7—15; В. Быстрянский. «На пути в Каноссу». *Книга и Революция*, 1921, № 8—9, февраль—март, стр. 1—21.

³³ Оно хранится среди бумаг *НРК* в архиве Николаевского.

³⁴ «От организации *Мир и Труд*», *Жизнь*, 1920, № 7, стр. 1—3.

³⁵ См. справку о нем в *РК*, № 2, стр. 30. Воспоминания М. Смильг-Бенарио «На советской службе» напечатаны были в третьем томе *Архива русской революции* (1921).

³⁶ До войны он, как и В.Б. Станкевич, принадлежал к числу активных сотрудников журнала *Современник*.

³⁷ В.Б. Станкевич. «История возникновения организации *Мир и Труд*». Архив Николаевского, № 143.

³⁸ См.: *Simplex*. «Простые мысли (о «музыке будущего»)». *Руль*, № 44, 9 января 1921 (27 декабря 1920); И. Гессен. «Истерия». *Руль*, № 46. 11 января 1921 (29 декабря 1920); А. Даманская. «Возврат в Россию (Письмо из Берлина)». *Народное Дело* (Ревель), № 6 (129), 11 января 1921.

³⁹ Ср. рецензию В. Станкевича на книгу Н.В. Устрялова *В борьбе за Россию*. — Ж, № 4, стр. 6—7.

⁴⁰ «Инициатором ее <группы> был В.Б. Станкевич. С ним я в первые же дни берлинского пребывания познакомился и вынес самое отрадное впечатление. Меня привлекал его беспокойный дух, тревожная любовь к родине и безоглядная независимость суждений, в которой чуялось нечто от обожаемого князя Мышкина. Но он был исключительно разносторонним, пытливым и всегда ненасытно ищущим». — И.В. Гессен. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1919, стр. 34. Ср.: Р. Гуля. «Я унес Россию». *Новый Журнал*, 132 (1978), стр. 24—33.

⁴¹ В. Станкевич. «Под новым лозунгом». *Жизнь*, 1920, № 11, 15 сентября, стр. 1.

⁴² И.В. Гессен. *Годы изгнания. Жизненный отчет*, стр. 34.

⁴³ В 1923 году В. Станкевич (Владас Станка) стал профессором Литовского университета в Каунасе и занимался одновременно адвокатской практикой. Он выпустил в Каунасе ряд статей и книг. В конце Второй мировой войны Станкевич эмигрировал из Литвы, возглавил Балтийский университет в Германии, а с 1949 года до смерти жил в США. См. некрологическую статью о нем Р.Б. Гуля в *Новом Журнале*, 94 (1969), стр. 269—271.

⁴⁴ А.С. Яценко печатал в нем только статьи на политические темы.

⁴⁵ См. рецензию В. Станкевича в № 6, стр. 8—9.

⁴⁶ *Жизнь*, № 10, 15 августа 1920 г., стр. 15—18.

⁴⁷ См. о нем некролог Р. Гуля в *Новом Журнале*, 89, 1967, стр. 266—268; см. также в его воспоминаниях «Я унес Россию», *Новый Журнал*, 132, 1978, стр. 28—29. Справка о Г. Росимове помещена в *РК*, № 2, стр. 29.

⁴⁸ Его стихотворный сборник *Стихи об утерянном* вышел в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова в 1921 г. Ср. рецензию В. Станкевича (*НРК*, 1922, № 1, стр. 23): «Стихи не только об утерянном, но и о найденном. Книга не только неожиданная, но и необходимая: как выход из тупика» — с более поздней оценкой Р. Гуля: «Книга была не талантлива, но ценна тем, что была эмигрантской. Эмиграцией дышала. <...> Больше писать было не о чем. И маленький голодный человек литературно умер». — Роман Гуля. *Жизнь на фукса*. М.—Л., 1927, стр. 170.

⁴⁹ Федор Иванов. *Красный Парнас. Литературно-критические очерки*. Берлин, Русское универсальное издательство, 1922, стр. 128. Ср. рецензию Р. Гуля в *НРК*, № 5, стр. 8—9. Федор Иванов умер в августе 1923 года. Некролог А. Дроздова о нем помещен в газете *Накануне*, № 412, 19 августа 1923 («Литературная неделя», стр. 11). См. также справку о Ф. Иванове в *РК*, № 2, стр. 24 и упоминание в главе «Как умирали люди эмигрантской крови» в *Жизни на фукса* Р. Гуля (М.—Л., 1927, стр. 171—172).

⁵⁰ Все литературные материалы журнала *Жизнь* укрылись от внимания составителя двухтомной *Библиографии русской зарубежной литературы 1918—1968* Л.А. Фостер (Boston, 1970).

⁵¹ А. Др<оздов>. «Писатели за рубежом». *Жизнь*, 1920, № 8, 15 июля, стр. 29—30.

⁵² Ср.: А. Яценко. «Печать в изгнании». *Русский Эмигрант* (Берлин), № 2, 1920, 1—15 октября, стр. 4—6.

⁵³ А. Яценко. «Книга и возрождение России». *РК*, № 4, стр. 1.

⁵⁴ «От редакции». *РК*, № 1, стр. 1.

⁵⁵ См., например, отзыв Игоря Грабаря в его письмах к брату от 21 февраля и 29 апреля 1921 г. — Игорь Грабарь. *Письма. 1917—1921*. М., 1977, стр. 48—49, стр. 57.

⁵⁶ *РК*, № 1, стр. 7.

⁵⁷ В. Пяст. *Встречи*. М., 1929, стр. 31.

⁵⁸ *Дни* (Берлин), № 93, 18 февраля 1923, ст. 11.

⁵⁹ Л.М. Козинцева — жена Эренбурга, начинающая художница. Эренбург за год до этого выпустил книгу «А все-таки она вертится» — манифест «конструктивизма». Заумное имя издательства пародирует название московской литературно-художественной группы «Маковец».

⁶⁰ Nicolaevsky Collection, No 72, Box 4, Folder 195 (Редакционные материалы).

⁶¹ А.М. Арнштам приехал в Берлин в декабре 1921 года и, судя по газетным сообщениям, направлялся (после санаторного отдыха в Наугеёме) в Лондон и Париж с выставкой своих произведений (см.: *Руль*, № 336, 24 (11) декабря 1921). В 1922 году он сотрудничал в различных берлинских издательствах (Геликон, Огоньки, Русское Универсальное издательство) и, вместе с Е.Ю. Грюнбергом, весной 1922 года стал во главе берлинского художественного издательства *Academia* (см.: *Накануне*, № 57, 4 июня 1922 г.). Известность А.М. Арнштам (род. в 1881 г.) завоевал во время первой русской революции — в 1905 году он сотрудничал в сатирическом журнале «Сигнал». См. о нем: Чукоккала. *Рукописный альманах Корнея Чуковского*. М., 1979, стр. 16; см. также: С. Исаков. *1905 год в сатире и карикатуре*. Л., 1928, стр. 274; *Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь*. Т. 1. *Аавик-Бойко*. М., 1970, стр. 195—196.

⁶² Пространная справка о Марке Слониме здесь же — построена на его собственном письме к Яценко.

⁶³ Ср. в первом номере *НРК* его большую статью «Русская наука и ученые в Крыму (1917—1920 гг.)».

⁶⁴ Принцип «беспартийности», отстаиваемый Яценко в журнале, вызывал возмущения у тогдашних рецензентов. По поводу тезиса, заявленного в первом номере *РК*: «Русская книга, русская литература едины на обоих берегах», — рецензент *Руля* Б.С. Оречкин заметил: «Однако помещенные в номер сведения о русских писателях, оказавшихся вынужденными покинуть Россию, и о том, что делают те, кто там остался, — сильно противоречат этому заявлению». — Б.О. <Рец.:> «Русская Книга. № 1. 1921». — *Руль*, № 56, 23 (10) января 1921. Высоко оценив журнал Яценко и в особенности сводку «Судьба и работы...», М.О. Цетлин с глубоким сомнением отозвался о той же «надпартийной» программе: «Нет никакого сомнения, что это иллюзия, что по отношению к советскому режиму, не терпящему ни малейшего признака свободы, возможны лишь борьба или подчинение в том или ином виде <...> Если немногим писателям суждены были смерть от голода или расстрел, то никого не миновала эмиграция или советское рабство. Правда, только единицы стали близко к советской власти, но все же большевизм и гражданская война вырыли и в литературе непроходимую пропасть. Разделение было всегда, ничего общего не было и между Булгариным и Пушкиным. Белинский не хотел «сидеть за один стол с филистимлянами». Но доносы теперешних Булгариных-Серафимовичей грозят уже не гауптвахтой, а расстрелом. Как иллюстрацию этой пропасти вспомним, что один из бывших соредакторов «Русской мысли» Брюсов — теперь большевистский сановник, а другой, П.Б. Струве, — министр правительства Врангеля». (М.Ц. <Рец.:> «Русская Книга. №№ 1, 2 и 3» — *Современные Записки*, IV, 15 апреля 1921, стр. 399—400).

⁶⁵ См.: А. Яценко. «Русская поэзия за последние три года». *РК*, № 3, стр. 1—17.

⁶⁶ А. Яценко. «Русская книга после октябрьского переворота». *РК*, № 1, стр. 6.

⁶⁷ И. Эренбург. «О некоторых признаках расцвета российской поэзии». *РК*, № 9, стр. 2.

⁶⁸ Рецензия *Anno Domini* А. Ахматовой, *НРК*, 1922, № 1, стр. 21.

⁶⁹ До этого отсутствие художественного творчества в советской России казалось аксиомой — см., напр., статью Дроздова «Похоть духа. Советская беллетристика», газ. *Руль*, № 109, 27 (14) марта 1921, стр. 8.

⁷⁰ См. статью Яценко о книгах А. Дроздова в *РК*, № 9, стр. 8.

⁷¹ В 1923 г. в изд. Л.Д. Френкель в Берлине вышла книга И. Пуни *Современное искусство*.

⁷² См. его рецензию в *НРК*, 1922, № 2, стр. 10—12.

⁷³ А. Яценко. <Рец.:> «Илья Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито...» — *НРК*, 1922, № 3, стр. 4—6.

⁷⁴ А. Яценко. «О новых путях и «новом» искусстве». *НРК*, 1922, № 3, стр. 1. О «шаткости» этой теории Яценко говорил А. Вольский в рецензии на третий номер *НРК* — см. газ. *Накануне*, № 39, 15 мая 1922.

⁷⁵ Ср. полемику Эренбурга с ним в *НРК*, 1922, № 1, стр. 10. Ср. в рецензии М. Сл<онима> на первый номер *НРК* отмежевание от этой статьи Эренбурга: «Но насколько подкупают и волнуют статьи Ремизова и Белого, настолько неудивительными кажутся рассуждения И. Эренбурга, пытающегося доказать, что в России расцвет пластических искусств. Главный недостаток статьи Эренбурга — недоказательность и абстрактность. Он не может указать, в чем именно заключаются достижения нового искусства, и ограничивается либо утверждением отвлеченных философских принципов, совершенно не раскрывая их эстетического содержания и их формально-го воплощения в том или ином роде искусства — либо выносит за общую скобку памятник Татлина и картины Малевича, постановки Камерного театра и произведения «Бубнового Валета». — *Воля России*, 1922, № 8, 25 февраля, стр. 24.

⁷⁶ Напомним, что наряду с «эмигрантскими» литераторами в Берлин в 1922 г. хлынули представители молодой русской литературы — Пильняк, Кусиков, Пастернак, Есенин, Маяковский, — и что русский Берлин амальгамировал в тот момент представителей непримиримо враждебных художественных лагерей.

⁷⁷ Яценко с восторгом встретил — тогда почти дебютанта — И. Соколова-Микитова, назвал его представителем пушкинской, единственной нашей «здоровой» традиции, и особенные исторические надежды связал именно с «автодидактичным» происхождением молодого прозаика: «Самое появление его удивительно. Вышел из темной, стихийной массы народа, не обучался художествам, не проходил школ, не набивал руку на старых мастерах, не подражал, а был поднят огромною волною жизни и понесен ею — далеко, далеко <...> Он показал и доказал, что не нужно никаких футуристических вывертов, никаких новых, выдуманных и никому не известных слов, чтобы говорить о старых, знакомых вещах. Нужна лишь молодая свежесть восприятия». — А. Яценко. <Рец.:> «И. Соколов-Микитов. Кузовок. Берлин, 1922», *НРК*, 1922, № 6, стр. 10.

⁷⁸ См. отзыв А. Вольского в *Накануне*, № 39, 15 мая 1922. Резко негативная оценка литературно-общественной линии *НРК* содержалась в рецензиях Лоллия Львова в гельсингфорской газете *Новая Русская Жизнь* (см. № 63 и 107 от 6 апреля и 11 мая 1922 года).

⁷⁹ Б. Ар<атов> <Слоним>. «Среди книг и журналов». *Воля России*, 1922, № 20, 27 мая, стр. 22; М. Слоним. <Рец.:> «Новая Русская Книга. № 2». — *Там же*, № 13, 1 апреля, стр. 23.

⁸⁰ Позднее Эренбург, вспоминая о Берлине, тепло отозвался о Яценко и его журнале — этом «клочке ничьей земли»: «Кто только не сотрудничал в его журнале! Я прославлял работы Татлина и возражал эмигрантским хулителям советской поэзии. Александр Семенович вздыхал: “Резко, чересчур резко”, — но статьи мои печатал. А рядом ставил заклинания бывшего толстовца, монархиста И. Наживина: “Старая Русь быстро стала царством Хама... Но молодежь погибла, генералы пьянствовали, крали, незаконничали, а тылы спекулировали на крови и похабничали... В эмиграции я стал энергично продолжать национальную и монархическую работу, но с каждым днем во мне грозно нарастали сомнения... И все оподлели, и все обессилели. Будущее наше мучительно и мрачно...” А в следующем номере выступал Маяков-

ский: «Стал писать в «Известиях». Организирую издательство «МАФ». Собираю футуристов коммуны...» — Илья Эренбург. *Люди, годы, жизнь*. Книга третья и четвертая. М.—Л., 1963, стр. 34.

⁸¹ Право журнала ориентироваться только на писателей и уклоняться от участия критиков — обосновывал И. Эренбург в статье «О некоторых критиках» — в *НРК*, 1922, № 6, стр. 7—8.

⁸² См. о нем в воспоминаниях Р.Б. Гуля, *Новый Журнал*, 136, 1979, стр. 86—91; И. Эренбург, *цит. соч.*, стр. 30—31; Вадим Андреев. *История одного путешествия*. М., 1974, стр. 265 ff. См. также заметку в *НРК*, 1922, № 1, стр. 34.

⁸³ См.: *Руль*, № 321, 24 (7) декабря 1921 г. Ср. запись И.А. Бунина от 21 января (3 февр.) 1922 г. о беседе с Л. Шестовым: «Он говорит, что Белый ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. «Жизнь в России, — говорит Белый — дикий кошмар. Если собрались 5—6 человек родных, близких, страшно все осторожны, — всегда может оказаться предателем кто-нибудь». А на лекциях этот мерзавец говорит, что «все-таки» («несмотря на разрушение материальной культуры») из России воссияет на весь мир несказанный свет». *Устами Буниных*. Под ред. Милицы Грин. Том 2. Франкфурт-на-Майне, 1981, стр. 78.

⁸⁴ См. заметку в *НРК*, 1922, № 1, стр. 34.

⁸⁵ *НРК*, 1922, № 1, стр. 1.

⁸⁶ См.: «Лев Шестов против большевизма». *Руль*, № 329, 16 (3) декабря 1921 г.; Скиф. «Аутодафе», *Руль*, № 332, 20 (7) декабря; Е.Г. Лундберг. «История одной книги. Письмо в редакцию». Газ. «*Новый Мир* (Берлин), № 277, 25 декабря 1921 г.; Гессен, «Покаяние». *Руль*, № 338, 28 (15) декабря 1921 г., стр. 1—2; *Летопись Дома Литераторов* (Пг.), № 3 (7), 1 февраля 1922, стр. 10; Е. Лундберг. *Записки писателя*. Том II. 1920—1924. Издательство писателей в Ленинграде, 1930.

⁸⁷ См. журнал *Мысль* (Петроград), 1922, № 1, стр. 186; *Руль*, № 318, 3 декабря (20 ноября) 1921; Е. Лундберг. *Записки писателя*, том II, стр. 75.

⁸⁸ В конце января было сообщено о сложении с себя Л. Шестовым звания почетного председателя Вольной философской Ассоциации (*Руль*, № 370, 3 февраля (21 января) 1922 г.).

⁸⁹ *НРК*, 1922, № 2, стр. 52.

⁹⁰ *Руль*, № 399, 9 марта (23 февраля) 1922, стр. 3. Писатель, переводчик, критик и философ Евгений Германович Лундберг (1887—1956) в начале 900-х годов был связан с «Христианским братством борьбы» (А. Белый, П.А. Флоренский, А.С. Петровский, С.Н. Булгаков) — кружком, из которого «выветвилось» Московское религиозно-философское общество (см.: А. Белый. «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке», *Записки Мечтателей*, 6, 1922, стр. 69). С 1906—07 г. входил в окружение Шестова; его в это время описывает в своих воспоминаниях Е.К. Герцык: «Хмурый юноша Лундберг, производивший над собой злые эксперименты: проникнув в лепрозорий, ел с одной посуды с прокаженными, потом в течение месяцев симулировал немоту, терпя все вытекающие отсюда последствия и унижения» (Е. Герцык. *Воспоминания*. Париж, 1973, стр. 102—103). С 1912 г. печатался, а с начала 1914 г. входил (вместе с Н.Н. Сухановым и В.Б. Станкевичем) в редакцию журнала *Современник*, где выступал с литературно-критическими статьями и обзорами. Он привлек к журналу молодых поэтов, участников группы «Центрифуга» С.П. Боброва и Б.Л. Пастернака (см.: Л. Флейшман. «История Центрифуги», в его кн.: *Статьи о Пастернаке*, Бремен, 1977). Печатался в 10-е годы в либеральных газетах *Русские Ведомости* и *Речь*, в журнале *Русская Мысль*, в *Философском Ежегоднике*. В 1917—1918 гг. принадлежал к ведущему ядру «Скифов». Летом 1920 г. эмигрировал в Берлин; когда потребовалось ручательство для разрешения въезда в Германию, за него поручился И. В. Гессен. Осенью 1920 г. Лундберг основал в Берлине издательство «Скифы» (см. о нем: *РК*, № 1, стр. 9), а позднее возглавил первое советское издательство

в Берлине, называвшееся «Бюро иностранной науки и техники» (см. о нем: Л.М. Хлебников. «Из истории горьковских издательств “Всемирная литература” и “Издательство З.И. Гржебина”». *Литературное Наследство*. Том 80. В. Ленин и А.В. Луначарский. *Переписка, доклады, документы*. М., 1971, стр. 690). Это привело к его разладу с эсеровским издательством «Скифы». В Берлине Лундберг печатался в газетах *Новый Мир* и *Накаунте*, выпустил в 1922 г. в издательстве «Огоньки» книгу *Дневник писателя*, а в 1923 г. — книгу статей *От вечного к преходящему*. По возвращении в СССР Лундберг напечатал в Госиздате книгу *Ленин и легенда*, а в 1930 г. переиздал *Записки писателя*, добавив к нему второй том, повествующий о пребывании в Берлине. В период «большого террора» был арестован — в феврале 1938 г., но через три месяца выпущен на свободу (Иванов-Разумник. *Тюрьмы и ссылки*. Нью-Йорк, 1953, стр. 339).

⁹¹ НРК, 1922, № 3, стр. 29.

⁹² Третьейский суд не состоялся, так как И. В. Гессен от контактов с Лундбергом уклонился, выставив встречные требования, не принятые Лундбергом. Ср. освещение этой истории в кн. И.В. Гессена *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979, стр. 221—222.

⁹³ «Литературная хроника. Rossica». *Литературные Записки*, 1922, № 3, 23 июня, стр. 19.

⁹⁴ Ср.: Роман Гуль. *Жизнь на фукса*. М.—Л., 1927, стр. 211.

⁹⁵ См.: И.В. Гессен. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979, стр. 62; ср. Владимир Гессен. *В борьбе за жизнь. Записки эмигранта. Петербург—Берлин—Париж—Нью-Йорк*. Нью-Йорк, 1974, стр. 36—37.

⁹⁶ З.Г. Минц. «Перед возвращением на Родину (Письмо А.Н. Толстого от 12 июня 1922 года)». *Русская литература*, 1959, № 1, стр. 175—180; В.И. Баранов. *Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму*. М., 1967; И.И. Щербакова. «Публицистика А.Н. Толстого 1919—1922 гг.», в кн.: *Советская литература 20-х годов. Материалы межвузовской научной конференции*. [Челябинск], 1966, стр. 254—269.

⁹⁷ Этот термин употребляется в статье: Ф. Больдт, Д. Сегал, Л. Флейшман, «Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX века. Тезисы». *Slavica Hierosolymitana*, Vol. III (1978), pp. 75—88.

⁹⁸ Ср. замечательную его характеристику в стихотворении Вячеслава Иванова:

К.И. Чуковскому

Чуковский, Аристарх прилежный,
Вы знаете — люблю давно
Я Вашей злости голос нежный,
Ваш ум, веселый, как вино,

И полной сладким ядом прозы
Приметливую остроту,
И брошенные на лету
Зонлиады и занозы,

Полу-цинизм, полу-лиризм,
Очей притворчивых лукавость,
Речей сговорчивых картавость
И молодой авантюризм.

Москва, 12 августа (30 июля) 1919 г.

— *Новый Журнал*, 89, 1967, стр. 6.

⁹⁹ Для предыстория обмена письмами Н.В. Чайковского (вместе с А.Н. Толстым издававшего *Русский Сборник* в Париже 1921 г.) и А.Н. Толстого существенно напомнить, что 10 марта 1922 г. в московских *Известиях* (№ 56) было напечатано открытое письмо бывшего члена архангельского правительства В.И. Игнатьева (незадолго перед тем выпущенного из советской тюрьмы) к Н.В. Чайковскому (премьеру этого правительства) с призывом порвать с эмиграцией и содействовать скорейшему признанию советской власти.

¹⁰⁰ Письмо М.А. Алданова к И.А. Бунину от 14.4.1922 — см. публикацию Милицы Грин в *Новом Журнале*, 80, 1965, стр. 261.

¹⁰¹ З. Минц. «Перед возвращением на Родину». *Русская Литература*. 1959, № 1, стр. 175.

¹⁰² Письмо к Чуковскому — без упоминания адресата — было напечатано в петроградском журнале *Литературные Записки*, № 1, 25 мая 1922, стр. 4.

¹⁰³ *НРК*, 1922, № 3, стр. 1—3. В этой статье Ященко писал: «Дума и тоска по «новой» России — у всех нас непрестанна. Или России не будет, или она пройдет новыми путями. Это стало почти всем ясно. Старая Россия рухнула не от напора новой молодой жизни, а от банкротства старого строя, от изгнивших основ и связей его; поэтому и революция наша не была здоровым и естественным переворотом растущего общества. Со дна, из самой глубины народной, поднялись грязь, муть и нечисть: в зверстве, во лжи, в нелепице и в невежестве свершилась наша печальная революция. Она не указала народу новых путей, как не искала этих путей и в старой России. Спасения нет ни здесь, ни там. Какие-то иные дороги должны быть найдены для нашей политической, общественной, экономической, религиозной и художественной жизни.

Мы жаждем обновления жизни. Отрекаемся от старого мира и взываем к жизни юной, здоровой и чистой. Выражением этой жизни должно быть новое искусство <...>»

¹⁰⁴ Уолт Уитмэн. *Листья травы*. — Проза. Пер. К. Чуковский. Пб., Госиздат, 1922.

¹⁰⁵ Ср. упоминание об этом журнале в хронике *НРК*, 1922, № 4, стр. 31: «В Петрограде начинает выходить новый ежемес. журнал: «Новая Европа», посвященный современной литературной и художественной жизни Европы; во главе журнала стоят Чуковский и Замятин». Ср.: М.А. Сергеев, «Об одном замысле А.М. Горького (Воспоминания)». *Труды по русской и славянской филологии, VIII Литературоведение (Уч. Зап. Тартуского Гос. университета, вып. 167)*, Тарту, 1965, стр. 202.

¹⁰⁶ Ср. в письме А.Н. Толстого к Чуковскому: «Европа не живет, а залиывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи, — неистовая сволочь, паразиты. Лишь в Германии можно поучиться труду и мужеству. А на запад от Рейна, пожалуй, что и этого нет, — то есть мужества и труда. Деревня пустеет, работать не желают. Города переполнены. В городах скука, одурь и безразличие, пьянство. Это — современность, конечно» (*Литературные Записки*, № 1, 25 мая 1922, стр. 4).

¹⁰⁷ Ср.: К. Чуковский. «Ахматова и Маяковский». *Дом Искусств*, № 1, Пб., 1921, стр. 23—42. Книга об Ахматовой в печати не появилась.

¹⁰⁸ К. Чуковский. *Футуристы. И. Северянин, А. Крученых, В. Хлебников, В. Каменский, В. Маяковский*. Пб., «Полярная звезда», 1922.

¹⁰⁹ Издательство (1919—1924), основанное Горьким. См. о нем статью: Л.М. Хлебников. «Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З.И. Гржебина», *Литературное Наследство*, том 80, В.И. Ленин и А.В. Луначарский, *Неизданная переписка*. М., 1971, стр. 668—699. См. также: А. Даманская. «Горький и «Всемирная Литература». *Последние Новости* (Париж), № 5511, 25 июня 1936 г., стр. 3.

¹¹⁰ Перевод впервые напечатан в журнале *Современный Запад*; отд. издание — Пб.—М., 1923.

¹¹¹ Эти библиографические указания приведены в *НРК*, 1922, № 5, стр. 38 (ср. справку о Чуковском в № 4 *НРК*, стр. 37).

¹¹² См. о нем хронику в альманахе *Дом Искусств*, 1921, № 1 и № 2; Вл. Лаврецкий (Я.Б. Лившиц). «Дом Искусств». Газ. *Путь* (Гельсингфорс), № 167, 9 сентября 1921 г.; А. Даманская, «Дом Искусств в Петрограде», газ. *Народное Дело* (Ревель), № 9 (132), 14 января 1921; *Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского*. М., 1979, стр. 247—251. См. также: И.Ф. Мартынов, Т.П. Клейн. «К истории литературных объединений первых лет советской власти». *Русская Литература*, 1971, № 1, стр. 125—134; А.Д. Зайдман. «Литературные студии “Всемирной Литературы” и “Дома Искусств” (1919—1921 годы)». *Русская Литература*, 1973, № 1, стр. 141—147; Bairy Sehen. «Notes on Literary Life in Petrograd, 1918—1922: A Tale of Three Houses», *Slavic Review*, Vol. 36, No 2, June 1977, pp. 256—267; Н.С. Тихонов. «Устная книга». *Вопросы Литературы*, 1980, № 6, стр. 108—134. Ср., в этой связи, приведенную К. Чуковским заметку Блока 1921 года, предназначенную для невышедшей «Литературной газеты»: «Зарубежная русская печать разрастается. Следует отметить значительное изменение ее тона по отношению к России и к литературным собратьям, которые предпочли остаться у себя на родине» (К. Чуковский. *Александр Блок как человек и поэт. (Введение в поэзию Блока)*. Пг., 1924, стр. 36).

¹¹³ Ср. справку о Блоке в разделе «Судьба и работы...» в *РК*, № 1, стр. 17—18. Ср. также характеристику его в статье Яшенко «Русская поэзия за последние три года» (*РК*, № 3, стр. 11—12).

¹¹⁴ Ср. в рецензии А.В. на 11—12 номер *НРК* (1922): «В течение 1921 г., в России, куда *Русская Книга* доходит в большом количестве, только по ней могли судить о том, что делается в области литературы и искусства на Западе» (Газ. *Дни* (Берлин), № 93, 18 февраля 1923).

¹¹⁵ Письмо к Н.В. Чайковскому было опубликовано в газете *Накануне* 14 апреля; 25 апреля перепечатано московской газетой *Известия* в сопровождении статьи П.С. Когана «Раскол эмиграции».

¹¹⁶ Усадьба в Бельском Устье (Псковск. губ.), предоставленная под общежитие петроградских писателей.

¹¹⁷ Следующий кусок, начиная со слов «но дорогой Толстой», процитирован в книге: С.А. Федюкин. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу*. М., 1977, стр. 87, сноски 123.

¹¹⁸ О популярности «Крокодила» К. Чуковского см. в его письме к М.А. Стакле (1923) — *Вопросы Литературы*, 1972, № 1, стр. 161—162. Ср. в автобиографической заметке И. Эренбурга: «Коктебель. Зима. Безлюдье <...> Устроил детскую площадку для крестьянских детей. «Дачники» травили: «Интернационализм! Большевизм! Крокодила (Чуковского) читает» (*НРК*, 1922, № 4, стр. 4).

¹¹⁹ Ср. о группе «Звучащая раковина» в *НРК*, 1922, № 6, стр. 32.

¹²⁰ W.J. Turner. «Chronicles. Drama». *The London Mercury*, Vol. V, No 27 (January 1922), p. 311.

¹²¹ *Литературное Приложение к «Накануне»*, № 6, 4 июня 1922 г., стр. 2—3.

¹²² Эта публикация не учтена в библиографии Н.К. Чуковского в кн.: *Русские советские писатели. Прозаики. Библиографический указатель*. Том 6. *Чаковский-Ян*. Часть первая. М., 1969, стр. 57—88.

¹²³ В тот же день сотрудники *Накануне* были исключены из берлинского Союза писателей и журналистов. См. об этом: «Исключение сотрудников «Накануне» из союза журналистов». *Рул*, № 267, 1 июня (19 мая) 1922 г. (На материалах Руля построено освещение этого эпизода в монографии В. Баранова *Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму*. М., 1967, стр. 128—

130); хроникальную заметку «Политика в литературных профессиональных организациях», *Литературные Записки*, № 2, 23 июня 1922, стр. 21; И.В. Гессен. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979, стр. 161—162; воспоминания Р.Б. Гуля. *Новый Журнал*, 137, 1979, стр. 71—72.

¹²⁴ См. объявление в газете *Накануне*, № 60, 9 июня 1922, стр. 1.

Подробные сведения о московской редакции *Накануне* приведены в кн.: Эм. Миндлин. *Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания*. Изд. 2. М., 1979, стр. 129—159.

¹²⁵ С.А. Федюкин. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к н.п.у.* М., 1977, стр. 129.

¹²⁶ *Новый Журнал*, 137, 1979, стр. 69.

¹²⁷ Письмо И.Г. Лежнева к Н.В. Устрялову от 15 октября 1923 г. См. публикацию М. Агурского в V—VI томе *Slavica Hierosolymitana* 1981.

¹²⁸ О деятельности АРА в России см.: Benjamin M. Weissman. *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia: 1921—1923*. Stanford, 1974.

¹²⁹ «Слоаса максима». *Руль*, № 471, 7 июня (25 мая) 1922. Седьмого же июня в *Голосе России* (№ 983) было напечатано открытое письмо Марины Цветаевой А.Н. Толстому, ныне перепечатанное в кн.: *Russica-81. Литературный сборник*. Нью-Йорк, 1982, стр. 347—349. Ср.: «Эмигранты внутри России». *Последние Новости*, № 657, 9 июня 1922. З. Гиппиус писала из Парижа 21 июня: «О Толстом я больше и слышать ничего не хочу. Хорош и Чуковский. Впрочем, он как был — таким и остался. Всегда ведь был за “Советскую Власть”. Хорошенькое создание». — Horst Lampl. «Zinaida Hippus and S.P. Remizova-Dovgello». *Wiener slavistischer Almanach*, I, 1978, S. 137. Свое письмо к А. Толстому, напечатанное в *Накануне*, Корней Чуковский в позднейших мемуарах называл «горячим и довольно несладким посланием». См.: Корней Чуковский. «Алексей Толстой», *Собрание сочинений в шести томах*. Том 2. *Современники*. М., 1965, стр. 338. Оно было сочувственно процитировано в *Правде* (№ 133, 17 июня 1922, стр. 6. Л. Шмидт. «Отечественные эмигранты»).

¹³⁰ *Литературное приложение к «Накануне»*, № 7, 11 июня 1922, стр. 12.

¹³¹ Александр Яблоновский. «Вельможа». *Руль*, № 479, 16 (3) июня 1922, стр. 2—3.

¹³² *Руль*, № 483, 21 (8) июня 1922. Резкость реакции *Руля* на историю с Чуковским объясняется, между прочим, прежними личными симпатиями И.В. Гессена к своему сотруднику в газете *Речь* (об этом периоде деятельности Чуковского см.: Jeffrey Brooks. «The Young Kornei Chukovsky (1905—1914): A Liberal Critic in Search of Cultural Unity», *The Russian Review*, Vol. 33, No. 1, January 1974, pp. 50—62; Sven Gustavsson. «Архивные находки. Письма из архива К.И. Чуковского в Стокгольме». *Scando-Slavica*. Tomus XVII, 1971, pp. 45—52). Кроме того, именно в июне 1922 г. партийными инстанциями Петрограда было начато наступление на независимые литературные организации (см.: «“Дом Литераторов” и коммунисты. (от соб. корр.)», *Руль*, № 482, 20 (7) июня 1922 г.), завершившееся их ликвидацией.

¹³³ Автобиография А.А. Ахматовой в *НРК* не появилась.

¹³⁴ Ср. приписку Ю.П. Анненкова в письме И.С. Соколова-Микитова к А.С. Яценко от 30 августа 1922 г., публикуемом в настоящем томе.

¹³⁵ Ср.: К. Чуковский. «Две “королевы”. Страницы воспоминаний». *Литературная Россия*, № 36 (244), 1 сентября 1967, стр. 19.

¹³⁶ К. Чуковский. «Последние годы Блока». *Записки Мечтателей*, № 6 (1922).

¹³⁷ Nicolaevsky Collection, No 72, Box 4, folder 179.

¹³⁸ В качестве пародийного отклика на эту публикацию следует рассматривать следующее сообщение в *Руле*:

«От сенатора С.В. Иванова мы получили следующую выписку из полученного в Териоках письма Корнея Чуковского:

«...Мы остались в городе, на дачу нет средств выехать: дачи теперь 200—300 миллионов. Под Москвою, говорят, еще дороже: 3—4 миллиарда. Скоро нищие будут просить: — Подайте миллиард на кусок хлеба. Нищих теперь множество. Но еще больше жирных наглых и вульгарных богачей. Игорных притонов тысячи. Все кушают, все пьянствуют, живут вовсю. Стоило устраивать *такую* войну и *такую* революцию, чтобы вот этикие гниды пили, ели, плодились и чванились! Наряды у всех ослепительные. Автомобили, лихачи. А книг никто не покупает. Самые лучшие книги гниют в магазинах. Этим новобогачам не до книг!

Ваш Чуковский»

— *Речь*, № 514, 9 августа (27 июля) 1922, стр. 2 («Из письма Корнея Чуковского»).

¹³⁹ Илья Садофьев назвал опубликованное в *Накануне* письмо Чуковского к Толстому «хорошим, умным, правдивым», но порицал автора за попытку устроить посылку АРА для Серапионовых братьев. Иона Кугель же расценил выступление Чуковского как малодушие и увертливость и выразил удивление, почему Чуковский сам не пошел сотрудничать в *Накануне*, а послал вместо себя сына.

¹⁴⁰ *Литературное приложение к «Накануне»*. № 9 <10>; 16 июля 1922, стр. 12.

¹⁴¹ В нашей публикации они приведены в квадратных скобках.

¹⁴² Текст в *НРК* содержал более мягкий отклик на акцию А.Н. Толстого, чем в публикации *Сумского*.

¹⁴³ Это изменение произошло и под влиянием политической линии газеты, и под влиянием скандала с письмом Чуковского.

¹⁴⁴ В рекламном извещении о литературном отделе *Накануне* Ахматова была названа в списке «привлеченных» сотрудников, см.: *Накануне*, № 28, 29 апреля 1922.

¹⁴⁵ Намек на «русский провинциальный романс» в концовке письма К.И. Чуковского к А.Н. Толстому.

¹⁴⁶ Виктор Шкловский. «Маленький фельетон». *Голос России*, № 1008, 18 июля 1922.

¹⁴⁷ *Литературное Наследство*. Том 70. М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, стр. 402. Это горьковское письмо датировано в данном издании неточно; мы исправляем дату по упоминанию в письме ареста Е.И. Замятина и «философов и гуманистов» Карсавина, Лапшина, Лосского, произведенного 16 августа 1922 г. См.: Н.О. Лосский. *Воспоминания. Жизнь и философский путь*. Мюнхен, 1968, стр. 217.

¹⁴⁸ *Литературное Наследство*, том 70, стр. 402.

¹⁴⁹ Евг. Шварц. «Белый волк». *Память. Исторический сборник*. Вып. 3. Париж, 1980, стр. 292—293. Ср. позднейшее письмо К. Чуковского к Льву Лунцу — после возвращения А.Н. Толстого в Советский Союз: «Литературных новостей у нас целая куча. Приехал Алексей Толстой, обосновался здесь и сразу всем полюбился. Семья у него большая, зарабатывать нужно много, и вот он пишет обеими руками. У меня с ним отношения наилучшие, несмотря ни на что» (Письмо от 7 января 1924 г. — см.: «Лев Лунц и «Серапионовы братья»»). Публикация и комментарии Гари Керна. *Новый Журнал*, 83, 1966, стр. 136.)

¹⁵⁰ В октябре его юбилею был отведен целый номер литературного приложения.

¹⁵¹ Письмо от 20 января 1923 г. *Литературное Наследство*, том 70, стр. 403. Ср. об отрицательном отношении Горького в это время к сменовеховству — в статье Г. Аронсона «Максим Горький в эмиграции»: «Тогда Алексей Н. Толстой, прибывши из Парижа, совершал свой перелет, и Горький предостерегал своих литературных

друзей, чтобы не попадались в забрасываемые “поумневшим” графом сети» (в кн.: Григорий Аронсон. *Россия в эпоху революции. Исторические этюды и материалы*. Нью-Йорк, 1966, стр. 179). Анализ отношений Горького и Толстого в связи с *Накануне* содержится в книге В.И. Баранова *Революция и судьба художника*, М., 1967, стр. 185—189.

¹⁵² О П.А. Садыкере (и его поездке в Москву) см. интересные сведения в главе о *Накануне* в кн.: Эм. Миндлин. *Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания*. Изд. 2, М., 1979, стр. 151—152.

¹⁵³ Журнал меньшевиков.

¹⁵⁴ Ср. в письме Б. Пастернака к В.П. Полонскому (январь 1923) — об «огорчении», испытываемом поэтом в связи с сотрудничеством Маяковского и Асеева с издательством «Накануне». Письмо опубликовано в кн.: Л. Флейшман. *Борис Пастернак в двадцатые годы*. Мюнхен, 1981, стр. 21—22.

¹⁵⁵ Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934), известный русский книгоиздатель, владелец газеты *Русское Слово*. О его приезде в Берлин рассказано в книге К. Коничева *Русский самородок. Повесть о Сытине*. Л., 1966.

¹⁵⁶ Письмо от 8 марта 1923 г. Копия хранится среди бумаг Н.В. Устрялова, находящихся в архиве Гумбольдтского института («Н.В. Устрялов. Моя переписка с разными людьми», № 33).

¹⁵⁷ И. Василевский прославился развенчанием ее романов.

¹⁵⁸ *Литературное приложение к «Накануне»*, № 24, 29 октября 1922, стр. 6.

¹⁵⁹ Там же, стр. 7.

¹⁶⁰ *Вопросы Литературы*, 1973, № 9, стр. 200.

¹⁶¹ Это письмо И. Эренбурга не опубликовано.

¹⁶² Илья Эренбург. *Люди, годы, жизнь*. Книга третья и четвертая. М., 1963, стр. 39.

¹⁶³ *НРК*, 1922, № 10, стр. 25; ср. *Дни*, № 7, 5 ноября 1922, стр. 10.

¹⁶⁴ Кстати, наиболее близким к ней в это время был А.М. Ремизов, подобно Яценко уклонявшийся от литературных склок и остававшийся в стороне от политических споров.

¹⁶⁵ *НРК*, 1922, № 9, стр. 25—26.

¹⁶⁶ См.: А. Яценко. «Русская книга после Октябрьского переворота». *РК*, № 1, стр. 2.

¹⁶⁷ Примечательно отсутствие в *НРК* Шкловского, который сотрудничал в конкурентном библиографическом берлинском журнале М. Слонима *Новости Литературы* (вышло всего два номера).

¹⁶⁸ А. Яценко. «Русская книга после Октябрьского переворота», *РК*, № 1, стр. 3.

¹⁶⁹ Ср. сообщение в *Накануне*, № 379, 8 июня 1923: «Редакция журнала *Новая Русская Книга* с 8 июля по 1 августа будет закрыта». Ср. публикуемые нами гранки статьи А. Ремизова.

¹⁷⁰ Д. «Кризис русского книжного дела в Германии». *Временник Общества Друзей Русской Книги* (Париж). 1, 1925, стр. 84—87; ср.: *Дни*, № 267, 18 сентября 1923.

¹⁷¹ Ср. обзор литературной жизни русского Берлина в некрологе о нем Нины Петровской «Литературный Берлин (Итоги)», *Накануне*, № 50 (567), 29 февраля 1924 г., стр. 2—3.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
АРХИВА Б.И. НИКОЛАЕВСКОГО**

М.А. ВОЛОШИН

М.А. Волошин мог быть знаком с Яценко еще с университетских лет: в 1897—1899 годах они одновременно учились на юридическом факультете Московского университета. (Ср.: Вл. Купченко, «Вольнолюбивая юность поэта М.А. Волошин в студенческом движении». *Новый Мир*, 1980, № 12. См. также вступительную заметку к публикации Р.П. Хрулевой «Из студенческих лет М.А. Волошина», *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 год*. Л., 1976, стр. 136—140.) Вероятны и их встречи в Париже в 1906 году, где Волошин и Яценко принадлежали к одному кругу русской колонии. В литературно-критических выступлениях Яценко 1921 года Волошин выдвигался как центральная фигура русской поэзии эпохи революции. Поэтические тексты Волошина этого периода получили широкое распространение и с сочувствием перепечатывались в противоположных по своей политической ориентации русских печатных органах. По этому поводу Волошин писал одному из друзей в октябре 1919 года:

«Пишу стихи исключительно на современные темы — о России и о революции. Как всегда, все, что бывает со мной, оказывается парадоксально: мои стихи одинаково нравятся и большевикам и добровольцам. Моя первая книга “Демоны глухонемые” вышла в январе 1919, в Харькове, и была немедленно распространена большевистским Центагом. А второе ее издание готовится издавать Добровольческий Осваг. Из этого ты можешь видеть, что я стою действительно над партиями. И это понятно: для меня уже давно стало абсурдом желание осуществлять в жизни какие бы то ни было свои предпочтения и государственные формы. Между тем как развертывающаяся историческая трагедия меня глубоко захватывает, и благодарю судьбу, которая удостоила меня чести жить в такую эпоху» (цит. по публикации: «Дверь открыта. Переступи порог...» *Время и Мы* (Тель-Авив), 28 (1978), стр. 197).

О принципиальном уклонении от солидаризации с каким бы то ни было «полюсом», как последовательной линии поэтического поведения Волошина, говорила и Марина Цветаева: «Не становясь на сторону мою или моего обидчика, или, что то же, становясь на сторону и его, и мою, он просто оставался на своей, которая была вне (поля действия и нашего зрения) — внутри него и *au dessus de la mêlée*» (Марина Цветаева. *Проза*, Н.-Й., 1953, стр. 164).

Тем большее значение приобретает тот факт, что — на фоне многочисленных публикаций программных поэтических деклараций Волошина в раз-

личных печатных органах русской эмиграции (в *Русской Мысли* и *Современных Записках*, харбинском *Русском Обозрении* и берлинском *Детинце*) — новый лирический цикл, созданный в 1920—1922 годах (ср. упоминание новой книги стихов Волошина о революции в хроникальной заметке *Литературного приложения к Накануне*, № 8, 18 июня 1922, стр. 11) и являющийся лирическим откликом на беспрецедентный по жестокости кровавый террор, — поэт передал для публикации редактору *НРК*. Цикл «Усобица» был напечатан в февральском номере журнала. Он вошел также в сборник Волошина *Стихи о терроре*, выпущенный в июне 1923 года (см. извещение в газете *Дни*, № 190, 17 июня 1923 г.) Книгоиздательством писателей в Берлине (редактором издательства был Г.В. Алексеев). Параллельно в этом же издательстве вышло 2-е издание *Демонов глухонемых*.

В научной литературе о Волошине этот эпизод биографии Волошина не был освещен достаточно полно и точно. Автор недавно вышедшей монографии о Волошине И.Т. Куприянов опровергает причастность поэта к публикации стихов о терроре в Берлине (при этом факт появления цикла на страницах *НРК* не упоминается вовсе):

«Когда эмигранты А. Ященко и Т. Цемах собрали имеющиеся у них произведения Волошина (в основном взятые из советской периодической печати) и издали их в Книгоиздательстве писателей в Берлине отдельной книгой, произвольно озаглавив ее “Стихи о терроре” (1923), поэт опротестовал эту незаконную публикацию. “Содержание ее, — писал он об этой книге, — очевидно, так и останется для меня тайной, так как она запрещена к ввозу в Россию. Только берлинское переиздание моей книги «Демоны глухонемые» (1-е изд. в 1919 г. в Харькове при Советской власти) сделано с моего ведома и разрешения» (И.Т. Куприянов. *Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина)*. Киев, 1979, стр. 209).

Между тем сама по себе публикация в *НРК* неопровержимо указывала на авторскую санкционированность ее. В редакционной преамбуле сообщалось: «Живущий в Крыму (Феодосия, дача Айвазовского) поэт М.А. Волошин прислал в редакцию нашего журнала цикл своих стихотворений о терроре, предлагая напечатать их вместо своей автобиографии за последние годы. “Эти стихи, — как пишет он в своем письме, — лучше чем всякие письма дадут понятие, что делалось и что переживалось за эти годы. Они написаны с точностью документов”» (*НРК*, 1923, № 2, стр. 46). Обстоятельства передачи этих стихов Ященко были впервые раскрыты (со слов Р.Б. Гуля) в статье А. Браиловского «Неизданная поэма Максимилиана Волошина», предварающей публикацию поэмы «Дом поэта» в 1952 году:

«Известно, что в начале 1923 года за границу лицом, близким к М. Волошину, были привезены некоторые его рукописи. Все они были переданы старому другу М. Волошина проф. А.С. Ященко, редактировавшему тогда в Берлине библиографический журнал “Новая русская книга”. Среди привезенных рукописей был цикл знаменитых стихов М. Волошина — “Стихи о терроре”, которые впервые и были напечатаны в “Нов<ой> Русск<ой> Книге” (№ 2, февраль, 1923 г.). Кроме этих стихов М. Волошин прислал А.С. Ященко пись-

мо, страниц в 40—50, содержавшее страшное описание дней красного террора в Крыму, когда руководитель этого террора, известный коммунист Бела Кун, жил в “доме поэта” — у М. Волошина. Рукопись эта не предназначалась для печати, но А.С. Яценко читал ее многим литераторам, жившим тогда в Берлине, а теперь живущим в Нью-Йорке. В этой рукописи М. Волошин рассказывал, как в дни этого террора он день и ночь молился и за убиваемых и за убивающих; как между ним и Бела Куном установились какие-то странные отношения, как он вел с ним бесконечные разговоры, и как Бела Кун разрешал М. Волошину вычеркивать из этих “проскрипционных списков” одного из десяти людей, предназначенных к казни, и как в этих списках М. Волошин видел “собственное имя”» (*Новый Журнал*, 31, 1952, стр. 106).

С большими подробностями этот эпизод рассказан в главе «Письмо Волошина» в новейших мемуарах Р.Б. Гуля «Я унес Россию. Апология эмиграции»:

«Этот случай из бытия “Новой Русской Книги” я выделяю, ибо он не только литературно, но исторически важен. Был январь 1923 года. Во второй половине дня в дверь редакции позвонили. Я отворил. Передо мной — скромно одетая женщина с удивительно приятным, строгим лицом. Она спросила, здесь ли профессор Яценко? — “Да, пожалуйста”. — И она вошла. Яценко она была незнакома <...>

Я сидел за своим столом. Женщина эта — явная интеллигентка, правильное, хорошее лицо, красивые, карие глаза. И во всем ее облике — какое-то удивительное спокойствие. В руках у нее — кожаный портфель. Глядя на Яценко, она сказала негромким, грудным голосом: “Я к вам от Максимилиана Александровича Волошина”. — От неожиданности Яценко даже удивительно-вопросительно полувскрикнул: “От Макса?!” — “Да, от Максимилиана Александровича”. — “Значит, вы из Крыма?!” — “Я была у него в Коктебеле. И он просил меня передать вам письмо и рукопись в собственные руки”. — “Очень, очень рад...” — бормотал несколько пораженный Яценко (он с Волошиным был дружен еще по России).

Женщина вынула из портфеля тетрадку и довольно толстую рукопись на отдельных листах. “В тетради — личное письмо к вам, а это — стихи Максимилиана Александровича, которые он просит вас опубликовать за границей, где вы найдете возможным”. Яценко все взял. Стал расспрашивать, как Волошин живет, давно ли она его видела, остается ли она за границей или возвращается назад. — “Нет, я не остаюсь, — с легкой улыбкой сказала она, — я скоро уеду назад... может быть, я еще зайду, если разрешите” <...>» (*Новый Журнал*. 133, 1978, стр. 21—22).

Излагая содержание письма, Гуль сообщает, что письмо это Волошина о терроре и Бела Куне было прочитано Яценко многим посетителям редакции — А.Н. Толстому, И.С. Соколову-Микитову, Эренбургу, Николаевскому, — и что вскоре внезапно это письмо бесследно исчезло (*Там же*, стр. 24). Никаких следов этого письма мы не нашли в архиве *Новой Русской Книги* в коллекции Николаевского. Можно предполагать, что цитаты из двух писем Волошина, приведенных в справке о нем в разделе «Судьба и работы

русских писателей, ученых и журналистов» (в первом номере *НРК* за 1923 год, стр. 45), — где, в частности, Волошин рассказывал о своем намерении выехать за границу, в случас, если ему удастся продать две свои книги московскому издательству, — к резюмированному Р.Б. Гулем письму никакого отношения не имеют. Но, по всей видимости, в этот же пакет, доставленный с оказией в Берлин, входил «Список ученых и литераторов, находящихся в Крыму и нуждающихся в помощи», опубликованный во втором номере *НРК* рядом с циклом «Усобица».

Публикуемые нами ниже документы не только опровергают версию И.Т. Куприянова о незаконном, вопреки авторской воле, характере берлинских изданий. (Кстати, автограф «Усобицы» — с подзаголовком «цикл о терроре 1920—1921 гг.», — по которому стихи были напечатаны в журнале, хранится, вместе с другими рукописными литературными материалами *НРК*, в коллекции художника Н.В. Зарецкого в Бахметевском архиве в Нью-Йорке.) Они позволяют прийти к одному вескому выводу: ясно, что стихи эти были пересланы к Яценко как *ответ* на ознакомление поэта с комплектом *Русской Книги*, доставленной Волошину в Крым. Другими словами, Яценко был выделен автором в качестве пути обнародования на Западе книги новых стихов о революции именно потому, что позиция «au dessus de la mêlée», сформулированная журналом с момента возникновения, оказалась наиболее близкой поэту. Если стихи из первого пореволюционного стихотворного сборника Волошина *Демоны глухонемые* широко циркулировали в самых различных печатных органах и это Волошина (как мы видели) скорее устраивало, чем огорчало, — то *Стихи о терроре* явно были приурочены автором к платформе, отстаиваемой Яценко и его берлинским окружением.

В этой связи встает вопрос, почему впоследствии, спустя год, отвечая на нападки в печати, поэт воздержался от признания своей ответственности за это издание. Дело в том, что «яценковская» публикация цикла стихотворений и книги о терроре повлекла за собой своего рода «генеральную репетицию» позднейшей кампании 1929 года, направленной против советских писателей (Б. Пильняка, Е. Замятина и др.), печатавших свои произведения за рубежом. Вскоре после выхода «Стихов о терроре» в Берлине в советском литературном журнале *На Посту* (1923, № 4, ноябрь, стр. 151—164) появилась статья видного партийного публициста Б.М. Таля (в 30-е годы занимавшего пост редактора газеты *Правда*) под названием «Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина», где, протестуя против печатания и восхваления поэта в советской прессе, критик опровергал утверждения о нейтралитете Волошина по отношению к враждующим лагерям в период Гражданской войны и доказывал безусловно антисоветский характер его поэтических деклараций. Особый иезуитский подход этой статьи Б.М. Талья заключался в том, что все доказательства контрреволюционности творчества поэта основывались *не* на только что вышедшей в Берлине новой книге *Стихи о терроре* и упоминалась она лишь косвенно, в виде отсылки на рецензию Е. Зноско-Боровского об этом издании в парижской газете *Последние Новости*. Сам по себе факт, что выпад против Волошина сочетался с полным не-

упоминанием напрямую о публикациях в *НРК* и отдельной книгой *Стихов о терроре*, заставляет полагать, что истинным поводом для этой атаки послужило появление именно этих волошинских текстов (отмеченных «близостью» поэта к Бела Куну) за границей. Не подлежит сомнению, что этот намек был ясно понят Волошиным; он понял, что провокационная подоплека статьи Таля заключалась в установлении степени причастности (и, по-видимому, пути передачи рукописей) автора к этим публикациям. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что с начала 1923 года поэту было предложено разрешение на выезд за границу (см.: И. Т. Куприянов. *Судьба поэта*, стр. 210) и на протяжении года предпринимались попытки выселения его из «дома поэта», — то есть своеобразная форма «полувывсылки».

Всем этим и определяется характер ответа, данного Волошиным Талю, в котором, не давая оснований для предположений о нелегальной передаче стихотворений в эмигрантскую печать, поэт сделал уклончивое и амбивалентное заявление относительно *Стихов о терроре*, иронически сославшись на неполучение ее и косвенно (взятием на себя ответственности за издание *Демонов глухонемых* в Берлине) подтвердив в то же время свою замешанность в берлинские антрепризы:

«С моего ведома и разрешения были опубликованы только те мои стихи, которые шли через руки В. В. Вересаева (а в 1921 г. и С. Парнок), все же остальные как в России, так и за границей печатались и печатаются без моего ведома, разрешения, оплаты, лицами мне неизвестными и в искаженных текстах; следить за этим из Коктебеля я не имел возможности.

То же относится и к злоупотреблению моим именем в списках сотрудников эмигрантских изданий. Могу еще сообщить Талю, что имя мое видели и в списке сотрудников “Нового Времени”, и национально-патриотического издания “Зарницы”. “Детинец” для меня новость, так же как и собственная моя книжка “Стихи о терроре”, о которой пишет Зноско-Боровский. Содержание ее, очевидно, так и останется для меня тайной, так как она запрещена к ввозу в Россию. Только берлинское переиздание моей книги “Демоны глухонемые” (1-е изд. в 1919 г. в Харькове при Советской власти.) сделано с моего ведома и разрешения.

Достопримечательно, что моим именем за границей пользуются преимущественно те органы, которые меня особенно шельмовали раньше.

Протестовать против всего этого я не собираюсь и по тем же причинам, по которым не отвечаю на статью Таля».

(М. Волошин. «Письмо в редакцию». *Красная Новь*, 1924, № 1 (18), январь—февраль, стр. 312. Параллельно посланное Волошиным личное письмо Б. М. Талю сейчас опубликовано в подборке «Дверь отперта... Переступи порог...». *Время и Мы*, 28 (1978), стр. 207.)

Уклончивый характер «ответа» Волошина на «непоставленный» вопрос Таля отчасти определяется тем, что вся эта история разыгралась в пред-

двери поездки Волошина в Москву (весной 1924 г.) и приема в Кремле, в ходе которого поэт прочел перед высшим советским руководством свои новые стихи. Этот визит отражен в мемуарах Д. Новоселова:

«У Волошина был большой цикл стихов об ужасах, переживаемых Россией и другой цикл — об ужасах, которые несет человечеству политика. Эпиграфом к этому циклу была строка:

“Политика — есть дело грязное”.

Как-то все мы, гостившие у него, поинтересовались:

— Пытались ли вы, Максимилиан Александрович, издать свои стихи?

— Я показывал их Льву Каменеву. Он сказал: “Все это увидит свет, когда не будет нас”. Я спросил, долго ли ждать этого времени? “Лет тридцать”, — ответил он”.

(Д. Новоселов. «В Коктебеле (Воспоминания)», *Грани*, № 5 (1949), стр. 55.) Этот же эпизод упоминает М.Ю. Авинова, приводящая и фразу Каменева: «Максимилиану Александровичу мы можем позволить иметь собственное мирозерцание» (Мария Авинова. «Встреча с М. Волошиным», газ. *Новое Русское Слово*, 8 марта 1964 г. Ср. также письмо М. Волошина к Л.Б. Каменеву, *Память. Исторический сборник*. Вып. 1, Нью-Йорк, 1978, стр. 298—301).

1

3/XI 1922 Феодосия, д<ом> Айвазовского

Дорогой Сандро,

Позволь тебя познакомить с Валентиной Яльмаровной Гансон, молодой поэтессой, которая передаст тебе письмо. Я только теперь впервые прочел залпом почти все №№ «Русск<ой> Книги» за два года и получил понятие о тебе и о Русской Литературе. Спасибо за твой отзыв о моих стихах. Он мне ценен тем, что ты пишешь о них именно то, чего бы я сам хотел от них. Значит я отчасти достиг желаемого¹. Как журнал Р.К. была для меня самым интересным из всего, что до меня доходило. Но доходило очень немного. Я ведь прикован к Крыму: невозможностью оставить маму, и собственной болезнью, то борьбой с террором, то с голодом². — В.Я. Гансон — расскажет тебе о моей жизни³.

Писем я получаю мало. Книг и журналов не вижу. Часто чувствую себя на дне забытого колодца. Но пишу стихи и ничего не знаю об их судьбе: я столько раз посылал их для печати. Но о судьбе их не знаю.

Иногда их вижу напечатанными в неожиданных для меня изданиях и не знаю, как они туда попали. Мне передавали, что будто они печатаются часто в заграничных изданиях. Если это правда, то нельзя ли как-нибудь попросить эти издания, чтобы они мне посылали иногда питательные посылки и кроме того не помещали бы меня в списках *постоянных* сотрудников, а то против меня поднимают время от времени обвинение, что я сотрудничаю то в Нов<ом> Времен<и>, то у эсэров, то у кадетов. Верно ли это — не знаю — т.к. меня об этом осведомляет только местная воен<ная> цензура. Я ничего не имею против печатания моих стихов где угодно (чем больше, тем лучше), но вовсе не хочу, чтобы на меня налепляли марки, ибо партийность ненавистна более, чем когда-либо, и чувствую<ю> я себя сильным только в полном одиночестве...

Некогда дописывать это письмо. Крепко тебя обнимаю. Привет твоей жене.

Максимилиан Волошин.

2

20/XI 1922. Севастополь.

Дорогой Александр Семенович,

Позволь тебя познакомить с моей хорошей знакомой Софией Абрамовной Левандовской, которая тебе передаст большой пакет от меня⁴.

Я к тебе обращаюсь с целым ряд просьб, и имей в виду, что через Софию Абрамовну можно установить со мной постоянную и верную связь в смысле посылки денег, изданий и писем. Крепко обнимаю тебя и всех друзей. Привет твоей жене.

Максимилиан Волошин.

3

Доверенность.

Сим доверяю профессору Александру Семеновичу *Яценко* ведение всех моих литературных дел за границею Р.С.Ф.С.Р.:

1. Издание моих книг на русском и иностранных языках.
2. Печатание моих стихотворений в периодических изданиях.

3. Охрану моих материальных интересов и взыскание гонораров за мои стихотворения и книги, напечатанные в период Русской Революции без моего ведома и разрешения, как по-русски, так и на иностранных языках.

Пр<офессор> А.С. Яценко имеет право уполномочивать от себя, кого найдет нужным, для осуществления этих полномочий.

Поэт Максимилиан Волошин.

15/XI 1922
Севастополь

Подпись М. Волошина свидетельствую. Заведующий Домом имени Л.Н. Толстого

П.Сергеенко⁵.

4

Дорогой Александр Семенович,

Позволь тебя познакомить с юным начинающим литератором Виктором Иннокентьевичем Кожевниковым, с отцом которого я дружен⁶, а его знал ребенком. Пожалуйста, отнесись к нему внимательно и направь его.

Я тебе написал большое и очень подробное письмо, которое ты получишь (если еще не получил) через Наркоминдел.

Обнимаю

МАХ.

P.S. Мама умерла 8 января.

12 янв<аря>1923.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Polska
Wilno, Wileńska 34, m. 1
Wale Ganson

15—28— IX—23 г.

Многоуважаемый Александр Семенович!

Пожалуйста! простите! что взяла на себя смелость написать прямо Вам.

Но если я долго колебалась, то, прочтя недавно в одном из №-ов «Русской Книги» Вашу теплую статью «О новых путях и новом искусстве»⁷, где было столько чуткости и искренности, я окончательно решила написать.

Я думаю, что не первая я обращаюсь к Вам с этой просьбой, а именно — помочь начать... Из письма Макс. Ал. Вол<ошина>, которое должна была передать Вам Тат. Дав. Цемах, еще приблизительно в январе тек<ущего> года, Вы немножко знаете обо мне. Поэтесс миллионы, но я одна из настойчивых, и пока меня не выругают и не похвалят, до тех пор я не успокоюсь.

События личные (неполучение бумаг и нужных документов) и общественные... не дали нам возможности приехать в Берлин, а меня лишили бесконечного счастья попасть в культурную среду. Здесь этим интересуются меньше всего, и потому применить здесь себя это все равно, что открыть зонтик от ветра <...>

Между прочим, в посл<еднем> письме к Т.Д.Ц.⁸ (на котор<ое> я не получила ответа) я послала список стихов, кот<орые> дал мне М.А. Вол<ошин>; многие, я видела, уже печатались, но некот<орые> — нет, напр. «Бойня» — чудная, дов<ольно> длин<ная> вещь. Может быть, прислать?»

Теперь я окончат<ельно> потеряла из виду М. Ал., сколько ни писала в Москву, в Севастополь, справлялась о нем, никто не знает <...>

В. Гансон.

КОММЕНТАРИИ

¹ Волошин имеет в виду статью А. Яценко «Русская поэзия за последние три года», где были процитированы стихотворения «Китеж», «Заключение о Русской земле» и «Святая Русь» и где была дана следующая характеристика творчества Волошина:

«Наиболее свободным по духу поэтом оказался Максимилиан Волошин. Он один из немногих, еще во время войны, сумел остаться “au dessus de la mêlée”, что и доказал своим сборником “Anno mundi argenti”. Он не дал себя увлечь и революционными страстями и посмотрел на нашу революцию в перспективе всей нашей истории, знавшей не раз и не одно дикое поле, усеянное мертвыми костями. Не раз уже Русь блуждала в смутной мгле. И Волошин сумел сказать о нашей революции много мудрого словами стародавними, почти былинными. Самый стих его приобрел необычайную силу и часто словно вычеканен древнерусским мастером из дорогого металла» (PK, № 3, стр. 16).

² Ср. сведения о Волошине в хронике *НРК*: «Максимил. Ал-дрович Волошин, по последним известиям, находится в чрезвычайно бедственном материальном положении в Крыму» (1922, № 1, стр. 40); «Максимил. Ал-дрович Волошин живет по-прежнему в Коктебеле, пишет большую поэму “Каинов цвет” (1922, № 4, стр. 35); «Максим. Ал-др. Волошин полтора года болен ревматизмом и подагрой, не позволяющей покидать Феодосию <...>» (1922, № 5, стр. 33).

³ Молодая поэтесса В.Я. Гансон, вопреки этому письму, в Берлин не приехала. В приложении мы приводим фрагмент ее письма к Яценко. В конце 20-х годов В. Гансон принимала участие в вечерах молодых русских поэтов в Париже. См.: М. Beussac. *La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930)*. Paris, 1971, pp. 142, 151, 164.

⁴ Таким образом, данное письмо позволяет установить имя женщины, передавшей большое письмо и «Стихи о терроре» Волошина Яценко. Никакими сведениями о ней мы не располагаем. По-видимому, она работала в Наркоминделе (см. письмо № 4).

⁵ Петр Алексеевич Сергеев (1854—1930), писатель, биограф Л.Н. Толстого. Летом 1922 года в печати сообщалось о приезде престарелого П.А. Сергеевко в Константинополь с целью сбора пожертвований для голодающих в Крыму писателей (см. *Рулъ* (Берлин), № 493, 15 (2) августа 1922 г.).

⁶ И.С. Кожевников, работник Наркоминдела, в эти самые дни (по данным И.Т. Куприянова, *Судьба поэт (Личность и поэзия Максимилиана Волошина)*, Киев, 1979, стр. 210).

⁷ *НРК*, 1922, № 3, стр. 1—3.

⁸ Татьяна Давыдовна Цемах, сотрудница Карадагской биостанции, подруга М. Волошина (см.: И.Т. Куприянов, *цит. соч.*, стр. 183—184). Ее упоминает В.В. Вересаев в очерке «Коктебель»:

«Волошин был когда-то женат, но давно разошелся с женой. В годы 1918—1921, когда я жил в Коктебеле, Волошин являлся везде с молодой, художавой, довольно красивой женщиной, еврейкой, которую он всегда рекомендовал неопределенно-просто Татидой. Так все ее и звали. Елена Оттобальдовна <мать Волошина> ее не любила, поедом ела, она была кроткая и безответная, делала самую черную работу. Для жизни она была какая-то неприспособленная. В одной эпиграмме Волошина Татида заявляла, что

В этот мир явилась я
Метаться кошкой очумелой
По коридорам бытия».

(В. Вересаев. *Невыдуманные рассказы*. М., 1968, стр. 482.)

После приезда в Берлин в 1921 году Татида была секретарем «Дома Искусств», печаталась в *Словохах* (см. ее стихотворение «Коктебель (В Крыму)» в № 8 за 1922 год), а начиная с февральского номера *НРК* за 1923 год поместила (за подписью Т. Ц.) несколько рецензий на поэтические книги (в том числе на сборник В.Ф. Ходасевича *Из еврейских поэтов*). В начале 1924 года выпустила в Берлине стихотворную книжку *Восьмистишия*, которая, по словам рецензента, «не блещет своеобразными образами, оригинальным ритмом, — но правдивостью, теплотой и непосредственностью оставляет след в душе читателя — особенно читательницы» (*Накануне*, № 34 (551), 10 февраля 1924, «Литературная неделя», стр. 8).

⁹ Напечатано в *НРК*, 1923, № 2.

А.М. ДРОЗДОВ

Имя Александра Михайловича Дроздова (1895—1963) ничего не говорит современному читателю и едва ли знакомо литературоведам, историкам русской литературы. Между тем оно прогремело в 1921—1923 годах, в эпоху расцвета русского Берлина (ср. статью М. Слонима «Художественная литература», в кн.: *Русская зарубежная книга*. Ч. 1. Прага, 1924, стр. 107), сопоставлялось с ярким талантом А.Н. Толстого и казалось залогом здорового развития современной русской прозы, противостоящего декадентским тенденциям модернистской литературы.

До революции Дроздов был близок к нововременским кругам (см. мемуары Р.Б. Гуля в *Новом Журнале*, 132, 1978, стр. 29). В период Гражданской войны и берлинской эмиграции он переживает (подобно его кумиру, А.Н. Толстому) стремительную эволюцию. Он был в Добровольческой армии и сотрудничал в Осваге (Отделе пропаганды при Особом совещании Главнокомандующего Добровольческой армии) в Ростове-на-Дону. Этот период освещен им в ценном мемуарном очерке «Интеллигенция на Дону», напечатанном в *Архиве Русской Революции*, т. III (1921). Характеристику Освага см. в мемуарах А.М. Ренникова *Минувшие дни*, Нью-Йорк, б. г., стр. 329—331. В Берлине Дроздов вошел в кружок молодых литераторов, группировавшихся вокруг В.Б. Станкевича, и именно поддержке последнего обязан выходом в Берлине своей книги *Счастье в заплатках*, обратившей общее внимание и заставившей усматривать в ее авторе свидетельство жизненности эмигрантской прозы. В статье «Походь духа. Советская беллетристика» Дроздов отстаивал тезис о невозможности возрождения беллетристики в условиях большевистской России: «Три года красного режима не только не вызвали из недр народных ни единого писательского голоса, но задушили все голоса, звучавшие в литературе до сих пор: от большевистских когтей, поцарапавших душу, не могут отдохнуть даже писатели, бежавшие в Европу» (*Руль*, № 109, 27 (14) марта 1921 г., стр. 8. Эта заметка, как и другие выступления Дроздова в *Руле*, не учтены в подробной библиографии его в кн.: *Русские советские писатели-прозаики. Биобиблиографический указатель*. Том 7 (дополнительный). *Абрамов-Ясенский*. Ч. 1, М., 1971, стр. 242—255).

В статье о первых книгах Дроздова, целиком посвященных периоду Гражданской войны, Ященко связал с молодым прозаиком надежды на создание новой прозы в условиях берлинской эмиграции. Подчеркивая отсут-

ствии действительного литературного мастерства, он считал, что это компенсируется у Дроздова неподдельным художественным талантом и особым биографическим опытом юного литератора:

«Жизнь, нашедшая отображение в рассказах Дроздова, не та, что любят изображать “стариками”, уходящие мечтой от наших проклятых дней в недавнее прошлое, когда они были — сравнительно — так счастливы. Он, увы, не знал иной жизни, кроме нашей свирепой и беженской. Оттого так тяжелы и так трудны его сюжеты. Они казались бы неестественно и надуманно жестокими, если бы не была таковой наша ожесточенная и безобразная жизнь <...>. Когда видишь этого нежного юношу, смотришь в его светлые голубые глаза, обидно и больно делается. ”Он был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины”. Как чутко чувствует он вечную нестареющую красоту природы, идиллию деревни и сладость тихого счастья вдвоем, какая глубокая жажда нежности, любви, чистой ласки таятся в его мягком сердце. А вместо этого судьба бросила его среди чудовищ и зверей» (*РК*, № 9, стр. 8—9. Ср. упоминание Дроздова и Глеба Алексеева среди «обещающих имен» и «интересных потенциалов», рожденных эмиграцией, — в статье Андрея Белого «О “России” в России и о “России” в Берлине». *Беседа*, № 1, май—июнь 1923, стр. 228).

Эта оценка вызвала недоверие в писательской среде в Советской России. В отклике на статью Ященко петербургский журнал *Летопись Дома Литераторов* заявил: «Почему проф. Ященко надеется, что именно Дроздов “поддержит славу русской литературы”, понять трудно» (*Летопись Дома Литераторов*, № 3, 1 декабря 1921, стр. 12). Иронически цитируя ту же статью Ященко, В. Ирецкий (вскоре высланный из России в Берлин) подверг сокрушительной критике поэтические качества книг Дроздова:

«Увы! Как бесцветна и посредственна должна быть литература, если приходится на первое место выдвигать автора, подобного Дроздову. Ни выдумкой, ни стилем, ни наблюдательностью молодой автор не отличается. Бледный, штампованный и по-газетному стремительный язык не свидетельствует даже о намерении выразиться как-нибудь поострее, чтобы приводимый образ не забылся мгновенно. По-видимому, его главное достоинство для заграницы — это его темы. Они посвящены новой, революционной России, и в этой смелой роли “бытописателя революции” он и стяжает зарубежные лавры.

К сожалению, у этого бытописателя есть один довольно немаловажный дефект: русской революции он попросту не знает, так как расстался с ней приблизительно тогда, когда в Петербурге на всех углах стали появляться коммиссионные магазины. Они-то и составляют революционный фон его рассказов, посвященных в общем вполне дореволюционным кокаинистам, садистам и истеричкам. Может быть, там, за границей, где каждый эмигрант ощущает смертельную тоску по России, каждое слово о ней волнует и радует и каждый рассказ может сойти за “литературу”, подобно тому как в глухой провинции иллюстрация на открытке заменяет картину. Иными словами, это — литературный суррогат, отвечающий потребностям данного места и

данного времени» (В. Ир. «Молодое племя». *Северное Утро*. Сб. первый. Пб., 1922, стр. 120—121).

В 1921—1923 годах Дроздов активно сотрудничал в *НРК*, где выступил с автобиографической статьей в разделе «Писатели — о себе» (1922, № 3, стр. 41—42) и многочисленными рецензиями (в том числе на «Любовь — книгу золотую» Толстого, 1922, № 4 и его же «Наваждение», 1921, № 4, книги Ремизова — 1921, № 3, стр. 1 и 1922, № 8, стихотворные книги пролетарских поэтов — 1921, № 3, книги Игоря Северянина — 1921, № 2, «Цветные ветра» Всева Иванова — 1922, № 11—12). Программные высказывания Дроздова по литературным вопросам сближались в 1921—1922 годах с позициями А.Н. Толстого и Ященко. «Что выше литературы русской? — писал Дроздов в статье «Птица, которая бессмертна». — Ничто, ничто. И в наше время обязательных дроблений, градаций, делений литературы на пролетарскую, новозаветную и на буржуазную ветхозаветную понятно же уцелела *русская* литература. Ее истоки замутились кровью, желчью, человеческим отчаяньем, и все же она жива и по ту сторону границы, где слышна русская речь, и по эту сторону ее, где слышна речь немецкая, французская, итальянская» (*ПК*, 1921, № 2, стр. 8).

С первых месяцев пребывания в Берлине Дроздов предпринял попытки организации литературных сборников и журнала. В письме к Дон-Аминадо от 13 сентября 1920 года он сообщал об этих проектах:

«Альманах *Огни* я готовлю к октябрю и очень уповаю на Ваше перо, помимо же альманахов есть мысль наладить периодический литературный журнал, на который мне предлагают деньги. Обо всем напишу Вам тотчас же, как все будет втиснуто в свои колеи» (Бахметевский архив в Нью-Йорке). В конце 1921 года Дроздов наладил выход ежемесячного литературно-художественного журнала *Словохи*. Задачи его формулировались следующим образом:

«...не принадлежа ни к какой партийной группировке и задаваясь иными целями, мы отодвигаем в сторону вопросы активной политики; не представляя также обособившегося общественного течения, мы не берем на себя попытки поставить определенные вехи на заметных дорогах русской общности. Наша прямая задача: послужить русской культуре и русской литературе из неласкового и невольного далека; наша задача: отразить русскую мысль, творческую и общественную, не умершую, не посмевавшую умереть в беспримерных и неповторимых условиях.

Наше русло: безоговорочная демократичность.

В этом наша официальная программа <...>

Далече ли до России? Близко? Верстов семь, с гаком. В ней расшатана государственность, хозяйство, нравственный стержень души народной, демократичность. Цельней и счастливей сохранилась русская пришибленная культура, но и ей оправиться надо. Так ежели до оздоровленной России ехать осталось семь верстов, то до оздоровленной культуры ее ехать осталось — гак» (Александр Дроздов. «Домашние страницы», *Словохи*, 1921, № 1 (нобрь), стр. 27—28).

В журнале сотрудничали Бунин, А.Н. Толстой, Г. Алексеев, А. Амфи-театров, К. Бальмонт, Дон-Аминадо, Е. Чириков, С. Маковский, Г. Лукомский, Вл. Сирин, Г. Струве, Вас. Немирович-Данченко, Ходасевич и другие писатели эмиграции; после приезда Пильняка в Берлин в *Слолохах* появляется ряд произведений авторов, живущих в Советской России, — Н.С. Ашукина, Э. Голлербаха, П. Сухотина, И. Оксенова, Н. Никитина, Б. Пильняка, Е. Зозули и т. д. Ященко (выступивший в первом номере *Слолохов* с политическим обзором) одобрительно отозвался о «широкой терпимости» редакции журнала (см. его рецензию на *Слолохи* в *НРК*, 1922, № 9, стр. 25—26); петербургский же критик А. Горнфельд осудил его за беспринципность и эклектизм (*Летопись Дома Литераторов*, № 3 (7), 1 февраля 1922, стр. 9). В автобиографии, тогда же напечатанной, Дроздов пожаловался на то, что его журнал «одни бранят за то, что в нем нет политического направления, а другие за то, что политическое направление есть» (*НРК*, 1922, № 3, стр. 42). Регулярной критике подвергался журнал Дроздова в газете *Накануне* (в частности, в фельетонах И. Василевского). В свою очередь, прокламирование «аполитичности» вынудило *Слолохи* осудить вхождение берлинских писателей — и прежде всего — А.Н. Толстого — в сменовеховскую газету. В статье, отмечающей поворот современной русской прозы к реализму, к здоровой «жизни», Дроздов отмежевался от Толстого и его литературного органа в момент, когда *Накануне* открыло контору в Москве:

«Литературу делают писатели, писатели слушают жизнь, жизнь не только в шепоте ковылином, в детских голодных стадах у Самары и любви Павла Николаевича к Валентине Григорьевне. Жизнь хотя бы и в том, могут ли писатели давать свои имена в казенную газету “Накануне”».

Я затронул этот вопрос не потому, что меня интересует политика, я затронул его только в применении к работникам литературы, но не политики, затронул, ежели можно так сказать, душевно.

Здесь резко и упрямо провожу я черту территориальную. Писатели, из России дающие рукописи, чисты перед совестью своей. В России нет прессы, “Накануне” — форточка для них, пропускающая свежий воздух свободной Европы. Для писателей, живущих за рубежом, “Накануне” — хомут, добровольно накинутый ими на свои шеи, добровольное узилище и нечистоплотность, ибо жандарм может быть хорошим человеком вне службы, но на службе он все-таки жандарм.

Если бы дело было всего только в склизком И. Василевском (Не-Букве), который за день до “Накануне” хвалил мне в глаза “Слолохи” и напрашивался в сотрудники, а издателя моего уговаривал издавать свои “Свободные мысли”, потому что, дескать, в Берлине слыхом мало воюют с большевиками — об этой странице русских литературных кулис говорить было бы просто скучно <...>

Дело в гр. А.Н. Толстом, писателе большом и искреннем, чьи книги наша национальная гордость. Гр. А.Н. Толстой стосковался по России, по тем пашням, певцом которых он был, по тому быту, в котором он как рыба в воде. Гр. А.Н. Толстой принял поддужную газетенку за самый короткий ко-

ридорчик в официальную Россию. Гр. А.Н. Толстой ошибся: в Россию для писателя есть более короткая дорога — честная и открытая литературная работа, подобная той, которой заняты писатели в России.

Я заговорил об этом лишь потому, что уход писателей в “Накануне” необычайно согласен с мыслями об осиновом коле, который вбит литературой в нездоровое свое “вчера”. Здоровье предполагает прямоту совести — гр. А.Н. Толстой не г. Василевский, которому все равно, уважают ли его или презирают, лишь бы держали. Чем крепче будет мужать здоровое начало в словесности, тем здоровее станет атмосфера вокруг нас, тем скорее гр. А.Н. Толстой — истинно наш по писательству своему — в последний раз захлопнет двери случайной своей редакции» (Александр Дроздов. «Мысли о здоровом». *Словохи*, № 9, июль 1922, стр. 24—25. Говоря о «короткой дороге» в Россию в этом куске, автор, по-видимому, подразумевает предстоящую публикацию своего рассказа «Бес» в московском журнале *Красная Новь*, кн. 5, сентябрь—октябрь 1922, стр. 108—113).

Шедшим с разных сторон обвинениям в «бесхребетности» по адресу *Словохов* Дроздов противопоставил попытку учреждения (с весны 1922 г.) литературной группы писателей «Веретено», с определенной политической — антибольшевистской — окраской. Задачей его было, в частности, оттягивание литераторов от сотрудничества с *Накануне*. Вместе с тем, по замыслу, объединение должно было привлечь парижских литераторов отчетливо антибольшевистской ориентации. В хронике *Накануне* новая группа сатирически характеризовалась следующим образом: «Объединение “Веретено”, группирующее писателей по политическому признаку, предполагает издание альманахов и агитационных бюллетеней. Обещано содействие парижского “Ордена Непримириных”, группирующегося вокруг З.Н. Гиппиус. Атаман П.Н. Краснов вопреки слухам членом объединения не состоит» (*Литературное приложение к «Накануне»*, № 3, 14 мая 1922, стр. 12. Язвительная фраза о Краснове подразумевает публикацию его очерка «В донской станице при большевиках» в первых двух номерах *Словохов*). В других откликах на образование нового содружества подчеркивалась, наоборот, его аполитическая направленность. Вл. Немирович-Данченко, например, сообщал:

«Из наших новостей могу вам сообщить о литературном кружке “Веретено”. Цель его — возврат к красоте и простоте нашего языка. В нем принимают участие лучшие наши писатели, и скоро выйдет его первый сборник, где появятся новые произведения Бунина, Амфитеатрова, Ремизова, С. Черного, Тэффи и других. Между прочим, в бюллетене этого кружка будут помещены рисунки молодого талантливого художника Залшупина, уже давшего “Словохам” ряд великолепно исполненных портретов наших писателей» (В. Н.-Д. «Письмо из Берлина». *Литературные Записки* (Птг.), № 3, 1 августа 1922, стр. 14).

В «аполитических» характеристиках описывалась новая группа и в заметке о ней в журнале *НРК*, материал для которой был поставлен самим Дроздовым:

«В Берлине основалось содружество писателей, художников и музыкантов “Веретено”. Одним из организаторов этого кружка так определяют его цели: “Веретено” ставит своей целью проповедь творческого начала жизни и утверждение веры в созидательные силы русского искусства. Содружество, абсолютно чуждое всякой политики, будет бороться с разложением русской литературы (в частности, с засорением русского языка) и с искусственностью, подменяющей подлинное искусство, резко и определенно отмежевываясь от “псевдомолодых” и “псевдостарых” течений в русской литературе сегодняшнего дня, которые не совпадают с истинными путями русского возрождения. “Веретено” не намерено ограничиваться деятельностью в эмиграции, но вступило в тесную связь с родственными ему творческими силами в России» (*НРК*, 1922, № 5, стр. 26).

С лета 1922 года было начато издание двух органов — «вестника критической мысли и сатиры» *Веретеньши* (вышло три номера) и альманаха *Веретено*. В *Веретеньши* широко освещалась молодая проза Советской России; предполагалось привлечение молодых писателей Москвы и Петрограда (ср. в письме М. Слонимского к М. Горькому, октябрь 1922 г., о позиции «Серрапионовых братьев»: «В “Веретеньш” не пойдем», *Литературное Наследство*, том 70, М.—Л., 1965, стр. 384). Альманах *Кольцо* (М., 1922) был анонсирован в *Веретеньши* как орган московского филиала группы, и второй номер альманаха, по словам этой заметки, должен был включить в себя произведения берлинцев (см.: *Веретеньши*, 1922, № 2, стр. 8. Ср.: *Рухь*, № 459, 21 (8) мая 1922 г., «Веретено»).

Неясность исходной платформы и наличие двух противоположных флангов в «Веретене» (борьба их подробно рассмотрена в исследовании В.И. Баранова *Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму*. М., 1967, стр. 135—142) привели к распаду его, прежде чем содружество успело заявить о себе творчески. На первый вечер группы (22 октября) Глеб Алексеев пригласил И. Василевского; на второй (12 ноября) — Дроздовым был приглашен А.Н. Толстой. Эти примиренческие шаги в направлении к *Накануне* положили конец существованию группы. 12 ноября в газете *Рухь* было сообщено об уходе из «Веретена» восьми его членов — В. Амфитеатрова-Кадашева, Ивана Бунина, Сергея Горного, И. Лукаша, В. Сирина, Глеба Струве, В. Татаринова и Л. Чацкого (Л. Страховского), при этом ушедшие переходили в издательство «Медный Всадник». (Отколовшиеся члены «Веретена» образовали «тайный» литературный кружок, о котором см. воспоминания Глеба Струве «Об одном берлинском литературном кружке», *Новое Русское Слово*, 4 октября 1981, стр. 5.) Этот раскол совпал по времени с появлением альманаха *Веретено*. В отзыве на этот сборник, напечатанном в журнале *Русская Мысль*, 1923, кн. 1—11 и датированном ноябрем 1922 года, Г.П. Струве писал: «В “Веретене” нет никакого единства, и судить о нем, как о выявлении какого-либо литературного течения поэтому не приходится. Можно говорить лишь об отдельных вещах». Об инициаторе издания А. Дроздове в той же рецензии говорится как о «писателе несомненно талантливым, но по-старчески плодовитом и по-мальчишес-

ки торопливым» и проводится параллель между ним и А.Н. Толстым: у обоих нет целостного мироощущения, обоих характеризует «безыдейность». (Ядовито-отрицательной была рецензия на *Веретено* Н. Асеева в *Печати и Революции*, 1923, кн. 3, апрель—май, стр. 264—265.)

Таким образом, выход книги, которая должна была стать трибуной содружества, совпал с его полным развалом. В декабре о выходе из него объявили В. Пиотровский и Глеб Алексеев (бывший товарищ председателя содружества) — см. *НРК*, 1922, № 10, стр. 32. А 16 января 1923 года в московских *Известиях* об отказе от сотрудничества в изданиях «Веретена» заявили московские его члены Н.С. Ашукин, Е. Зозуля, Ю. Слезкин, Б. Пильняк, А. Яковлев, Ю. Соболев, А. Соболев, Д. Стонов и В. Лидин (см. *НРК*, 1923, № 2, стр. 38). Это совпало с резкой метаморфозой общественно-политической позиции основателя «Веретена» А.М. Дроздова, внезапно примкнувшего к *Накануне* и напечатавшего в газете и в ее литературном приложении ряд беллетристических вещей и статей, в том числе поразивший современников фельетон «Дар слез» (*Накануне*, № 211, 16 декабря 1922 г.), содержащий резкие нападки на эмиграцию (см.: Н. Тасин. «Два слова о Дроздове», газета *Дни*, № 46, 22 декабря 1922). Тогда же было объявлено о прекращении редактирования им *Словохов* и о предстоящей поездке в Советскую Россию:

«Перед своим отъездом в Россию А. Дроздов основывает в Берлине литературный журнал *Новые Словохи*, первый номер которого выйдет в начале будущего года» (*Литературное приложение к «Накануне»*, № 32, 1922, 24 декабря, стр. 8. *Новые Словохи* так и не вышли. Редактирование *Словохов* перешло с 19—20 номера к высланным из Петербурга В.Я. Ирецкому и Б.И. Харитону — см.: *Дни*, № 202, 1 июня 1923).

Неожиданную эволюцию А. Дроздова А.С. Яценко встретил с явным разочарованием. В его обзоре «Литература за пять истекших лет» оценка творчества Дроздова заметно расходится с прежними восторженными отзывами: «А. Дроздов — писатель “эмиграции”, возненавидевший ее, выпустил в Берлине ряд книг — “Подарок Богу”, “Девственница” и др., с художественным дарованием, но, вследствие своей чрезмерной склонности к патетичности и риторике, — линия Леонида Андреева — часто неприятный. Очень неточный в художественных деталях, торопливый, и сплошь и рядом однообразный» (*НРК*, 1922, № 11—12, стр. 4). Ср. это с характеристикой Дроздова в недавних мемуарах Р.Б. Гуля: «Литературной техникой Дроздов владеет вполне <...> Но техника техникой, а беда Дроздова была в отсутствии у него внутренней темы. Зинаида Гиппиус в рецензии правильно писала: “бесхребетный писатель”. И так у Дроздова было не только в литературе. Несмотря на молодость, он был душевно опустошен и циничен. И я не так уж удивился, когда этот ультраправый литератор в 1923 году внезапно, бросив жену и ребенка, уехал в Сов. Россию» (*Новый Журнал*, 132, 1978, стр. 29—30. Дроздов уехал в Москву в начале декабря 1923 года. См.: *Накануне*, № 501, 9 декабря 1923, стр. 7). Его очерк «В пути», описывающий возвращение на родину, был напечатан в *Накануне*, № 7 (524), 9 января 1924 г. В комментарии к письмам А.М. Дроздова к М.Ф. Хандамирову дата возвращения писателя в Россию указана неточно, см.:

Georg Jaugelis. «Корреспонденция русских писателей с лундскими славистами». II. *Slavica Lundensia*, 2 (Lund, 1974), p. 112.

В СССР, среди прочего, А.М. Дроздов издал роман о белой эмиграции *Лохмотья* (Харьков, 1928). В 40—50-е годы он был заведующим отделом художественной прозы журнала *Молодая Гвардия* и журнала *Новый Мир*, а в конце 50-х годов перешел в редакцию журнала *Октябрь*. Этому периоду его деятельности посвящена заметка о нем Лидина (см.: В.Г. Лидин. *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 3. М., 1974, стр. 593—596).

1

Публицистические статьи и фельетоны печатаю главным образом в берлинской газете «Голос России» и парижских газетах «Последние Новости» и «Свободные мысли».

В издательстве «Мысль» выпускаю книгу рассказов, объединенных общей темой: о русской женщине в обстановке мирной жизни, революционной и беженской. Рассказы, вошедшие в эту книгу, частью были напечатаны в русских журналах, частью не напечатанные, написаны здесь. Книга носит заглавие «Счастье в заплатах».

В том же издательстве, в «Книге для всех» выходит моя повесть «Распятие», написанная в Крыму при большевиках, где я пытаюсь отразить жизнь одного из временных антибольшевистских правительств и гибель его.

В настоящее время работаю над новой книгой повестей, отражающих всецело мартовскую и большевистскую революцию в России.

Живу в Берлине, Hohenstaufenstrasse, 18, bei Wiesener. Shöneberg, Berlin, tel. Lützow — 76—12.

Александр Дроздов¹.

2

Дорогой А. С., перерыл свои ящики, а рецензии — как в воду. Вернусь домой, переищу еще раз. Покуда посылаю о Даманской и пару слов о словаре — порекламируйте моего издателя².

Всегда Ваш А. Дроздов.

3

Дорогой профессор, сегодня получил Ваше письмо. Я перешел на летнее безмятежное положение и сейчас живу в Wünsdorf'e, работаю и играю в футбол и тону в озере. Здесь же и Алексеев³ — очень ждем Вас к себе в любой день.

От Слезкина и от Галати⁴ действительно получил автобиографии (хорошие), которые передам Вам в Берлине в конце недели, когда приеду на прием. С Минцловым все улажено — беспокойный старик⁵. О Ремизове пишу уже здесь⁶, на свободе, вдали от телефонных звонков и прочей чепухи.

Согласно выраженному Вами желанию, посылаю при сем добавление к нашей веретенской хронике для «Русской Книги»⁷. Веретеныш — уже печатается и по выходе Вашего № 5 будет на рынке. Пожалуйста, поместите.

Кланяюсь жене Вашей, Микитову.

Жму Вашу руку от души.

Ваш А. Дроздов.

13 июня 1922 г.

Wünsdorf bei Zossen, Schützenhaus
tel. Wünsdorf, Schützenhaus.

4

Дорогой профессор, при сем — Слезкин и Галати⁸. В следующий присыл — статья моя о Ремизове. Жду Вас к себе на озеро. Кланяюсь Микитову и Гулю.

Ваш А. Дроздов.

17 июня 1922 г.

Wünsdorf bei Zossen. Schützenhaus.

5

Дорогой профессор, тут вот взяли да и столкнулись две редакторские жадности. Слезкин прислал мне статью «Я жив!» с полным полномочием распорядиться ею по моему усмотрению, указав на «Русскую Книгу» как на журнал более для нее подходящий. Так как

мои руки были первые, то я, не будь недогадлив, задержал ее, но не для альманаха, а для «Веретеныша» (печатается сейчас у нас такой критико-сатирический веретенский бюллетень). Слезкин член «Веретена»; обо всем этом знает, меня же, в силу нашей старой дружбы, просил быть «распорядителем» тех рукописей, что идут через меня. Поэтому, дорогой Александр Семенович, не сердитесь, и не кляните меня.

О Ремизове пишу и на днях доставлю.

Крепко жму руку.

Ваш А. Дроздов.

Wünsdorf, Schützenhaus.

25 июня 1922 г.

6

Дорогой Александр Семенович,

До моего сведения дошло, что некоторыми лицами, находящими в этом особое счастье, распространяется по Берлину клевета, брошенная против меня г. Слезкиным. Т<ак> к<ак> эта клевета свила себе, по-видимому, уютное гнездо в редакции «Новой Русской Книги», я очень прошу Вас передать этим некоторым лицам, что по получении мною затребованных от г. Слезкина объяснений, они понесут полную ответственность. И каждый в том порядке, которого заслуживает.

В силу поведения г. Слезкина г. Берлин отказался взять на себя дальнейшее ведение дел г. Слезкина и принять от меня копию банковской расписки, копии доверенностей, на основании которых я действовал, и вещи, которые я по поручению г. Слезкина закупил. В силу тех же соображений и я категорически отказываюсь от дальнейшего ведения литературных дел г. Слезкина, предлагая ему избрать своим доверенным либо Вас, либо Вашего секретаря, который, надеюсь, согласится часть времени, затрачиваемую им на сплетни, затратить на исполнение слезкинских поручений. По получении от г. Слезкина доверенности благоволите либо Вы, либо секретарь Ваш принять от меня копии оправдательных документов и вещи.

Дружески жму Вашу руку.

Александр Дроздов.

14 июля 1922 г.

Дорогой Александр Семенович,

Дабы между нами не было недоговоренности и дабы Вы не поняли меня в дурную сторону, отвечу и я вам по пунктам:

1) под «некоторыми лицами» я разумею исключительно Романа Гуля и Федора Иванова, которые всегда у меня встречали только самое дружеское гостеприимство, а теперь находят счастье раздуть сплетню, на что имею доказательства. О сплетне этой я и забыл — но они-то ее хорошо помнят.

2) Клевета пошла от Гуля, который у Вас секретарствует.

3) Посоветовал мне попросить Вас взять на себя беспокойную обязанность ведения слезкинских литературных дел Берлин. Само собою, я ничего Вам не навязываю.

4) Обращение к Вам с моей стороны в коллективном тоне не западало мне в мысли. Если я неудачно выразился, очень об этом сожалею. Дурного чувства к Вам лично у меня никогда не было.

5) Написал я Вам с исключительным желанием, чтобы Вы все мною сказанное передали Гулю, с которым намерен говорить так, как он это поведением своим предлагает. Очень прошу довести это до его сведения и на сей раз.

6) Очень сожалею, если противно своей воле огорчил Вас. Отнесите это на не совсем в ту пору спокойное настроение мое.

Дружески жму Вашу руку.

Ваш А. Дроздов.

17 июля 1922 г.⁹

8

Дорогой профессор, видите, как я держу слово. При сем еще маленькая заметочка «о себе»¹⁰. Голлербах мне пишет, что у Вас на мое имя есть его статья и письма Розанова¹¹. Если Вам не нужно, перешлите пожалуйста, хотя Голлербаха всюду вороха. Меня интересуют особенно розановские письма.

Жму руку.

Искренно Ваш А. Дроздов.

14 сент<ября> 1922 г.

Дорогой профессор, пересылаю Вам весточки из России. Пишет ли для Вас кто-нибудь о «Серебрянном голубе» Белого^{12?} Если нет — я написал бы с удовольствием. Ответьте.

Крепко жму руку.

Ваш А. Дроздов.

КОММЕНТАРИИ

¹ Вошло в обзор «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1920 г.», *РК*, № 1, стр. 21.

² Датируется по содержанию. Рецензия Дроздова на книгу А.Ф. Даманской *Стеклопанельная стена* напечатана в *РК*, № 9, стр. 10.

³ Глеб Васильевич Алексеев, соратник Дроздова по «Веретену».

⁴ Екатерина Александровна Галати (Косвен), поэтесса, автор стихотворных сборников *Тайная жизнь* (СПб., 1916) и *Золотой песок* (М., 1924), участница альманаха «Кольцо» (отрецензированного А. Дроздовым в *Литературном приложении к «Накануне»*, № 32, 24 декабря 1922). Печаталась в журнале *Слово* и в *Литературном приложении к «Накануне»* (см. об этом в воспоминаниях Р. Б. Гуля, *Новый Журнал*, 137, 1979, стр. 99). Справку о ней см. в *НРК*, 1922, № 6, стр. 31; автобиография ее в *НРК* не появлялась.

⁵ С.Р. Минцлов (1877—1933) — исторический романист и библиограф. В майском и июльском номерах *Слово* за 1922 г. были помещены куски его дневника 1914 г. «Как шла жизнь».

⁶ Рецензия на берлинские издания Ремизова, *НРК*, 1922, № 8, стр. 17—18.

⁷ Анонимная заметка о *Веретене*, *НРК*, 1922, № 5 (вышел в июле), стр. 26.

⁸ Справки о Е.А. Галати и Ю.Л. Слезкине, напечатанные в *НРК*, 1922, № 6, стр. 31, 34 и основанные на присланных А.М. Дроздову автобиографиях.

⁹ Комментарием к этим двум письмам Дроздова о недоразумении со Слезкиным может служить следующая записка Р.Б. Гуля к А. Яшенко:

«*Был Берлин* —

— показал письма Слезкина — вскрывающие все Дроздовские мерзости:

1) Слезкин пишет, что получил от Дроздова письмо, в котором Дроздов сообщает, что статью «Я жив» передал в «Нов. Русск. Кн.» — (Я знаю, что она набрана для «Веретена»). Это — одно вранье.

2) Затем — Слезкин пишет, что в отчаянном положении и что до сих пор денег за проданные Дроздовым книги не имеет, несмотря на его письма о их высылке. Кроме того Дроздов взял себе «комиссию» за продажу в 6000 мар., Слезкин — пишет «гносно! гносно! гносно!» по адресу Дроздова.

3) Он опять узнал из № 4 Нов. Русск. Кн., что Дроздов печатает у Гутнова без его разрешения «Чертовку» (первую часть «Господина в цилиндре») — опять негодует, т. к. Дроздов попросту ворует его деньги в то время как Слезкин, — только что выпущенный из Чеки, голодает.

4) Слезкин просит Берлина забрать у Дроздова рукописи, — а Люля пришла к Берлину и говорит: «Нет ли рукописей Слезкина — он просит Шуру все взять в его распоряжение»».

5) Берлин просит — Вас поговорить с Дроздовым и все же взять “Я жив”, которую Слезкин хочет видеть в “Нов. Русск. Кн.” и о которой Дроздов наврал, что передал.

6) Слезкин просит показать письмо Толстому, — дабы оказать на Дрозд-
<ов>a во всей это гнусности воздействие» (Коллекция Б.И. Николаевского, № 72, п. 60).

Павел Абрамович *Берлин* (1877—1962), упоминаемый здесь в письмах Дроздова и Гуля, публицист, историк, соредактор (вместе с Н.А. Архипповым) выходившего с дек. 1910 г. журнала *Новая Жизнь*, автор ряда книг и статей по историческим и социальным вопросам. В начале 1922 года приехал из Москвы в Берлин; сотрудничал в *НРК* и *Новостях Литературы*. См. о нем справку в *НРК*, 1922, № 2, стр. 34 и некролог Б. Николоаевского в *Социалистическом Вестнике*, 1962, № 5—6. Ср. заметку: «Еще один невозвращенец. П.А. Берлин из парижского торгпредства», газ. *Последние Новости* (Париж), № 3511, 2 ноября 1930, стр. 1.

Люля (в письме Гуля) — жена Дроздова, дочь новоремента Л.Ю. Гольштейна (его «Листики из воспоминаний» появились в № 4 *Словох*, февраль 1922).

Юрий Львович *Слезкин* (1885—1947) — известный в 10—20-е годы прозаик, автор нашумевших перед революцией романов *Ветер* и *Ольга Орг*, перепечатанных в Берлине в начале 1922 года (см. рецензию Ф. Иванова на оба издания в *НРК*, 1922, № 4, стр. 13), друг М.А. Булгакова; большая статья М.А. Булгакова о Слезкине (датована маем 1922 г.) напечатана в журнале *Словох* (1922, № 11, сентябрь); см. также: Л.Е. Белозерская-Булгакова. *О, мед воспоминаний*. Анн Арбор, 1979, стр. 9; А.С. Wright, «Mikhail Bulgakov and Yuri Slyozkin», *Etudes Slaves et Est-Européennes*, 17 (1972), pp. 85—91 и статьи М.О. Чудаковой в *Вопросах Литературы*, № 7, 1973, стр. 238, 243—244. В 1920 году разнесся слух о том, что Слезкин был расстрелян большевиками во Владикавказе (см.: *РК*, № 1, стр. 30, а также заметку М. Дроздова «Писатели за рубежом», *Жизнь*, № 8, стр. 30; см. также некролог о нем Дроздова «Память друга» в газете *Голос России*, № 158, 18 июля 1920; о Дроздове Ю. Слезкин в это время писал в статье «Литература в провинции (Письмо из Владикавказа)», *Вестник Литературы* (Пгт.), 1921, № 1, стр. 14).

В 1921 — начале 1922 года в берлинском издательстве «Мысль» вышли две ранее не публиковавшиеся вещи Слезкина — «Чемодан» и «Господин в цилиндре». В мае 1922 года было сообщено о создании Московского филиала содружества «Веретено», во главе которого стал Ю.Л. Слезкин. В это же время всплыл вопрос о правах на издание произведений Слезкина за рубежом. В заметке о Слезкине в разделе «Судьба и работы...» в *НРК*, 1922, № 6, стр. 34 предлагалось по этим вопросам обращаться непосредственно к нему. Публикуемые здесь письма Дроздова и Гуля разъясняют подоплеку этой рекомендации. Спустя два месяца в *НРК*, № 8, стр. 35 было помещено опровержение «Русского универсального издательства», переиздавшего предреволюционные романы Слезкина, в котором сообщалось о том, что гонорар был передан Дроздову. Здесь же, на стр. 35, напечатано и письмо Дроздова, приведшего выдержку из письма к нему Слезкина с благодарностью за перевод денег и с предоставлением права на публикацию романа «Столовая гора». Роман этот (из эпохи революции и Гражданской войны) вышел в 1924 году в берлинском издательстве «Накануне» (кстати, прототипом одного из персонажей романа является М.А. Булгаков); до того, в августе—ноябре 1922 года фрагменты романа публиковались в *Литературном приложении к «Накануне»*. В заметке Г. Файмана «Автограф А.В. Луначарского» (*Вопросы Литературы*, 1980, № 2, стр. 311) приведен сочувственный отзыв наркома просвещения об этом произведении.

Статья Слезкина «Я жив» (названная в записке Гуля) напечатана в августе 1922 года в первом номере *Веретеньша*.

Дневник Ю.Л. Слезкина, относящийся к 1930-м годам, был недавно опубликован в *Вопросах Литературы*, 1979, № 9.

¹⁰ По-видимому, автобиография Вл. Лидина, напечатанная в *НРК*, 1922, № 8 (вышел в октябре), стр. 38—39.

¹¹ Э. Голлербах. «История одной полемики (Вл. Соловьев и Розанов)», *Словохи*, 1922, № 13 (ноябрь). Сборник писем Розанова к Голлербаху вышел в конце 1922 года в издательстве Е.А. Гутнова. Ср. также публикацию писем Розанова к Голлербаху в журнале *Словохи*, № 15—16 (январь—февраль 1923).

¹² Датируется по упоминанию романа А. Белого. О нем см. в статье Р.Б. Гуля об Андрее Белом, *НРК*, 1923, № 5—6, стр. 5—10.

Г.В. АЛЕКСЕЕВ

Глеб Васильевич Алексеев (1892—1938) — журналист, дебютировавший в газете *Копейка* в 1909 году, в 1910-е годы — сотрудник крупнейшей русской газеты *Русское слово*; позднее был назван Горьким талантливым «очеркистом». Отправился на фронт в Первую мировую войну, был дважды ранен. После революции эмигрировал, скитался по Греции, Венгрии, Югославии, был матросом на английском корабле, осел на далматинском острове Шипан, откуда в 1922 году перебрался в Берлин. Как беллетрист, Глеб Алексеев выдвинулся именно в Берлине. Помимо повести об эмиграции «Мертвый бег» (ср. рецензию Н.Л. Мещерякова в *Печати и Революции*, 1923, кн. 4, июнь—июль, стр. 264—266), сборника рассказов *Живая тупь* и очерков *Живые встречи*, он выпустил в Берлине переводы с украинского и антологии, посвященные Петербургу и деревне в русской поэзии. Вместе с А.М. Дроздовым основал эфемерное литературное содружество «Веретено». Выступал с рецензиями в *НРК*. В 1923 году заведовал редакцией «Книгоиздательства писателей в Берлине», внезапно уехал в Москву (прибыл 7 ноября 1923 г.). В Советском Союзе издал в конце 20-х — начале 30-х годов ряд беллетристических произведений; по свидетельству Р.Б. Гуля, советские писатели К. Федин и И. Груздев наметали на дружбу Алексеева с известным чекистом Я.С. Аграновым и на связь его с органами ГПУ (см.: *Новый Журнал*, 137, 1979, стр. 79). Автобиография Г.В. Алексеева включена в сборник *Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков*, под ред. Вл. Лидина (М., 1928). В 30-е годы принимал участие в горьковских литературных проектах. Был репрессирован. Дату его смерти мы приводим по изданию: *Архив А.М. Горького*. Т. X. М. Горький и советская печать. Кн. 2, М., 1965, стр. 386. См. о нем также в журнале *Литературный Современник* (Мюнхен), 1952, № 4, стр. 54.

<8.2.1921>

г. профессору Яценко

Милостивый государь г. редактор.

Позвольте настоящим предложить Вам для напечатания в Вашем уважаемом журнале четыре очерка под общим заглавием «Живые встречи» (Ив. Бунин, Д. Ратгауз, Б. Лазаревский и Анатолий Каменский). О сущности их позволю себе сказать несколько слов. При написании их мною руководило желание отразить русского писателя в свете революции, дать его духовный облик сейчас на виду у событий в России и дать, наконец, факты, которые не могли не отразиться и отразились на духовном облике того или другого писателя. Конечно, при этом я контролировал себя тем духовным обликом писателя, который встал из знакомства с его произведениями.

Первая группа «Живых Встреч» состоит из Ив. Бунина, Д. Ратгауза, Б. Лазаревского и А. Каменского. Я желал бы, если это возможно, чтобы помещена была вся группа в одной книжке и в указанной последовательности.

Вторая группа, работу над которой я теперь заканчиваю, включает в себе: Ев. Чирикова, Ив. Наживина, Вл. Лодыженского и Г. Вильяма. Затем я предполагаю работать над М. Волошиным, Сергеевым-Ценским, И. Эренбургом и В. Брюсовым и т. д.¹

Если очерки мои подойдут Вам и будут Вами взяты — не откажите уведомить меня об этом. Гонорар, ввиду запутанности и валюты и перевода его, всецело предоставляю определить Вам, а переслать его можно чеком на любой германский банк.

В заключение позволю себе сообщить о себе: Глеб Васильевич Алексеев, сотрудник «Русского Слова» (помощник редактора провинциального отдела, фельетоны под псевдонимом Ноэль), затем в последовательности — помощник редактора «Новостей Дня» в Киеве, редактор литературной газеты «Наш Понедельник» в Киеве, помощник редактора «Свободной Речи» в Ростове-на-Дону, ныне сотрудник «Общего Дела» В.Л. Бурцева и берлинского «Руля». Помимо того, был членом редакции офицерской газеты в Москве «Война и Мир» и в последние годы сотрудником «Русских Ведомостей».

Мой адрес:

Südslavien, Dalmatia, Dubrovnik, otuk Šipan, Gleb Aleksejev.

С совершенным почтением

Глеб Алексеев.

P.S. Прошу Вас не отказать в любезности распорядиться о высылке Вашего журнала с № 1 (если возможно), т.к. достать его в продаже в Югославии нельзя.

2

21.III.1921

Многоуважаемый Александр Семенович.

Сегодня только — видите каковы условия писательской работы за границей — мне удалось достать первую книжку Вашего журнала «Русская Книга», из нее я узнал, что мой рассказ «Франц-Иосиф» напечатан в пятой книге «Объединения»². Позвольте же обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать сообщить, каким образом мог бы я достать эту книжку журнала, т.к. рукописи второй у меня не сохранилось по условиям эвакуации, а она очень нужна мне, т.к. я собираюсь издать свои военные рассказы отдельной книжкой. Быть может, вы не отказали бы в любезности прислать мне эту книгу хоть на время. По миновании надобности я с большой благодарностью верну ее вам.

В ответ на ваше обращение в статье журнала ко всем пишущим сообщить о себе дополнительные данные позвольте рассказать вам нижеследующее о себе:

За последние два года я работал над целым рядом «рассказов военного времени»: за время войны я был офицером. Мною закончены окончательно рассказы: «Живая тупь», «Дыхание войны», «Петр Пчелкин», «Самое страшное» и повесть «Мародер». Один из рассказов военного времени, а именно «Франц Иосиф» был отдан мною «Объединению» и также вошел бы в первую книгу, если бы я сумел достать его рукопись или журнал. Два рассказа, взятых В. Севским для «Донской Волны», погибли, видимо: Севский расстрелян³, и судьба рукописей моих мне неизвестна. Об издании этих рассказов я веду сейчас переговоры с «Русско-Болгарским книгоиздательством», но с большей охотой хотя бы часть их издал в Берлине, если бы это было возможно. Живя в глухом углу Югославии, я совсем не в курсе сегодня

няшнего литературного дня. Б.А. Лазаревский⁴ советовал мне войти в переговоры с Дьяковой или «Словом», где издавался Дроздов, но я не знаю, точно возможно ли это?

Лето 1920 года мне пришлось прожить в деревне, следствием чего явились очерки мои: «Земля пробуждается» (очерки революционной деревни). Их отрывками я печатал в «Таврическом Голосе», «Свободной Речи», «Народной Газете», «Заре России» и в белградской «Русской Газете»⁵.

Помимо того немного работаю над «Живыми Встречами» — четыре из них я послал уже вам. И имею еще законченными «Ев. Чириков, В. Лодыженский, Ив. Наживин, Г. Вильям и Вл. Дорошевич». Если вам подойдут такие очерки — сходные портреты писателей при огне революции, я вам их пришлю. Их, эти «Живые Встречи», тоже можно было бы издать отдельной книжкой, хотя бы в виде библиотеки «Антик»⁶.

Буду очень признателен Вам, если Вы сделаете распоряжение о высылке мне вашего журнала (от № 2), а также посодействуете, насколько возможно, в деле издания моих произведений в Берлине.

Мой адрес:

Dalmatia, Ragusa (Dubrovnik) otuk Šipán, Gleb Alekseev.

Искренне уважающий Вас Глеб Алексеев.

21/III. 1921,
Остров Шипан

3

8/IV 1921

Глубокоуважаемый Александр Семенович.

Получил Ваше письмо и журнал «Русская Книга» — приношу Вам большую благодарность, т.к., ознакомившись с ним, почувствовал себя вновь неоторванным и в литературном курсе.

Ничего не имею против, если «Живые Встречи» будут напечатаны в «Голосе России». Очень хотел бы иметь эту газету, т.к. в наших барсучьих норах ее даже купить невозможно, и я, напр., ни одного живого № «Голоса России» до сих пор не видел. В ближайшее время постараюсь выслать Вам еще ряд «живых встреч».

Что касается издания отдельной книжкой — кое-что я послал по совету Лазаревского издательствам О. Дьяковой и «Мысль» для мал<ой> библиотеки, но ответа от них пока еще не имею.

Сейчас я имею готовую повесть «На потревоженных пажитях» — очерки революционной русской деревни. В отрывках — она печаталась в газетах Юга России: «Свободная Речь», «Таврический Голос», «Заря России» и в белградской «Русской Газете». Часть рукописей ее взята была Сувориным для «Лукоморья», Лазаревским для «Путей России» (ростовские журналы), а также В. Севским для его «Донской Волны». Кое-что из этих рукописей безнадежно пропало, но за последние месяцы я вновь переработал эту повесть и очень хотел бы издать ее на русском языке. Тем более, что сейчас она переводится на хорватский язык и в скором времени выйдет отдельной книгой.

Тема повести — сегодняшний быт русской деревни, вернее, портреты сельских буржуев и православных коммунаров. Взяло бы такую вещь «Универсальное Издательство», о котором вы пишете? Ответьте мне — и я пришлю Вам ее рукопись.

Позвольте еще указать Вам на следующее обстоятельство: в моем распоряжении сейчас имеется очень много неиспользованных клише большого журнала «Пути России», а также кое-какие рукописи: Слезкина, Лазаревского, Ломакина, Дроздова, Л. Столицы, Касаткина-Ростовского, Ев. Венского и др. — остатки означенного ростовского журнала. Из всего этого материала можно сделать недурной альманах, и если бы, напр., А.М. Дроздов взялся за это дело — я бы мог ему выслать все эти материалы.

Мой адрес: Dalmatien (Ragusa), Dubrovnik, otuk Šipán.

В ожидании Вашего ответа

Готовый к услугам

Глеб Алексеев.

4

<6 авг. 1921>

Многоуважаемый Александр Семенович.

В Вашем письме от 31 марта Вы писали, что передали мои «Живые Встречи» в «Универсальное Книгоиздательство»⁷, и вместе с тем просили разрешения напечатать их предварительно в «Голосе России». Я тогда же ответил Вам, что ничего не имею против напечатания их в «Голосе России», буду очень рад, если они (я бы и еще мог добавить «Живых Встреч») выйдут отдельной книжкой и про-

сил Вас не отказать в любезности известить меня об их судьбе. Были ли они напечатаны? Есть ли возможность выпустить их во «Всеобщей библиотеке»? Для «Всеобщей библиотеки», приславшей мне перечень своих изданий, среди которых я углядел Лебедева «В огне гражданской войны» и Зензинова «Русское Устье» — я мог бы предложить только что законченную повесть «На потревоженных пажиях», очерки русской деревни, потревоженной первым шквалом большевизма. Она, кажется мне, подошла бы к заданиям издательства, т.к. не носит чисто беллетристического характера (что очень сейчас трудно), а является рядом очерков, фотографическим (быть может) отображением сельского быта с некоторой долей публицистики.

Из новых трудов, над которыми я сейчас работаю, позвольте назвать вам: «Без родины» (очерк русского изгнания), которые пойдут, вероятно, в «Зарницах»⁸. Это тот же невеселый беженский наш быт. «Зарницам» сдал четыре очерка: «Голубые цветы», «Две правды», «Скучно» и «Смерть серебряного голубя»⁹.

Всей душой стремлюсь приехать в Берлин, т.к. здесь кусок хлеба приходится добывать тяжелым физическим трудом (я арендую небольшое имение на острове Шипане), и жду как праздника приезда А.М. Дроздова, который обещает навезти для совместного прочтения целую кучу рукописей своего нового журнала¹⁰, и взамен отдыха у меня — увезти меня с собой в Берлин.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и ждать от вас ответа о судьбе моих рукописей.

Искренне уважающий Вас

Глеб Алексеев.

Адрес: Gleb Aleksejev, otuk Šipan, Dubrovnik, Südslavien.
6 августа 921 года.

5

Многоуважаемый Александр Семенович.

Позвольте предложить Вам для «Русской Книги» — две заметки¹¹.

Вместе с тем я хочу побеспокоить Вас большой просьбой. Обстоятельства (целый ряд их) требуют моего личного приезда в Берлин, я в каменистой глуши своего острова не знаю, как, куда и с какого рода заявлением нужно обратиться. Дроздов писал мне, что очень хочет приехать ко мне, я ископотал ему визу, но не едет и вероятно не приедет. Назад в Берлин по переписке мы предполагали вернуться вместе.

Сейчас приходится мне ехать одному. Зная за наверное, что визы мне не дадут, если за меня не будут хлопотать в самой Германии, я решил побеспокоить об этом Вас и его, А.М. Думаю, что если бы я указал, что еду в Германию, в Берлин, крупный русский издательский центр, издаваться, и это заявление мое поддержали бы Вы и А.М. — мне удалось бы в начале октября приехать на месяц-полтора¹².

Если эта просьба моя не затруднит Вас, буду очень признателен за любезность.

Готовый к услугам и искренне уважающий Вас

Глеб Алексеев.

21 августа н.с. 1921 года.

о. Шипан.

6

<5. 11.22 Berlin>

Многоуважаемый Роман Борисович.

Простите за надоедливость. Но в заметке о «Книгоизд<ательстве> писателей» обязательно надлежит сделать поправку:

1) Зарубежный сборник — выбросьте всю целиком, а вместо нее поставьте без фамилии:

1) «Одиссея» — зарубежный сборник¹³.

И больше ничего. Толстой с Эренбургом не укладываются в одну книгу. Очень прошу во избежание новых меж ними недоразумений¹⁴.

Ваш Гл. Алексеев.

7

Berlin, 29 декабря 1922

Многоуважаемый Александр Семенович.

Посылаю вам пару заметок, о которых говорил в «Доме Искусств»¹⁵.

Буду очень признателен, если найдете возможность поместить.

Искренне преданный

Глеб Алексеев.

27 февраля 1924
Москва

Дорогой Александр Семенович.

Воротясь из дальних странствий — нашел ваше письмо. Конечно, я постараюсь сделать все, что только возможно в отношении этой вашей просьбы. Но боюсь, что окажусь бессильным. Наркоминдел — это такое огромное учреждение, что в нем можно с головой потонуть даже знающему человеку, а мне, европейцу и иностранцу, тем паче. Как только добьюсь каких-либо результатов — немедленно вам сообщу¹⁶.

Что касается Волошина, то я уже перевел ему 30 дол<ларов> аванса в счет гонорара и потому вы можете быть теперь спокойны. Дело с его гонораром затянулось не по моей вине, мне очень неловко перед ним и вами¹⁷.

Крепко жму вашу руку, что с особенным удовольствием сделал бы здесь в Москве. Когда вы наконец приедете домой, устанете от сутолоки и машинного визга заграничной жизни?

Искренне Ваш

Глеб Алексеев.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹⁸

Здравствуй, дорогой Аминад Петрович, шлю тебе привет из далекой Далмации, куда, наконец, выбросила меня судьба. На прочные берега. Расскажу тебе о себе немного и о наших близких соратниках. После Одессы много и долго странствовал я по вооруженным силам юга России, попал в Турцию, потом в Грецию, потом в Далмацию, где из литератора российского превратился в помещика, и довольно крупного. Живу в цветах, виноградниках, фруктовом саду, но работаю мало — дописываю книгу мою «Земля пробуждается», отрывки которой печатались и в Крыму, и в Ростове, и в Новороссийске, и в Белграде. Помаленьку пишу в «Общее Дело», буду очень рад, если и ты отведешь мне маленькое местечко в своем журнале¹⁹, поставишь меня в список сотрудников и вышлешь его мне.

А.И. Ксюнин²⁰ в Белграде. Думаю, что он приедет ко мне, так как вообще, если мне повезет в моем новом занятии, я хочу устроить у себя уголок отдыха для писателей русских.

Вилли²¹ убит. Увы! — это известно теперь довольно точно после поездки Ксюнина в Севастополь. И при том как глупо убит. Как тебе известно, он никогда не был офицером, но когда Добрармия дошла до Орла, Вилли одел погоны и очень нравился в них дамам. Когда Добрармия откатилась к Ростову, «друзья», которых у Вилли всегда было много, устроили его на фронт, и вот в декабре в Ростове, когда наши уже отошли, Вилли для чего-то поскакал с разездом в город, напоролся на разезд большевиков и был зарублен на улице. Жену, Елену Алексеевну, он оставил еще в Одессе, по слухам, она в монастыре.

Женя Венский²² неизвестно где. Он в момент отступления из Екатеринодара оставался в нем в сыпном тифу. Виктор Севский расстрелян. Ни о Пильском²³, ни о Васе Регинине²⁴ — не имею никаких сведений около года.

Вот тебе невеселые новости, если только ты не слышал ранее обо всем, что я тебе пишу.

Если у тебя в редакции бывает Б.А. Лазаревский, скажи ему, что я жив (в Ростове я лежал в тифу, когда в него входили большевики, и в тифу же ушел пешком из города), и сообщи ему мой адрес.

Жду от тебя вестей и журнал.

Мой адрес: Dalmatia, Ragousa, otuk Šipan, Gleb Aleksejeff.

Твой Глеб Алексеев.

5 февраля н.с. 1921.

КОММЕНТАРИИ

¹ «Живые встречи» в *НРК* опубликованы не были. Из упомянутых Г.В. Алексеевым в этом и следующем письме очерков в печати появились только очерки о Бунине, Лазаревском, Анатолии Каменском, Дорошевиче и Наживине. Часть очерков впервые была напечатана (начиная с марта 1922 г.) в журнале А.М. Дроздова *Словохи*. Отдельной книжкой «Живые встречи» (включавшие, кроме названных, портреты Ремизова, А.Н. Толстого, А. Белого и С. Есенина, написанные в Берлине) вышли в начале 1923 г. в серии «Книга для всех» берлинского издательства «Мысль».

² См. заметку об Алексееве в обзоре «Судьба и работы...», *РК*, № 7, стр. 16.

³ Виктор Севский (Вениамин Алексеевич Краснушкин), журналист, сотрудник Освага, автор брошюры «Ген. Корнилов», Ростов-на-Дону, 1919. Ср. некрологическую заметку о нем Б. Хар-итона в газете *Наш век* (Пг.), № 51 (75), 19 (6) марта 1918, стр. 2.

⁴ Б. Лазаревский в это время находился в Париже.

⁵ Эти сведения вошли в справку о Г.В. Алексееве в *РК*, № 4, стр. 13.

⁶ Известная до революции московская издательская антреприза В. Антика.

⁷ «Русское универсальное издательство» в Берлине.

⁸ Ср. справку об Алексееве в *РК*, № 7—8, стр. 22.

⁹ Позднее появились в газете *Руль*.

¹⁰ Начавшие выходить с ноября 1921 г. *Слохохи*.

¹¹ О каких заметках идет речь, не установлено.

¹² Глеб Алексеев переехал в Берлин в январе 1922 года (см. *НРК*, 1922, № 5, стр. 32).

¹³ Речь идет о заметке, напечатанной в *НРК*, 1923, № 2, стр. 41. (В этом же номере, кстати, были помещены отрицательные отзывы А. Бахраха на сборник *Одиссея*, под ред. Г. Алексеева, и на его повесть «Мертвый бег».)

¹⁴ Письмо написано в разгар конфликта, произошедшего в связи с публикацией в *Литературном приложении к «Накануне»* фельетона И. Василевского «Тартарен из Таганрога».

¹⁵ Одна из них — явно рецензия на «Южный альманах» (Симферополь, 1922), напечатанная в *НРК*, 1922, № 11—12.

¹⁶ Очевидно, речь идет о бракоразводном деле А.С. Яценко.

¹⁷ Гонорар за вышедшие в Книгоиздательстве писателей в Берлине две книги Волошина — *Стихи о терроре и Демоны глухонемые*.

¹⁸ Мы печатаем в приложении письмо Глеба Алексеева к Дону Аминадо (А.П. Шполянскому, 1888—1957), известному писателю-юмористу, поскольку оно содержит сведения, дополняющие включенные в настоящий том материалы. Письмо хранится в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета.

¹⁹ Журнал *Зеленая Палочка*, выходивший в Париже в октябре 1920 — январе 1921 года.

²⁰ Известный в дореволюционные годы журналист.

²¹ Вилли (Владимир Евсеевич Турок), один из «королей» русской журналистики до революции. Упомянут в книге Алексеева *Живые встречи* (стр. 33).

²² Евгений Венский (Евгений Осипович Пяткин, 1885—1943) — поэт, сотрудник «Сатирикона».

²³ Петр Моисеевич Пильский (1876—1941), знаменитый одесский и петербургский журналист. С начала 20-х годов поселился в Риге, где стал видным сотрудником газеты *Сегодня*. См. о нем статью: Николай Саввич. «Критик-художник (к 70-летию со дня рождения Петра Пильского)». *Грани*, № 3, январь—март 1947, стр. 39—40. Основатель в 1917 году знаменитой «Первой Всероссийской школы журнализма» (см. о ней: «Школа журнализма (Выпускной акт)», газ. *Молва* (Птг.), № 4, 10 (28) июня 1918, стр. 3 и воспоминания П. Пильского «Литературные края» в ревельской газете *Последние Известия*, № 41 и 48 за 12 и 19 февраля 1923 г.).

²⁴ Об известном дореволюционном и советском журналисте В. Регинине (1883—1952) см. в кн.: Эм. Миндлин. *Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания*. Изд. 2, М., 1979, стр. 245—247.

Ю. В. КЛЮЧНИКОВ

Ученый-специалист по международному праву, до революции — приват-доцент Московского университета, сотрудник газеты *Русское Слово*, Юрий Вениаминович Ключников (1886—1938) был в годы революции активным деятелем антибольшевистского движения, участвовал в Ярославском восстании и занимал пост министра иностранных дел в правительстве Колчака. В Париже вступил в 1919 г. в партию народной свободы, но вскоре, уверовав в «гений Ленина» (см. его статьи в книге *На великом историческом переломе*. Берлин, 1922, см. также: В. Т<атарин>». «Оправдание зла (Лекция пр.-доц. Ключникова)», *Руль*, № 279, 16 (3) октября 1921), возглавил сменовеховское движение, был участником сборника 1921 г. и редактором парижского еженедельника (1921—1922) *Смена Вех*. В конце 1921 г. переехал из Парижа в Берлин, где, вместе с Ю.Н. Потехиным, основал газету *Накануне*. Сменовеховские идеи Ключников изложил и в написанной им в Париже пьесе «Единый куст. Драматические картины из русской жизни», отдельным изданием вышедшей в Книгоиздательстве писателей в Берлине в начале 1923 г. (Об обсуждении ее в парижских русских литературных кругах см. в воспоминаниях Д. Аминадо *Поезд на третьем пути*, Нью-Йорк, 1954, стр. 282—283.) По предложению Ленина, Ключников был включен (в качестве эксперта) в советскую делегацию на конференции в Генуе. Летом 1922 г. Ключников вместе с Потехиным совершил турне по Советскому Союзу, в ходе которого ему была предложена кафедра международного публичного права в Московском университете (см.: *Руль*, № 503, 27 (14) июля 1922, стр. 2); об этой поездке см. в статье: И.Я. Трифонов. «Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства», *История СССР*, 1959, № 3, май—июнь, стр. 64—82. В августе 1923 г. Ключников вместе с другими берлинскими сменовеховцами — И.М. Василевским (Не-Буквой), А.В. Бобрищевым-Пушкиным и А.Н. Толстым — вернулся в Советский Союз и стал заведующим кабинетом международной политики Коммунистической Академии (см. об этом в письме И. Лежнева к Н. Устрялову от 12—19 августа 1923 г., подготовленном к печати М. Агурским, *Slavica Hierosolymitana*, vol. V—VI, 1981). О нем и о его сподвижниках см. в статье Р.П. Катаньяна «Предшественники вредительства», *Красная Новь*, 1931, № 1, стр. 113—124. Погиб в период «ежовщины».

Многоуважаемый Александр Семенович!

Прочел в «Новом мире»¹ объявление о Вашем журнале «Русская Книга» с подробным оглавлением третьего №. — В Париже нам так и не удалось побеседовать (отнюдь не по моей вине) и потому я не могу судить, насколько мы могли бы делать совместно общее дело. Да и времени прошло много со времени Вашего пребывания в Париже: изменились обстоятельства, изменились цели и люди.

Ввиду всего этого я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой: сообщите мне, могу ли я быть полезным Вашему журналу и чем именно. Вот уже год, как я отстаиваю мысль о прекращении вооруженной борьбы с большевистским правительством, а теперь (тоже уже довольно давно) я полагаю, что всякие вообще «срывы» советской России были бы лишь во вред России. Нет такой силы, которая могла бы прийти на смену теперешнему режиму, разломав все сделанное им, и которая вместе с тем могла бы сама что-то осуществить и что-то хорошее создать. Спасение России и остальных народов в естественной эволюции к новым формам социальной жизни, требуемой и сознанием приобретших небывалую политическую силу трудящихся масс, и событиями последних лет. Если эта эволюция не сумеет осуществиться, то взамен нее придет мировая революция. *Tertium non datur*. Бороться с этими эволюцией или революцией по рецептам Керенского, или Милюкова, или Струве — значит в лучшем случае играть невольно им же в руку («но какую ценой!»), а в худшем играть в руку самой дьявольской анархии.

Таково — *основное* в моем политическом настроении, которое долго вынашивалось и, надеюсь, способно выдержать всякие испытания.

Если, как я могу предполагать, подобное настроение не способно отпугивать Ваш журнал, мы могли бы столкнуться и относительно того, что Вам могло бы быть нужным от меня для него².

В Париже появилось довольно много книг, о которых следовало бы написать. У меня имеется очень интересная книга Н.В. Устрялова, присланная им мне из Харбина³. Есть у меня много своих тем, на которые хотелось бы написать, но во Франции нет соответствующего русского органа.

С искренним приветом

Ю. Ключников.

(Юрий Вениам<инович> Ключников)

профессору А.С. Яценко

32, r. La Fontaine
Paris (XVI)

КОММЕНТАРИИ

¹ Просоветская газета, выходившая в Берлине с 30 января 1921 г. и закрывшаяся перед основанием газеты *Накануне*.

² Статей Ключникова в *РК* и *НРК* не появлялось. Справка о нем помещена в *РК*, № 4, стр. 17.

³ Н. Устрялов. *В борьбе за Россию. Сборник статей*. Харбин. «Окно», 1920.

А.Н. ТОЛСТОЙ

Публикуемые ниже письма одного из самых крупных русских советских прозаиков Алексея Николаевича Толстого (1882—1945) «окружают» самый драматический эпизод его биографии — вхождение в газету *Накануне* и решение о возвращении в Россию. А.С. Яценко и А.Н. Толстой — близкие знакомые и друзья с дореволюционных времен. Ср. воспоминания С.И. Дымшиц-Толстой о совместной поездке Толстых и супругов Яценко в Париж в 1911 году (см. сборник *Воспоминания об А.Н. Толстом*, М., 1973, стр. 81—82; здесь же характерное свидетельство о расхождении Толстого и Яценко по вопросу об отношении к убийству Столыпина). К тому же времени относится первая, по-видимому, статья Яценко об А.Н. Толстом («Тайна любви в современной русской литературе», *Новая Жизнь*, 1911, № 7, стлб. 122—130). По мемуарному свидетельству Н.В. Крандиевской, после одной из бесед с Яценко Толстой вынес решение о прекращении работы в 1915 году над романом «Егор Абозов» (см. сб.: *Воспоминания об А.Н. Толстом*, М., 1973, стр. 108; Н. Крандиевская-Толстая. *Воспоминания*. Л., 1977, стр. 117—118).

Если судить по сохранившимся в архиве Николаевского письма Толстого, контакты его с Яценко возобновились, после приезда писателя в Париж, в связи с издательскими делами. Письма эти освещают роль Яценко (работавшего в книготорговой и книгоиздательской фирме «Москва») в организации немецкого издания сочинений А.Н. Толстого в 1919—1920 годах. Они вводят нас в обстановку первоначальной работы над романом *Хождение по мукам*, обнажая непарадную, бытовую сторону жизни и круг настроений писателя. Несмотря на то, что в них нет ничего, что не было бы известно исследователям творчества А.Н. Толстого по другим опубликованным источникам, самая стилистика интимного изложения бытовой и идеологической проблематики, занимавшей писателя, оживляет наше представление о Толстом.

«Декларативное» письмо Толстого от 16 февраля 1920 года свидетельствует о наметившемся единомыслии Яценко и Толстого по отношению к новой государственной власти в России. Для Яценко в 1920—1921 годах творчество Толстого — олицетворение наиболее «здоровых» потенциалов в русской беллетристике. Его оценка первых глав *Хождения по мукам* говорит об особых ожиданиях, сопровождавших появление нового сочинения Толстого:

«Это — первое истинно художественное изображение в широком эпосе того предвечерия, что предшествовало темной ночи нашей революции и смуты. Сама же эта ночь пока еще не освещена светом поэтического слова. Она еще ждет своего поэта, кто овладеет ею так, как А. Толстой овладел предсмертным развалом» (*ПК*, № 1, стр. 7). А.Н. Толстой, бесспорно, казался Яценко символом живой преемственности русской литературы, естественным продолжением «реалистической» (в его глазах господствующей) линии русской классики, с которой русская проза свернула на короткое время в предреволюционный период. (Ср. статью Яценко о Толстом, опубликованную нами в Приложениях к письмам.) Но бурные события литературной жизни 1921—1922 годов, повлекшие за собой резкие изменения в общественной и литературной позиции писателя, вызвали и пересмотр яценковской оценки творчества Толстого. Замечательно, что, при обычно восторженной реакции журнала Яценко на другие книги Толстого, в *НПК* так и не появилась рецензия на роман *Хождение по мукам*. Объясняется это не только тем, что интерес Яценко сместился, под влиянием Эренбурга и Пильняка, в сторону нового поколения прозаиков, но и общим охлаждением к собственным прежним стилистическим прогнозам. Характеристика центрального произведения Толстого основывается теперь у Яценко на уроках, вынесенных из знакомства с новой русской прозой. В своем обзоре послереволюционной литературы Яценко писал:

«Наряду с “новыми”, молодыми продолжали писать и “старые” писатели. Из этих писателей, сложившихся еще до революции, наиболее плодотворным оказался *Алексей Толстой*. За эти годы он успел написать два романа, детскую повесть, несколько книг рассказов и одну театральную пьесу. Самым удачным из всего им написанного, соответственно характеру его дарования, должна быть признана повесть “*Детство Никиты*” и драматический гротеск из времен Екатерины II “*Любовь — книга золотая*”. В них много добродушия, юмора, причудливой фантазии и нежности. Большой роман его — “*Хождение по мукам*” интересен и в отдельных частях талантлив, но едва ли может претендовать на ту роль, которую он, по-видимому, ставит себе, — быть началом широкого эпоса русской жизни перед войной, во время войны и революции и после них. Для этого Толстому не хватает ни конструктивного таланта композиции романа, ни понимания художественных перспектив, ни пафоса сердечной любви, ни философского гения, а главное — у него нет твердого убеждения, вследствие чего его изображение и понимание жизни, может быть сами по себе и правильные, не убедительны для читателя. Но роман этот полон тонких наблюдений, ярких фигур и Толстой свойственного природного юмора. Насколько удачен его новый “фантастический” роман “*Аэлита (Закат Марса)*”, начавший печататься в “*Красной Нови*”, сказать пока еще трудно» (*НПК*, 1922, № 11—12, стр. 4—5).

Слова об отсутствии «конструктивного таланта композиции романа» у Толстого в приведенной цитате несомненно восходят к пропаганде «конструктивизма» в писаниях Эренбурга 1921—1922 годов. После приезда в Берлин в октябре 1921 года А.Н. Толстой был привлечен к участию в *НПК*. Но

замечательно, что его присутствие в журнале регулярно и, по-видимому, целеустремленно «уравновешивается» соседством Эренбурга, этого противоположного полюса литературной современности. Это ярко проявляется в факте публикации в одном и том же номере (1922, № 1), рядом, двух статей, Толстого и Эренбурга, об одних и тех же книгах Есенина — поэта, творчество которого составляло в тот момент «национальную» загадку. По А. Толстому, органически свойственен Есенин именно «деревенской», «деревянной» Руси: «Кому нужно, чтобы вы изо всей силы притворялись хулиганом? — вопрошал А. Толстой. — <...> Не верю, честное слово... Милый Есенин, не хвастайте... Вас обманули, что луна — контрреволюционна... А “хулиганы”, скифы, вращающиеся башни и поззоботны превратились уже просто в уездный эстетизм». Для Эренбурга, наоборот, существо поэзии Есенина — в соответствии эпохе Татлина, в принадлежности к русскому литературному авангарду. «Только в годы революции мог родиться поэт — Есенин, — возражала заметка Эренбурга Толстому. — В ее пламенах немеют обыватели, и фениксом дивных словес восстают испепеленные поэты. Русская деревня, похерившая Бога и хранящая, как зеницу ока, храм, схватившая свободу и спрятавшая ее вместе с керенками в сундучок, ревет и стонет в этих книгах. Город, потеряв, — обрел; деревня, обретя, — потеряла <...> Когда же вы поймете, церемонные весталки российской словесности, что самогонкой разгула, раздора, любви и горя захлебнулся Есенин? Что “хулиган” не “апаш” из костюмерной на ваших былых *bal-masqué*; а огненное лицо, глядящее из калужских или рязанских рожиц? Страшное лицо, страшные книги». Демонстративно сталкиваются Эренбург и Толстой и в разделе «Писатели — о себе» (см. *НРК*, 1922, № 4, стр. 42—45). Ср. символический рассказ Р. Б. Гуля о том, как «мирил» друг с другом Эренбург и Толстого Ященко в редакции *НРК* в конце 1922 года (см.: *Новый Журнал*, 132, 1978, стр. 55). Было бы ошибкой видеть в таком «уравновешении» простое стремление к сглаживанию углов: сама литературная действительность оставляла Ященко в недоуменном выжидании и неясности.

Мы публикуем ниже только те из писем Толстого, хранящихся в архиве, которые представляют определенный историко-литературный интерес.

1

<1 окт. 1919>

Профессору Александру Семеновичу Ященко

Дорогой Александр Семенович, получил твое письмо от 28/IX с предложением о продаже моих сочинений на немецком языке¹.

На условия, указанные тобою, я согласен. Матерьял вышлю в следующем порядке: немедленно II том «Наваждение», с присоединенным к нему рассказом «В бреду»². (Если издатель найдет, что ма-

терьяла для книг мало, то я дошла еще рассказ в 2 листа: «Под водой», но хотелось бы издать книгу без него, чтобы сохранить цельность.) Материал нужно расположить в следующем порядке:

1) «В бреду», 2) «Катя», 3) «Милосердие», 4) «Солдат и черт», 5) «День Петра», 6) «Наваждение», 7) «Пасынок», 8) «Синица»³. Затем, я вышлю IV том — роман «Хромой барин», V том — роман «Земные сокровища», III том — «Искра», VII том — пьесы, VI том — пока без названия, и, наконец, самое главное I том — роман «Сквозь дым и пыль» (название не совсем установленное)⁴. Всего, стало быть, 7 томов. (Для русского издания будет 9 томов.) Прислать сразу все книги не могу потому, что почти половину из них нужно будет переписать. Роман «Сквозь дым и пыль» еще не кончен. (Несомненно для немецких читателей он представит наибольший интерес.)⁵

Относительно пьес поступай так, как ты мне пишешь, — пускай переводят и авторизируют. В ноябре я буду в Берлине и тогда сам попробую завести связи с театрами.

При этом письме посылаю тебе дополнительную доверенность на продажу моих сочинений на немецком языке.

Крепко жму твою руку.

Все тебе кланяются.

Твой гр. Алексей Н. Толстой.

2

7 октября 1919 г.

Получил сейчас твое второе письмо. Вслед за книгой «Наваждение» вышлю первую часть нового романа. Пока она будет переводиться и набираться — вышлю остальное.

А.Т.

3

22 декабря 1919 г.

Милый Сандро, посылаю тебе три вещи: 1) пропавшую на почте часть «Хромого барина», 2) Статью обо мне М. Ландау⁶ и 3) продолжение «Хромого барина».

Через три дня вышло продолжение «Хождения по мукам», глава 11, 12, и 13. Они совсем закончены и отделаны.

Роман затянулся потому, что я всю осень плохо себя чувствовал и работал хотя каждый день, но помалу. Теперь работа опять пошла хорошо.

Журнал наш, ежемесячный, выйдет первой книгой в январе — 320 стр.⁷ В продаже он будет 6 фр. Для Германии, по-моему, нужно назначить 15 фр. Возьмись за распространение его и продажу и будешь богат. Тебе было послано официальное письмо из редакции, но, кажется, по старому адресу. Я попрошу, чтобы написали еще. Этот журнал я выдумал для того, чтобы печатать там роман.

Пока прощай, обнимаю тебя и поздравляю с Новым годом. Наташа⁸ тебе кланяется и просит не сердиться почему она не пишет, — дело в том, что она теперь проходит теорию музыки с Сашкой Ком-
<аровым>⁹, пишет контрапункты и совсем спятила.

Если в час Нового года около тебя будет находиться хорошенькая мордочка, то поцелуй ее также и от меня.

Твой Толстой.

4

9 Janvier <1920>/27 декабря <1919>

Милый Александр Семенович!

Не сердитесь, что не ответила сразу, — я давно собиралась Вам написать.

Ваше письмо я получила, была тронута, польщена и сразу же села писать записку об Алеше. Но это оказалось так же трудно, как писать о самой себе. Выходило очень восторженно и очень неубедительно, одним словом — жена о муже.

Кончилось тем, что сам Алеша поставил крест на этом предприятии и обратился к Ландау. Статья Ландау, кажется, уже выслана Вам, — получили ли?

На днях кончаю переписывать «Хромого барина», думаю, через неделю можно будет выслать конец. У меня теперь новое увлечение (шить бросила). — Саша Комаров дает мне уроки гармонии. Это так увлекательно, что может заполнить всю жизнь. Я занимаюсь по несколько часов в день, пишу хоралы, прелюды. Саша меня хвалит, Алеша уважает, и так как он — «взятый от сохи» — в воп-

росах музыки, то не стесняется утверждать (даже при посторонних), что я лучше — Баха. Мы живем в мебелированной квартире, модной и дорогой, с золотыми стульями в стиле «Каторз шешнадцатый», с бобриками с зеркалами, но без письменных столов. Все удобства для «постельного содержания» и для еды, но не для работы. Говорят, таков стиль всех французских квартир, а так как мы одну половину дня проводим все же *вне* постели, то и не знаем, где нам придется приткнуться с работой; Алеше кое-как примостили закусочный стол, я занимаюсь на ночном, мраморном, Федя готовит уроки на обеденном.

Обходятся нам все эти удобства не дешево, 1500 фр. в месяц! С нового года я начала искать квартиру подешевле и поудобнее, ибо эта (которую нашел нам дядя Сережа¹⁰) даже ему становится не по карману.

Я рада, что Вам нравится Алешин роман. Правда, если дотянет так же до конца — это будет лучшая его вещь.

Последние дни напала на него тоска — уж очень плохи вести из России!

Отвлекают от работы также дела, журнал, люди, добывание денег¹¹.

Но все же работает он ежедневно и много. Иногда — кутим, много раз сожалели, что нет здесь Вас. Знакомых много, чаще всего бываем у Львова — и я и Алеша, оба, очень полюбили его¹². Всего лучшего. Пишите о себе, не только о делах.

Алеша, дядя Сережа и дети шлют привет.

Ваша Н. Толстая.

5

16 фев<раля> 1920 г.

Милый Сандро, не отвечал я тебе до сих пор потому, что со дня на день хотел вместе с письмом послать две главы 14 и 15, но, если бы ты знал, до чего медленно идет работа! Иногда я прихожу в уныние, иногда мне кажется, что так, все-таки, и нужно. Ты не забудь, что мало-мальски серьезные романы пишутся годами. Я же две почти трети написал в 8 месяцев. И еще — Господь Бог сохранил меня от того, чтобы не кончить роман в октябре, ноябре. С тех пор я очень, очень многое понял и переоценил.

Я совсем согласен с тобой в твоём взгляде на Россию¹³. Знаешь, к этому подходят теперь почти все. За один год совершилась огромная эволюция; в особенности в сознании тех, кто стоит, более или менее, в стороне. Те, кто приезжает из России, — понимают меньше и видят близоруко, так же неверно, как человек, только что выскокивший из драки: морда еще в крови, и кажется, что разбитый нос и есть самая суть вещей.

Когда началась катастрофа на юге, я приготовился к тому, чтобы самому себя утешать, найти в совершающемся хоть каплю хорошего. Но оказалось, и это было для самого себя удивительно, что утешать не только не пришлось, а точно помимо сознания я понял, что совершается грандиозное — Россия снова становится грозной и сильной. Я сравниваю 1917 год и 1920, и кривая государственной мощи от нуля идет сильно вверх. Конечно, в России сейчас очень не сладко и даже гнусно, но, думаю, мы достаточно вкусно поели, крепко поспали, славно побздели и увидели, к чему это привело. Приходится жить, применяясь к очень непривычной и неудобной обстановке, когда дремлющая колесница истории вдруг начинает настегивать лошадей, и поди поспевай за ней малой рысью. Но хорошо только одно, что сейчас мы все уже миновали время чистого разрушения (не бессмысленного только в очень высоком плане) и входим в разрушительно-созидательный период истории. Доживем и до созидательного.

Вообще, мне очень бы о многом хотелось побеседовать с тобой. Писать я очень не люблю. Думаю, что в марте буду в Берлине, и вот по каким делам. Мы хотим Грядущую Россию печатать в Германии и просить тебя взяться за это дело¹⁴. Получать будешь ты 1000—1500 фр. в месяц. Думаю, что тебя это может заинтересовать. Подробности не пишу, пот<ому что> хозяйственными делами не заведываю. И затем второе — гораздо более крупное дело. Здесь создается крупное издание: 6 томов по русской истории и искусству. Капитал 720 тысяч. Я приглашен главным редактором. В течение двух недель — дело должно оформиться, т.е. нам выдадут двухсоттысячный аванс и тогда мы приступаем к первому тому¹⁵. Тогда же я тебе напишу подробности и пошлю программу. (Кстати, я хочу от тебя статью по одному из вопросов, плата будет 150 фр. за *страницу* большого формата.) Первый том может быть будем печатать здесь, но остальные, конечно, в Германии. И к тебе опять обращусь с просьбой взять на себя печатанье. С этого, я думаю, ты будешь иметь тысяч 5—7 франков за каждую книгу.

Теперь же, Сандро, будь добрый, разужнай условия печати в Германии, т.е. стоимость набора, печати, цены на бумагу и затем то, где лучше типографии: в Берлине или Лейпциге, — и напиши мне.

500 экземпляров «Грядущей России» <будут> тебе посланы. Вторая книжка выходит в начале марта, если твоя статья не запоздаст — успеем поместить и в первой книге¹⁶.

На днях высылаю тебе, наконец, 14 и 15 главы «Хождения по мукам» и окончание «Хромого барина».

Крепко обнимаю тебя.

Твой Толстой.

Прости, если письмо неряшливо, — ненавижу писать.

Наташа шлет тебе горячий привет.

6

10 апреля 1920 г.

Милый Сандро, вот уже больше месяца от тебя ни слуху ни духу. Я готовлю тебе посылку трех глав, — 16, 17 и 18, но боюсь, — посылать ли по прежнему адресу? Пожалуйста, напиши мне следующее:

1) получил ли ты всего «Хромого барина» и «Приключения Растеги-на», «Земные сокровища»¹⁷.

2) Как обстоит дело с моим немецким изданием, т.е. когда они думают выпускать книги и когда думают платить.

3) Как обстоит дело с моими пьесами. Я слышал, что в Берлине Шмидт и Полевицкая организуют русский театр¹⁸. Узнай, пожалуйста, также и это. Я не оставляю мысли переехать в Германию и меня очень заботит устройство моих литературных дел.

«Хождение по мукам» переводится на французский и английский языки¹⁹, конец романа мне уже ясен, только очень много забот и дел, чтобы сразу его закончить, да это, кажется, и к лучшему, что я не поспешил с ним: — последующие главы выходят лучше предыдущих.

С большим историческим изданием пока заминка из-за общеполитических дел, — люди, обещавшие деньги, сами сейчас пока без денег. Журнал мы будем печатать в Германии, но пока опять все это время была задержка с деньгами и еще с тем, что прежний распространительный аппарат ни к черту не годится. Теперь мы организуем агентурный аппарат. На днях должно оформиться дело с крупным русским издательством на паях. Тогда я тебе напишу подробно обо

всем. Господи Боже, до чего в современных условиях трудно работать! Революции, забастовки и, главное, нет энергичных людей, — все сопли, сплошные сопли. Пожалуйста, напиши мне обо всем подробно. Тебе все кланяются. Обнимаю тебя.

Толстой.

av. Alphonse XIII.

7

2 мая 1920 г.

Милый Сандро, до сих пор я не отвечал на твое письмо от 9 апреля потому, что не мог, да и сейчас не могу еще дать ответа ни в ту ни в другую сторону.

Дело в том, что здесь по моей инициативе организуется К<нигоиздательств>во «Русская земля». Цель — издание отбора современной русской беллетристики. Дело с К<нигоиздательство>м почти уже завершено, думаю, что дней через 10 мы начнем функционировать²⁰. Издавать книги в нашем К<нигоиздательств>ве будет значительно выгоднее, чем где бы то ни было. Но, разумеется, возникшее в Берлине К<нигоиздательств>во «Земля» может сильно подорвать наше дело, если мы не соединимся в известных пунктах. К этому предприняты шаги и переговоры с И.В. Гессеном уже начались: он написал Бунину и мне и выразил желание идти навстречу такому соединению²¹.

До выяснения этих переговоров до того времени, когда мы сговоримся об общем деле, — я не смогу дать ни утвердительного, ни отрицательного ответа.

Будь добр, милый Сандро, напиши мне вот о чем:

- 1) Получил ли ты «Земные сокровища» — я тебя спрашивал и очень беспокоюсь, ты же забыл ответить.
- 2) В каком состоянии находится мое немецкое издание? Я не знаю, подписан ли контракт тобою и<ли> только ведены были принципиальные переговоры. Внесены ли К<нигоиздательство>м деньги? Приступлено ли к печатанию переводов?

Ты понимаешь, — прошло 8 месяцев, и для меня, все-таки, неясна общая картина этого дела, а после смерти переводчицы²² — я уже ничего больше не понимаю.

Надо тебе сказать, что К<нигоиздательств>во «Земля», где Гессен, тоже предпринимает переводные на немецком языке издания. В случае каких-либо затруднений — можно было бы обратиться и к Гессену.

Я послал тебе еще три главы «Хождения по мукам» — 16, 17 и 18.

Затем, мною ведены переговоры с Прагой, где взяты у меня две пьесы. В Праге есть господин Fr. Khol, dramaturge du Théâtre Nationale de Prague (Национальный театр, Прага, Чехословакия). Он устроил театральное агентство «Центрум». Оно распространяет свою деятельность на Чехословакию, Югославию, Венгрию, Австрию и Германию. «Центрум» взял устраивать мои пьесы. Я написал Fr. Kohl'ю твой адрес и сказал, что ты устраиваешь в Германии мои пьесы. Пожалуйста, Сандро, напиши ему в Прагу и сговорись относительно устройства пьес в Германии. На этом можно очень много заработать. Пьесы, которые я послал в Прагу, — «Касатка» и «Любовь — книга золотая».

Жду от тебя ответа и обнимаю тебя, твой

А. Толстой.

Наташа тебе кланяется, сладострастный старик (Скирмунт, а он таким оказался) тоже кланяется.

Наш адрес: 48 bis Rue Raynouard, Paris XVI.

8

Cambes.
Gironde.

18 июля 1921 г.

Милый Сандро, спасибо за присылку книги, я осенью продам ее какому-нибудь идиоту и пришлю тебе в благодарность трубку «Дон-хила»²³.

Я бесконечно был счастлив узнать про твой «сухостой». Люди — говно, Сандро, — лишь немногие должны будут пережить наше время, и это именно те, у кого в голове, в душе и ниже живота — сухостой. Вообще — ты страшный молодчина.

У нас в Париже такая гниль в русской колонии, что даже я становлюсь мизантропом. В общем, все — бездельники, болтуны, оналисты, говно собачье.

Я стараюсь им не подражать. На днях начинаю новый роман, обдумываю пьесу. «Хождение по мукам» выйдет в начале августа (шестая кн<ига> Совр<еменных> записок, где конец романа).

Живем в удивительной местности, в гуще бордоских виноградников. Господи Боже, как я завидую крестьянам, возвращающимся усталыми с работ, ужин по закате солнца, мирная беседа. — Господь

благословил труд и плоды его, бездельников же поразил страшным бедствием — войной, большевиками, холерой, тифами, голодом. Обнимаю тебя, милый Сандро.

Твой А. Толстой.

9

Ждановская наб. 3 кв. 24
Ленинград

3 янв. 1927 г.

С новым годом, милый Сандро, желаю тебе и Алисе счастья. В Москве этой осенью Дюшен²⁵ мне рассказывал, что ты много и интересно работаешь. Алиса занимается живописью. Мы все поджидаем, не заглянешь ли к нам в Россию, — тебе было бы и любопытно, и интересно, и полезно посмотреть, как страна в экономической блокаде живет, не унывая очень-то, строится и развивает с огромными усилиями свою независимую промышленность. У нас теперь все свое. Кое-что еще плохое, не совершенное, многое посредственное, есть и превосходные фабрикаты, — но — свое. Это главное. Строятся грандиозные фабрики на Волге, на Украине, станции белого угля. Копают уголь, бурят нефть, моют золото на севере, разводят новые породы злаков, хлопка, чая... Эх, денег бы, денег... Черт знает что можно натворить в СССР. Жизнь наша внешне бедная, серая, будничная. Приедешь после блестящего Берлина — станет тебе коряво; серая толпа, теснота в городах, не города — большие деревни. Но и это мы переживем. Остались же мы суверенны, подняли промышленность почти до довоенного уровня (а в некоторых отраслях перегнали). Земля обильна и богата, — обильна и богата наша земля. Переживем и нынешние будни. Хотя на западной границе все время погромыхивает и англичанка вернулась к своей извечной политике, т.е. к тому, что у Англии единственный, вековечный враг — это Россия, — но не век же греметь тучам на горизонте... Европа сможет воевать только тогда, когда сменится целиком все поколение, выдавшее Великую Войну. А до тех пор много воды утечет и мы преодолеем и эту теперешнюю блокаду.

Живем мы, дома, благополучно. Федор уже в университете, Марьяна — барышня — в возрасте «пробуждения весны»²⁶. Никите 10 лет, учится музыке. Митька еще карапуз и темный озорник. Я много работаю. Наташа всецело занята детьми. Белкины²⁷ живут плохо. Режим экономии и общая денежная депрессия очень удари-

ли Венямина, он совсем без работы, т<ак> к<ак> зарабатывал графикой, а теперь из<дательст>ва больше норвят обложечку печатаню.

Хотели мы с Наташей этой весной ехать в Париж, но случилась беда, Наташа сломала ногу и вскоре Митька захворал скарлатиной. Так и не поехали. Думаем поехать в конце этого лета или в начале октября²⁸, когда я закончу роман (2-я часть «Хождения по мукам»). За это время мне удалось собрать коллекцию картин, европейского значения. Это моя гордость. Мне было бы очень приятно, если бы ты написал о современном Берлине, то что приходится слышать от приезжающих русских писателей больше, — полная сигнализация на Потсдамер Пляц (почему-то это всего сильнее поражает воображение русских), да сколько автомобилей на улицах и все в том же роде. А про немецкую жизнь, про жизнь Германии рассказывают только из газет.

И еще к тебе очень большая просьба: у меня износились все стило (золотые, наливные перья). В России лицензий на ввоз стило не выдают и купить нельзя. Купи, пожалуйста мне стило, тонкое и изящное и перешли через дипкурьера или через знакомого. Деньги я тебе немедленно возмещу.

Все тебе кланяются. Твой А. Толстой.

Через месяц выйдет из печати новый мой роман «Гиперboloид инженера Гарина». Пришлю непременно. Прощай.

ПРИЛОЖЕНИЯ²⁹

1

Граф Алексей Николаевич Толстой, в Германии до сих пор мало известный, — один из наиболее даровитых современных русских писателей.

Он родился в 1882 году в поволжском, окруженном степями городе *Самаре*, где и провел свою юность. По отцу он принадлежит к знаменитому и необычайно одаренному роду графов Толстых, по матери (урожденной Тургеневой) является отдаленным родственником знаменитого романиста Ивана Тургенева. Среднее образование он получил в Самаре. Потом учился в Технологическом институте в Петербурге. Один год студенческой жизни он провел, между прочим, в Дрездене.

Гр. Алексей Толстой, предполагавший сначала сделаться инженером, дебютировал в литературе сравнительно поздно, всего около 10 лет тому назад, и именно небольшим сборником стихотворений «*За синими морями*», проникнутых жизнерадостным, народным и примитивно-языческим духом. Но чувствуя, по характеру своего дарования, более склонность к эпосу и драме, чем к лирике, он скоро перешел к прозе. Сборники его *первых рассказов* сразу обратили на себя общее внимание. В этих рассказах, с бурным темпераментом и подчас чисто фальстафовским юмором, изображается главным образом среда поволжских помещиков, последней формации: — нелепая среда, неистовые чувства, вырождающееся и бестолковое поколение насильников, самодуров, кутил, в сумбуре, хмелю, обжорстве и сладострастии проводящих свою жизнь. Картины эти отличаются редкой художественной наглядностью, бытовою точностью и неподражаемым, гибким, полным юмора стилем. Такой же характер носили и два первых романа Ал. Толстого «*Земные сокровища*» и «*Хромой барин*».

Нового романиста одинаково сочувственно приветствовали и сторонники чистого искусства и представители социологического, морально-политического направления. Первые ценили в Ал. Толстом его изумительный стиль и юмор, его фантазию, тонкую наблюдательность и изобразительность, а также искание им новых (склоняющихся к экспрессионизму) форм поэтического изображения, без забвения, однако, чувства меры. Вторые (социологи и политики) приветствовали в произведениях Алексея Толстого яркое изображение общественной среды, хотя и не намеренно и без нарочитой тенденции, но зато с тем большей убедительностью показывающее упадок когда-то правившего, а ныне уже вырождающегося класса.

При свете последующих революционных событий эпические изображения гр. Алексея Толстого приобретают, в настоящее время, особенно интересное и почти пророческое значение. В этом ненормальном, нелепом, несправедливом и неистовом мире чувствований уже как бы надвигающиеся тени кровавой смуты и большевизма.

Обладая живым, юмористическим стилем и склонностью к драматическим и полным движения сценам, будучи неподражаемым мастером бытового диалога, Ал. Толстой естественно обратился в дальнейшем к *театру* и написал ряд комедий, с каждым разом все более овладевая техникой театрального действия. Из этих комедий особый успех на сцене имели: «*Нечистая сила*» и «*Касатка*».

Война, конечно, привлекла художественное внимание А. Толстого. Он совершал продолжительные поездки в армию, в качестве

то санитаря, то уполномоченного общественных организаций, то газетного корреспондента. Он был на Польском фронте, в Галиции, на Карпатах, в Закавказье, в горах Армении и Трапезунда, в 1916 году он посетил западный французский фронт и английский «Great fleet» у Оркнейских островов. Свои впечатления во время этих различных поездок Толстой изобразил в ряде рассказов и очерков. В своем отношении к войне и в изображении ее он остался свободным от патриотического угара, от аляповатых шовинистических батальных картин. Не прославляя и не проклиная войны, он художественно изобразил не героические битвы, а повседневную жизнь на войне, «около битв», то обыденное, будничное и общечеловеческое, что сохраняется людьми, хотя бы они даже неделями сидели в окопах. То, что во время войны многих, близоруких, несколько раздражало в рассказах Толстого, именно отсутствие патриотического задора и победоносного оптимизма, то опять-таки, при свете дальнейших событий, получило новую ценность. Именно поэтому эти военные рассказы, в отличие от большинства военных произведений, написанных во время войны, не потеряли своего значения и интереса и теперь.

Революция, как первая в марте 1917-го, так и вторая большевистская в октябре того же года, застала Толстого в Москве. Хотя граф Толстой ни к какой политической партии не принадлежал, а по своему происхождению несомненно должен быть отнесен к «буржуям», большевики оставили его в покое и даже поставили его во главе Скобелевского комитета, имевшего задачей создание художественного воспитательного кинематографа. Осенью 1918 года Толстой поехал в художественно-драматическое турне по югу России, был в Харькове, Полтаве и на зиму поселился с семьей в Одессе. Здесь он пережил зимой и весной 1919 года все многообразные перипетии этого города, в период сначала немецкой, а потом французской оккупации. Когда ранней весной 1919 года союзническая оккупация потерпела крах и, под напором приближающихся красных войск, началась поспешная эвакуация Одессы, Толстой с семьей покинул Одессу, протомился довольно продолжительное время в карантине, нечто вроде концентрического лагеря, который союзники устроили для русских беженцев на Принцевых островах и, наконец, летом 1919 года приехал в Париж, где он и живет в настоящее время.

В период революции Толстой написал ряд рассказов, часть которых собрана в немецком переводе Стефании Гольденринг в книге *Geisterspuk* (изд. Berlin, Verlag Gesellschaft und Erziehung). В январе нынешнего года Толстой начал печатать в выходящем в Париже еже-

месячном журнале «Грядущая Россия» свой новый роман «Хождение по мукам». Роман этот имеет своей задачей художественно осмыслить смысл исторической трагедии, переживаемой ныне Россией: моральное разложение правящих и господствующих классов в последние годы перед войной, войну и революцию. Насколько можно судить по первой части романа, уже напечатанной в журнале, роман этот обещает быть одним из самых значительных произведений русской литературы за последние десятилетия.

Отрезанная от России в течение шести лет войны и революции, германская публика не имела до сих пор возможности познакомиться с живым, оригинальным и глубоким творчеством Алексея Толстого, сравнительно недавно начавшего свою художественную работу. А между тем Алексей Толстой является самым ярким и талантливым представителем молодой русской литературы. Глубокомысленность его воззрений на жизнь, совершеннейшее знание им самых различных кругов русской жизни, живая фантазия, редкий юмор, способность интересно и увлекательно рассказывать, необычайное разнообразие форм и мотивов его произведений, очарование богатого и красочного языка — все это делает гр. Алексея Толстого в современной русской литературе прямым наследником Чехова, а быть может, и таких великанов, как Достоевский и Лев Толстой.

А. Яценко

Профессор Петербургского университета.

2

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГРАФЕ А.Н. ТОЛСТОМ

Граф Алексей Николаевич ТОЛСТОЙ принадлежит к одной из самых культурных семей русского родового дворянства. Различные ветви этой семьи дали России, кроме ее величайшего писателя, автора «Войны и Мира», кроме поэта Алексея Константиновича Толстого, [на котором почило данное ему в детстве благословение престарелого Гёте,] еще целый ряд выдающихся деятелей на поприще искусства и политики. По матери своей А.Н. Толстой принадлежит к столь же даровитой семье Тургеневых: он приходится потомком декабристу Тургеневу и дальним родственником знаменитому романисту, Ивану Сергеевичу, хорошо известному западно-европейским читателям.

Сам А.Н. Толстой, еще молодой человек (он родился в 1882 г. в Самаре), принадлежит к числу чрезвычайно плодовитых писателей.

Собрание его сочинений уже насчитывает 14 томов, в число которых входит четыре больших произведения. При этой плодовитости талант его не только не обнаруживает признаков утомления, но — за редкими отступлениями — каждое новое его произведение представляет собой шаг вперед по сравнению с предыдущим.

Уже литературные дебюты А.Н. Толстого сразу обратили на него особое внимание русских критиков; в настоящее время он пользуется у себя на родине широкой популярностью. При этом успех его несколько не был связан (как это часто бывает — особенно в России) с какой бы то ни было общественно-политической тенденцией — защитительной или обличительной; А.Н. Толстой ни к какой из русских политических партий не принадлежит.

Современное искусство начинает специализироваться, как уже специализировалась наука. Так называемый «социальный материал» каждого писателя более или менее ограничен. Сам Лев Толстой выводил в своих произведениях почти исключительно высшую знать и простой деревенский народ: средние классы, городской пролетариат у него почти отсутствует. Социальным материалом первых произведений А.Н. Толстого являются преимущественно те классы населения, которые перестали быть «светом», потому что стали бедны, и не сделались людьми труда, потому что были богаты. Эту среду он знает превосходно и в ее изображении он впервые обнаружил [лучшие свои свойства: значительное] большое художественное дарование, мастерство рассказа, прекрасный язык и житейскую философию, исполненную благодушной иронии.

Гр. Толстой с успехом пробовал свои силы в самых различных формах художественного творчества. Он писал романы, рассказы, стихи и театральные пьесы. В частности, [эти последние] его театр свидетельствует о большом знании законов сцены. Его комедии, всегда интересно и живо написанные, представляют [собою] богатый материал для искусства актеров и режиссера. Некоторым из [его пьес] них, как комедия «Нечистая сила», вследствие заключавшихся в них необычных приемов сценической техники, опытные люди предсказывали неудачу. Оказалось, однако, что инстинктивное понимание театра, присущее А.Н. Толстому, не обмануло его и в них: все его пьесы имели большой успех и не сходят с репертуара русских театров.

В грозном 1914 году началось тяжкое испытание для всех европейских писателей. Одни немедленно провалились, опустившись до уровня улицы. Приобрело славу несколько новых или прежде мало известных талантов, как Барбюс, Дюгамель, Бенжамен во Франции

или Андреас Латцко в Австро-Венгрии. Мировое значение получил Уэллс своим замечательным «Бритлингом». Русское искусство — в лице наиболее известных своих представителей, как Короленко, Горький, Бунин, — отвернулось от этой колоссальной темы. Патриотическая пьеса Андреева «Король, закон и свобода» и обличительная пьеса Арцыбашева «Война», мягко выражаясь, ничего не прибавили к славе этих писателей. Один А.Н. Толстой составил счастливое исключение. Огромная трагедия захватила его художественную натуру. В качестве корреспондента одной из лучших русских газет, он изъездил фронты, побывал затем в Англии и во Франции, знакомясь с западной войной. В своих превосходных корреспонденциях он не опускался до бульварного тона, который считался всюду почти обязательным в первые годы войны. Русский патриот в лучшем смысле этого слова, он никогда не играл на грубо-шовинистических инстинктах толпы. Некоторые его корреспонденции, как, например, описание ночной поездки и артиллерийского боя в книге «На войне», представляют собой [маленькие] шедевры. Но, помимо корреспонденции, военные сюжеты дали ему и несколько чисто художественных произведений. Рассказ «Под водой» относится к числу [самых] [одного из] лучших произведений Толстого. Личная драма незаметных людей разыгрывается на фоне мировой трагедии. Лучшие свойства человеческой души проявляются в страшном деле разрушения. Психология первых времен христианства сливается с психологией каменного века. [Темный вахтер Курицын руководит чудом науки — беспроводным телеграфом. Символом всех этих контрастов является подлинный герой рассказа — подводная лодка «Кэт».]

Революция открыла перед талантливым [и жадным к жизни] писателем новые большие темы. Первым опытом его в этой области была историческая драма, героями которой [проставленными в заглавии пьесы.] являются царь революции — Дантон и ее царица — Смерть. Но, конечно, в подходе к революционным темам, русский писатель не мог ограничиться французской трагедией, навеянной немецким драматургом. Гораздо более значительным произведением А.Н. Толстого является его последний роман «Хождение по мукам», печатающийся в 1920 г. на страницах выходящего в Париже журнала «Грядущая Россия». И по замыслу, и по выполнению это произведение является лучшим из всего написанного Толстым. С него-то иностранный читатель должен начать свое знакомство с писателем, на которого русская литература возлагает очень большие надежды.

М.Л.

КОММЕНТАРИИ

¹ Речь идет о невышедшем собрании сочинений Толстого.

² Рассказ написан в Одессе в 1919 году; вошел в сборник *Наваждение* 1921 г.

³ Ср. состав сборника *Наваждение* 1921 г.

⁴ *Хождение по мукам*.

⁵ В переводе А. Элиасберга роман вышел в Мюнхене в 1922 году. См. публикацию писем Толстого к Элиасбергу — В. Лазарев. «Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия». *Ученые Записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской*. Том 116. *Очерки по истории советской литературы*. Сб. 3, М., 1962, стр. 157—181.

⁶ Эту статью М. Ландау (Алданова) мы печатаем в приложениях к письмам А.Н. Толстого.

⁷ *Грядущая Россия*, под ред. Н.В. Чайковского, В.А. Анри, М.А. Ландау-Алданова и А.Н. Толстого, первый «толстый» литературный журнал послереволюционной русской эмиграции. См. о нем: Д. Аминадо. *Поезд на третьем пути*. Н.-Й., 1954, стр. 260—261; М.В. Вишняк. «*Современные Записки*». *Воспоминания редактора*. (Indiana University Publications, vol. 7), 1957, стр. 91. Ср. рецензию Мих. Платонова (Е. Замятина) в альм. *Дом Искусств* (Пб.), № 2, 1921, стр. 94—96.

⁸ Н.В. Крандиевская (1888—1963), поэтесса, третья жена А.Н. Толстого (до 1935 года).

⁹ Александр Николаевич Комаров, племянник и сверстник Толстого, композитор, написавший несколько романсов на тексты Толстого. См. о нем воспоминания С.И. Дымшиц в сб.: *Воспоминания об А. Толстом*. М., 1973, стр. 72—73, а также: Ю.А. Крестинский. *А.Н. Толстой. Жизнь и творчество (краткий очерк)*. М., 1960, стр. 29.

¹⁰ Сергей Аполлонович Скирмунт (1863—1932) — московский миллионер, меценат, друг Горького. В 1899 году основал издательство. Был близок к большевикам. В 1902 г. был арестован и заключен в тюрьму, в 1903—1904 гг. находился в ссылке в Олонечкой губернии. В 1905 г. субсидировал газету большевиков *Борьба*. Владелец книжного магазина «Труд», разорившегося в 1907 году (см.: С. Минцлов. «Петербургский дневник». *На Чужой Стороне. Историко-литературные сборники*. IX. Берлин—Прага, 1925, стр. 154. Ср. также: С.Р. Минцлов. *Петербург в 1903—1909 годах*. Рига, 1931, стр. 238—239). Семья Крандиевских жила в 900-х годах в его доме в Гранатном переулке в Москве (Н. Крандиевская-Толстая. *Воспоминания*. Л., 1977, стр. 20—24). Скирмунта упоминает Бунин в связи с появлением А.Н. Толстого в эмиграции: «...приехал в Париж, встретил там старого московского друга Крандиевских, состоятельного человека, и при его помощи не только жил первое время, но даже и оделся и обулся с порядочным запасом» (цит. по изд.: И.А. Бунин. *Собрание сочинений в девяти томах*. Т. 9, М., 1967, стр. 440. См. также: «Третий Толстой» в кн. *Воспоминания*. Париж, 1950).

¹¹ Ср. свидетельство Н.В. Крандиевской: «Жизнь в Париже была трудной» (*Воспоминания*, Л., 1977, стр. 164) с мемуарами И.А. Бунина:

«Не раз говорил он мне в Париже:

— Господи, до чего хорошо живем во всех отношениях, за весь свой век не жил я так, только вот деньги черт их знает куда страшно быстро исчезают в суматохе...» (И.А. Бунин. *Собр. соч.* Т. 9, 1967, стр. 440).

Ср. также недавно появившиеся воспоминания Ф.Ф. Крандиевского «Рассказ об одном путешествии». *Звезда*, 1981, № 1, стр. 151—179.

¹² Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861—1925), председатель Совета министров Временного правительства (в марте—июне 1917 г.); автор программной статьи

«Наши задачи» в первом номере журнала *Грядущая Россия*. См. о нем статью М. Алданова «Кугузов русской революции» в газ. *Дни*, № 740, 15 апреля 1925. Г.Е. Львов выведен в романе А.Н. Толстого *Черное золото* (1930—1931).

¹³ Данное письмо представляет собой отклик А.Н. Толстого на платформу, выработанную в 1920 г. берлинской организацией «Мир и Труд».

¹⁴ После второго номера *Грядущая Россия* прекратила свое существование.

¹⁵ Издание не осуществилось. В Берлине А.Н. Толстой совместно с И.А. Пуни собирались писать книгу о современном русском искусстве. См.: Эренбург, II, 36. Ср. статью А. Толстого «Перед картинами Судейкина» (*Жар-Птица*, 1921, № 1, стр. 23—28).

¹⁶ В *Грядущей России* статей Ященко нет.

¹⁷ 5, 7 и 8-й тома «Сочинений» А.Н. Толстого, вышедших в «Книгоиздательстве писателей в Москве», 1916, 1918.

¹⁸ Актриса Е.А. Полевицкая с мужем, театральным постановщиком И.Ф. Шмидтом, находились в 1920 г. в Болгарии. В начале 1921 г. их труппа приехала в Берлин. См.: «Е.А. Полевицкая (Автобиографический очерк)», *Справочник-Альманах*. Под ред. Г.В. Франка. Б., «Аргонавты», 1922, стр. 275—278; Е.А. Вахрушева. *Дорога исканий*. Рига, 1958, стр. 110—111. См. также: Т.А. Путинцева. *Елена Полевицкая*. М., 1980; «Путь актрисы (Воспоминания Е.А. Полевицкой)». Публикация К.Н. Кириленко. *Встречи с прошлым*. Вып. 3, Изд. 2, испр. М., 1980, стр. 110—132. Попытка создания русского театра в Берлине осталась безуспешной. См. об этом: Н. Янчевский. «Русский драматический театр за рубежом». *Возрождение*, Тетр. 41 (май 1955), стр. 106—107; ср.: Сергей Маковский. «Театр за рубежом». *Театр и Жизнь* (Берлин), 1921. № 1, стр. 2—3 и Ю. Офросимов. «О русском театре в Берлине» (*там же*, стр. 6). Со Шмидтом и Полевицкой А.Н. Толстой был знаком до революции; Шмидт ставил его пьесу «Нечистая сила» в 1916 г. в Москве. Колоритный рассказ о Шмидте и Полевицкой в Одессе содержится в дневнике В.Н. Буниной (запись от 9/22 мая 1919 г.), см.: *Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы*. Под ред. Милицы Грин. Том I. Франкфурт-на-Майне, 1977, стр. 254—255.

¹⁹ Ср. о них упоминание в *РК*, № 6, стр. 25—26. См. также: *НРК*, 1922. № 1, стр. 44

²⁰ Об издательстве «Русская земля» в Париже и его основателе Т.И. Полнере (1864—1935) см.: Д. Аминадо. *Поезд на третьем пути*. Н.-Й., 1954, стр. 257. Ср.: *РК*, № 5, стр. 15—16; Евг. А. Зноско-Боровский. «Русская книга во Франции», *НРК*, 1922, № 3, стр. 23—24.

²¹ Ср. о несостоявшемся сотрудничестве издательства И.В. Гессена «Слово» с А.Н. Толстым и И.А. Буниным в *РК*, № 2, стр. 16.

²² Стефания Гольденринг.

²³ Ср. об инциденте с трубкой «Донхилл» (Dunhill) рассказ в мемуарах Р.Б. Гуля о Ященко и Толстом (*Новый Журнал*, 132, 1978, стр. 53).

²⁴ См. справку в *РК*, № 6, стр. 26: «Граф А.Н. Толстой работает над новым романом, который составит вторую часть задуманной им трилогии и явится продолжением его романа “Хождение по мукам”. В нем будет изображена эпоха революции».

²⁵ Борис Вячеславович Дюшен (1886—1949), один из берлинских сменовеховцев, член редколлегии газеты *Накануне*, по специальности инженер, автор нескольких научно-популярных брошюр, вышедших в Берлине в начале 20-х гг. (см. о нем: *РК*, № 7—8, стр. 24). Во время Октябрьской революции и Гражданской войны — ярый противник большевиков. Член Учредительного собрания, участник Ярославского антисоветского восстания, в армии Юденича работал в Отделе пропаганды, выступал в ревельской газете *Свободная Россия*, редактором которой был его будущий

соратник по *Накануне* Г.Л. Кирдецов (см.: Василий Горн. *Гражданская война на Северо-Западе России*. Берлин, «Гамаюн», 1923, стр. 175). С 1921 года работал вместе с Яценко на курсах заочного преподавания при У.М.С.А. в Берлине. В 1926 году вернулся в СССР, жил в Москве, был назначен заведующим отделом заочного обучения в Профобре. В письме к Яценко от 15 ноября 1927 г. его жена, Фаина Дюшен, опровергла распространившиеся в Берлине слухи об аресте Б.В. Дюшена (архив Б.И. Николаевского). О Дюшене см.: Роман Гуль. *Жизнь на фукса*. М.—Л., 427, стр. 232—235 («В газете *Накануне*»); Роман Гуль. «Я унес Россию». *Новый Журнал*, 137, 1979, стр. 75—78. Рецензия Б. Дюшена на книгу В. Станкевича *Судьбы народов России* помещена в 6-м номере *РК*, стр. 7—8.

²⁶ См. известную пьесу Ведекинда.

²⁷ См. комментарии к письмам В.П. Белкина к А.С. Яценко в этом томе.

²⁸ А.Н. Толстой выехал за границу только весной 1932 года.

²⁹ В «Приложениях» мы публикуем статьи А.С. Яценко и М.А. Алданова о Толстом (по автографам). Обе они, очевидно, предназначались в немецкое издание его сочинений.

М.А. АЛДАНОВ (ЛАНДАУ)

Алданов (Ландау) Марк Александрович (1889—1957) — один из наиболее известных западному читателю русских писателей XX века. Близкий друг А.Н. Толстого в эмиграции, порвавший с ним после того, как Толстой вошел в *Накануне* (ср. письма Алданова к Бунину, опубликованные в *Новом Журнале*, 80, 1965, стр. 260—267). Как и в случае с другими литераторами (корреспондентами Ященко), период, к которому относятся публикуемые ниже письма Алданова, обозначил в его писательской биографии крутой перелом: именно в первые годы эмиграции (Алданов приехал в Париж в 1919 г.) литературный критик и политический эссеист становится историческим романистом. К творчеству Алданова-беллетриста А.С. Ященко отнесся резко отрицательно; в своем обзоре прозы 1917—1922 годов он следующим образом аттестовал его: «Писатель искусный и умный, но холодный и скептический. Сердца не трогает и не увлекает. В области французских влияний, чуждых русской психике и русским запросам» (*НРК*, 1922, № 11—12, стр. 4). С 1923 года Алданов редактировал литературный отдел газеты *Дни* в Берлине (см. справку в *НРК*, 1923, № 3—4, стр. 49). Сведения, сообщенные Алдановым в первом из писем, включены в справку о нем, помещенную в *РК*, № 1, стр. 16. Ср. его библиографию: D. et H. Cristesco. *Bibliographie des oeuvres de Marc Aldanov*. Paris, 1976.

1

4 декабря 1920

Глубокоуважаемый Александр Семенович!

В ответ на письма Ваши от 18 и 26 ноября сообщаю для «Русской Книги» следующие сведения.

В 1918 г. я напечатал в Петербурге на правах рукописи философско-политическую книгу «Армагеддон» (около 150 стран <иц>)¹.

В 1919 г. я выпустил в Париже (в издательстве Jacques Povolozky) французскую книгу «Lénine» (220 стр.) — 6^{me} édition 1920. Она вызва-

ла очень оживленный отклик в прессе европейской и америк<анской>. Переведена на итальянский язык (издат<ельство> Jaugogko) и немецкий (под названием Lenin und der Bolschevismus — издат<ельство> Ullstein).

В том же 1919 г. я поместил во французском журнале La paix des peuples (февраль 1919 г.) большую статью под названием La crise russe et la Société des Nations.

В 1920 г. я состоял членом редакции толстого журнала «Грядущая Россия», в котором (№ 1) поместил статью «Огонь и дым» (30 стр.). Теперь изредка пишу в газете «Последние Новости». Только что закончил новую книгу — тоже на французском языке — Deux Révolutions (Французская и Русская революции). Она выйдет и в испанском переводе. В ней около 150 стр., оригинал появится недели через две.

Старая моя русская книга «Толстой и Роллан» (СПБ. 1915) переводится на французский язык г-м Stanislas Reizeler.

Через несколько дней выйдет в парижском роск<ошном> издании «Русский сборник» (прилагаю Вам при сем для «Русской книги» объявление о нем). В нем будет помещен мой рассказ «Перед концом» (ок<оло> 30 стр.).

Проекты на будущее? Подготавливаю к печати 2 русские книги: 1 том исторических рассказов и 1 том того, что англичане называют Essays. Где будут изданы, еще не знаю.

Все эти сведения, разумеется, посылаю Вам — для сокращения и обработки. В форме этого письма они, конечно, не должны быть помещаемы.

Примите уверения в моем глубоком уважении.

М.А. Ландау-Алданов.

Адрес мой 36, rue du Laos, Pans XV^e.

2

3 декабря 1922

Многоуважаемый Александр Семенович,

В.Б. Станкевич² сообщил мне и о том, что под Вашей редакцией (при Вашем близком участии) У.М.С.А. издает серию биографий русских замечательных людей³. Разрешите рекомендовать мне Вам

для участия в этой серии Я.Б. Полонского⁴. Вы его верно знаете понаслышке или по «Последним Новостям», в которых он состоит постоянным сотрудником. Это опытный, очень хорошо и легко пишущий журналист с большими знаниями, — позволю себе так его аттестовать, хоть состою с ним в свойстве. Я.Б. Полонский называл мне, в качестве интересующих его биографий, биографии Первопечатника, Новикова, Радищева и ряд других. Буду Вам весьма признателен за ответ по адресу: Berlin, Wilmersdorf, Waghäuserstr. 9^{IV}, bei Pulvermacher, мне.

Прошу Вас принять уверения в моем истинном уважении и готовности к услугам.

М. Ландау-Алданов.

КОММЕНТАРИИ

¹ Книга эта была конфискована и уничтожена. См. об этом: Н. Валентинов. *Два года с символистами*. Под ред. Г.П. Струве. Станфорд, 1969, стр. 227.

² О В.Б. Станкевиче см. во вступительной статье к нашей книге.

³ В этой серии в 1923 г. вышли в Праге книги *Менделеев — великий русский химик* В.Б. Станкевича и *Н.И. Новиков — первый подвижник русской книги* В.А. Розенберга.

⁴ О Якове Борисовиче Полонском (1892—1951) см.: Н. Берберова. *Курсив мой. Автобиография*. München, 1972, стр. 296; «Выход Бунина из Парижского Союза писателей», *Литературное Наследство*, Том 84. *Иван Бунин*. Кн. 2-я. М., 1973, стр. 398—407.

И. Г. ЭРЕНБУРГ

Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) — известный русский советский романист и поэт. В юности — участник революционного движения (вошел в одну подпольную организацию с Н.И. Бухариным, см. об этом: Roy A. Medvedev. *Nikolai Bukharin. The Last Years*. New York—London, 1980, p. 115), после ареста и тюремного заключения эмигрировал во Францию, где вошел в круг парижской художественной богемы. Дебютировал в печати в 1910 году. В 1917 году вернулся в Россию и пережил все невзгоды революционной смуты в стране. После ареста московской ЧК (о котором Эренбург рассказывает и в мемуарной книге *Люди, годы, жизнь*, 1, 525—528), обратился в начале 1921 года к Н.И. Бухарину с ходатайством о разрешении выехать из Советской России и, получив «художественную командировку» от Наркомпроса, выехал — одним из первых советских граждан (I, 372) — во Францию. (Большую часть своей жизни с 1921 г. до Второй мировой войны Эренбург провел за рубежом.) По приезде в Париж в мае 1921 года был задержан и выслан в Бельгию и вскоре приехал в Берлин.

Как отмечалось выше, появление Эренбурга решительным образом изменило облик журнала Яценко: в *РК* хлынул поток информации, относящейся к литературной жизни Советской России. Но от нас не должна укрыться и другая сторона этого альянса: в биографии самого Эренбурга сотрудничество в *РК* и *НРК* — одна из важнейших вех. Журнал Яценко оказался не только первым русским журналом, предоставившим свои страницы литературным декларациям Эренбурга в первые же дни после приезда поэта на Запад, но и, по существу, Эренбург впервые получил трибуну для изложения своих литературно-эстетических установок. Выступления в журнале Яценко были продолжены Эренбургом в собственном журнале *Вещь* (1922), в книге *А все-таки она вертится* и в антологиях, посвященных новейшей русской поэзии (*Портреты русских поэтов*, 1922; *Поэзия революционной Москвы*, 1922). Вместе с тем интенсивная, беспрецедентная до того в творчестве Эренбурга, литературно-критическая деятельность, активная пропаганда новых течений в искусстве совпала с поворотом поэта к прозе, с написанием романа *Хулио Хуренито*, которым сам Эренбург датировал свое превращение в профессионального писателя (*Люди, годы, жизнь*, 1, 633).

Линия, отстаивавшаяся Эренбургом на страницах *РК* и *НРК*, была созвучной программным положениям журнала: консолидация русской литературы безотносительно к географическим, политическим и художественным

различиям. Первая его статья в журнале подхватывает лозунг Яценко — *au dessus de la mêlée*, — из характеристики, которую Яценко дал творчеству Волошина периода революции (*РК*, № 3, стр. 16). «Я позволю себе, среди не прекращающейся гражданской войны, остаться еретиком, который полагает, что ни Бальмонт, проклиная коммунизм, ни Брюсов, его восхваляющий, не теряют равного права на уважение к их литературной деятельности, как два поэта предыдущего поколения, основоположники символизма», — писал здесь Эренбург (*РК*, № 7—8, стр. 1). Тезис, с которого он начал пропаганду нового искусства, — тезис о необязательности отождествления русского литературного авангарда с советской властью, о сохранении художником независимости, о недопустимости выставления политических обвинений по адресу оставшихся в России литераторов, — совпал с общей позицией *РК*. Сходным образом только что покинувший Петроград С.В. Познер отклонял обвинение в сервиллизме по адресу всей неэмигрировавшей русской интеллигенции. «Знает ли он, — говорил С.В. Познер по поводу Д.В. Философова, — что молодые поэты, беллетристы и художники, посещавшие лекции в “Доме Искусств”, “Доме Литераторов” и “Институте Искусств”, — все противники коммунистов?» (С. Познер. «Оставшиеся». *Последние Новости* (Париж), № 396, 2 августа 1921. Ср. уточнение к статье Эренбурга в девятом номере *РК* по этому вопросу — в заметке Вл. Вальтера «Еще о “них” и о “нас”». *Руль*, № 312, 26 (13) ноября 1921.)

Но между Эренбургом и Яценко с самого начала обозначились и резкие расхождения в отношении к новым явлениям художественной жизни России: Яценко остался, в общем, глух к главным фаворитам Эренбурга в поэзии — к Маяковскому, Пастернаку и Цветаевой. Определенно отрицательно он отнесся к симпатиям Эренбурга в области изобразительного искусства и в своей рецензии на мирискуснические издания отвергал представленные Эренбургом доказательства расцвета искусства в современной России (см. *РК*, № 9, стр. 9; ср. полемический ответ И. Эренбурга в статье «Новое искусство в России», *НРК*, 1922, № 1). В рецензии на книгу Эренбурга *А все-таки она вертится* (помещенной в *НРК*, 1922, № 2, стр. 10—12) Иван Пуни отметил поверхностность трактовки современного искусства у Эренбурга, ее декларативную схематичность (ср. также рецензию П.Ш. в *Руле*, № 436, 23 (10) апреля 1922).

Творчество самого Эренбурга, в тот момент одного из самых плодотворных беллетристов, вызывало безусловный интерес у Яценко, и большая часть созданных и изданных в Берлине произведений Эренбурга получила сочувственный отклик в журнале. В обзорной статье «Литература за пять истекших лет» Яценко выдвинул неожиданное появление Эренбурга — нового «первоклассного прозаика»:

«И. Эренбург был известен до сих пор как поэт, хороший, но не первоклассный, как писатель талантливых и художественных корреспонденций с французского фронта войны. Впервые как беллетрист-романист он выступил в Берлине в 1922 году со своим сатирическим романом “Похождения Хулио Хуренито”. Можно разное оценивать художественные и жизненные воззрения Эренбурга, и мы лично не принадлежим к сторонникам его песси-

мистического и отравленного отношения к жизни, его склонности к изображению гнусных ее сторон, но нельзя отрицать, что его роман — злой, саркастический, — полон остроумия и часто неотразимой иронии. И по стилю и по тону Эренбург не подражает никому из наших писателей. Он самобытен, “сам по себе”. Оригинален, своеобразен, интересен он и в двух книгах рассказов, “Неправдоподобные истории” и “Тринадцать трубок”. В конце 1922 года начался печатанием в московской “Красной Нови” его новый роман “Жизнь и гибель Николая Курбова”. О нем, конечно, судить еще очень рано, но уже и по началу видно, что это будет мрачное и касающееся наиболее страдных сторон жизни произведение. Эренбург очень современен. Темы его современны и современен самый стиль его, лапидарный, отрывистый, футуристический» (*НРК*, 1922, № 11—12, стр. 3).

Среди напечатанных в журнале заметок Эренбурга (помимо упоминавшейся выше полемики с А.Н. Толстым о Есенине) — такие принципиальные и сохранившие бесспорное историческое значение документы, как рецензии его на *Сестру мою жизнь* Пастернака, *Разлуку* и *Стихи к Блоку* Марины Цветаевой, *Tristia* Мандельштама. Общая характеристика этих выступлений содержится в статье Е.И. Ландау «Литературно-критическая деятельность Ильи Эренбурга в начале 20-х годов» (Челябинский гос. пед. институт. *Советская литература 20-х годов. Материалы межвузовской научной конференции*. Челябинск. 1966, стр. 290—302). Статьи, напечатанные в *РК* и *НРК*, не приведены в библиографии Эренбурга в справочнике *Русские советские писатели. Прозаики. Библиографический указатель*. Том 6. Чаковский-Ян. Часть 2. М., 1969, стр. 217—337.

Ниже публикуются все письма Эренбурга к Яценко, обнаруженные в архиве Николаевского. В ломаных скобках указаны даты, установленные нами по содержанию.

1

Paris, le 22 Mai <1921>

155, B^d Montparnasse

Уважаемый гр. Яценко,

В Москве мы получили в союзе писателей через Ю.К. Балтрушайтиса¹ Вашу «Книгу» (№ 1). Для всех нас это был приятный час. Я посылаю Вам материал — пока в кратчайшей форме исправления и дополнения². Пришлю также данные о вышедших книгах и об литературных организациях. Мне хочется еще обратить Ваше внимание на следующее: в России мы знали уже, что в отдельных органах эмиграции ведется травля против некоторых русских писателей, безусловно уважаемых в России людьми различных направлений, как то: А. Белый, Блок, Кони, Чуковский, Есенин и др. К сожалению известные

выпады против некоторых из перечисленных поэтов, основанные, б<ыть> м<ожет>, на ложной информации, а б<ыть> м<ожет>, на непонимании особенности современной русской психологии и быта закрались и в Ваш орган, дорогой нам как преданный русской литературе. Мне хочется верить, что Вы исправите неточности (в частности об Серг<ее> А. Есенине)³ и поймете, как болезненно отражаются доходящие в Россию неосторожные обвинения.

Укажите мне, какой материал Вас интересует особенно. Мне удалось вывезти довольно много книг, журналов, рукописей.

Я очень просил бы Вашего издателя выслать мне вместо гонорара книги, изданные им, ибо они здесь до крайности дороги, а также журнал «Книгу».

Искренно Вас уважающий

И. Эренбург.

2

La Panne, le 13 juin <1921>

Многоуважаемый г. Яценко,

Я послал Вам из Парижа письмо и сведения для Вашей Книги. Но с той поры со мной приключились всяческие невзгоды, о к<о>т<о>р<ых>, б<ыть> м<ожет>, Вы знаете по газетам. Меня по доносу равно глупому и гнусному выслали из Франции⁴. Будьте любезны ответ и присылы адресовать так: Hotel du Kursaal, La Panne, Belgique. Если вышел 5 № «Книги», пришлите, пожалуйста.

Искренно уважающий Вас

И. Эренбург.

3

La Panne, Hotel du Kursaal, Belgique.

27 июня 1921

Уважаемый г. Яценко,

(простите не знаю Вашего имени и отчества)

Спасибо большое за письмо и журнал. Раньше всего позвольте отметить опечатку, в коей виноват мой почерк. Не «В. Диле», но Бор. Дикс

(петрогр<адский> поэт)⁵. В ближайшее время я напишу для Вас обзор новой русск<ой> поэзии⁶ и пришлю список известных мне книг, вышедших в России.

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Как видно, Вы соприкасаетесь с берлинскими и <здательств>вами. Я же никакого не знаю и здесь абсолютно изолирован. У меня есть несколько работ, к<о>-т<о>р<ые> я хочу издать (список прилагаю). Не могли бы Вы помочь мне снестись с издательствами? Заранее приношу Вам все извинения и благодарности.

Адрес латышского Союза точно не знаю, но находится он при телеграфном агентстве «Leta», что известно всем и, полагаю, достаточно. Вы также можете написать Георг<ию> Ив<ановичу> через Юрг<иса> Каз<имировича> Балтрушайтиса и передать в миссию Литвы⁷. Способ верный, но чрезвычайно длительный. На опыте я убедился, что самое лучшее, как это ни странно, не мудрствуя бросить письмо в почтовый ящик.

Очень обяжете, если в 6 № напечатаете мой здешний адрес. «Панн» длится и несколько франц<узская> админ<истрация> проявила при моем отъезде быстроту американскую, настолько сейчас она впадает в другую миргородскую крайность. Чем кончится — не знаю.

Душевно Ваш

И. Эренбург.

I *Портреты русских поэтов* (Бальмонт, Брюсов, В. Иванов, Сологуб, Блок, Белый, Волошин, Ахматова, Маяковский, Пастернак, Балтрушайтис, Цветаева, Есенин, Мандельштам). Краткие (в 100—150 газетных строк каждый) абрисы поэтов — лицо, человек и творчество. После каждого портрета несколько стихотворений, как бы портрет подтверждающих, из них часто новые (1919—21 г.г.), за границей неизвестные⁸.

II Сборник *моих стихов* различных периодов — в 3—4 листа⁹.

III Сборник *моих стихов для детей* — 2 листа.

IV *Новое русское искусство*. Художественная монография из приведенных мной фотографий с моей вступит<ельной> статьей. Живопись — Скульптура — Театр. Работы Татлина, Якулова, Экстер, Удальцовой, Поповой, Малевича, Машкова, Кончаловского и пр. Постановки Камерного Театра. Худ<ожественный> фарфор. Репродукций примерно 60 и страниц 20 текста¹⁰.

V. «*Необычайные похождения Хулио Хуренито* и его учеников Гастона Дэле, Карла Шмидта, Эрколе Бамбучи, мистера Куля, Алекс. Спи-

рид. Тишина, Ильи Эренбурга и негра Айши, в дни мира, войны и революции в Мексике, Париже, Сенегале, Риме, Москве, Копенгагене, Кинешме и в других местах, а также различные суждения Учителя о смерти, трубках, любви, мужских модах, иудейском племени, свободе, конструкции и многом ином». Пожалуй, роман. Сатирич<ское> отображение всей современности. Листов 20.

VI. *Мистерия* «Золотое сердце» и *трагедия* революции «Ветер» (в стихах)¹¹. Размер обычный¹².

4

La Panne, Hotel du Kursaal.
14-е июля<1921>

Уважаемый Александр Семенович,

Очень признателен Вам за письмо и за сведенья об издательствах, с коими я вступил уже в переговоры. Позвольте Вас теперь спросить о следующем: Не согласились бы Вы предоставить в «Книге» место для небольшой моей статьи, отнюдь не полемической, затрагивающей очень большой вопрос¹³: отношение большей части заграничной прессы и эмигрантской среды к русским писателям, к<о>т<о>р<ые> не смогли или не хотели покинуть Россию. Еще когда я был в Москве зимой, мы часто в своем писательском кругу судили об этом тяжелом явлении, по случайным и смутным вестям. Переехав границу, я убедился в наличии этого и многократно читал и слышал незаслуженные и обидные вещи о таких людях, как А.А. Блок, Б.Н. Белый, Ф.К. Сологуб, С.А. Есенин и др. Я помню, с какой радостью в Москве мы передавали друг другу первый номер «Книги» (Из Риги я переслал в наш профес<сиональный> союз 2 и 3). Как это ни чудно, Ваш скромный библиографический журнал является ныне единственным обслуживающим русскую литературу, как таковую, вне гражданской войны. Естественно, что мне он представляется и единственным местом, где я бы мог выступить с этой, увы, ставшей необходимой защитой. Я прошу Вас ответить мне принципиально, находите ли Вы возможным такую статью поместить. Со своей стороны, я попытаюсь соблюсти тахітум такта. Еще к Вам две большие просьбы: (ради Бога простите, что я так эксплуатирую Вашу любезность!) 1) в Берлине вышла книга Сологуба «Заклинательница Змей»¹⁴. Насколько мне помнится, это его старая вещь, написанная до революции и напечатанная в каком-то альманахе¹⁵. Так ли это? Мне очень важно

знать это для статьи, о к<о>т<о>р<ой> Вам только что говорил. Здесь же проверить не могу.

2) Не можете ли мне указать приблизительную норму оплаты литератур<урного> труда русскими и<здательст>вами в Германии (Это спрашиваю, чтоб к<ак>-н<ибудь> ориентироваться в переговорах).

Статью о поэзии и список книг пришлю. Жду Вашего ответа. Искренний привет.

Душевно Ваш

Илья Эренбург.

5

4/VIII 21

Hotel Maritime
St. Ydesbald Coxyde.

Уважаемый Александр Семенович.

Недели три тому назад я писал Вам и ответа не получил. Боюсь, не пропало ли письмо, ибо я менял несколько раз адреса. Жду теперь Вашего ответа.

Душевно Ваш

И. Эренбург.

P.S. Если вышел 6-й № «Книги» пожалуйста, пришлите.

Э.

6

Hotel Maritime

14/8 <1921>

Уважаемый Александр Семенович,

спасибо за письмо и за все сведения. Я запросил в Париже приятеля о дате романа Сологуба — это необходимо для моей статьи. На будущей неделе надеюсь получить ответ и тогда тотчас же вышлю Вам обещанную статью. За ней не замедлит статья о русской поэзии. Что касается сведений библиографических, то они запоздают, т.к. все мои

книги в Брюсселе. Адрес мой пребудет в неизменности до начала сентября. Не откажите также выслать 6 № «Книги».

Привет.

Душевно ваш

Эренбург.

P.S. О судьбе Андрея (Ю.М.) Соболя: «Последние» Н«овости» сообщают, что он был арестован через месяц после прихода большевиков в Одессу¹⁶. Но это неверно — осенью 1920 г. он был в Москве и читал во «Дворце Искусств» свой рассказ, потом уехал снова в Одессу. Я имел от него письмо в феврале с.г.¹⁷ Приехавший в Москву из Одессы в начале марта журналист Хейфец (сотрудник «Воли Народа» и др.)¹⁸ говорил, что Соболев нигде не служит, но пользуется известным уважением, получил даже академический паек и обращался к председателю Чеки Дейчу (бывшему с ним вместе на каторге в Нерчинске)¹⁹ с просьбой о заключенных, хоть и безрезультатно. В письме ко мне Соболев писал, что собирается в Крым. Хотел бы, чтобы вся заметка оказалась вымыслом!²⁰

Э.

7

21 августа <1921>

Hotel Maritime
St. Ydesbald — Coxyde.

Уважаемый Александр Семенович,

Посылаю Вам обещанную статью, всячески старался от полемики воздержаться и соблюсти соответствующие приличия.

Если Вы все же почему-либо не сочтете возможным ее напечатать, пожалуйста, не задерживая, вышлите мне ее назад — черновика не осталось.

Напишите также какой размер (maximum) статьи о русской новой поэзии. Я не спешу с ней, т.к. полагаю, что поместив в 7 № прилагаемую статью, Вы другую отложите до следующего №.

№ 6 «Книги» я до сих пор не получил. Пожалуйста, не забудьте мне его выслать — среди здешней скуки большое развлечение.

Привет.

Душевно Ваш

Ил. Эренбург.

25/8 1921

Hotel Quirinal
37, rue du Luxembourg
Bruxelles.

Уважаемый Александр Семенович,

увы, совершенно неожиданно мне снова пришлось перекочевать. Шлю свой новый адрес. Перед отъездом я послал Вам статью заказным и напоминаю о просьбе, если не сможете почему-либо напечатать, — вернуть мне ее. Забыл Вам указать, что роман Сологуба (узнал с точностью), о к<о>т<о>р<ом> в статье упоминаю, был закончен и частью напечатан до революции.

Я высылаю Вам бельгийский журнал «Signaux», в к<о>т<о>р<ом> моя статья о русской поэзии²¹. Б<ыть> м<ожет>, в сокращенном и неск<олько> измененном виде она подошла бы для «Книги»? Или Вы можете напечатать и более специальный обзор? Напишите.

Душевно Ваш

И. Эренбург.

3 сентября <1921>

Hotel Quirinal
37, rue Luxembourg.

Уважаемый Александр Семенович,

Я отправил Вам: 22/8 статью, 25/8 письмо и revue «Signaux» — ответа не получил. А между тем мне необходимо знать, напечатаете ли Вы статью и надо ли писать Вам о поэзии (размер, предел «специальности», срок присылки). Если статья Вам не подходит, пожалуйста, верните. — Деньги (100 м.) получил, благодарствую — 6 № «Книги» раздобыл здесь, если вышел 7-й, пожалуйста, пришлите.

Привет душевный.

Уважающий Вас

И. Эренбург.

5/9 <1921>

37, rue du Luxembourg.

Уважаемый Александр Семенович,

получил письмо Ваше и «Книгу». Сердечное спасибо за письмо к консулу, м<ожет> б<ыть>, оно и окажет воздействие.

Посылаю Вам «Письмо в редакцию». Очень прошу включить его в ближайший номер «Книги»²². Что касается статьи о поэзии, то в ближайшие дни страшно занят. Все же если смогу — напишу, если нет, то сделаю безусловно для № 10.

Если хлопоты мои увенчаются успехом, скоро буду в Берлине, что обеспечит совместную работу нашу.

Душевно Ваш

И. Эренбург.

P.S. Я, слава Богу и несмотря на парижских flics, живу в отеле Квиринал, а не «Криминал»!

26/9 <1921>

37, rue du Luxembourg.

Уважаемый Александр Семенович,

«Книги», о которой Вы писали, я не получил до сих пор. Жду ее, чтоб писать статью о поэзии, т<ак> к<ак> у меня здесь нет и прежних номеров и я не могу припомнить размера страниц.

Позволяю себе обратиться к Вам со следующей просьбой — не могли ли бы Вы посодествовать мне в получении разрешения на въезд в Германию. Здесь оставаться нелепо, а в Париж меня не пускают — ко всем «обвинениям» прибавилось новое — статья о поэзии в Signaux, к<о>т<о>р<ую> Вы знаете. Политикой же я никак не занимаюсь. Жду Вашего ответа на сей счет, а также «Книги».

Искренно Вас уважающий

И. Эренбург.

30/9 <1921>

Уважаемый Александр Семенович,

сначала позвольте попрекнуть Вашу контору — в здешней лавке я нашел 7 № «Книги» — я же ничего не получил. Пожалуйста, напомните им. Далее: во вчерашнем № «Посл<едних> Нов<остей>» помещен довольно злостный ответ на эту статью²³. Оценка дело личное, но в ней замалчиваются и кривотолкуются факты. Напомню некоторые:

1. Есенин был неоднократно назван «Сов<етским> Распутиным» за стихи. За что другое могло быть дано ему подобное прозвище. Он даже нигде не служил и в прошлом году сидел в «чеке».

2. Блока травили за «Двенадцать».

3. Чуковского за лекцию-статью «Ахматова-Маяковский» в к<о>т<о>р<ой> он отнесся к Маяковскому как к поэту, а не как... к канализ<ационной> трубе.

4. Сологуба ругали в прислужничестве за роман «Заклинательница Змей», напечатанный до 17 г. Ругали гл<авным> обр<азом> «Последние Нов<ости>» — Не буква. Когда же я послал Василевскому лично письмо с просьбой опровергнуть сие, он не ответил²⁴.

5. В статье того же Василевского о Блоке²⁵ стихи из «Ночных Часов» и прочие написанные до 1914 года выдавались за новые антибольшевистские (усердие наоборот).

6. О том, что у Белого «mauvaise presse», мне говорили не мелкие сошки, а г. Алданов (Ландау), оправдываясь, что это не его мнение, а большинства эмиграции.

7. «Совр<еменные> Зап<иски>» просили у меня весной стихи новых русских поэтов, когда я назвал среди других Есенина, секретарь редакции Койранский возразил: «Нет, у него слишком плохое реномэ».

Добавлю лишь еще, что Есенина ценят в России все писатели различных направлений, его вечера устраивает Союз Писателей, и он тов<арищ> председателя Союза Поэтов, и что, увы! враждебное отношение писателей в России к эмиграции вполне обосновано.

Пока все это я пишу Вам в частном порядке. Но считаю необходимым опровергнуть неточности Койранского, и не <в> его (политической) газете, а в нейтральном органе, т.е. в «Книге». Прошу Вас написать, к<а>к Вы находите более удобным сделать: в разъяснении

редакции, в статье Вашей или другого сотрудника или в моем «письме в редакцию». В последнем случае прошу ответить, когда должен прислать его, чтоб оно попало в ближайший номер.

Очень жду Вашего ответа касательно возможности посодействовать мне в деле получения германской визы.

Искренно Вас уважающий

Илья Эрэнбург.

13

13 октября <1921>

Уважаемый Александр Семенович,

Вы, конечно, получили мое «письмо»? И, конечно, тиснете его?

Получил Вашу телеграмму вчера и смутился. Дело в том, что я заканчиваю новую книгу об искусстве «А все-таки она вертится» и голова полна всякой воинственной ерундой. А здесь статья да еще «vite». Все же решил, что раз Вы шлете телеграмму, значит она почему-либо Вам спешно нужна, и написал. Это нечто вроде Ваших обзоров политической литературы²⁶, т.е. предпочтительно информация + необходимая в данном случае доза лирики²⁷. Я выбрал название архаизированное, дабы не впасть в легкомыслие (напр., как sous-titre: „L'après-midi gâté de Koïransky» и т. п.). Очень прошу Вас, ввиду гнусности моего почерка, приналечь на корректуру.

Сегодня германский консул отправил касательно меня телеграфный запрос в Минист<ерство> Иностр<анных> Дел. Таким образом мои судьбы решаются в Берлине и, возможно, скоро нам удастся лично побеседовать.

Привет. Душевно Ваш. Эрэнбург.

14

7/6 <1922>

Дорогой Александр Семенович.

На днях я послал Вам статью о критиках²⁸. Сейчас посылаю 3 рецензии²⁹. Полагаю, что никаких возражений с Вашей стороны не бу-

дет. Это все, что я Вам дам в ближайшее время, т<ак> к<ак>, не получив книг, написать статью не смог и теперь не смогу до своего возвращения из Берлина, т.е. до августа³⁰. Я буду у Вас примерно 19—20-го числа и надеюсь исправить тогда корректуры статьи и заметок. Пожалуйста, напишите мне, получили ли Вы все и спокойно ли примете дары поэта?

Привет!

Ваш Эренбург.

15

14/6 <1922>

Villa Algir Binz a. Rugen.

Дорогой Александр Семенович,

Мой адрес (до конца августа) — найдете в заголовке сего письма. О сем местожительстве никаких деталей Вам не сообщаю, ибо Вы сами знаете одного природные достоинства и дополнительные пороки.

Очень прошу Вас и Гуля, ежели Вам попадетса ч<то>-л<ибо> о моих книгах и пр., прислать сюда. Также, разумеется, «Книгу».

Крепко жму Вашу руку и шлю дружеский привет Вашему местному «диктатору».

Ваш Эренбург.

P. S. Убрали ли Вы книги с пола.

16

19/VI <1922>

Дорогой Александр Семенович,

честно по утрам я работаю у себя на балконе (удовлетворяюсь толпой, т.е. грудой рубенсовских туш в отдалении). Закончу вскоре новую книгу «13 трубок» (истинное наследство Великого Учителя)³¹. В кафе же хожу лишь на часок после обеда и вечером³². Словом, Вы не были далеки от истины, говоря, что я добрый и хороший человек.

Адрес Марины Цветаевой: Trautenau Str. 9, «Trautenauer Haus» (возле моего Prager Platz). Думаю, что при напоминании надлежащее последует³³.

Здраво подумав (влияние свежего морского воздуха), я пришел к заключению, что для того, чтобы писать статью³⁴, о к<о>т<о>р<ой> я Вам говорил, мне необходимы некоторые книги под рукой для справок. А именно 1) сборник Серапионовых³⁵ и 2) рассказы Всева Иванова — по крайней мере. Хорошо бы еще что-нибудь. *Если Вы пришлете к 1-му июля эти книги бандеролью, я привезу их со статьей в Берлин примерно 13-го—14-го июля.*

Получили ли Вы книги в «Геликоне»? («Окно», стихи Чулкова, Слезкин).

Любовь Мих<айловна> шлет привет.

Если будут какие-либо пикантные справки о моих убогих писаниях, не поленитесь прислать.

Душевно Ваш Эренбург.

17

23/6 <1922>

Дорогой Александр Семенович.

Посылаю Вам две заметки некоего молодого критика, присланные для этой цели из Москвы³⁶. Ежели найдете подходящими, напечатайте, и во всяком случае меня об их судьбе известите. — Я получил неск<олько> сборников стихов из Петрограда, и об одном из них, «Орде» Николая Тихонова, напишу для Вас заметку и привезу. Читайте au reservé³⁷.

Что касается статьи о прозе, то я уже Вам писал, что мне нужно для нее две книжки minimum.

Привет! Душевно Ваш Эренбург.

4/7 <1922>

Дорогой Алекс<андр> Семенович,

Спешу отослать Вам заметку о разл<ичной> сволочи, к<о>-т<о>р<ую> очень прошу поместить в ближ<айшем> № «Книги». По цитатам Вы увидите, что ругаюсь я по ослам³⁸.

Я напишу в ближайшие дни маленьк<ие> заметки о следующих книгах:

Тихонов «Орда»;
 Пастернак «Сестра моя жизнь»;
 сборник «Наши дни»;
 —” — «Современник»³⁹.

Жду «Серапионовых братьев» для статьи и Вашего ответа касательно прилагаемой нужды. Что нового?

От Люб<ови> М<ихайловны> и меня сердечный привет.

Ваш Эренбург.

7—7 <1922>

Дорогой Александр Семенович,

Я утром отправил Вам письмо с рецензиями, а сейчас получил Ваше, также книжку. Все, что писал, остается в силе, т.е. статью о прозе (хочу чтоб была обстоятельная) смогу написать лишь в августе. Пока прошу напечатать статейку о критиках и рецензии. Первую можете либо поместить как рецензию «Утренники № 2», либо как статейку «О некоторых критиках» — как хотите. Буду у Вас 19—20-го.

Люб<овь> Мих<айловна> шлет сердечный привет, также я.

Ваш Эренбург.

Кончил книгу рассказов «13 трубок» — 7 печатных листов — 18 дней (при купании и прочем!).

P.S. Соболев просит передать Вам благодарность за «Книгу».

Э.

20

<сентябрь 1922>

Дорогой Александр Семенович,

Я *никак* не могу написать к 8 № статьи — мозги бастуют*. Твердо обещаю к 9.

Можете при встрече даже обругать меня, но — предупреждаю — помня коломенские заветы⁴¹ — я в ответ скажу:

«Поцелуемся

Христос Воскресе

брат»⁴².

Voilà!

Ваш Эренбург.

* Хочу чтоб была статья увесистая — не голлербаховская!⁴⁰

21

<весна 1923>

Небезызвестный Ященко,

Я собираюсь писать о Лидине⁴³. Но имейте в виду, что в ближайшем № Вы обещали написать о новых книгах. Напишите сразу о двух, т.е. о «*Курбове*»⁴⁴ и о «*Д.Е.*» Это удобней. Оставляю Вам пробные экз<емпляры>. *Не надуйте!* Привет.

Ваш Эренбург.

22

<весна 1923>

Дорогой Александр Семенович!

Где Ваша статья обо мне? Я думал, что она уже в наборе! Если Вы не написали, то напишите *сегодня же!!!* Не то..... не то я Вас буду лечить с помощью небезызвестного «*Афро*». О Лидине дам, лишь когда увижу Ваше.

Ваш Эренбург.

7/6 <1923>

Hotel Kurhaus
Schierke.

Дорогой Александр Семенович,

посылаю Вам рецензию о книге Лидина.

Надеюсь, что и Вы сдержали Ваше обещание!

Здесь мороз, и мы, возможно, на днях перекочем в Берлин.

Сердечный привет.

Ваш Эренбург.

КОММЕНТАРИИ

¹ Ю.К. Балтрушайтис в 1921 г. был председателем Всероссийского союза писателей. См. о нем в мемуарах Эренбурга *Люди, годы, жизнь*, I, 433—434.

² См. справки о находящихся в Советской России писателях — в разделе «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1921 гг.» в *РК*, № 5, стр. 20—24. Полный список справок, представленных Эренбургом, дан нами во вступительной статье.

³ В хронике в первом номере *РК* утверждалось, что Есенин «присоединился к большевикам» и что в новую группу «имажинистов» кроме него входят «Маяковский, Шершеневич и др.» (стр. 22). В статье Яценко «Русская поэзия за последние три года» творчеству Есенина приписывался «хлыстовский», «распутинский» характер (*РК*, № 3, стр. 10—11).

⁴ Ср. заметку «Высылка Эренбурга из Франции» в газете *Руль*, № 160, 31 (18) мая 1921: «По сообщению “Последних Новостей” в Париже был арестован и затем выслан на бельгийскую границу русск<ий> поэт и журналист И.Г. Эренбург. По мнению газеты, высылка эта является результатом какого-то недоразумения. Ему только недавно удалось вырваться из советской России под предлогом научной командировки. В Париже он никакого участия в политике не принимал. Лица, знающие Эренбурга, предприняли меры для выяснения мотивов высылки». Причины высылки так и остались Эренбургу неизвестными (1, 619).

⁵ «В. Диле, поэт, живет в Екатеринограде. Руководитель детским театром». Борис Дикс (Борис Алексеевич Леман, 1880—1945) — поэт, критик, переводчик.

⁶ Илья Эренбург. «О некоторых признаках расцвета российской поэзии». *РК*, № 9, стр. 1—5.

⁷ См. в письме Г.И. Чулкова к А.С. Яценко просьбу пересылать ему письма через председателя латышского Союза писателей В.А. Сварен-Завинского. Ср. извещение о возобновлении почтовых сношений с Россией в рижской газете *Новый Путь*, № 43, 24 марта 1921, стр. 4.

⁸ Книга *Портреты русских поэтов* вышла в берлинском издательстве «Аргонавты» в начале 1922 года. См. рецензию на нее О. (Ю. Офросимова) в *НПК*, 1922, № 4, стр. 13—14.

⁹ Речь идет о подборке, составившей сборник Эренбурга *Капуны* (Берлин, «Мысль», 1921). Рецензия Р. Гуля — в *НПК*, 1922, № 2, стр. 18—19.

¹⁰ Ср.: И. Эренбург. *А все-таки она вертится*. М. — Берлин, «Геликон», 1922 (рецензия И. Пуни во втором номере *НПК*, 1922, стр. 10—12).

¹¹ И эта книга, как и первое издание «Хуренито», вышла в издательстве А.Г. Вишняка «Геликон».

¹² Это письмо было использовано в справке об Эренбурге в *РК*, № 6, стр. 26.

¹³ Илья Эренбург. «Au dessus de la mêlée». *РК*, № 1—8, стр. 1—2.

¹⁴ Федор Сологуб. *Заклинательница змей*. Берлин, «Слово», 1921. О приобретении романа издательством см.: *Руль*, № 66, 6 февраля (24 января) 1921, стр. 5. Ср. в рецензии П.Ш. на это издание: «*Заклинательница змей* — первый написанный в Советской России роман, который появляется в печати за ее пределами. Он свидетельствует о том, что, несмотря на исключительные условия жизни под советской властью, Ф. Сологуб остался тем же, каким его давно знают читатели», — *Руль*, № 148, 15 (2) мая 1921. Ср. отзыв А. Дроздова в *РК*, № 6, стр. 10—11:

«Этот писатель — одиночка, родственник гению Достоевского и философской греховности Розанова, создал новый роман, только что изданный здешним книгоиздательством «Слово». Несомненно, роман написан в последние годы, в годы революции, даже, быть может, в годы большевизма, что отложило на нем грустный и досадный отпечаток; за умелой техникой умелого романиста просвечивает, как голое тело под распахнутым халатом, ходульность замысла и ходульность придуманных фигур. В «Заклинательнице змей» поставлена мучительная в наши дни проблема отношений мира фабрикантов и мира рабочих, и разрешена она с неожиданной тенденциозной пошловатостью: рабочие и работницы в романе отменно чисты, благородны и хороши, а фабриканты и интеллигенция, обслуживающая им, отменно дрянны, уродливы, наделены всеми пороками чисто-пропагандных «буржуев». Такова тема. Немного позднее роман был издан и петроградским издательством «Эпоха».

¹⁵ *Эпоха*. Кн. I. М., изд. А.А. Левенсон, 1918.

¹⁶ Приводим заметку «Судьба писателя А. Соболя», напечатанную в *Последних Новостях*, № 402, 9 августа 1921: «Писатель Андрей Соболев, оставшийся в Одессе во время занятия города большевиками, — был арестован Че-ка спустя месяц и с тех пор содержится в заключении сначала в Че-ка, а ныне в тюрьме за городом у Стрельбицкого Поля. Андрею Соболю вменяется в вину его работа в антисоветской газете «Современное слово». Еще во время пребывания в Одессе добровольцев, издававший подпольно «Коммунист» посвятил А. Соболю статью, угрожая ему расправой. В Че-ка во время допроса на вопрос об отношении к советской власти, писатель ответил отрицательно. В июне месяце А. Соболев решил отправиться в Париж письмом, в котором осуждал советскую власть. Письмо, подписанное полным именем писателя, было перехвачено агентами Че-ка, и в тюрьму явился председатель Чрезвычайки Дробиш, который спросил Соболя, отказывается ли он от написанного им в письме. Получив отрицательный ответ, — Дробиш заявил, что Соболю нечего надеяться на освобождение». (Имя председателя одесской чека в этой заметке, очевидно, искажено.)

А. Соболев — известный русский писатель-прозаик. С юношеских лет принимал активное участие в революционном движении: в 1903—1905 годах входил в партию социалистов-сионистов, в 1906 году был сослан на каторгу, где примкнул к партии эсеров. Бежал с каторги за границу (см. И. Эренбург. *Люди, годы, жизнь*, I, 440—441). В 1914 году вернулся в Россию. В 1922 году приехал в Берлин. 14 сентября 1923 года выступил с «Открытым письмом» в московской газете *Правда*, где отрицал право литератора на аполитичность (эта статья изложена в книге: С.А. Федюкин. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу*. М., 1977, стр. 220—221). Незадолго до гибели опубликовал статью «Как создается единство русской литературы. Ответ М.А. Осоргину» (*Журналист*, Москва, 1925, № 10, стр. 35—46), в которой отвергал упреки в измене своей писательской совести и независимости. Покончил самоубийством 7 июня 1926 года. По словам А. Воронского, «причина не

совсем ясна, как всегда бывает в этих случаях» (письмо А.К. Воронского к М. Горькому от 16 июня 1926. *М. Горький и советская печать*. Кн. 2 (*Архив А.М. Горького*. Том X) М., 1965, стр. 35.). См. о Соболе: *Каторга и ссылка*, кн. 26 (1926), стр. 223—228.

¹⁷ Ср. в справке, переданной Эренбургом в *РК* (№ 5, стр. 23):

«Андрей Соболев живет в Одессе. Написал новые рассказы». Ср. предыдущую справку в *РК*, № 2, стр. 30: «Мих. Соболев, бывший сотрудник петербургских и московских газет, в 1918 г. участвовал в газете «Наш путь». В 1919 г. работал в «Одесском Современном Слове». Остался в Одессе».

¹⁸ И.М. Хейфец, редактор *Одесских Новостей*, в мае 1921 г. приехавший в Кишинев (см.: *РК*, № 7—8, стр. 27), а затем переехавший в Париж, где работал в *Последних Новостях*. (См. о нем: Д. Аминадо. *Поезд на третьем пути*. Нью-Йорк, 1954, стр. 62—64.)

¹⁹ О М.А. Дейче *Последние Новости* рассказывали в заметке «Герои Одесской Чека» (№ 469, 20 октября 1921): «Во главе одесской чрезвычайки, едва ли не наиболее зверской, второй уже год стоит бывший эсер Дейч, приговоренный в 1905 году к каторге за убийство околоточного. Наказание свое он отбывал вместе с писателем Андреем Соболев, которого не так давно продержал несколько месяцев в тюрьме». 10 августа 1921 г. Дейч был награжден орденом Красного Знамени — см. об этом: Д.Л. Голинков. *Крушение аутсоветского подполья в СССР*. Изд. 2-е. Кн. 2. М., 1978, стр. 139 (сноска). См. о нем также в заметке: «Чекист во главе Донбасса», газ. *Последние Новости*, № 3439, 11 октября 1930 г.

²⁰ Андрей Соболев был освобожден из тюрьмы в конце августа 1921 года (см.: *Речь*, № 272, 8 октября (25 сентября) 1921 г.; ср. *РК*, № 9, стр. 30). Об одесском аресте его и обстоятельствах освобождения из заключения рассказывают мемуары Осоргина — см. Мих. Осоргин. «Трагедия писателя». *Последние Новости*, № 3100, 1929, 17 сентября, стр. 2—3; Мих. Осоргин. «Времена», *Новый Журнал*, 4, 1943, стр. 20—21; Мих. Осоргин. *Времена*. Париж, 1955, стр. 167—168. Об участии Б.К. Зайцева и хлопотах о Соболе см.: Борис Зайцев. *Москва*. Мюнхен, 1960, стр. 134, ср. также: Бор. Зайцев. «Давнее». *Новый Журнал*, 61, 1960, стр. 20. Об этом одесском аресте упомянул и сам Соболев в автобиографии, напечатанной в *НРК*, 1922, № 6, стр. 38—40. В 8-м номере *НРК* (стр. 14—15) напечатана рецензия А. Соболя на *Ночи и дни* Вл. Лидина (за подписью А.С. Авторство Соболя удостоверяется его письмом к Яценко от 18 августа 1922, коллекция Б.И. Николаевского, № 72, п. 155).

²¹ *Signaux de France et de Belgique*, 1921 № 4. Статья Эренбурга отреферирована Е.А. Зноско-Боровским в *Последних Новостях*, № 458, 13 октября 1921 и в хронике петербургской *Летописи Дома Литераторов*, № 2, 15 ноября 1921, стр. 8.

²² *РК*, № 9, стр. 5—6 (по поводу откликов на статью Эренбурга «Au dessus de la mêlée» в предыдущем номере *РК*).

²³ Александр Койранский. «Поэтический иммунитет». *Последние Новости*, № 446, 29 сентября 1921. В ней отмечалось, что статья Эренбурга «Au dessus de la mêlée» устанавливает «новый вид иммунитета, новые индольгенции»: «Отныне достаточно написать несколько рифмованных или нерифмованных строк, и автор неприкосновенен. Чего бы он ни натворил, его нельзя назвать ни в печати, ни в частной беседе «прихвостнем», «советским Распутиным», ниже иными бранными и поносными словами... Товарищ Держинский, сочиняйте скорее сонет. Кто посмеет тогда назвать Вас палачом?»

²⁴ Эту статью И.М. Василевский высмеял и Вл. Амфитеатров-Кадашев («Поиски ключа». *Веретено*, кн. I, Берлин, 1922, стр. 212.)

²⁵ И. Василевский (Не-Буква). «Последние стихи. (Памяти Александра Блока)», *Последние Новости*, № 406, 13 августа 1921.

²⁶ А. Яценко. «Русская политическая литература за границей», *РК*, № 5, стр. 1—10, № 6, стр. 1—6.

²⁷ И. Эренбург. «О некоторых признаках расцвета российской поэзии», *РК*, № 9, стр. 1—5.

²⁸ Илья Эренбург. «О некоторых критиках (*Утренники*, № 2)», *НРК*, 1922, № 6, стр. 7—8.

²⁹ Одной из них была рецензия на *Сестру мою жизнь* Пастернака (*НРК*, 1922, № 6, стр. 10—12). О каких остальных идет речь — не известно.

³⁰ Заказанная журналом статья Эренбурга «Новая проза» (*НРК*, 1922, № 9, стр. 1—3).

³¹ Вышла в издательстве «Геликон» в начале 1923 г. (рецензия Ю. Офросимова — в *НРК*, 1923, № 1, стр. 19—20).

³² Р. многочисленные показания мемуаристов о привычке Эренбурга работать в кафе. Ср. его статью «Die russische Dichterkolonie im Café "Prager Diele" (1922—1923)», *Die literarische Welt* (Berlin), 1926, Nr. 2, SS. 5—6. Ср.: Р. Гуль. *Жизнь на фукса*. М.—Л., 1927, стр. 215—217 («Писатели на улице»).

³³ Эренбург предложил Яценко привлечь Цветаеву к сотрудничеству в *НРК*. Ср. ее письма к А. С. Яценко в этом томе.

³⁴ Статья «Новая проза».

³⁵ *Серапионовы братья. Заграничный альманах*. Берлин, «Русское Творчество», 1922.

³⁶ По всей видимости, речь идет о рецензии А. Лаврецкого (И. М. Френкеля, 1893—1964) на книги А. Соболя, напечатанной в седьмом номере *НРК* за 1922 г. (стр. 7—8).

³⁷ Напечатана в *НРК*, 1922, № 7, стр. 11.

³⁸ В *НРК* не появилась.

³⁹ Последние две заметки в *НРК* не появлялись. В сборнике *Современник* напечатана, в частности, статья Пастернака «Несколько положений».

⁴⁰ Эрих Федорович Голлербах (1895—1942), известный петроградский искусствовед, библиофил, поэт, был близок к В. В. Розанову и в 1922 году издал письма Розанова к нему и монографию о нем. С начала 1922 года активно печатался в эмигрантских русских изданиях. В *НРК* опубликован ряд его статей и заметок, в том числе в седьмом номере (вышедшем в сентябре) 1922 г. — воспоминания о Н. С. Гумилеве и статья о литературном Петербурге. См. о нем справки в *НРК*, 1922, № 3, стр. 36 и 1923, № 2, стр. 45; см. также: П. Н. Берков. *История советского библиофильства. (1917—1967)*. М., 1971, стр. 131—134; П. Н. Макаров. *Полвека в мире книг*. Л., 1969, стр. 63—69. Как показывают сохранившиеся в архиве Николаевского письма Голлербаха, статьи его для *НРК* пересылались через Эренбурга. В статье Е. И. Ландау «Литературно-критическая деятельность Ильи Эренбурга в начале 20-х годов» сообщается об отказе Эренбурга от публикации статьи Голлербаха в журнале *Вещь* и приводится выдержка из его письма к Голлербаху от 23 марта 1922 года: «...Вы нападаете на Москву в резкой форме, а ведь мы все же... обретаемся на "левом" фланге искусства». (См.: Челябинский гос. пед. институт. *Советская литература 20-х годов. Материалы межвузовской научной конференции*. Челябинск, 1966, стр. 293.) Речь в этом письме, по-видимому, идет о статье Э. Голлербаха «Дары поэтов (из петербургских впечатлений)» (датир.: март 1922), напечатанной в альманахе *Веретено*, кн. I, 1922, стр. 199—205. Ср. «Открытое письмо Ильи Эренбургу» Э. Голлербаха в газ. *Накануне*, № 448, 30 сентября 1923, стр. 8.

⁴¹ В Коломне жил Борис Пильняк.

⁴² Перефразируется знаменитый пароль «Серапионовых братьев»: «Здравствуй брат! Писать очень трудно» (обыгранный в статье о них Эренбурга в девятом номере *НРК*, 1922).

⁴³ И. Э <ренбург>. <Рец.:> «Вл. Лидин. *Морской сквозняк*», *НРК*, 1923, № 5—6, стр. 17—18.

⁴⁴ Роман Гуль. <Рец.:> Илья Эренбург. *Жизнь и гибель Николая Курбова*. *НРК*, 1923, № 5—6, стр. 16.

М.И. ЦВЕТАЕВА

Оба публикуемых ниже письма Цветаевой относятся к первым неделям ее эмигрантской жизни. Обстоятельства ее выезда из Москвы и кратковременного берлинского пребывания (перед отъездом в Прагу) хорошо известны по опубликованным мемуарам — см., в первую очередь, «Страницы былого» Ариадны Эфрон (*Звезда*, 1975, № 6; Ариадна Эфрон. *Страницы воспоминаний*. Париж, 1979). В первом письме к Яценко (как и в приписке ко второму) речь идет о предложении выступить с автобиографией в разделе «Писатели — о себе» в *НРК*. Статья эта так и не была написана; ее Цветаева упомянула и позднее, в письме к Р.Б. Гулю от 21 декабря 1922 г. (*Новый Журнал*, 58, 1959, стр. 172). Второе из печатаемых нами писем содержит вескую для специалистов, изучающих отношения Цветаевой и Пастернака, деталь творческой истории статьи «Световой ливень» (впервые напечатанной в берлинском журнале А. Белого *Эпопея* (1922, № 3, стр. 10—33): авторитетно удостоверяется «дебютный» характер этого литературно-критического выступления Цветаевой. Кроме того, закономерно предположение, что в сознании Цветасвой «Световой ливень» мог расцениваться как субститут ненаписанной «автобиографии». Статья Цветаевой в *НРК* напечатана не была, так как ее «обогнала» появившаяся в июньском номере журнала рецензия И. Эренбурга на *Сестру мою жизнь* (июньский номер *НРК* вышел в августе 1922). С отзывом о Р.Б. Гуле во втором письме (позднее Р.Б. Гуль служил пересылочной инстанцией в переписке Цветаевой и Пастернака) ср. воспоминания Гуля о Цветаевой в его книге *Жизнь на фукса* (М.—Л., 1927, стр. 215—217); ср. также «Я унес Россию» (*Новый Журнал*, 132, 1978, стр. 38—44). См. также: Simon Karlinsky. *Marina Cvetaeva. Her Life and Art*. Berkeley and Los Angeles, 1966; Ольга Раевская-Хьюз, «Борис Пастернак и Марина Цветаева (К истории дружбы)», *Вестник Р. С. Х. Д.*, 100, 1971, стр. 281—305; Olga Raevsky Hughes, «Pasternak and Cvetaeva. History of a Friendship». *Books Abroad*, vol. 44, No. 2 (1970), pp. 218—221; Л. Флейшман. *Борис Пастернак в двадцатые годы*. München, 1981.

1

Многоуважаемый г. Яценко,

Простите за невежливое молчание: молчала нечистая совесть. То, что начала писать, потеряла переезжая, во второй раз начинать не хотелось.

Теперь начала, но много других работ, постараюсь прислать скоро, только особенно не рассчитывайте: сама тема далека: я собственная жизнь.

Шлю привет и прошу не сердиться.

М. Цветаева.

26 июня 1922

2

Берлин, 6-го июля 1922

Многоуважаемый г-н Яценко!

(простите, забыла отчество)

Не нужна ли Вам для Вашей Книги статья о Пастернаке (о его книге стихов «Сестра моя Жизнь») — Только что кончила, приблизительно 1/2 печатн<ых> листа. *Сократить*, говорю наперед, *никак не могу*.

Если она Вам окажется нужна, ответьте, пожалуйста, на три следующие вопроса:

- 1) Когда пойдет? (Мне важно, чтобы поскорее, чтобы моя рецензия была первой)
- 2) Могу ли я рассчитывать на полную неприкосновенность текста?
- 3) Смогу ли я, хотя бы у Вас, в редакции, продержатъ корректуру? (Абсолютно важно!)
- 4) Платите ли, и если платите, сколько? (И сразу ли?)

Будьте милы, ответьте мне поскорей, это моя первая статья в жизни — и боевая. Не хочу, чтобы она лежала.

Было бы мило, если бы ко мне прислали с ответом Гуля. Я его очень люблю.

— И напишите мне свое имя и отчество.

Привет.

М. Цветаева.

Trautenaustrasse, 9
Pension «Haus Trautenaau».

— Я свою автобиографию пишу через других, т.е. как другие *себя*, могу любить исключительно другого.

А. Г. ВИШНЯК

Издательство «Геликон» возникло в 1918 году в Москве, где успело выпустить несколько изданий, полиграфическое и художественное качество которых обратило внимание критики. В заметке о возобновлении деятельности издательства в Берлине газета *Руль* (№ 302, 13 ноября (31 октября) 1921 года) упоминала в числе ближайших планов издательства сборник памяти Блока (под редакцией А. А. Левенсона) с публикацией переписки Блока с Бальмонтом и Н. Крандиевской (ср. также: *РК*, № 9, стр. 21). Среди изданных в этот период книг «Геликона» заслуживают в первую очередь быть упомянутыми произведения Цветаевой, Пастернака и Эренбурга (в частности, первое издание «Хуренито»). «Книги “Геликона” заставляют нас вспомнить о лучших временах расцвета русского издательского дела (1912—15 гг.)», — писало *Литературное приложение к «Накануне»* (№ 34, 7 января 1923, стр. 10). Глубоко сочувственный отзыв о А. Г. Вишняке (1895—1943; погиб в немецком концлагере) содержится в мемуарах Эренбурга *Люди, годы, жизнь* (II, 771).

Финансовая поддержка издательству «Геликон» была оказана в Берлине доктором медицины Юрием Борисовичем Штейнбергом, владельцем завода под Фрейбургом, двоюродным братом (по матери) и ровесником М. О. Цетлина, известного мецената и поэта. Умер Ю. Б. Штейнберг в конце 60-х годов, в возрасте ок. 85 лет. Эти сведения о нем сообщены нам Б. С. Вассерманом (Иерусалим).

Берлин, 15.9.21

Профессору Александру Семеновичу Яценке

Многоуважаемый Александр Семенович!

Московское литературное и художественное книгоиздательство «Геликон» честь имеет сообщить Вам о возобновлении своей деятельности в Берлине. Редактором и Управляющим Делами книгоиздательства состоит Абрам Григорьевич Вишняк.

Вслед за сим сухим оповещением, позвольте выразить Вам мою надежду повстречаться как-нибудь в ближайшем будущем, на предмет лирических и других разговоров.

Я, ежели предупредите меня накануне, в любой вечер к Вашим услугам.

Искренне Вас уважающий

А.Г. Вишняк.

Д. Д. БУРЛЮК

Давид Давидович Бурлюк (1882—1967) — поэт и художник, основатель русского футуризма, близкий друг Маяковского. В сентябре 1920 года приехал в Японию, в сентябре 1922-го переселился в США. Публикуемые письма относятся к японскому периоду жизни Бурлюка и первому году пребывания в Америке и представляют интерес потому, что этот «промежуточный» период его творчества слабо отражен в многочисленных печатных выступлениях Бурлюка и специальному изучению не подвергался, за исключением заметки (на японском языке): Kazuo Yamawaky: «Burluik and Palmov — Russian Futurists and Japan», in: *Pilotis* (Hyogo: Museum of Modern Art). No. 28 (June 1978) and No. 29 (September 1978). Последней справкой мы обязаны Джону Боулту.

1

Проф. Яценко
М. Г.,

1921.VIII.8
Jokohama
Novomuna cho 38.

Дружеский совет

В первой Вашей книге Вы обещали полнейшую *беспристрастность*. Для ученого литературы это означает — вне партийное рассмотрение Эвров¹ — с точки зрения *новизны*: словаря, синтаксиса, ритма («на́ ново ритма м'ёрка»!!!). Конечно, иного рассмотрения и быть не может, ибо все остальное переходяще — кроме *формы*: (Гомер) исчезнут все условности (мораль, религии и т. п.) жизненные и останутся только предметы истории литературы. Мне кажется, уважаемый профессор, что в отношении Маяковского Вы делаете не только промах, но и *недосмотр*². С точки зрения профессора *Веселовского* Маяковский вполне удовлетворяет качеством, способным более, чем веселить. У Маяковского, особенно, «О<б>лако в штанах», траге-

дия «Вл. Маяковский» (последние с 1918 г., мало известны мне³) каждая строка размаха и структур поразительных. Мне кажется, Вы чересчур верите, эпатированы — старой русской школой, каковая «отходит» постольку, поскольку ее породившее мертво.

Примите уверение в почтении к Вам

Д.Д. Бурлюк.

Я не люблю Мариенгофа, Шершеневича, Есенина, Клюева и К° (псевдо-футуристы). Мне: (+ = нравятся Гуро, Хлебников, В. Иванов (*отчасти*)) также к<a>к Блок (*отчасти*), Белый⁴.

2

М.Г. г<осподин> профессор Яценко!

Ваше издание было для меня чрезвычайно желанным, но после 3 № <в> Японии почему-то нет «Русской Книги». Вы во всем разбираетесь очень тонко, *кроме Маяковского*. Здесь ваша ошибка. Маяковского и Мариэнгофа — нельзя сравнить, ставить рядом.

О себе. 2 книги стихов, роман (350 стр.) «Андрей Филонов». 2 книги рассказов. 1 книга статей об искусстве.

Часть напечатана <в> Дал<ье>-Вост<очных> газетах, большею же частью не издано⁵.

3

Профессору А. С. Яценко

31.XII. 1921

Многоуважаемый профессор!

Принося Вам свои поздравления с Новым годом, посылаю статью-конспект «Литература и Искусство Сибири и Д<альнего> В<остока> 1919—22 г». В настоящий момент полная неосведомленность о том, что делается далее Харбина; но период 19—22 гг. мной описан точно —;⁶

Большое спасибо за Ваше любезное предложение;

Почта ходит очень не быстро.

Отдаленность — оторванность.

Примите уверение в почтении к Вам

Давид Давидович Бурлюк.

2 ноября 1922 г.

New York City
2116 Harrison Ave
D. Burliuik
(Давид Давидович).

Многоуважаемый и милый профессор А.С. Яценко!

Сообщаю Вам, что я поселился, и очевидно, прочно — <в> Америке — ее столице. Адрес, помещенный <в> заголовке, является постоянным и прочным. Переехал сюда семейно — детей отдал <в> школу.

Буду очень рад установить <с> Вами обмен информацией. Я очень интересуюсь судьбами русск<ой> литературы и художеств.

Продолжается ли Ваше детище «Книга»; если да — прошу мне высылать ее — я отпишусь.

Америка, которая кажется, мало известна, к<а>к носительница традиций русского слова, обширное, лежащее под спудом, поле, где бы возможности <в> этом направлении — всяческие — могли быть масштабно-огромными.

<В> ожидании желанного ответа поэт и художник

Давид Д. Бурлюк.

4 Августа 1923

Dav. Burliuic,
2116 Harrison Ave,
New York City USA.

Профессору А. Яценко в Берлине

Многоуважаемый профессор Яценко,

Несколько месяцев тому назад, обратившись к Вам с просьбой об издании моих книг в Берлине, я получил ответ от доктора Глеба Алексея, главы издательства Русских Писателей в Берлине.

27 июня я переслал ему рукопись сборника моих стихов — «Бременный мужчина», а 12 июля через Америкен Экспресс Компани перевел ему первые 35 долларов.

Теперь сижу и жду корректурных оттисков книги, которые укажут мне, что к работе над книгой приступлено⁷.

Многоуважаемый профессор, очень Вам благодарен за хлопоты по рекомендации издательства.

В настоящий момент у меня на очереди к печати 3 книги прозы:

1 — «Книга о современной Японии» (заметки очевидца),

2 — «Ошима» (Японский Декамерон),

3 — «Книга рассказов из русской жизни Дальнего Востока», относящихся ко времени японской оккупации⁸.

Книги эти я хотел бы издать теперь же, на условиях приобретения за наличные по пятьсот экземпляров каждой книги для Америки.

Каждая из этих книг не превышает ста-ста сорока страниц размера «Хозяйка Достоевского».

Что Вы можете мне посоветовать наиболее выгодное — и для книг показное?

В ожидании Вашего любезного ответа с почтением

Художник Давид Давидович Бурлюк.

КОММЕНТАРИИ

¹ То есть: *oeuvres*.

² Это письмо, как и следующее, относится к статье А.С. Яценко «Русская поэзия за последние три года» (*РК*, № 3), где была дана резко отрицательная характеристика Маяковскому и футуризму и выражалось недоумение по поводу приобретения футуризмом официального статуса в революционной России.

³ Оценка Маяковского у Яценко основывалась на его «нетворческих» (как заметил Борис Пастернак в «Охранной грамоте») «150.000.000».

⁴ Имажинисты и футуристы были сближены у Яценко в понятии «эпигонов разложившегося символизма» и «скоромошьяго хулиганства».

⁵ Эта справка включена в раздел «Судьба и работы...» в *РК*, № 9, стр. 24 и заимствована хроникой московского журнала *Печать и Революция*, 1922, кн. I, стр. 333.

⁶ Статья Д. Бурлюка «Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919—1922 г.) (Заметки и характеристики очевидца)», напечатанная во втором номере *НРК* за 1922 год (стр. 44—48). Ср. отклик на нее в письме редактора владивостокской газеты *Русский Край* М.В. Щербакова к Яценко: «Можем, кстати, указать, что статья Бурлюка о Дальневосточной поэзии и литературе, помещенная в № 2 Вашего журнала в ее части, касающейся Владивостока, вовсе не отражает того, что делается сейчас у нас, т.к. Бурлюк уехал отсюда еще весной 1921 г. и, судя по его письмам к Вам, совершенно не осведомлен о нашей литературной жизни» (Архив Николаевского, № 72, п. 185). Деятельность Бурлюка в 1918—1920 гг. освещена в недавней работе: Felix Philipp Ingold. «Die einzige Kunst der Gegenwart. Eine vergessene Deklaration von David Davidovič Burljuk». *Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen*

Slavistenkongress in Warschau. August 1973. Verlag C.J. Bucher, 1973, SS. 51—64; см. также воспоминания П.В. Незнамова «Маяковский в двадцатых годах», в кн. *В. Маяковский в воспоминаниях современников.* М., 1963, стр. 355—356.

⁷ Сборник Д. Бурлюка был объявлен летом 1923 года среди «печатающихся» в извещениях Книгоиздательства писателей в Берлине, но из-за внезапного отъезда Г.В. Алексеева в Москву, книга так и не вышла. См. об этом в заметке Д. Бурлюка, опубликованной в журнале *Color and Rhyme*, No 55 (1965), p. 32 («Судьба стихов Бурлюка в Берлине»): «В 1923 году проживавший в Берлине журналист Глеб Алексеев предложил мне за 100 дол. напечатать в Германии книгу моих стихов “Беременный мужчина”. Мы послали ему деньги <,> тексты стихов и 28 фотографий — иллюстрации к книге (Бурлюки в Японии). Через год, уже из Москвы, Глеб Алексеев извиняясь сообщил, что он не мог исполнить обещанное, полученные деньги были им истрачены на переезд на родину. Мы никогда не могли добиться возвращения нам нашего материала». Ср. также: *Color and Rhyme*, No 60 (1965—1966), p. 24 и V. Markov. *Russian Futurism: A History.* Berkeley—Los Angeles, 1968, p. 319. «Печатающимся» сборник Бурлюка «Беременный мужчина» назван в перечне «изданий Кружка пролетарских писателей», в кн.: *В плену небоскребов. Альманах кружка пролетарских писателей в Сев. Америке. (Отдел Всероссийского союза крестьянских писателей).* Нью-Йорк, 1924, стр. 48.

⁸ Эти книжки впоследствии были изданы М.Н. Бурлюк в Нью-Йорке.

А.М. РЕМИЗОВ

Переписка с Яценко, начатая Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877—1957) в Ревеле, по пути в Берлин, свидетельствует об установлении близких отношений между редактором *НПК* и только что покинувшим Советскую Россию «по беженскому билету» (см.: *ПК*, № 9, стр. 30) писателем. Стилистические особенности публикуемых ниже документов соответствуют обычным эпистолярным нормам Ремизова данного периода: это короткие записки, совмещающие разговор о бытовых мелочах, поручениях и просьбах с «обезвельволпальским» возвеличением адресата или упомянутых в тексте лиц. Другой рефлекс этого последовательного и целеустремленного «увековечивания» даже самых мимолетных житейских контактов — насыщение именами реальных друзей и знакомых самой фантастической фабулы и абсурдного контекста (такова, в частности, и функция появления А.С. Яценко в *Взвихренной Руси*). О месте Обезвельволпала в ремизовской картине мира см. появившиеся в последнее время работы: С.С. Гречишкин. «Архив А.М. Ремизова», *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год*. Л., 1977 и Л.С. Флейшман. «Из комментариев к *Кукхе*. Конкретор Обезвельволпала», *Slavica Hierosolymitana*, I (1977). Яценко и А.М. и С.П. Ремизовы, в числе других, явились инициаторами создания Дома Искусств в Берлине в ноябре 1921 г. Статья Ремизова «Крюк», описывающая литературную жизнь Петрограда, стала одним из наиболее принципиальных литературно-критических выступлений журнала Яценко.

См. также: Н. Sinany. *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov*. Paris, 1978; Horst Lampl. «Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A.M. Remizovs». *Wiener Slavistischer Almanach*, В. 2 (1978), SS. 301—326. О Берлине у Ремизова см. «Кишмиш» в кн. *Мышкина дудочка*. Париж, 1953, стр. 159—166, а также *Взвихренная Русь*. Париж, 1927 и *По карнизам*. Белград, 1929.

1

Reval, Poskastr. 15
Alexei Remisow.

Александр Семенович!

о визе в Берлин просим Вас¹ (и я и Серафима Павловна) и о пристанище в Берлине. Напишите мне в Ревель.

Достал «Русскую книгу». Надо сделать исправления в отд<еле>
«Писатели»².

Я это сделаю вам как только попадем в Берлин.
Напишите мне адрес Толстого.

Алексей Ремизов.

27.VIII.1921

2

Профессору и кавал<еру> обез<ьяньего> зн<ака>
А<лександр> С<еменович> Яценко
из Обезвелволпал<а> князь обез<ьяний> и б<ывший>
канц<елярист>
были
завтра зайдем
не успел переписать³
по случаю взятия ванны

А. Р.

- 1) Как зовут Фондаминского?⁴
- 2) Как мое звание?⁵

18.X.1921

3

6. XII. 1921

Wilhelm 25—31

Незабвенный профессор!

Очень прошу корректуру Крюка:

я пропустил имя одного писателя, вставлю, а к имени Кузмина
сделаю примечание и еще одну поправку однословную разъясняю-
щую. Не забудьте же, очень, очень прошу⁶.

Напишите хоть несколько слов о А.Я. Билибине. Теперь вспо-
минаю ясно, он погиб от сып<ного> тифа в феврале 1919 в Рязанс-
кой губ<ернии> (между прочим, по-настоящему надо писать: Бели-
бин — от слова das Belieben — желание)⁷.

Алексей Рем<изов>.

Все авторы писем — дамы — вам кланяются.

Herrn Prof. Jaschenko
 Joachimsthalerstr. 39—40
 bei Boshwits
 Berlin
 17. XII <1921>, суббота

Дорогой профессор
 и добрая незлобивая душа Александр Семенович!

Очень прошу вас, распорядитесь послать Р<усскую> К<нигу> № 9 München, Bauerstr. 26, Frau F. Frisch — это переводчица моих Крестовых сестер, муж которой E. Frisch редактирует Der neue Merkur. Послать надо *немедленно*⁸. Если же нельзя, то дайте Мише (Микитову) и я это сделаю и еще дайте мне экземпляр № 9. Я письмо к Вам⁹ хочу перепечатать в маленькой моей книге, где будет о Блоке. Очень прошу Вас. «Р<усская> К<нига>» № 9 нужна Frisch для примечаний к переводу моей «памяти Блока»¹⁰.

Charlottenburg I
 Kirchstr. 2^{II}

Очень прошу сообщить, когда будет у вас сборник Дома Литераторов, где мое о Достоевск<ом>¹¹.

5

Alexei Remizow

Charlottenburg I
 Kirchstr. 2^{II}, bei Delion

Fernruf Wilhelm 25—31

27. XII. 1921

Дорогой профессор,

Книги ваши удалось отобрать с помощью обезвельволпал<a>, но такой уж обычай у колядовщиков, издревле идущий, и не было еще случая, чтобы после колядования все было цело у гостеприимного хозяина.

Поступила жалоба от Каплуна¹²: после **нашего** с вами нашествия обнаружена пропажа: отобран зеленый шерстяной шарф у Андрея Белого, пропали перчатки у Серафимы Павловны, у меня — белка

(маленькая такая белочка). Посмотрите, пожалуйста, *нет ли у Вас* хотя бы моей белки?

На новый год нагрянем к вам щедровать и уж с вами пойдем по дворам дальше.

<надпись на конверте:>

Товарищу
Колядовщику
и гостеприимному хозяину колядовщиков
профессору
Александру Семеновичу
Яценке
из колядовской секции обезвеволпала
пишет б<ывший> канцелярист.

6

Профессору А.С. Яценко

Дорогой профессор!

Посылаю Вам 250 М. прошу выдайте т. Кирееву¹³ 3 фотограф<ических> снимка — различных — для меня.

Алексей Ремизов.

Не смущайтесь моей подписью (кнопка в палец вошла) и пишу тремя кукишами.

16. II. 1922

7

24. II. 1922

Дорогой профессор!

Просит «Алконост» Самуил Миронович Алянский¹⁴

Петербург, Знаменская 22, кв. 3

Заведующему изд<ательством> Алконост

Самуилу Мироновичу Алянскому

просит высылать НО<вую>РУ<сскую>К<нигу> 2 экз<емпляра> кажд<ого> №^а в обмен на издания Алконоста.

Советует посылать *простой* бандеролью.
Он посылает с проф. А.П.Пинкевичем¹⁵ № 5 ЗАП<исок>
МЕЧТ<ателей> и будет впредь все посылать.
Отберите (кальсоны?) у Пильняка — «подарок проф. А.С.
Ященки в Берлине». Они ему не нелезают.

А. Р.

8

Алексей Ремизов

Дорогой и незабвенный профессор.

Посылаю Вам письмо Аросева¹⁶.

В пятницу приходите в «ДомИск<усств>»

В трудах отшельнических живу

да и напасти всякие.

Третий номерок Книги прошу и карточки (деньги ношу с позапрош-
лой пятницы)

8. V.1922

Вот и весны дождалась!

9

10. VI.1922

Дорогой профессор

прошу о 4 книге «Р<усской>К<ниги>»

передаст художник Sergius Zalschupin¹⁷,

которому и доверяю получить.

Алексей Ремизов.

<на обороте листка:>

Проф. А. С. Ященко

через посла обезьяньего S. Zalschupin'a

из Affenrat'a Charlottenburg

10

11.VI.1922

Дорогой профессор

о делах моих за время с 1918—1921 подробно напечатано в Русс<кой>
Кн<иге> № 9, 1921, в вашей же редакции

Алексей Ремизов.

К исправл<ениям> в Нов<ой> Рус<ской> Кн<иге> № 4, 1922 стр. 35

напеч<атано>

Фаддей Феликсович
Зелинский

надо

Францевич

11

14. 9. 22

A. R.
bei Delion
Charlottenburg 1
Kirchstr. 2

Дорогой Александр Семенович.

Ваш телефонный разговор непонятен, сливается, глушится и прерывается. Очень Вас прошу, пришлите мне № 6 и № 7 Новой Рус<ской> Кн<иги> не видел этих №№, только по газетам слышал!

(Я поручал зайти к Вам т. Кирееву, но ему некогда — один остался)

А. Ремизов.

12

24. 10. 22

Дорогой Александр Семенович!

Из простуды не выхожу и потому нигде не бываю.

Болящему! пришлите 8 книгу Н<овой> Рус<ской> Книги.

Нет у меня никого, кого бы послать к Вам, все обезьяньи служки поразъехались.

Mönchs Likör Kantorowischt — в Одессе, Matheus Müller Sek — в Москве¹⁸, Dr. Kireew: из Zwovierson'a¹⁹ — в Париже Волк Волкович (Иллиссон)²⁰ несчастный помер в санатории в Sommerfeld'e.
НЕ ПОЗАБЫВАЙТЕ МЕНЯ.

13

Профессору Яценке Александру Семеновичу

Прошу послать Нов<ую> Русс<кую> Кн<игу> и записать адреса на будущее время

1. Изд<ательство> Алконост Самуилу Мироновичу Алянскому
Знаменская, 22 кв. 3 Петербург

2. Мих<аилу> Алексеевичу Дьяконову²¹ Herrn M.A.Diakonow
Höthel Boulevard, 35
Kristiania, Norwegen

2 экз<емпляра> (это для Госизд<ата> Петербург<ского> От<дела>)

3. Фега Евсеевне Фриш для Der neue Merkur
Frau Fega Frisch
Bauerstr. 26
München

4. Ефиму Яковлевичу Белицкому для кн<игоиздательств>a
«Эпоха»²² Мойка, 11 кв. 9
Петербург

Алексей Ремизов

КОММЕНТАРИИ

¹ Ср.: *РК*, № 7—8, стр. 26; ср. также *Руль*, № 239, 31 (18) августа 1921 (извещение о выезде Ремизова из Петрограда).

² В № 6 *РК* помещены справки об А.В. Амфитеатрове, А.А. Ахматовой, А.А. Блоке, Н.С. Гумилеве и других петербургских литераторах.

³ Эта записка сопровождала передачу в редакцию двух ремизовских писем «Редактору *Русской Книжки*» (датированы: Берлин, 18.X.1921). Они напечатаны в *РК*, № 9, стр. 22 и хранятся среди остальных писем к Яценко в архиве Николаевского. Первое из этих писем — благодарность журналу от имени живущих в Советской России «книжников»; второе — ответ на обвинения Мережковского по адресу З.И. Гржебина. В этом же девятом номере *РК* в разделе «Судьба и работы...» помещена пространная автобиографическая заметка Ремизова (стр. 29—30).

⁴ Ремизов вступил в переписку с И.И. Фондаминским в связи с предстоящими публикациями в *Современных Записках* (№ 9, март 1922).

⁵ Этой запиской Яценко был включен в Обезвельволпал.

⁶ *НРК*, 1922, № 1, стр. 6—10; Ср. Алексей Ремизов. *Ахру. Повесть петербургская*. Берлин, изд. З.И. Гржебина, 1922, стр. 29—44.

⁷ См. примечания к письмам В.П. Белкина к А.С. Яценко в наст. томе. Это желание Ремизова журналом Яценко выполнено не было.

⁸ Фега Евсеевна Фриш (1878—1964) и Эфраим Фриш (1873—1942). См. о них: *Slavica Hierosolymitana*, vol. IV (1979), pp. 256—257. Перевод «Крестовых сестер» вышел в 1913 г.

⁹ «Крюк. Память петербургская» (см. выше, примеч. 6; немецкий перевод Ф. Фриш напечатан в пражской газете *Prager Presse*, Nr. 78, 19 марта 1922).

¹⁰ См.: А. Remisow. «Aus dem flammenden Russland zu den Sternen. Alexandr Block zum Gedächtnis». *Der neue Merkur*. 5 Jg., Heft 10, SS. 686—698.

¹¹ А. Ремизов. «Огненная Россия», в сб. *Пушкин. Достоевский*. Пб., издание Дома Литераторов, 1921. См. рецензию Е.А. Ляцкого в *НРК*, 1922, № 4, стр. 16—17.

¹² Соломон Германович Каплун (Сумский) — заведующий издательством «Эпоха» в Берлине, до революции — сотрудник *Киевской Мысли*, в Берлине — активный работник социал-демократической партии (меньшевиков), регулярно выступал в *Социалистическом Вестнике и Днях*; позднее переехал в Париж и работал в *Последних Новостях*. Умер в конце 1940 г. (см. некролог Г. А<ронсона> в *Социалистическом Вестнике*, № 3 (468), 10 февраля 1941, стр. 40). В первом номере *НРК* за 1922 г. помещена его рецензия об *Anno Domini* Ахматовой.

¹³ Знакомый А.М. Ремизова, позднее студент Католического университета в Лувене (справка Н.В. Резниковой). См. о нем во «Всеобщем восстании» (*Эпопея*, 2, 1922, сентябрь, стр. 85), а также в «хроникальной заметке» Саркофагского (А.М. Ремизова) «Из жизни художников в Берлине», газ. *Голос России*, № 1079, 8 октября 1922.

¹⁴ С.М. Алянский (1891—1974), автор известных мемуаров о Блоке, владелец петроградского издательства «Алконост». См. о нем: С.В. Белов. *Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского*. Л., 1979.

¹⁵ Альберт Петрович Пинкевич (1883—1939), профессор-геолог, друг М. Горького (см. его воспоминания в сборнике *Горький и Наука. Статьи, речи, письма, воспоминания*. М., 1964, стр. 249—251). Был заместителем Горького в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (см. о ней: З.Г. Минц. «А.М. Горький и КУБУ», *Труды по русской и славянской филологии*. XIII. *Горьковский сборник*. Тарту, 1968, стр. 170—250). Ср. свидетельство Ремизова: «С 15 окт. 1920 г. заступлением Горького <я> был зачислен на ученый (академический) паек при “Доме ученых” вместе с Сологубом, Кузминым, Блоком и Гумилевым» (*РК*, № 9, стр. 30). В начале 1922 г. А.П. Пинкевич был командирован в Берлин (см.: *НРК*, 1922, № 3, стр. 39).

¹⁶ С этой запиской Ремизов передал следующее письмо Аросева, сопроводив его собственными приписками (красными чернилами) и глаголической надписью *Обезвельволпал*, удостоверяющей принадлежность Аросева к Ордену:

*Аросев Александр Яковлевич, Рига,
Альбертовская, 11.*

В редакцию «Новой русской книги»

В № 2 «Новой русской книги» имеются сведения обо мне и между прочим приведен мой рижский адрес: Альбертовская, 13. Это не верно, т.к. я проживаю на Альбертовской 11. Об этом, разумеется, не стоило бы и упоминать, если бы, к моему

величайшему сожалению, на Альбертовской, 13 (тринадцать) не помещалась так называемая Политическая Охрана Латвийского Министерства Внутренних дел.

Примите уверение в совершенном почтении

Ал. Аросев.
Рига, 21/IV22

Получ. 8 V 1922
понед.
ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ
Charlottenburg
Affenrat.
Canc.

(Подчеркивания и приписки Ремизова выделены у нас курсивом; глаголическая ремарка — переведена на кириллицу и выделена жирным шрифтом). Записка эта откликается на справку, напечатанную в *НРК*, 1922, № 2, стр. 34: «Ал-др Яковл. Аросев, молодой писатель, коммунист, сотрудник “Красной Нови”, живет в Риге (Альбертовская, 13). Написал повесть “Страда” и ряд рассказов о революции» (Ср. справку об Аросеве в хронике *Литературного приложения к “Накануне”*, № 2, 7 мая 1922, стр. 12).

А.Я. Аросев (1890—1938) — советский прозаик, дебютировал как беллетрист в 1921 г. Один из активных деятелей русского революционного движения, начавший свою деятельность в рядах партии социалистов-революционеров, а в 1907 году перешедший в большевистскую фракцию РСДРП. Член Военно-революционного комитета в Москве во время Октябрьского переворота. С начала 20-х годов — на дипломатической работе (с осени 1922 — секретарь советского посольства в Риге). В 1936 году, в качестве председателя Всесоюзного Общества культурных связей за границей, выехал в составе советской делегации, вместе с Н.И. Бухаринным и Адоратским, в Париж, где вел переговоры с Б.И. Николаевским о приобретении архивов германской социал-демократической партии. Был арестован и погиб во время «большого террора».

Ценный отзыв о беллетристических произведениях Аросева, посвященных революции, содержится в статье Г. Г-ова <Б.И. Николаевского> «Возрождение толстого журнала» (*НРК*, 1923, № 1, стр. 11—12): «Попытки эти очень интересны <...>, но интерес к ним носит не столько литературный характер, сколько, я бы сказал, этнографический. С точки зрения литературной произведения не сильные». Ср. с ним отзыв в статье Николая Ашукина «Современность в литературе»: «Интересны рассказы А. Аросева, напечатанные в журнале “Красная Новь”. Но они интересны не столько литературно, сколько как документы революционного быта и психологии. Автор рассказов коммунист и хорошо знает изображаемую им среду. Но рассказы как будто написаны наспех, между делом, и только местами на некоторых страницах есть художественная образность и острота» (*НРК*, 1922, № 6, стр. 6).

¹⁷ Художник С.М. Залшупин упоминается в указанной выше заметке Саркофагского.

¹⁸ Марки напитков. Орфография Ремизова нами соблюдена.

¹⁹ Отчет о деятельности «нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантской Вольфиле, под названием *Цвофирзон*», помещен в пародийной заметке Саркофагского в *Голосе России*, № 1079, 8 октября 1922 («Из жизни художников в Берлине»). Ср. упоминание о «пятимерной интермедии» под названием «Цвофирзон» в объявлении о вечере Ремизова к Клубу писателей 2 мая 1923 года (газ. *Дни*, № 151, 29 апреля 1923 г., ср. *НРК*, 1923, № 5—6, стр. 43).

²⁰ О Леониде Ивановиче Иллисоне см.: *НРК*, № 1, стр. 41.

²¹ О М.А. Дьяконове см. в комментариях к письмам К.А. Федина в наст. томе.

²² Руководитель петербургского издательства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мы публикуем ниже сохранившуюся в верстке среди редакционных материалов *НРК* в архиве Николаевского статью Ремизова. Она, очевидно, предполагалась к напечатанию в седьмом (невыхшедшем) номере *НРК* за 1923 год. По содержанию она частично дублируется в других автобиографических статьях Ремизова середины 20-х годов: «Алексей Ремизов о себе», *Россия*, № 6, 1923, стр. 25—27; «Алексей Ремизов» <Автобиография> в книге *Литературная Россия. Сборник современной русской прозы*. Под ред. Вл. Лидина. М., 1924, стр. 27—35.

Фамилию мою *Ремизов* надо произносить с ударением на «е», а не на «и»: «Ремизов» происходит не от глагола *remette* (*remis*), а от колядной птицы *ремеза*, о которой в колядках, древних святочных песнях, сложен стих (А.А. Потехня, *Объяснения малорусских и сродных народных песен*. Варшава, 1887).

Тут же меня и по-другому кличут:

одни — *Remersdorf* (Kalenderdichter Lukas Remersdorf aus Tiergarten!), другие это те, что меня за китайца признают, те просто — *Remiso*.

Оттого, должно быть, что родился я в Купальскую ночь (*Johannisnacht*), когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная, водяная и воздушная собирается в купальский хоровод скакать и кружиться, и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе глаз на этих лесных, водяных и воздушных духов и две книги мои *Посолонь* и *К морю - Океану* в сущности рассказы о знакомых и приятелях моих из мира невидимого — «чертячьего».

Глаз мой, обращенный к таинственному в жизни природы, открыл мне таинственное же и волшебное в жизни человеческой — так вышла книга волшебных историй *Зга* («Зга» — слово санскритское, означает «тропка»). Некоторые рассказы из этой книги переведены на немецкий: *Prinzessin Myrma, Novellen und Träume*. Gustav Kiepenheuer Verlag, 1917. Deutsch von Alexander Eliasberg. Рассказ «Gottesurteil». Übersetzt von A. Eliasberg. Neue Russische Erzähler. Furcher-Verlag, Berlin 1922.

А проникнув еще глубже, этот глаз мой вывел меня за дневную явь в мир сновидений — в пространство многомерное, так вышла книга снов *Бедовая доля*. По-немецки небольшая часть из этой книги входит в *Prinzessin Myrma*.

*

Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие по свету выпало мне на долю. В книге *Баранки* (да это не те баранки, что к чаю, это другие — такие наручники, которыми арестант к арестанту приковывается, чтобы не разбежались!) собраны рассказы из тюремной жизни и ссылки — наблюдения страннических лет. Сюда же относится и *Бык - Корова* — тюремная эпопея.

Назвав именем римского странника, окрестили меня в честь Алексея митрополита московского, причисленного благодарной памятью народной к лику святых-чудотворцев за великие заслуги перед Россией во времена татарского ига (XIV в.). И по ангелу своему — так по-русски называется святой, имя которого носит человек — завет: Россия — есть завет мой первый и дума завещанная.

В книге *Огненная Россия* я сказал мое погребальное слово старой отшедшей России, благословляя подымающуюся на месте разрушенном новую — Россию новую.

В книге *Русские женщины* представил сказками образ женской России — матери, сестры, невесты — сорок и три образа. По-немецки: *Russische Frauen. Dem Volksmunde nacher-zählt. Übertragen von Alexander Eliasberg. Drei-Masken-Verlag. München, 1923.*

В книге *Русская вера* рассказал в легендах — 25 сказов — о русской вере в русского народного бога — Николу. По-немецки *Russische Glaube, Orchis-Verlag, München.* В переводе А. Элиасберга. (Печатается.)

В книге *Докука и балагурье* выразил в сказках — 66 сказок — народную мудрость и юмор.

В книге *Русские повести* — любимые народные сказания о святых и чертях по преимуществу. По-немецки некоторые повести в книге *Legenden und Geschichten. Kurt Wolff Verlag. «Der jüngste Tag», Bd. 60—61. Übertragung von Arthur Luther.* Кроме того: «*Russische Legenden*». Übertragen von Reinhold von Walter. *Die neue Rundschau. 1922, Siebentes Heft.*

*

Воспитание получил я строго-религиозное и это дало мне возможность узнать близко всю обрядовую сторону русского православия, а хождения по монастырям («на богомолье») — быт монастырский, странников-убогих и душу народной веры, сказавшуюся в отреченных (не канонических) легендах — апокрифах.

Так вышла моя книга *Цепь золотая — Страды мира* — книга золотых легенд о страстях всей твари от звезды до человека, — книга самоцветного света, веры и мудрости. По-немецки: *Die Goldene Kette — Weltpassionen*. Pflüger Verlag, München. В переводе Gert. Hahn. (Печатается.) «Die Wanderung der Muttergottes durch das Reich der Qualen». Deutsch von N. S. und R. K. *Die neue Rundschau*. 1922, Zwölftes Heft. К этой книге примыкает *Трава-Мурава* — легенды цареградские. Одна из легенд, «Царь Соломон», распространенная и дополненная, выходит по-немецки в переводе Александра Элиасберга с рисунками Натана Альтмана в Orchis Verlag, München. А из бытовых — *Бесприютная*, повесть монастырская. И два свитка (иначе не знаю как назвать): *Пляс Иродиады* и «Гнев Илии Пророка», в основу которых положены легенды и византийские и латинские, от московской приметы до Каталонского предания — наука акад. А.Н. Веселовского.

*

Учился я в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета и одновременно слушал Ключевского — историю, Чупрова — политическую экономию, Янжула — финансовое право.

Хотел все науки пройти и все знать.

Философию же начал изучать еще в училище, пользуясь указаниями проф. Н.А. Зверева.

Как память пристрастия моего философского осталось слово мое *Электрон, от слов Гераклита Ефесского* (входит в книгу *Огненная Россия*) и перевод книги Леклера *К мистической гносеологии*.

Наукам археологическим научила меня жена моя С.П. Ремизова-Довгелло, и это дало мне возможность написать книгу *Россия в письменах*, в которой затеял я представить Россию по обрывкам и осколкам ее памятников.

И это не историческое учение сочинение, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века.

*

С детства пристрастился я к театру.

Религиозные процессии — крестные ходы — большое архиерейское служение представляли зрелище большого всенародного действа.

А в театре начал я с балета с «Конька-горбунка» и очень понравилось. А уж потом проник к драме и особенно поразил меня Шекспир.

Греческий театр и средневековые любимые книги.

Так вышли три мои действия, в основу которых положена песенная легенда — духовный стих. Эти три действия *Бесовское тридействие* надо рассматривать неразрывно, как одно большое действие: *Бесовское действие* — начало хаотическое (бесы неорганизованы — хвосты, рога, хоботы), *Трагедия о Иуде* — начало человеческое (бесы только замаскированы), *Егорий Храбрый* — начало хоровое (бесы организованы), *Бесовское действие* переведено на французский «L'Office des Diabes». Traduction de M. et M-me G. Pitoëff et de M-me J. Bucher. *La Revue de Genève*. Nr. 29, Novembre 1922.

Бесовское действие было поставлено у В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге. *Трагедия о Иуде* — в Москве у Ф.Ф. Комиссаржевского и в «Театральной мастерской» в Петербурге б. Ростовским театром, во главе которого стоял режиссер П. Вейсбрем. *Егорий Храбрый* планировался П.П. Гайдебуровым для Передвижного Театра, но осуществить не пришлось и опера В.А. Сенилова на *Егория Храброго* не ставилась. По-чешски *Бесовское действие* (Satanské mysterium) в переводе Н. Папоушковой-Мельниковой принято к постановке в Национальном Театре в Праге.

Отдельно от этого Бесовского тридействия стоит *Царь Максимилиан*, написанный по записям народных представлений «Царя Максимилиана», и по форме своей — единственный.

Царя Максимилиана ставили в Петербурге в б. Доме Просвещения на Лиговке, разыгрывался он железнодорожными рабочими и моими учениками красноармейцами из Толмачевского университета под гармонию. Постановка режиссера Н.А. Лебедева.

Увлечение балетом внушило мне большое музыкально-плясовое действие — *Русалию*. Так произошли три русалии: «Алалей и Лейла», «Ясня», «Гори-цвет» («Красочки»).

К «Алалею и Лейле» музыка задумана была А.К. Лядовым, но после его смерти ничего не нашли, «Ясня» готовилась с О.О. Преображенской, но и режиссера А.П. Зюнова и меня посадили в госпиталь на испытание и все расстроилось, «Гори-цвет» («Красочки») с музыкой Гречанинова ставили в Детском Театре в Москве, постановка Г.М. Паскар, есть и еще музыка Г.Л. Ловцкого на «Гори-цвет», но публично нигде не исполнялась. Из «Алалея и Лейлы» Анатолием Канкаровичем написана музыка на весеннюю песню («К нам! торопитесь весенние ветры») и много раз прошла на петербургских ве-

чертах весной 1920 г. в бесподобном исполнении Ив. В. Ершова, пожалованного Обезьяньей великой и вольной палатой в певцы обезвелволпала, — те, кто слышал, на всю жизнь не забудут: ведь это Россия пропела тогда свою первую весеннюю песню!

К театру всегда влекло. Перевел несколько пьес: Метерлинка, Рашильд, Андре Жида, Иоганна Шляфа и Граббе. И из всех мне ближе Граббе — Christian Dietrich von Grabbe! — мой перевод его «Шутки-сатиры-комедии» был запрещен цензурой и рукопись пропала и ни Вл. Вас. Гиппиус, ни Е.Ф. Книпович, сколько не старались, а найти не могли.

Первая изданная книга моя — перевод мой в сотрудничестве с Вс. Мейерхольдом и Ю. Балтрушайтисом книги А. Роде, Гауптман и Ничше. Москва, 1902.

В период *Опыта* (с 1918 по июль 1921 г.) служил в ТЕО, потом в ПТО в Петербурге по репертуару.

Итог моей службы — книга о театре и книге *Крашенные рыла*.

*

Происхождение мое, выражаясь по-анкетному, самое буржуазное: из богатой купеческой семьи и по отцу и по матери. Оба московские. (Мать — кореня володимирского из села Батыева Суздальского уезда; отец — тульский из села Алитова Алексинского уезда.) Но благами богатой семьи не суждено мне было пользоваться. По всяким семейным обстоятельствам: и отец помер, когда мне и шести годов не было, и семья большая, — все сошлось неблагополучно, и с ранних лет самостоятельно я начал свою жизнь.

Раннее детство мое прошло около фабрики в кругу фабричных и просто бродячих, так называемых, уличных мальчишек, к которым и я принадлежал.

Я был самый младший.

Многие из тогдашних товарищей моих рано погибли.

Меня «оберегла» (от слова «оберег» — заговор, заклятие) *книга*.

Жгучую память сохраняю о Достоевском — первой прочитанной книге, которому посвящено в моей *Огненной России* слово.

Учусь и учился у Гоголя, его глазу, его подвижничеству и терпению.

Вот несколько строчек из «Невского проспекта», как изобразить надо и что меня очень поразило:

«нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки; нет, это собственные мечты его

смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели и все перед ним окинулось каким-то туманом; тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового, вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами, блестела на самой реснице его глаз».

Люблю Лескова — его «потрясателей основ», «пищепитание», но не апокрифы (я говорю только о стиле!), ритм которых чересчур доступен, чуть-чуть и — Мельников-Печерский, а Мельников-Печерский, это чего уж никак не нужно (ритм! ритм!).

Из незаслуженно забытых — некоторые рассказы Николая Вас. Успенского, изумительного рассказчика и жесточайшего Мопассана, страницы Слепцова, Левитова.

Завидна была воздушная проза Пушкина и игольчатая Лермонтова. Но Пушкин — ангел, а Лермонтов — демон, а я не ангел и не демон, я только — «б. канцелярист обезвеволпала». Мне представлялось так:

к Гоголю тропа — надо взять на себя великий подвиг;
к Достоевскому — надо душу измять;
к Лескову — блоху подковать;
а в «разряд изящной словесности»

Пушкин и Лермонтов, придавленные сапожищем Льва Толстого, — «изящный» отпис или, если хотите, отписок, это и есть наш классический «академический» стиль с правдоподобнейшим описанием природы — разряд изящной словесности!

«Нет, всякую ночь буду отлетать на болото и высиживать там цаплины яйца: из них выйдет жар-птица!» (Из Лескова).

Так в «изящный» разряд и не попал.

Любимыми писателями, которых читал всегда, назову умершего в 1919 г. в России русского философа В.В. Розанова и ныне живущего в Париже Льва Шестова. С обоими судьба свела: с В.В. Розановым в Петербурге в 1905 г., с Шестовым в Киеве в 1904-м.

Московский фабричный и уличный быт дал матерьял для моего первого романа *Пруд*. А скитания по провинциальным глухим городам России помогли написать мне *Часы*, *Пятую язву* и повесть *Неумный бубен*.

Петербург представлен в романе *Крестовые сестры* (на немецком: *Die Schwester im Kreuz*. München, bei Georg Müller, 1913.

Übersetzung von Fega Frisch). Из петербургской жизни и повесть *Корявка и Глаголица* и роман *Ров львиный*.

«Ров львиный» замыкает предыдущие романы — «Пруд», «Часы», «Крестовые сестры» и «Пятую язву», как «Действо о Егории Храбром» разрешает два первые действия «Бесовского тридействия» — «Бесовское действо» и «Трагедию о Иуде».

К разрешающим относится и книга рассказов *Вереница* — книга о свете человеческом. (По-немецки один рассказ: «Die Wilden». Übersetzt von Johannes von Günter. Russische Tiergeschichten. Drei-Masken-Verlag, München, 1923.)

*

В романах основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру.

— Что есть человек человеку?

— Человек человеку бревно — человек человеку подлец — человек человеку дух утешитель.

— Человек в вечном круге хорового мира — вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие.

— А над всем судьба что ли.

Способ описания душевных движений (действие человека в человеке) — трагический — *хоровой*.

*

Отдельно стоит повесть моя *В поле блакитном* — первая часть большого повествования о женской трагической душе; начало второй части — *Доля*.

Глава из книги «В поле блакитном» по-немецки: «Jugend», aus dem Werke «Im blauen Felde». Übersetzung von Fega Frisch. *Der neue Merkur*. Mai, 1922.

Отдельно же стоят *Заветные сказы* — первый опыт для создания Русского Декамерона.

Революция 1905 года выражена в повести *Петушок* и в некоторых рассказах в книге *Баранки*.

Канун революции 1917 года в книге *Мара*.

Революционный период 1917—1921 до Непа — в летописной повести моей *Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова*, первая часть которого — «От Аза до Ижицы» закончена, также и в книге рассказов *Шумы города* (По-немецки один

рассказ «Das Fräulein in den Kreuzen». Übersetzung von Berta Schiratzky. *Berliner Börsen-Courrier*. 1922, № 603 и «Das Mädchen von den Kresty». Übersetzung von Fega Frisch. *Der Basilisk. Sonntagsbeilage der National-Zeitung*. Basel. № 34, 1922. На французский переводит М. Гиршвальд) и в книге *А х р у* — повести петербургской. Из этой *Ахру* по-немецки: «Aus dem flammenden Russland zu den Sternen, Alexander Block zum Gedächtnis». Übersetzt von Fega Frisch. *Der neue Merkur*. Januar, 1922; «Der Hacken». Übertragen von Fega Frisch. *Prager Presse*, 1922, Nr. 78,

К большому моему горю черновые записи рассказов за эти годы, слова и сны — все пропало. И восстановить в памяти, боюсь, не выйдет.

А много было чего собрано — в обрывышках, только мне понятных, — и чудесного и чудодейственного.

*

В эти годы в России возникало много больших мировых (планетарных) задач — ведь никогда так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы.

А мечты были подлинно головокружительные до электрофикации —

до электрофикации *адá!*

Электрофицировать преисподнюю, тьму кромешную, вы понимаете?

*

По Литейному, помню, с Шкловским шли мы с Вечера и эта моя мысль электрическая встрепенула его.

— Из-воз-чик!!! — как крикнет он вдруг на весь на Литейный, точно автомобильная шина лопнула.

А кони давно все пали,

А падлое мясо — синюю конину поели,

А съел кто, давно помер,

А покойников с электрическими лампочками

— Страх заставный! —

Всех переловили.

*

Мне пришло на мысль выразить русским голосом — самым в мире свободным и громким по мечте своей — голос народов всего мира,

народов отверженных, «диких», затесненных,
обиженных, погибающих и погибших.

Пусть прозвучит *по-русски* их заветное на всеобщем суде!

Это в роде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах (о диковинных открытиях за эти годы см. П.П. Муратов в «Современных Записках» 1923, XIV), в «Страшном суде», когда олицетворенные выходят целые страны и народы — «литва», «русь», «арапы» — и говорят о себе — из уст ленточка и надпись на ней:

свое последнее слово.

Мне удалось положить лишь маленькие камушки — сказ сибирский, сказ кавказский, сказ тибетский; *Чакчыгыс-таасу, Лазар, Ё.*

*

Печататься я начал с 1902 года.

В 1902 г. издан мой перевод о Гауптмане и Ничше (изд. В.М. Саблина, М., 1902), свои же книги начал издавать с 1907.

С 1907 по 1920 издано было в России 36 моих книг и 5 переводных — и все эти книги разошлись.

И не осталось у меня полного комплекта — и до чего страх-то бывает силен! — взял один да все и сжег: 36 и 5 — 41 книгу!

В новой редакции «шарлоттенбургской» и систематизированные издаются книги мои понемногу в Германии.

В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, вынужден был временно уехать из России.

А в России осталось — в Москве в Замоскворечьи в Толмачевском переулке, где я родился, в Третьяковской галерее стоит деревянный истукан работы Анны Семеновны Голубкиной.

Пользуясь гостеприимством Германии, поселились мы сперва в Шарлоттенбурге, где прожили до полутора года, теперь между Tiergarten'ом и Alt Moabit'ом, где по субботам и в воскресенье такой в церквах звон подымается, не знаешь —

ли ты в Москве,
ли ты в Берлине.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

Berlin
12.5.23

Мои книги — шарлоттенбургская редакция; со звездочками неизданные.

Пруд. Роман. *

Часы. Роман. *

Крестовые сестры. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923.

Пятая язва. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.

Ров львиный. Роман. *

Повесть о Стратилатове (Неумный бубен). Изд. Русское Творчество. Б. 1922.

Бесприютная. Изд. Е. Гутнов. Б. 1922.

Корявка. Изд. Е. Гутнов. Б. 1922.

Петушок. Изд. Мысль. Б. 1922.

Глаголица. Святочная повесть. *

В поле блакитном. Изд. Огоньки. Б. 1922.

Баранки. Рассказы. *

Бык-Корова. Тюремная эпопея. *

Зга. Волшебные истории. *

Вереница. Рассказы о свете человеческом. *

Мара. Изд. Эпоха. Б. 1922.

Шумы города. Изд. Библиофил. Ревель. 1922.

«Бедовая доля». Сны. *

Цепь золотая. Страды мира. *

Трава-мурава. Изд. Ефрон. Б. 1922.

Пляс Иродиады. Изд. Трирема. Б. 1922.

«Гнев Ильи пророка». *

Русские повести. *

Сказки русского народа сказанные Алексеем Ремизовым:

Докука и балагурье. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923.

Русские женщины. Изд. Drei-Masken-Verlag. München (Печатается).

Русская вера. Изд. Orchis-Verlag. München (Печатается).

Посолонь. *

Красные поигрунки. *

Сказки обезьяньего царя Асыки. Изд. Русское Творчество. Б. 1922.

К Морю-Океану. *

О горе злосчастном. Сказка. Изд. А.С. Смирнова. Б. 1922.

Заветные сказы *.

Чакхчыгыс-таасу. Сказ сибирский. Изд. Скифы. Б. 1922.

Далазар. Сказ кавказский. Изд. Скифы. Б. 1922.

Ё. Сказ тибетский. Изд. Русское Творчество. Б. 1922.

Бесовское тридействие. *
Русалия. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.
Царь Максимилиан. *
Крашенные рыла. Изд. Грани. Б. 1922.
Огненная Россия. Изд. Библиофил. Ревель. 1921.
Ахру. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.
Россия в письменах. Изд. Геликон. Б. 1922.
«Веретейка». В роде стихов. *
«Всеобщее восстание». Временник. *
Розановы письма. *
Die Schwestern im Kreuz. Übersetzt von Fega Frisch. Georg Müller Verlag.
München. 1913.
Prinzessin Mymra. Novellen und Traume. Übersetzt von Alexander
Eliasberg. Gustav Kiepenheuer Verlag. Weimar. 1917.
Legenden und Geschichten. Übersetzt von Arthur Luther. Kurt Wolff Verlag.
Leipzig. «Der Jüngste Tag». Band 60/61.
Russische Frauen. Übersetzt von Alexander Eliasberg. Drei-Masken-Verlag.
München. 1923.
Křižové sestry. Přeložil Lad. Ryšavý. Knihy dobrých autorů Kamilla
Neumannová. Praha-Olšany. 1916.
Pátá jizva. Přeložil Lad. Ryšavý. Nakladatelství Aloise Srdce. Praha. 1919.
Apokryfy. Přeložil Lad. Ryšavý. Vydává Stanislava Jilovská. Praha. 1920.

А еще на каком языке что есть, я не знаю.

Б. ПИЛЬНЯК

Бурное вступление Бориса Пильняка в литературу связывалось в сознании современников с особой атмосферой революционной эпохи. Широкую известность принес Пильняку его роман *Гольй год*, рукопись которого была передана Б. Пастернаком М. Горькому, одобтившему и рекомендовавшему его к печати (см. автобиографическую заметку Б. Пильняка в *НРК*, 1922, № 2, стр. 42). Апогей славы Пильняка относится к 1922—1923 году, когда до того почти неизвестный молодой провинциальный прозаик становится олицетворением основных черт современной России, символом глубокого исторического перелома в культурном национальном сознании. (О том, что этот период прошел «под знаком Пильняка», позднее говорил Г. Горбачев, *Современная русская литература*, М.—Л., 1931, стр. 132.) В начале 1922 года вместе с молодым, дебютировавшим в 1917 году, поэтом А. Кусиковым Пильняк был командирован в Берлин (Кусиков в Советскую Россию не вернулся). Их прощальный визит в Петербург упоминается в мемуарах М. Слонимского (см. его *Книгу воспоминаний*, М.—Л., 1966, стр. 132) и в дневнике К. Чуковского (см. публикацию: «Excerpts from the Diaries of Kornei Chukovsky Relating to Boris Pilnyak». Translated and edited by Vera T. Reck. *California Slavic Studies*. Vol. XI (1980), pp. 187—188). Ср. описание их прибытия в Берлин у Р.Б. Гуля: «Когда оттуда приехали Борис Пильняк и Александр Кусиков, кафе “Ландграф” вспыхнул огнями. На вечер публика валила валом. Толстые дамы с пудреницами в сумочках. Со всем штабом редактор “Руля” Гессен. Все “Знамя борьбы” с Шрейдером и Бакалом, “Социалистический Вестник” с Мартовым, Николаевским, Далиным, эсеры “Голоса России”, вся литература и журналистика.

Пильняк читал, взмахивал руками и выкрикивал. Но не так, как Белый, грубее и проще. Читал он прекрасный “Съезд волсоветов”, и, когда дело дошло до Интернационала, он прочел его, уйдя под аплодисменты полузала. Но Кусиков вышел быстро и в черкеске. Он протянул правую руку вперед и убил дам с пудреницами — поэмой:

“обо мне говорят, что я сволочь!”»

(Роман Гуль. *Жизнь на фукса*. М.—Л., 1927, стр. 211).

По приезде в Берлин Пильняк поселился у Ремизова, за полгода перед тем выехавшего из Советской России (Ремизов писал о месте Пильняка среди «новых молодых птичьих голосов», ознаменовавших литературную «вес-

ну», в статье «Крюк» в *НРК*, 1922, № 1). Он познакомил берлинского читателя с творчеством других советских молодых писателей. В статье «Заказ наш», воспринятой (по свидетельству Пильняка в публикуемом ниже письме к Яценко) как литературный манифест, Пильняк провозгласил: «В России идет новый период — *мужицкой литературы*, с мужицкой своей формой и содержанием, ибо русская революция первым делом была *национальной* революцией и сняла “кумпол” с той “Академии-де-Сианс”, которая была поставлена над причетниками» (*НРК*, 1922, № 2, стр. 2). Ср. в позднейших воспоминаниях Эренбурга: «В Берлине в 1922 году он говорил, что революция “мужицкая”, “национальная”, ругал Петра, который “оторвал Россию от России”. Простота его была с хитрецей: он обожал юродство (это слово, кажется, не существует ни в одном из европейских языков) — древнюю русскую форму самозащиты» (*Люди, годы, жизнь*, II, 38—39).

В Берлине Пильняк познакомился и сблизился с молодыми прозаиками — Дроздовым, Алексеевым, Соколовым-Микитовым, а также с А.Н. Толстым; вошел в литературную среду, окружавшую редакцию *НРК*. Живую обстановку тех дней передает письмо А. Ветлугина, опубликованное в воспоминаниях Дон Аминадо *Поезд на третьем пути* (Нью-Йорк, 1954, стр. 284):

«Тема дня — приезд двух советских знаменитостей, поэта Кусикова и балетриста Бориса Пильняка.

Оба очень славные ребята, таланты недоказанные, но пить с ними весело, рассказывают много такого, о чем мы и понятия не имеем.

С ними, с Яценко, с Толстым и Соколовым-Микитовым много и часто пьянствуем».

Приезд Пильняка явился катализатором сменовеховских настроений среди литераторов и, как подтверждают печатаемые в нашем томе документы, именно он и сыграл если не решающую, то непосредственную роль в принятии ими решения вернуться в Россию. Ср. показания Александра Яблоновского:

«В Берлине я сам видел, как попутчик-Пильняк сманивал “под советскую власть” эмигрантского литератора Алексея Толстого.

Я слышал, как сладко пел соловей про “советские возможности” и какие “гарантии” и обещания давал он полупьяному Толстому.

Должен сказать, что это было очень гнусное зрелище. По крайней мере, впечатление у меня осталось такое, как будто опытный торговец живым товаром сманивает девицу в Бразилию “в самый приличный и роскошный дом...”» Александр Яблоновский. «Жертва советского темперамента», газ. *Возрождение*, № 1566, 15 сентября 1929, стр. 2.

Пильняк отстаивал общенациональный, внепартийный характер новой, «мужицкой» культуры, и это привлекало к нему равно берлинских писателей, близких к сменовеховству, и молодых советских литераторов. В обзоре новой прозы, написанном в июне 1922 г., московский писатель Н.С. Ашукин говорил о Пильняке: «Он — вне литературных групп и партий. Тем интерес-

ней» (Николай Ашукин. «Современность в литературе». *НПК*, 1922, № 6, стр. 5). Несколько позднее, осенью 1923 года Пильняк заявил: «...я — не коммунист, и, поэтому, не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по-коммунистически, — и признаю, что коммунистическая власть в России определена — не волей коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умею и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские и исторические судьбы, я с коммунистами, т. е. поскольку коммунисты с Россией, постольку и я с ними (сейчас, в эти дни, стало быть больше, чем когда-либо, ибо мне не по пути с обывателем); признаю, что мне судьбы РКП гораздо меньше интересны, чем судьбы России, РКП для меня только звено в истории России; знаю, что я должен быть абсолютно объективен, не лить ни на чью мельницу, никого не морочить, и — признаю, что, быть может, я во всем неправ, — но тут-то я хорошо знаю, что иначе, чем я пишу, я писать не могу, не умею, не напишу...» (Бор. Пильняк. «Отрывки из дневника», в кн. *Писатели об искусстве и о себе. Сборник статей № 1*. М.—Л., «Круг», 1924, стр. 83.) Эта особенность позиции Пильняка определила явный интерес и сочувствие к нему со стороны *НПК*. В рецензии на «Быль» Яценко утверждал, что изображение Пильняком революции как мужицкой стихии — безусловно правильно, и провел параллель между молодым советским прозаиком и А.Н. Толстым (см.: *НПК*, 1922, № 2, стр. 5—6).

На протяжении 20-х годов Пильняк сохранял репутацию ведущего современного прозаика. Это положение, несмотря на скандал с публикацией «Повести непогашенной луны» в 1926 году, не было поколеблено — вплоть до 1929 года, когда он был обличен в публикации романа *Красное дерево* за границей, свергнут с поста председателя Всероссийского союза писателей и был вынужден покаяться в содеянном. (См.: Vera T. Reck. *Boris Pil'niak. A Soviet Writer in Conflict with the State*. Montreal and London, 1975; Max Hayward, «Pilnyak and Zamyatin. Two Tragedies of the Twenties», *Survey*, No. 36, April-June 1961, pp. 85—91.) Эта кампания обернулась не только личной трагедией для него самого, но и обозначила крутой поворот в истории русской литературы.

1

Дорогой Профессор!

Я,

А. С. Пугавкина (знаменитая художница)¹

и Бела Абрамовна Волчиха (знаменитая певица)²

заходили к тебе заверить наши чувства и то, что соскучились мы по тебе, а также напомнить, что:

Kirchstrasse 2^{II} bei Delion —³

— тоже соскучилось.

И еще хотели мы звать ехать ins Grüne.

Твои:

Бор. Пильняк,
Белая Волчиха,
А. С. Пугавкина

просят не забывать Kirchstrasse (телефон Wilhelm
25—31!)

!

<Следующая приписка сделана на редакционном конверте со штампом:

Новая Русская Книга
Редакция: Berlin W 50
Augsburger Str. 33>

Herrn Professor A. S. Jaschenko

² = обозначает то же, что под русским ш = з = щ;
надо читать не Яшенко, а Ященко.

— Abs.: Woltschicha, Pougawka, Pilniak,

2

Kirchstrasse 2^{II} bei Delion.

19 февраля 1922

Кавалеру обезьяньего знака — профессору
Ященко — кавалер и царский хвостобрей Пильняк.

Глубокоуважаемый Александр Семенович!

1) Не сердитесь на меня за распой — разбойство мое и простите брудершафство, т. е. братское общество.

2) Шлю Вам рукопись — прочтите и напечатайте, пожалуйста. Я никудашний статье-писец, но то, о чем пишу: важное дело в России, и быть первой курицей, снесшей яйцо об этом — Вам и мне — хорошо⁴. Приеду я к Вам в четверг, — можно? Рукопись шлю, чтоб спешить. Всего хорошего Вам.

Ваш Бор. Пильняк.

Приходите к нам!

Никому до напечатания рукописи моей не показывайте, пожалуйста.

Россия,
Коломна,
Никола-на-Посадыях
вторник Красной Горки⁵
<апрель> 1922 г.

Дорогой профессор, Микитов и Берлин!⁶

Россия встретила меня простором полей, тишиной, таящим снегом, ветрами, солнцем, как девка в жару на празднике: то под вуалькой, то ржот. Ни в какой Питер я не попал, в Москве надо было ходить ногу от ноги отставляя на сажень, чтоб степенно бродить по лужам.

А Коломна приковала столон, рукописями, письмами, колокольным Николиным звоном: в Москве пробыл два дня, в Коломну поехал тоже на два дня, чтоб сейчас же вернуться в Москву, и застрял здесь до сих пор, сначала страстную, хворал, лежал в невралгии (отнялась нога), а теперь — пишу, не хочется отрываться, ехать с пустыми руками. Все же в Москве успел и посмотреть, и дела сделать. — Помнишь, Микитов, я говорил тебе про понедельник, — икали Вы в тот вечер, ты, ты, профессор, Толстой, Ремизов, Белый — ? — Был у начальства, и тебя ждут, Микитов, почетно в Россию⁷. То же и Толстому⁸. — Письмо твое, Микитов, отослал. Поклоны твои, профессор, передал: Зайцев болен сыпным тифом, поправляется⁹, Чулков — уже здоров, ходит, выходит. Встретился я, случайно, в Москве с М.М. Пришвиным: горячий тебе привет, Сергеич. — В Коломне же я написал очерко-рассказо-статью «Заграница», пойдет она в № 1-м нашего (Зайцев, Новиков, Замятин, Чулков, Пастернак, Серапионы, я) ежемесячника «Узел»¹⁰, там же будет и наша группа, где я по твоему, профессор, блоховодству, сижу балдой в обнимку с «Н<овой> Русск<ой> Кн<игой>» (что противоречит иллюстрации в № 1-м «Бюллетеня Дома Искусств»): в этой рассказо-статье прописано все, что подобает, про всех. — Сейчас я пишу — повесть «Третью столицу» — — —¹¹

Как вы все, т.е. ты, ты и Берлин? — мне уже кажется все сном, невероятностью. Я встаю утром, за окном точит Никола, в задницу вставлена больная нога: так и сижу на одной половине, за столом, а по небу ходит солнце и заходят люди и такой волокут за собой быт, что черт его знает, сотню писателей надо на одну Коломну напустить, и то мало.

Литература — это как река, когда впадают разные притоки, — как Волга, что ли, в которую впадают и Ока, и Кама, и Караман — и все это течет, спутывает течения, меняет русла, подмывает берега, наносит мели на прежних глубинах, свободно, несуразно, бестолково, — а всю эту реку кормит (всю эту Волгу) *подпочвенная* вода со всей России. — Как в эмиграции, так и в России последние годы не было литературы, а были лишь литераторы: гл<авным> образом потому, что не было *подпочвы*, старый быт уничтожался, новый не родился, литература иссякла. — А этой весной, вернувшись из-за границы, я увидел, что есть уже настоящая безалаберная, молодобестолковая *литература*, литература гораздо больше, чем литераторы, и как полая вода; литература моет, рвет, наносит, заносит. Это мне большое счастье, — а та статья, кою я напечатал у тебя, профессор, вдруг принята многими моими однолетками — программной. Это честь — тебе профессор.

Ах, как тихо в Коломне! В Берлин я писал только Ремизову (два письма, получил ли он?)¹², да еще — Дроздову. Приезжали ко мне из Рязани его родственники, узнать, — вместе писали (и забыл я ему дело написать: у него есть ко мне письмо от Валент<ины> Евгеньевны Чириковой¹³, пусть пришлет мне; скажи ему, Микитов). Теперь: вам; если не ответите подробнее, обижен буду. Поклон от меня: Ремизовым, Толстым, Пинегину¹⁴, Залитам¹⁵, Пуни¹⁶ и прочим. Просьба от меня: присылайте мне книг, особенно «Русск<ую> Книгу» и ежели появились мои или с моими произведениями (Микитов! у Ященики есть такие бумажки, — шли пожалуйста, очень интересно почитать, — можно слать и через Русскую миссию, Ригу, Аросева, — Ремизов знает). У меня в России выходит два тома: «Голый Год» и «Смертельное манит» (265 стр.), у Гржебина, в продажу поступят в конце недели. — Твою вещь, Микитов, «Где птица гнезда не вьет»¹⁷ — я могу напечатать в «Узле», — можно? — Журналов, альманахов в России до черта, гонорар 30 миллионов лист.

Дорогие мои, поклонитесь от меня Таррагонне, Гедехнис-Кирхе, Цоо — а ты, Микитов, попомни, что небо в Германии бледно, выцвело, как немецкая романтика, а у нас — — —

Как приедешь в Москву, Микитов, звони ко мне в Коломну с почтамта по телефону (Коломна, 1-12, Вогау) приеду в 15 часов; в Москве останавливайся: Средняя Пресня, 34, кв. 15, Александр С<ергеев>ич Яковлев¹⁸.

— — — Сейчас сумерки, время наше от Берлинского разнится на 3 часа; ты, профессор, сейчас вернулся от своих американцев, Микитов — — —

— — — будете обедать, выпейте за мое здоровье, — — — я — — —
бросил — — —

Напишите, как меня поминает Берлин?
На-пи-ши-те!...

Целую Вас крепко

Ваш Бор. Пильняк.

новостей литературных пишете
Сергеич!

Пинегину — поклон нижайший, чту и люблю его. Попроси его книгу его северную мне прислать¹⁹ и фотографию с моего портрета — а наипаче письмо. — — — Уехал я из Берлина, народов там было до черта, теперь отцедилось, и уже совсем не так много тех, кто дорог, — один из них Ник<олай> Вас<ильевич>.

Адрес мой: Einschreiben
Russland, Kolomna
Herrn B. Wogau-Pilniak

Борису Андреевичу
Воган-Пильняку
г. Коломна,
Моск. губ.
у Николы-на-Посадах.

Сергеич!

Можно тебя включить сотрудником (для популяризации имени) в разные российские органы? — может, пришлешь, что было уже напечатано за границей, — здесь перепечатали бы, деньги — старикам. Я прочел только в Коломне — «Птицу, не вьющую гнезда»: — очень хорошо.

Профессор! Не забывай!

Пиши, — и письмо и — — —
Еще раз целую.

<Надпись на конверте:>

Заказное. Германия, Берлин
проф. А.С. Яценко
Herrn Dr. A. Jatschenko
Augsburgerstr. 33 (Garten-Haus)
Redaktion Nowaja Russkaja Kniga
— Berlin W 50

Напиши, профессор, верно ли адрес сочинил?

Abs: Б.А. Воган-Пильняк.
Коломна, Моск. Губ. Никола-на-Посадах
Russland. Kolomna

Профессору
 заяшно-яишному
 кавалеру
 Александру Семеновичу
Яценко
 пись
 мо (mot)
 французское слово-Мот: слово

Дорогой профессор!

Был две недели назад в Москве, заходил к другу твоему Георгию Ивановичу Чулкову, — говорил с ним о разных разностях (собирается он ко мне на дачу ехать) и — и увидел у него № 3 «Нов<ой> русск<ой> книги», присланный тобой²⁰. То есть я узнал, что ты иногда имеешь доступ посылать книги. И я обиделся очень, потому что я *просил* тебя, а ты не прислал, хотя даже есть правило присылать авторам напечатанные их вещи. Пришли пожалуйста, — а если вышел и 4 № — и его пришли. Вообще, ты ведь *обещал* присылать. Присылай.

Еще ты просил писать тебе. Я сам сейчас погибаю над большой вещью, устаю от стола, бумаги и ручки, — поэтому просил товарищей написать и они пишут (они уже и написали и отослали). Пока же я для «Нов<ой> Русск<ой> Книги» — хоть и немного, но пишу, написал, шлю тебе и очень прошу напечатать возможно скорее, — следующее...

В редакцию Новой Русской Книги

Гражданин редактор!

Напечатайте пожалуйста это мое письмо. Я больше не буду сотрудничать в газете «Накануне». Я знаю и верю, что идет, пришла Новая Россия и на обовшивевшем ее пути — по новому пути поведет ее новая, народившаяся теперь, *биологически* теперешняя, общественность. Тем, кто хочет быть с Россией — должен быть в России — должен перепроверить свои вехи, — тем надо знать *будни* России.

Я приветствую сменовеховство как искание. Сам я, в сущности, сменовеховец. Но «Накануне» не знает наших будней и просматривает нашу молодую, теперешнюю, революционную общественность, — тактика «Накануне» мне чужда. И это разводит наши дороги.

Я с глубоким уважением отношусь к тем, кто искренно сменовеховствует, как ко всякому искреннему верованию, и думаю, что дру-

жеские мои отношения с товарищами, работающими в «Накануне», — по-прежнему останутся товарищескими и дружескими.

Россия. Коломна. Никола-на-Посадьях.

4-го июня 1922 г.

Борис Пильняк-Вогау.²¹

Вот какое письмо я прошу тебя возможно скорее обнародовать. Мне тут прислали пачку «Накануне», — я ознакомился, и *по совести моей* не могу сотрудничать в этой газете, — я, сотрудник «Печати и Революции», «Красной Нови», — лежачего не бьют. — Все берлинцы меня забыли. Что, где, как Микитов? — я ему писал, свинство не отвечать. Напишите, хоть кт<o>-н<i>б<удь>, Христа ради, вышли какие мои сочиненьишки, или нет, хоть Расскажишко какое заблудное, — присылай-те книг! ведь у нас *го-ло-д!*

Целую тебя крепко, профессор,

твой Б. Пильняк
на-Посадьях.

<приписки:>

1) Напиши мне

2) Напечатай письмо

3) Пришли «Н<овую> р<усскую> кн<игу>» —

где что мое. —

4) Читай на обороте (см. в начале письма)

Я долго думал: надо ли писать «письмо в редакцию» —? и решил, что надо, ибо мое вхождение в Накануне было политическим жестом, которое письмом аннулируется.

5

Коломна
Никола-на-Посадьях
27 июня 1922 г.

Александр Семенович, дорогой!

Сегодня получил твое письмо. Спасибо превеликое. Все берлинские драповые черти меня забыли. Живу в Коломне, пишу, от писания обалдел: и вот тебе мое слово: через неделю я кончаю повесть

(Третью Столицу — Мать Мачиху) и первое, что я буду писать, — это тебе. Написать о многом и хочется и надо, и можно. А пока — терзание: белые ночи, спешка в писании, жасмин, васильки, рожь выше головы, все спуталось, перепуталось, я чувствую себя первокурсником, не досдавшим экзаменов.

Тогда, когда сдам — и письмо длинное. А пока просьба — аванс! —: ради Бога, пришли мне (они мне и *нужны*, — да и сам же понимаешь, как не повидать *ребят* своих): «Эпопею» № 1²², «Жар-птицу» (тот №, где мой рассказ)²³, Сполохи 7 и 8 №²⁴, «Повесть Петербургскую» (мою; в изд. Геликона), «Былье» (мое; в изд. Библиофил), «Ив-ана-да-Марью» (мою; в изд. Гржебина), «Московский Альманах» (Огоньки)²⁵. (На этом месте прервали письмо: пришли девицы, принесли дань: два огромных веника цветов, ромашки, колокольчиков, васильков, — занял цветами два ведра, в комнате пахнет полем.)

Если бы ты прислал мне книжки — я *был бы счастлив*. Ты можешь позвонить всем этим издателям и они бесплатно дадут тебе экземпляры — — я *буду счастлив*. Вот так. Выбили меня девицы и цветы из колеи. Бросаю писать. Новостей у нас мало, только одна: Алексей Михайлович Ремизов сделал себе операцию омолаживания, результаты блестящи.

Всего хорошего. Обнимаю крепко. Напиши подлиннее.

Твой Бор. Пильняк.

Микитову — моя обида.

Как публика отнеслась к моему — «Письму в редакцию»?²⁶

Александр Семенович, ты пишешь, что только что видел «Голый год» — в *каком* издании? у Гржебина, конечно — но в Питерском или берлинском издании: Если в берлинском, пришли мне экземпляр, пожалуйста — — — и напиши отзыв в «Н.Р.К.» — — —²⁷

Александр Семенович, — будешь посылать мне книги (или еще как) вложи блокнот бумаги, аналогичный той, на которой сам пишешь — или вот вроде этой: в России не достанешь, а приятно иметь хорошую бумагу, хоть для писем. Это — в счет гонорара... и конвертиков... нет.

Выругай ты, Христа-ради, Микитова и... Еренбурга — чтобы написали.

Еще два талантища появились в России: С. Семенов, написавший роман «Голод»²⁸, и Н. Тихонов²⁹, поэт (у него поэма «Махно») ³⁰: пока напечатай хоть это. Напишу подробно.

Единственный берлинский издатель — Коган³¹ — оказался джентельменом: прислал «Жар-Птицу», — так что если пошлешь, ее не шли.

КОММЕНТАРИИ

¹ Она упоминается во «Всеобщем восстании» Ремизова (*Эпопея*, № 2, 1922, сентябрь, стр. 64).

² По-видимому, Берта Абрамовна Лазарева, жена философа, друга Льва Шестова — Адольфа Марковича Лазарева.

³ Адрес А.М. Ремизова.

⁴ Речь идет о статье «Заказ наш» Пильняка (*НРК*, 1922, № 2, стр. 1—2). В кругах *Рудя* статья была встречена настороженно — см. в информационной заметке о выходе второго номера *НРК*: «Второй номер *Новой Русской Книжки* не даст такого обильного материала, какой был в первом номере. Миниатюрный очерк Пильняка «Заказ наш», которым она открывается, подобно очеркам Андрея Белого и А. Ремизова в первом номере, ставит себе целью охарактеризовать состояние литературного творчества в России, но интересен, главным образом, как образец стиля этого нового для зарубежной русской печати автора» (*Рудь*, № 436, 23 (10) апреля 1922).

⁵ Красная Горка — первое воскресенье после Пасхи (Фомино воскресенье).

⁶ По-видимому, это обращение не к П.А. Берлину, а ко всему кругу знакомых в русском Берлине.

⁷ О возвращении И.С. Соколова-Микитова в Россию см. в комментариях к его письмам.

⁸ А.Н. Толстой вернулся в августе 1923 г.

⁹ Борис Константинович Зайцев (1881—1972), известный прозаик.

¹⁰ Эта справка включена в заметку о Пильняке в *НРК*, 1922, № 4, стр. 36. В невышедшем журнале предполагалось также участие А.А. Ахматовой, А. Белого, М.О. Гершензона, Л.П. Гроссмана, И.А. Груздева, Д.С. Дарского, В.Ф. Ходасевича, С.В. Шервинского и др. Редакторами его должны были быть Б.К. Зайцев, Б. Ильинский и Е.И. Шамурин. См.: *НРК*, 1922, № 5, стр. 48.

¹¹ Альманах артели писателей «Круг», М., 1923, кн. 1, стр. 199—295. Ср. рец. А.В. Бахраха, *НРК*, 1923, № 3—4, стр. 13—14.

¹² Письма Б. Пильняка к Ремизову хранятся в коллекции Томаса Уитни, Коннектикут. (См.: Н.В. Резникова. *Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове*. Berkeley, 1980, стр. 84.) Ср. David Lowe. «Unpublished Letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov», *Russian Literary Triquarterly*, 8 (1974), pp. 489—501.

¹³ В.Е. Чирикова-Ульянищева (род. 1897), дочь Е.Н. Чирикова. В 1920 г. эмигрировала, жила в Египте, Чехословакии и Франции, занималась прикладным искусством. После возвращения в СССР работала библиотекарем. См. справку о ней в кн.: Иван Яковлевич Билибин. *Статьи. Письма. Воспоминания о художнике*. Л., 1970, стр. 362.

¹⁴ Николай Васильевич Пинегин (1883—1940) — художник и писатель. Исследователь Арктики, участник экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу. В 1916 г. был зачислен в действующий Черноморский флот на должность художника историографа. В 1920 г. выехал в Константинополь, в 1921 г. жил в Праге (см.: *ПК*, № 9, стр. 28—29), а в 1922 г. поселился в Берлине (см.: *НПК*, 1922, № 8, стр. 37). Опубликовал несколько заметок в *НПК*. В 1923 г. вернулся в СССР, работал в Ленинградском арктическом институте. В начале 1935 г., в разгар репрессий, последовавших за убийством С.М. Кирова, подвергся высылке из Ленинграда (см. ссылку на неопубликованное письмо К.А. Фебина к А.М. Горькому в кн.: *Творчество Константина Фебина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фебиным. Библиография*. М., 1966, стр. 375). См. о нем: И. Соколов-Микитов. «Предисловие», в кн.: Н.В. Пинегин. *Записки поларника*. М., 1952, стр. 3—7; В.Ю. Визе. «Николай Васильевич Пинегин», *Литературный Современник*, 1940, № 12; В.А. Каверин. «Очерк работы», в его кн.: *«Здравствуй, брат. Писать очень трудно...» Портреты, письма о литературе, воспоминания*. М., 1965, стр. 242; В. Каверин. «Вечерний день. Письма, встречи, портреты», *Звезда*, 1979, № 3, стр. 108—110.

¹⁵ Карл Залит (Kārlis Zāle, Zālītis, 1888—1942) — латышский скульптор. В 1909—1919 гг. учился в художественных школах Казани, Москвы и Петербурга, в 1920—1923 гг. находился в Берлине, затем вернулся в Латвию. Автор монументального комплекса Братского кладбища и памятника Свободы (1930—1935) в Риге. Руководил скульптурной мастерской Латвийской Академии художеств. Дружил с И.А. Пуни.

¹⁶ И.А. Пуни — один из виднейших представителей русского художественного авангарда. О берлинском периоде его биографии см.: Hermann Berninger, Jean-Albert Cartier. *Pougnu (1892—1956). Catalogue de l'oeuvre*. Tome 1: *Les Années d'avant-garde, Russie-Berlin, 1910—1923*. Tübingen, 1972, pp. 120—141.

¹⁷ Напеч. в *Литературном альманахе «Грани»*, кн. 1, Берлин, 1922, стр. 143—162.

¹⁸ А.С. Яковлев (1886—1953) — русский прозаик; см. упоминание о нем в статье Б. Пильняка «Заказ наш» (*НПК*, 1922, № 2, стр. 2); ср. также статью А.С. Яковлева в разделе «Писатели — о себе», *НПК*, 1922, № 6, стр. 41. Входил, вместе с Пильняком, О. Савичем, А. Перегудовым, В. Югановым и другими молодыми московскими беллетристами, в кружок «Современники», образованный осенью 1921 года (см. литературную хронику в московской газете *Известия*, № 8 (1527), 22 апреля 1922 г.).

¹⁹ Книга Н.В. Пинегина «Два года в стране льда и ночи» («В ледяных просторах») предполагалась к изданию у З.И. Гржебина.

²⁰ В третьем номере *НПК* за 1922 г. помещена, в частности, заметка Б. Пильняка о книге М. Шапской *Mater Dolorosa*.

²¹ Письмо опубли. в берлинской газете *Голос России* и пятом номере *НПК* (стр. 43). Его публикации предшествовали выступления Пильняка в *Литературном приложении к «Накануне»* с программной статьей «Россия, родина, май» (№ 1, 30 апреля 1922), «Отрывок без названия» (№ 3, 14 мая 1922) и рассказом «В охотничьей избе» (№ 5, 28 мая 1922). Заявление Пильняка о выходе из *Накануне* было вызвано сложившимся летом 1922 г. отрицательным отношением писательской среды Москвы и Петрограда к органу берлинского сменовеховства. Непосредственным поводом этого послужило открытие конторы газеты в Москве и визит в Советскую Россию Ключникова и Потехина. (Отражением этой неприязни является и отказ Бориса Пастернака от участия в *Накануне* во время его поездки в Берлин в 1922—1923 г. См. его письмо к В.П. Полонскому, опубли. в кн.: Л. Флейшман. *Борис Пастернак в двадцатые годы*. München, 1981, стр. 22.)

²² Здесь напечатана «Метель» Пильняка.

²³ Рассказ «Смерти» помещен в 7-м номере *Жар-Птицы*, 1922, стр. 9—14.

²⁴ В седьмом номере *Словоухов* (май 1922, стр. 3—8) напечатаны «Татарские серги» Пильняка, в восьмом (стр. 31) — рецензия Наталии Потапенко на его книгу рассказов *Былье*.

²⁵ Рукописи произведений советских писателей для *Московского Альманаха*, вышедшего в издательстве «Огоньки», были привезены в Берлин Пильняком (см.: *НРК*, 1922, № 2, стр. 32).

²⁶ В газете *Руль* (см. № 485, 23 (10) июня 1922, стр. 2) письмо Пильняка было воспринято с явным злорадством по адресу *Накануне* и удовлетворением; оно было поставлено в связь с сервилистской позицией, занятой сменовеховским органом по отношению к открывшемуся в Москве судебному процессу над социалистами-революционерами. В пражском эсеровском еженедельнике *Воля России* (где в феврале 1922 года «с любезного согласия автора» был напечатан фрагмент *Голого года*, а спустя месяц последовало неожиданное опровержение и извинение редакции) по поводу «Письма в редакцию» Б. Пильняка были высказаны подозрения в двойной игре: «Не хотелось бы автора, за которым есть недюжинный талант, зачислять в разряд тех, кто профанирует этот талант практичной “двойной бухгалтерией”, проще — двурушничеством и жалкими “перестраховками” на случай всяких оборотов жизни. Но надо сказать прямо: пережитой период гражданской войны и террора был морально убийственным для многих. Он воспитывал рабью психологию испуга и приспособления». — В. Сергеев. «Отклики. О “нашевашевцах”» Газ. *Воля России*, 1922, № 21, 3 июня, стр. 19—22. Ответ *Накануне* на письмо Пильняка сформулирован в № 75 газеты, 27 июня 1922, стр. 2.

²⁷ Рецензия Г. А <лексеева?> на *Голый год* напечатана в *НРК*, 1922, № 9, стр. 11—12.

²⁸ Ср. отзыв о еще печатавшемся в газетах романе С.А. Семенова (1893—1942) «Голод» — в статье Вл. Тукалевского «“Содержание” новой литературы», *НРК*, 1922, № 6, стр. 2. О Семенове см. также: *НРК*, 1922, № 7, стр. 33.

²⁹ Николай Семенович Тихонов (1896—1979), известный советский писатель. Отзыв о нем — «революционный поэт, с талантом оригинальным и сильным» — включен в обзор А.С. Ященко, *НРК*, 1922, № 11—12, стр. 7.

³⁰ Напеч. в кн.: *Серрапионовы братья. Заграничный альманах* (Берлин, «Русское творчество», 1922, стр. 167—169) и вошло в сборник Тихонова *Двенадцать баллад* (Л., 1925).

³¹ Справку о нем и его журнале см.: «Горький и журнальный проект А.Э. Когана (публ. Л. Флейшмана)», *Slavica Hierosolymitana*, vol. IV (1979), pp. 268—273.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мы публикуем ниже пильняковские документы, в машинописных копиях сохранившиеся в коллекции одного из основателей сменовеховского движения Н.В. Устрялова (Box No 1, nos. 64, 67) в архиве Гуверовского института: записка Пильняка Н.В. Устрялову и надпись на книге *Голый год*. Об отношении Пильняка к сменовеховству см.: Vera T. Reck. *Boris Pil'niak. A Soviet Writer in Conflict with the State*. Montreal and London, 1975, pp. 97—100.

Харбин, 13 марта 1926 г.

Глубокоуважаемый Николай Васильевич.

Шлю Вам шесть моих книг: это единственное, что удалось мне перетащить через забор китайской таможни.

И простите меня, пожалуйста, за то, что в Харбине коньяки и водки лучше московских! Черт бы их побрал! — ибо на другой день всегда надо сердиться и жаль, что после драки кулаками не машут.

Всего хорошего. Я буду звонить Вам завтра поутру.

Ваш Пильняк.

<Надпись на книге *Гольй год*>

Пильняк

Николаю Васильевичу Устрялову, очень хорошему, —
в память дружескую, —
в утверждение того, что ни версты, ни эпохи,
ни тысячи перепутий, — ни то, что мы живем
на кожище земного шара в 120°, —

Россия —
одна,
мятежная —
наша,
охающая по кремлям
и кремлями, как и по
весям нашим.

А нам — вместе. И совсем не скучно.

Приезжайте в Москву.

13 марта

926

Харбин.

Примечание Устрялова: «Борис Пильняк проездом в Японию пробыл несколько дней в Харбине. У меня на квартире рассказывал о Есенине; после ужина, непривычный к вину, пережил головокружение, впрочем, непродолжительное, — чем и объясняется строка о “коньяках и водках” в письме. В этот его приезд мы выступали вместе в Железнодорожном Собрании. Вернее выступал я один (с докладом “Попутчики”), так как после моего выступления полиция почему-то закрыла собрание, и Пильняку сказать своего слова не удалось».

И.С. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Берлинский период 1921—1922 годов явился едва ли не самым ярким моментом и в литературной биографии Ивана Сергеевича Соколова-Микитова (1892—1975). Хотя печатные дебюты и первые литературные контакты его относятся еще к довоенным годам (когда он сдружился с А.М. Ремизовым — ср. «Всеобщее восстание» Ремизова в журнале *Эпопея*, 1922—1923), профессионализация писательского облика совпадает у него с берлинской эмиграцией (ср. его автобиографию в *НРК*, 1922, № 2, стр. 44). Здесь вышедший из деревенской глуши писатель неожиданно оказался в центре внимания, и решающая роль в этом парадоксальном выдвигании принадлежала А.С. Яценко, который из всех работавших тогда в Берлине русских прозаиков безоговорочно принял только его (см. рецензии А.С. Яценко на «Кузовок» — *НРК*, 1922, № 6, стр. 9—10 и Р. Гуля на книжку *Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем...* — *НРК*, 1923, № 2, стр. 16; ср. воспоминания Р.Б. Гуля в *Новом Журнале*, 133, 1978, стр. 14—17; ср. также: Мих. Смирнов. *Иван Соколов-Микитов. Очерк жизни и творчества*. Л., 1974, стр. 37—39). Соколов-Микитов печатался в журналах и альманахах *Современные Записки*, *Жар-Птица*, *Грани*, *Звено*, *НРК* (где помещена его рецензия на «Детство Никиты» А.Н. Толстого, — 1922, № 5, стр. 5), в газетах *Руль*, *Голос России* и *Накануне*; выпустил три книжки, и несколько невышедших (а может быть, и ненаписанных) его книг было анонсировано в разделе «Судьба и работы...» в *НРК*, 1922, № 2, стр. 41. Творчество его в тот момент отождествлялось с новаторскими стилистическими тенденциями современной прозы («Как свой к большому гнезду И. Соколов-Микитов», — говорил в статье «Крюк. Память петербургская» А. Ремизов, *НРК*, 1922, № 1, стр. 7) и не выглядело тем безнадежным провинциально-анахронистическим пережитком, каким стало с конца 20-х годов, после возвращения Микитова на родину.

Само это возвращение (последовавшее вскоре за визитом Пильняка в Берлин и значительно опередившее «репатриацию» писателей-сменовеховцев в 1923 г.) было с не меньшим изумлением встречено современниками, чем шумные политические метаморфозы «красного графа» А.Н. Толстого. Узнав о его отъезде, З.Н. Гиппиус писала С.П. Ремизовой-Довгелло: «А неужели Микитов сбрендил? Невероятно!» (Письмо от 21 июня 1922 г. См.: Horst Lampl. «Zinaida Hippus and S.P. Remizova-Dovgello». *Wiener slawistischer Almanach*. I, 1978, SS. 173—134); ср. в письме от 28 июля: «Меня

берлинские дела очень интересуют: падают люди в небытие, словно карточные. И вот Сок<олов>-Микитов: я его помню, ведь какой твердый — *казалось*. И пыль одна!» (*ibid.*, S. 174). В очерках, публиковавшихся в газете И.В. Гессена *Пуль* весной—летом 1921 года, Микитов утверждал коренную, исконную контрреволюционность русского народа, деревни и их непроницаемость ни для каких советских декретов. В статье «Крик. — Вы повинны» он обвинил Советскую власть в беспрецедентной по масштабам разрухе, охватившей страну: «Вы повинны в том, что, кормя миллионную армию, обрекли на голодную смерть десятки миллионов людей, ждущих одного: мира.

Вы повинны в том, что, вопя о гибели десяти миллионов жизней, лицемерно думаете о спасении своих животов.

Вы повинны в том, что довели народ до последней степени истощения и упадка духа.

Вы повинны в том, что истребили в народе чувство единения и общности, отравили людей ненавистью и нетерпимостью к ближнему. И от кого ожидаете помощи, если вы же научили людей смотреть друг на друга, как на врага, и радоваться чужому страданию?» (*Пуль*, № 212, 30 (17) июля 1921).

Хотя возвращение Соколова-Микитова в Россию истолковывается обычно в контексте «сменовеховского» движения (см., напр., книгу С.А. Федюкина *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу*, М., 1977, стр. 125), публикуемые ниже документы свидетельствуют о существенном отличии позиции писателя от доктрины лидеров берлинского сменовеховства — фраза в письме к Яценко «Врут сменовеховцы», откликающаяся на рапорты Ю. Ключникова и Ю. Потехина о их поездке, глубоко симптоматична. Своему ближайшему в Берлине единомышленнику («близнецу», по словам К.А. Федина) Микитов стремился внушить нетронутость деревни новыми преобразованиями в России. В другом письме, к А.Н. Толстому, он противопоставил раздорам берлинской эмиграции изживающую конфликты Гражданской войны, возвращающуюся к былому покою, единству и довольству Русь: «Давно прошло время самохвата и озорства, нет ни “помещиков”, ни “бедноты”, ни “пролетариев”, ни “буржуев”. Несчастье многому научило людей и оброднило. (Я не говорю, что совсем не стало мерзавцев — мерзавцы на русской земле перевестись не могут.)» (*Литературное приложение к «Накануне»*, № 22, 15 октября 1922, стр. 7).

В Советской России Соколов-Микитов не «врос» в систему литературной жизни, сознательно отрезав себя от столичных центров, уединившись в родную деревню или скитаясь по окраинам. Убежденной, осознанной «провинциальностью», неприятием столиц проникнута вся его литературная позиция (перелагатель сказок, автор «бессюжетных» пейзажных и путевых очерков) и жизненная программа («Живу постоянно в деревне, потому что это приближает меня к моему детству и моей семье, дает возможность охотиться и видеть ближе людей, а главное — не служить», — заявлял он в автобиографическом очерке. См.: *Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков*. М., 1928, стр. 321). Первое время после Берлина он сблизился с петроградской литературной группой «Серапионовы братья», члены

которой с теплотой отнеслись к недавно вернувшемуся из Берлина писателю. В письме одной из участниц группы, Л. Б. Харитон, к Л. Лунцу от 3 января 1924 года рассказывалось о встрече Нового года у Серапионов и о присутствии на ней Соколова-Микитова: «С ним мы немедленно подружились. Вот это я понимаю: удивительное сочетание интеллигента с “живым человеком”» («Лев Лунц и “Серапионовы братья”»). Публикация Гари Керна. *Новый Журнал*, 83, 1966, стр. 134). Но действительные дружеские связи Микитов сохранил на всю жизнь лишь с одним из «Серапионов» — Фединым.

В 1933 году Соколов-Микитов, участвовавший в арктической спасательной экспедиции советского ледокола «Малыгин», был принят Сталиным. Эта ауденция описана в его очерке «Чуткость», в кн.: *Встречи с товарищем Сталиным*. Под ред. А. Фадеева. [М.], ОГИЗ, 1939, стр. 175—177.

Существенное значение публикуемых ниже писем Соколова-Микитова определяется фиксацией в них линии литературно-общественного самоопределения писателя сразу после его возвращения в Россию.

1

30/VIII<1922>

В Германию
Herrn Prof. Jašenko
«Nowaja Russkaja Kniga»
Augsburgerstr. 33
Berlin

В Питере шестой день. Перевидал и перезнакомился со всеми из Серапионов, полюбил всех крепче Констант<ина> Федина. У него каждый день, точно у тебя в «Книге»¹. Очень полюбил Всев. Иванова — совсем не таков, каким представлял. Остальные чертовски молодцы, чертовски все талантливы. Веселы. (Однако пишут жуть.) Федина и Иванова я таскал на немецкий пароход пьянствовать (на пароходе от Штеттина до Петербурга я стоял рулевую вахту и получил от немцев высшие аттестации). На пароходе твердо решили в ноябре вчетвером быть в Берлине: Федин, Иванов, я, четвертый — Пильняк. Питер переродился. На Невском — чего угодно. На Марсовом поле капуста и цветут подсолнухи. Очень боюсь, что оженюсь. — Великое множество красивых русских [баб] женщин. Живут же уныло, очень уныло. Усталые. Все это тебе опишу подробно из деревни, куда еду в субботу. Оттуда же и точнейший отчет и портреты.

Всем нутром чувствую: правильно сделал. Врут сменовеховцы, но есть для чего в России нужно быть. Хоть до сих дней ветер гонит

по Питеру запах человеческого, ночами чинят, подновляют тихо, но все-таки напишу. Твой Микитов. Всем привет.

Ел у Белкина грибы со сметаной. Квартира твоя в целости и в порядке. На твоём кабинете висит замок. Милый человек Белкин и его жена. О тебе расспрашивают с большим интересом. Портрет твой показал (О! О!).

Уважаемый Александр Семенович, сидя с Ив<аном> Серг<еевичем> нельзя не говорить о Вас. Он близнец. Привет! А письмо В<аше> он потерял.

К. Федин.

Глубокоуважаемый коллега, получил Ваше предложение прислать автобиографию. Если скромность не заест — пришлю. Привет всем. Целуйте Пуни.

Ваш Ю. Анненков².

Пьем за Ваше здоровье в нэповском карантине. Ю. А.

2

Кочаны над рекой Невестницей
7/20 ноября.

Милый Сандро, — больше месяца как я отрезан от Божьего свету, не получаю ни писем ни газет: почта занята — мужики отказались сыпать на почту по четыре фунта. Жалования теперь у нас никому не платят и, как в XVI веке — хлебом. Получил ли ты мое «Гнездо на голышах»? Мне очень хотелось бы теперь кое-что переменить и исправить, сгоряча я многое не разглядел, — многое мне показалось не того цвета. Теперь я, кажется, знаю всех и видел все. И вот знаю, есть в России две породы людей — те, *что помнят*, и те, которым помнить *нечего*. И этот раздел, разделивший Россию, виден в лицах, и в слове, и в самом росте. Тут не в возрасте даже дело (хотя и возраст очень, очень существенно), а в том, о *чем* жив человек.

Сейчас великий кризис писательский: писатель (у нас в России) слыл пророком — прежде всего пророком и пророчества от него требовали и, заметь, так оно и есть: *великие русские*—пророки. И в самой судьбе *великого писателя* русского есть от библейского — это западные умирали скрестив ручки, а Пушкин умер под пулей, — Лер-

монтов, Гоголь, Толстой. И вот теперь, в библейские времена, пророков не стало. Их не стало: ушли в землю. Это, как в сказке с кладом: зарыл солдат клад в землю и выстрелил вверх из ружья. И насколько вверх пошла пуля, настолько вошел в землю клад. Это я к тому: очень многое я теперь увидел. Вот о серапионах — «певчие птицы, поют, как Бог на душу положит, — под камертон не хотят» — это написал мне один берлинский простак³. Да, — птицы, — но не все. Но и те, что — птица, поют не как захочется. Ибо ты знаешь, что даже дышим тут не как хочется⁴ (это обязательно надо *тут* побыть, — пусть хотя бы для того, чтобы увидеть, что из тех, *кто помнит*). А о пророках не даром. Писателю, пророку, поставлено наше испытание. И вот — никому не под силу. И потому, что не под силу — выверт, ремизовщина. О, как я теперь вижу Ремизова (-щину) насквозь!⁵ Мы, сидя у Garald'a, и не подозревали, что «молодая литература» русская взяла самый резкий курс на запад — на «сюжет». В этом оздоровление и опасность. Замятин снес такое яйцо, из которого вышел хорь и съел наседку. Ремизов в дураках⁶. Тебе бы посмотреть, как спорят двадцатилетний реформатор Каверин с двадцатилетним приват-доцентом Лунцем (с Лунцем — противоположное и свое — очень знаком, пили ночью чай на Казанском вокзале, возвращаясь от Пильняка) — о том, как *строить* рассказ. Это или инженеры — в случае лучшем (Замятин), или часовщики (Каверин). «Птицей» тут и не пахло. И вот еще: о *чем?* О чем пишут. Толстой говорил о человеке (с большого «Ч») — создал Каратаева (из всего Толстого навязчивей всего Каратаев — а о Каратаеве несколько строк; о Наполеоне страницы). Кто теперь скажет о Каратаеве, а в нынешней России не мало каратаевского. Пильняк же прославился «половыми органами Ордыниной»⁷. Я это все потому, что много думаю — каков путь подлинной литературы грядущей. Нынешние любят описывать трупы и смрад или половые штучки. Перебери всех — всех, кажется, кроме Федина — у всех о трупах и перепоротых горлах. Это *болезнь*. Еще литература тяжело больна — и самое слово тяжело и судорожно, точно стон. Еще в сыпняке. И не только литература: бледны и люди. Ведь, в сущности, больны: Пильняк, Серапионы. И, может быть, всех больнее Всеволод Иванов, а здоровее всех — Зоценко (Зоценко — крепкий — хохол). Федин в стороне — этот «помнит», этот — «старик», будущий академик⁸ (и чудесный человек) — и тоже болен. Мы очень мало знали оттуда. А ты поверишь ли, на что всего больше похожа нынешняя Россия — на монастырь. Со святостью и с развратцем, и много монашеских лиц. Город погиб — Россия жива в деревне (Россия здоровая — от Пушкина и Толстого) — если вообще жива

Россия. Настоящий писатель еще не родился, верная дорога не найдена, но всем дыханием моим верю: дорога эта — Пушкин. Ибо главное теперь ощущение в России — ощущение усталости и *выздоровливания*. А признаков пока *никаких*, есть только к этому воля. «Западническое» направление, я думаю, только фокус, — сметка, как делают зайцы, желая запутать собак. И не случайно, что «западники» — исключительно евреи. (М<жду> п<рочим>, еврей — Никитин⁹, «слизняк»). Без запада не обойтись. Но нужна гениальность — Пушкин был европеец! — а не часовых дел мастерство. На России лежал легкий лак евро-пейства, нанесенный Петром, теперь лак смыло и осталась голая Азия. Вся Москва похожа теперь на огромную и вонючую голую жопу. Пробыть два дня в Москве было мучение. И только в деревне — кажется мне — умели пронести Страстные свечи и нетронутую вербу. Отказаться от России невозможно. И, Бог знает, кто прав и кто ближе к России — Бунин из Парижа¹⁰ или Пильняк из Коломны? В Москве о России знают меньше, чем знали мы в Берлине. Здесь так же много *слепых*, как и там. И самое, может быть, подлое подхалимство — описывать нынешний быт и Россию так, чтобы «начальство» не придралось. Ты заметил, что почти все теперь сбиваются на «лакейский» стиль. Попадают книги рассказов, написанные смердяковским слогом. Писали их не Смердяковы. Но это впадение в смердяковский тон — неспроста и кое-что значит. Зимой мы ждем сыпняка: болезнь еще не кончилась, это во всем — во встречах, в словах, в цвете лиц. Россия еще тяжело больна, *еще бредит*, но кризис миновал, — Россия выздоравливает. В это верю, верю, верю¹¹.

А у нас зима, снег и мороз. По ночам в лесу воют волки и если сейчас выйду на крыльцо, — услышу. Снег и мороз вот это здоровье, пушкинское. Завтра я пойду на зайцев с Васькой и кузнецом Максимом. Будем дорогой говорить о колдунах. У меня много затей и самому себе кажусь я теперь бочкой с дрожжами: надо бы вышибить кляп. К России привык — теперь я не «эмигрант» и эта перемена прошла не безболезненно. Как «чумились» те, кто приезжал из России в заграницу, так же чумятся — приезжающие «оттуда» сюда. Я мог бы говорить с тобою еще долго, воображая себя у Galald'a, но уже 12 — скоро запоют петухи. Старики мои видят десятый сон.

Сейчас на столе у меня лежит замечательная книжка Федорченко «Народ на войне». Просто и значительно, как документ, сильно, как Толстой — просто записи внимательного человека, записная книжка. Это не «беллетристика». Хочу об этой книжке тебе написать рецензию¹².

Прислал ли биографию Пришвин? Он зовет тебя кумом и по моей просьбе написал для тебя о себе — очень интересно¹³. Пиши пожа-

луйста и высылай «Книгу», а если можно, и еще пришли что-нибудь *читать*, голод здесь на книгу невероятный. Алисе кланяются все кочановые зайцы. Всем поклон и привет.

Твой Михаил.

Адрес у меня новый: *Бобыкова-Угра*, Смоленской губ., деревня *Кочаны*, Кисловской вол<ости>.

Жду к себе на днях Федина из Питера. Будем вместе ходить на зайцев. Потом поедем в Москву и Питер. Весной вчетвером приедем в Берлин: Пильняк, Федин, Иванов и я.

Слышно ли что у тебя о «Круге», заметь: на фу-фу! Капкан с приманкой на писателей. Долго не проживет¹⁴.

Может быть, мне удастся в «Кочанах» устроить литературный скит. Боже убереги тебя прославлять Пастернака¹⁵.

3

в Невестнице
12/25 дек. 1922

(У нас елки шумят. А у вас —
Рождество)

Дорогой Александр Семенович —
с Новым годом!

Где 8 и 9 книги «Н<овой> Р<усской> К<ниги>»? Седьмую получил и больше ни духу ни слуху. Федин из Петербурга спрашивает — где? От тебя получил коротенькую записку со свиньей. После Рождества еду в Москву и Питер. Москву невзлюбил и еду по нужде — связался с Госиздатом¹⁶. В Питер — жениться и пить у Гулисова (Серапионичий притон) водку. Здесь ем налимов и хожу на волков (убил трех). Обрастаю кудлом. Несусь: по яйцу в месяц. Раньше того, как напишу книгу листов на восемь, решил никуда не соваться. Весной буду (если выручу с мельницы денег) в Берлине. Купил пишущую машинку.

В России осмотрелся и уже воняет от меня капустой.

Вот тебе для справки: В Москве есть «Круг» — для «заманки» (мужики у нас зовут «кругом» облаву). В «Кругу» будто Пильняк — на самом деле — не в Пильняке дело. И вообще, Пильняк *служит*. Не вздумай «Круг» хвалить!¹⁷ (Серапионы из Круга уходят).

Второе: не верь Пильнякам и присным, что идут они с мужичьей Россией — и вообще в «Метелицы», «метелинки» и «мировые буи»¹⁸ — все это наволочь и брехня.

Третье: лучший человек, которого я здесь встретил — М.М. Шкапская¹⁹.

Четвертое: свинство печатать такие *порожние* рецензии о русском поэте Тихонове (в седьмой книжке — Эренбургова²⁰): Тихонов стоит тысячи Пастернаков и Мандельштамов.

Пятое: Серапионов пришла полоса ругать за безыдейность²¹ — ты не ругай и не хвали.

Шестое: из Серапионов — лучшие — Федин и Иванов (Иванов — умница, Зоценку знаю мало) — опять *русские*. (Никитин — иудей.)

Седьмое: Петербург лучше, строже и честнее Москвы. Москва похожа на заголенную большую жопу.

Вот. Жду от тебя *журнала*, ответ и письмо *попросторней*, пусть и под диктовку, — но обо всем: Новостей, новостей! Где мечет икру Толстой? Что плотва? И вообще — кто — кого? Здесь у нас елки и мужичий бздех. Эх — опять бы на Фридрихштрассе встречать Новый год!

Целую —

— Алису.

Твой Микитов.

Почт. отд. *Бобыкова-Угра*, Смоленская губ.
дер. Кочаны, Кисловск. вол.

4

С речки Невестницы
31/18 янв<аря> 1924

Сандро!

Жив ли? — Я слышу, что ты ходишь в князьях на новом месте²². Разумеется, по-прежнему тебя помню. Но сам изменился круто, — во-первых оженился, во-вторых — очень постарел (тут, в России, люди стареют быстро) и «обрусел».

Сiju на речке Невестнице, в Кочанах, под снегами, истребляю волков, — дожидаюсь весны, чтобы идти на глухарей. Кое-что пишу, но печатаю мало и потому, что мало пишу, и потому — что дух не

тот. Живу то весело, то вдруг заскучаю — «о путях и долях» (вся Россия скучает так же — тюремное).

Очень помудрел. На лето составил много планов. — Или уеду на дальний север, на Ледовитый океан или пойду с ружьем и сумкою по мертвым и живым душам. — Меня мутит гоголевская тема.

Симпатии мои опре<де>лились: люблю Петербург, — не люблю Москву, люблю (и дружу) писателей петербургских, не терплю московских. Больше всего дружу с Серапионами (кроме Никитина — выпердыша)²³ — Федин у меня гостил летом, натаскивал его на охоту, ныне приедет на глухарей. Вообще я оброс медведячьим кудлом и воротнички на меня теперь не натащишь и клещами. — Но душой с Россией самой культурной и духовной. Деревню люблю.

— Охочусь, слушаю тишину, учусь у мужиков слову (как чертовски талантливы!) — что называется, — «собираю материалы». В меру лентяйничая. Старею. Тянет к огню, к костру.

Вот и все.

Твой Микитов.

Р. С. Пожалуйста, помоги чем можно относительно моего письма в редакцию «Накануне». В Москве в отделении сидят хамы и торгуются, как на Сухаревке. Пускай меньше платят — но только без торгу и исправно. Впрочем, себя я ниже «самого высшего» ставить не могу, только с этим условием и согласен дальше писать. Так им и скажи²⁴.

Очень важно: — У меня нет тех номеров «Нов<ой> Р<усской> К<ниги>», в которых ты цитируешь мое письмо²⁵ и где помещена Гулевская рецензия на мою книжонку²⁶.

Обязательно напиши! Привет Алисе.

Профессору Александру Семеновичу *Яценко*
от И. Сокола-Микит<ова>

КОММЕНТАРИИ

¹ Ср. в «Письме другу» Соколова-Микитова: «Хорошо помню, как 40 лет назад я пришел в редакцию *Книги и Революции* с приветом от Горького, проживавшего тогда за границей. В моей жизни это был незабываемый, решавший судьбу год. В тот памятный год на улицах запустелого Петрограда нежно зеленела молодая трава. После долгих заморских скитаний, на чистеньком немецком пароходе я вернулся в родную Россию, в которой еще не затихли отзвуки отшумевшей гражданской войны. Ты был

первым русским советским писателем, с которым свела меня на родной земле судьба. Первая встреча положила начало дружбе». Цит. по изд.: *Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография*. М., 1966, стр. 467 (первая публикация — *Новый Мир*, 1962, № 2, стр. 243). Ср.: К. Федин. *Собрание сочинений в десяти томах*. Том 9. М., 1973, стр. 204—209.

² Юрий Павлович Анненков (1890—1974), художник и литератор, эмигрировавший в 1924 г., автор мемуарной книги *Дневник моих встреч. Цикл трагедий* (т. 1—2, Нью-Йорк, 1966). Автобиография его в *НРК* не появлялась. Отзыв о его «Портретах» приведен в статье И.И. Лазаревского «Русские художественные издания», *НРК*, 1923, № 1, стр. 7. На этой же открытке также подпись: *А. Толстой*.

³ А.М. Дроздов.

⁴ Ср. в более раннем письме Соколова-Микитова, опубликованном А.Н. Толстым в *Литературном приложении к «Накануне»* (№ 22, 15 октября 1922, стр. 7): «Там в Европе, еще душно, нечем дышать, — там может быть все — кровь и погибель. Здесь это изжито. И всем духом моим ощущаю — дышать свободно (так после грозы)».

⁵ О знакомстве с А.М. Ремизовым и о сильном впечатлении, произведенном на Соколова-Микитова *Посолонью*, см. в кн.: Мих. Смирнов. *Иван Соколов-Микитов. Очерк жизни и творчества*. Л., 1974; ср.: Константин Федин. *Горький среди нас. Картины литературной жизни*. М., 1967, стр. 106.

⁶ Речь идет о реакции у Серапионов на ремизовскую прозу (см. статью Л. Лунца «На запад». *Беседа*, 1923. № 3).

⁷ Речь идет о знаменитом пассаже чекистки Ксении Ордыниной в «Иван-да-Марье» Пильняка, заканчивающемся признанием: «...и я чувствую, что вся революция — вся революция — паднет половыми органами». Ср.: А. Воронский. «Литературные силуэты. Борис Пильняк», *Красная Новь*, 1922, № 4 (8), июль—август, стр. 255.

⁸ Ср. упоминание о Федине в обзоре послереволюционной прозы Яценко: «*Константин Федин*, напечатавший пока ряд небольших рассказов “Сад” и др., писатель тонкий, явно в будущем с уклоном к академизму» (*НРК*, 1922, № 11—12, стр. 4).

⁹ Национальная принадлежность Н.Н. Никитина (1897—1963) указана Микитовым неверно.

¹⁰ Ср. рассказ Соколова-Микитова о встрече с Буниным в Одессе в 1919 г. — «Слово о Бунине», *Литературное Наследство*, том 84, *Иван Бунин*, кн. 2, М., 1973, стр. 155—159; ср. также письма В. Буниной к Соколову-Микитову, приведенные в его «Давних встречах». *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, М.—Л., 1966, стр. 468—472.

¹¹ Этот абзац — со значительными купюрами — процитирован (без указания автора письма) в статье А.С. Яценко «Литература за пять истекших лет», *НРК*, 1922, № 11—12, стр. 7.

¹² Об этой книге и ее авторе см. ценную статью В.И. Глоцер «К истории книги С. Федорченко *Народ на войне*», *Русская Литература*, 1973, № 1, стр. 148—155. Рецензия Микитова в *НРК* не появлялась.

¹³ В *НРК* не появлялась.

¹⁴ Об издательстве «Круг» см. газ. *Новости (Московский понедельник)*, 1922, № 4 (19), 30 октября, стр. 3; ср. Е.А. Динерштейн. «Маяковский в “Круге” и “Красной Нови” (1922—1925)», в кн.: *Маяковский и советская литература. Статьи, публикации, материалы и сообщения*. М., 1964, стр. 407—417. О контактах Микитова с артелью писателей «Круг» см.: Мих. Смирнов, *цит. соч.*, стр. 46.

¹⁵ В *НРК* были напечатаны рецензии на *Сестру мою — Жизнь* (1922, № 6, стр. 10—12, И. Эренбург) и *Темы и вариации* (1923, № 3—4, стр. 10, Р.Б. Гуль). С августа 1922 по март 1923 г. Пастернак находился в Берлине.

¹⁶ В 1924 г. Госиздат выпустил несколько книжек Соколова-Микитова.

¹⁷ Ср. рецензию А. Бахраха на первый альманах «Круга» — *НРК*, 1923, № 3—4, стр. 13—14.

¹⁸ Так в оригинале.

¹⁹ См. о ней статью: Борис Филиппов. «О замолчанной. Несколько слов о поэзии Марии Шкапской», *Вестник Р.С.Х.Д.* 100, 1971, стр. 273—280.

²⁰ И.Э. <Рец.:> «Николай Тихонов. Орда. Пг., 1922», *НРК*, 1922, № 7, стр. 11. В этой рецензии говорилось о заимствованиях Тихонова и «островитян» у Мандельштама и Гумилева и о глухоте их к новаторским достижениям москвичей — Маяковского, «Центрифуги» и Есенина.

²¹ См.: Л. Троцкий, «Внеоктябрьская литература». Газета *Правда*, № 224, 5 октября 1922 г., стр. 2—3. Ср.: Л. Троцкий. *Литература и революция*. М., 1923, стр. 50—55; а также: William Edgerton. «The Serapion Brothers. An Early Soviet Controversy». *The American Slavic and East European Review*, vol. VIII, no. 1 (1949), pp. 47—64.

²² А.С. Яценко стал работать в редакции *Накануне*.

²³ Ср. в письме К. Федина к Л. Лунцу от 2 февраля 1924 г. о разрыве Серапионов с Н. Никитиным (*Новый Журнал*, 83, 1966, стр. 161—163).

²⁴ Соколов-Микитов продолжал печататься в *Накануне* и после своего отъезда из Берлина.

²⁵ *НРК*, 1922, № 11—12.

²⁶ *НРК*, 1923, № 2.

К.А. ФЕДИН

К.А. Федин (1892—1977), известный советский писатель, участник «Серapiroновых братьев». С 1921 по 1926 г. работал в ленинградском отделении Госиздата, с конца 1921 г. стал сотрудником и секретарем редакции критико-библиографического журнала *Книга и Революция* (см. о нем статью: Г.Н. Водка. «Из истории журнала “Книга и Революция”», *Труды Ленинградского гос. института культуры им. Н.К. Крупской*, том XXIV, 1972). Журнальной работе Федина этого времени посвящена статья П.П. Ширмакова «Публицистическая и литературно-критическая деятельность К.А. Федина 1919—1921 годов», в сб.: *Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография. М.*, 1966, стр. 269—294. В Книгоиздательстве писателей в Берлине в 1923 г. вышла его повесть *Анна Тимофеевна* (и предполагалось издание сборника рассказов *Пустырь*, в 1924 г. вышедшего в Москве). Справки о Федине помещены в *РК*, № 9 (стр. 32), в *НРК*, № 4 (стр. 36—37) и № 6 (стр. 34—35) за 1922 г. и в № 3—4 (стр. 52) и 5—6 (стр. 53) за 1923 г.

Первые три из сохранившихся и публикуемых ниже писем Федина к Яценко написаны на бланках редакции журнала *Книга и Революция*.

1

20 мая 1922 г.

М. Г.

Не так давно мною был отправлен Вам через М.А. Дьяконова (Христиания)¹ комплект нашего издания №№ 1—12². Дальнейшие №№ высылались тем же путем по мере выхода. Теперь, начиная с 5-го номера, редакция нашего журнала отправляет Вам книжки журнала по почте³.

В ближайшее время я вышлю Вам сведения о литераторах, известных мне и работающих в России, для помещения в Новой Русской

Книге. Весьма вероятно, что мне удастся побудить некоторых писателей предоставить для Вашего журнала автобиографические сведения.

Журнал Ваш своевременно получается, за что редакция «Книги и Революции» просит Вас принять свою благодарность.

С совершенным почтением

Константин Федин,
член редакционной коллегии.

2

1 июня 1922

Многоуважаемый Александр Семенович,

В прошлом письме, уведомляя Вас о высылке в Берлин № 5 (17) «Книги и Революции», я забыл отблагодарить Вас за присланный Вами через М.А. Дьяконова комплект «Русской Книги» (кроме № 1). С особой признательностью делаю это сейчас.

Препровождаю с этим письмом ряд заметок для отдела «Судьба и работа русских писателей...»⁴ Если Вы сообщите мне, кто из петербургских писателей интересуется редакцию «Новой Русской Книги», я готов содействовать Вам в получении автобиографий для отдела «Писатели о себе».

Прошу принять уверения в совершенном
уважении к Вам

Константин Федин.

3

30 июня 1922

В редакцию журнала *Новая Русская Книга*. Берлин.

Уважаемый Александр Семенович.

В № 6/18 «Книги и Революции», который на днях выйдет в свет и будет переслан Вам по почте, помещено объявление о Вашем журнале.

При сем прилагаем объявление журнала «Книга и Революция» и просим напечатать его в очередном номере «Новой Русской Книги».

Мною получено Ваше письмо от 20 июня. Я постараюсь исполнить Ваше поручение касательно автобиографий петербургских поэтов и писателей.

Что касается высылки Вам № 1—4 нашего журнала, то в данный момент я этого сделать не могу, однако в ближайшее время вышлю по почте.

Уважающий Вас Константин Федин,
член ред. кол.

4

Петербург, 16 июля 1922
Литейный просп. 33, кв. 13

Многоуважаемый Александр Семенович.

Шлю Вам автобиографию Инн<окентия> Оксенова⁵. Серапионовы братья помещают автобиографические заметки о себе в № 3 «Литературных Записок» и просят меня сообщить Вам, что Вы можете перепечатать эти заметки в «Нов<ой> Рус<ской> Книге». Предлагаемый оттиск — моя автобиография, предназначенная для «Литературных Записок». Располагайте ею⁶.

На днях вышлю Вам только что вышедший № 6 (18) «Книги и Рев<олюции>» и свою маленькую книжечку-рассказ «Сад» в изд<ании> «Петроград».

Иван Дм<итриевич> Галактионов ждет от Вас № 5 «Нов<ой> Рус<ской> Кн<иги>» со своей статьей⁷. Адрес его — Гос. Изд<атель>-ство, Петербург. Прошу Вас заметить себе мой новый адрес.

Уважающий Вас
Конст. Федин.

5

Петербург, 5.IX 1922
Литейный, 33, кв. 13

Многоуважаемый Александр Семенович,

Посылаю Вам только что вышедшую книжечку мою — «Сад»; за рекламную обложку ответственность несет издательство. На днях вышлю № 7 «Книги и Революции».

Иван Сергеевич⁸, с которым я провел здесь немало добрых часов, уехал на родину, в Смоленскую губернию. Получили ли Вы сумасбродные открытки, которые мы заполняли по немецкому образцу — за кружкой пива?

Ив<ан> Серг<еевич> старательно и долго искал в своих чемоданах Ваше письмо ко мне, наконец — махнул рукой и заявил, что в письме, в сущности, ничего замечательного, одни поклоны. Я, однако, страшно жалею, что оно не разыскалось. Он так и увез его с собой в деревню.

Ив<ан> Серг<еевич> передавал мне, что В.П. Крымов⁹ намеревается перевести мой «Сад» на английский¹⁰. Я посылаю В.П. книжку. Если намерение это не изменилось — жду перевода и проистекающих из сего акта гонорариев.

Преданный Вам

Константин Федин.

КОММЕНТАРИИ

¹ Михаил Александрович Дьяконов — племянник известного историка, профессора истории права Юрьевского университета, академика М.А. Дьяконова (1855—1919), петроградский литератор, переводчик (рецензии А. Ветлугина и П. Берлина на переведенные им книги напечатаны в *НРК*, 1922, № 4 и № 5). Был управляющим делами коллегии петроградского отделения Госиздата (ближайшим помощником И.И. Ионова); постоянно печатался в журнале *Книга и Революция*. В самом конце 1921 г. приехал в составе советской торговой делегации в Христианию (он состоял на службе в советской миссии до лета 1926 г., когда вернулся в Ленинград — см. об этом письмо А.М. Ремизова к Д.А. Шаховскому от 17 июня 1926 г., в кн.: Арх. Иоанн Шаховской. *Биография юности*. Париж, 1977, стр. 227) и переслал Яценко годовой комплект *Книги и Революции* за 1921 г. Справка о нем помещена в *НРК*, 1922, № 3, стр. 36. В сохранившихся в архиве Николаевского письмах к А.С. Яценко Дьяконов сообщил ряд сведений о петербургской издательской жизни. В них же он раскрыл свои псевдонимы в *Книге и Революции* — «Триэмия», «Пау Амма» и «Кёук» (они не учтены в *Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей* И.Ф. Масанова, М., 1956—1960) и обсуждал — несостоявшееся в конце концов — сотрудничество в *НРК* (под псевдонимом Е.Е. Щихлёв). Сын Дьяконова — известный советский востоковед-ассириолог.

² Ср. извещение в *НРК*, 1922, № 3, стр. 21.

³ В 7-м номере *НРК* помещена рецензия Б. Н<иколаевского> на пятый-седьмой номера *Книги и Революции* за 1922 г.

⁴ По всей видимости, справки о Груздеве, Замятине и «Серапионовых братьях» в 6-м номере *НРК* 1922 г.

⁵ Иннокентий Александрович Оксенов (1897—1942), поэт и литературный критик. Автобиография его помещена в 10-м номере *НРК* за 1922 г. (стр. 40—41). Пересылая ее в редакцию, Оксенов просил одновременно дать в журнале отзыв о его сти-

хотворном сборнике *Роца* (экземпляр был послан И. Эренбургу). В конце августа И.А. Оксенов послал в *НРК* другую свою статью — «Шпенглер и мы», по поводу которой писал А.С. Яценко: «Если положения этой статьи покажутся Вам “персональными”, если Вы со многим будете несогласны, — я очень прошу Вас оговорить это в примечании, но все-таки, по возможности, дать статье место в Вашем журнале. Высказанное мною в этой статье чрезвычайно дорого и мне очень хотелось бы, чтобы оно было услышано именно теми, кто сейчас оторван от России». Статья напечатана в *НРК* не была; сохранилась в архиве Б. Николаевского.

⁶ Константин Федин <«Писатели — о себе»>. *НРК*, 1922, № 7; ср.: *Литературные Записки*, 1922, № 3.

⁷ И. Галактионов. «Международная книжная выставка во Флоренции. (Впечатления)». *НРК*, 1922, № 5, стр. 20—22.

⁸ И.С. Соколов-Микитов.

⁹ Владимир Пименович Крымов (1878—1968), прозаик, до революции — сотрудник *Нового Времени*, издатель журнала *Столица и Усадьба*, после революции — в эмиграции. В 1921 г. несколько месяцев был редактором берлинской газеты *Голос России*.

¹⁰ Рассказ «Сад», удостоенный первой премии на конкурсе Дома литераторов в Петрограде (см. статью: В.А. Шошин. «Конкурс Дома литераторов», *Русская Литература*, 1967, № 3, стр. 214—219), впервые появился в *Литературном приложении к «Накануне»* (№ 8, 18 июня 1922), а затем вышел отдельным изданием в Петрограде. В рецензии на эту книжку Ф. Иванов назвал рассказ «нежной акварелью» (*НРК*, 1922, № 11—12, стр. 8); ср. отзыв А.М. Ремизова: «“Сад” Фекина — рассказ подгородный: нежности посолонной, а тема нынешняя» (А.М. Ремизов. «Крюк. Память петербургская», *НРК*, 1922, № 1, стр. 7).

А. БЕЛЫЙ

Берлинский период — один из самых плодотворных в биографии Андрея Белого; мемуаристы не раз отмечали с изумлением исключительную интенсивность его творческой жизни в эти годы (см. библиографию, опубликованную Жоржем Нива в *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. XV, no. 1—2, Janvier—Juin 1974, pp. 22—39). Вместе с Ремизовым, Яценко и др. А. Белый выступил в конце 1921 г. инициатором создания в Берлине Дома Искусств и Вольной Философской Ассоциации — по образцу существовавших организаций в Петрограде и Москве. В первом номере *НРК* за 1922 г. помещены три его заметки — автобиографическая, в разделе «Судьба и работы...» (стр. 38—40); сообщение о Вольной философской ассоциации в Петербурге (стр. 32—33) и статья «Культура в современной России» (стр. 2—6), прочитанная предварительно как доклад и вызвавшая оживленные отклики в прессе. Публикуемое письмо к Яценко относится, по всей видимости, к весне 1922 г. Кроме названных, Белый выступил в *НРК* со статьей «К юбилею Максима Горького» (№ 8, стр. 2—3). Летом 1922 г. вышел первый номер его журнала *Эпопея*; позднее он — с Ходасевичем — был привлечен Горьким к изданию *Беседы*. К сменовеховству А. Белый отнесся резко отрицательно и в *Накануне* участвовать отказался. В ноябре 1922 г. он писал Н.О. Щупак о том, что для него в Россию «путь отрезан» (см.: Boris Sapir. «An Unknown Correspondent of Andrey Bely (Andrey Bely in Berlin 1921—1923)», *The Slavonic and East European Review*, Vol. 49, No 116 (July 1971), p. 451).

Дорогой Александр Семенович,

Не сердитесь на меня: я серьезно нервно болен, — на почве многих неприятностей, о которых ведь не оповестишь в газетах. Уже давно, нервно больной, я работаю по 20 часов в день: пишу основные свои книги и сижу над грудой корректур. Между тем: со всех сторон на меня сыплются предложения, просьбы, требования; между тем: при помощи десятка писем выцарапываешь из России свои книги; между тем: у меня постоянные сердечные припадочки; между тем: я совсем

одинок и не умею себе пришить пуговицы; между тем: высунув язык, обегашь целый ряд мест только чтобы — *«не обиделись»*; между тем: нервный доктор сказал: *«Если вы не почувствуете хотя бы на 3 месяца себя свободным от всех обязательств, то вы умрете: нельзя жить в такой нравственной затормошенности»*. Милый Александр Семенович — предоставьте мне право, когда я буду здоровее, не так затормошен, когда кончу свою книгу о Блоке, без приглашения написать в *«Новую Русскую Книгу»*, где мне так хотелось бы сотрудничать, то, что обещал; если *«Новой Русской Книге»* тогда не понадобится статья, я ее напечатаю в другом месте. А сейчас, верьте мне: я болен, а — работаю все же целые дни; и если работать, то работать в основном русле; работать сразу в десяти направлениях (стихи, роман, воспоминания; статьи легкие, серьезные, полусерьезные и т. д.) это значит при моем состоянии нервов, как сказал доктор: *«Сойти с ума»*. Поэтому вы не рассердитесь на меня, что я спасая остатки здоровья работаю только над тем, что сам считаю нужным для себя; а всякие статьи по заказу — мне яд. Не сердитесь?

Осенью у меня будет Секретарь; и тогда я сумею исправно отвечать на письма. Простите за долгое молчание. Искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

Berlin W. 50

Herrn Prof. A. Jaščenko
(*«Neue Russische Buch»*)
Augsburgerstrasse 33

Abs.: B. Bugaeff. Zossen b. Berlin.
Stubenrauchstr. 68 bei Lai

С.А. СОКОЛОВ

Сергей Алексеевич Соколов (псевдоним — Кречетов; 1878—1936) — видный представитель символистского движения начала века, поэт, прозаик и журналист, владелец символистского издательства «Гриф» (1903—1913). Во время Первой мировой войны был на фронте, попал в немецкий плен (где находился вместе с прославившимся впоследствии маршалом М.Н. Тухачевским — см. воспоминания Р.Б. Гуля в *Новом Журнале*, 134, 1979, стр. 114). В 1919 г. работал в литературно-политическом пресс-бюро Добровольческой армии, вместе с А.М. Дроздовым и А. Ветлугиным сотрудничал в газете *Жизнь*, выходившей в Ростове-на-Дону (см. письмо А. Ветлугина, приведенное в книге Д. Аминадо *Поезд на третьем пути*, Нью-Йорк, 1954, стр. 278). В 1920 г. эвакуировался в Париж, а в 1922 г. переехал в Берлин, где руководил «русским национальным издательством» «Медный Всадник» (здесь, в частности, вышел одноименный альманах под его редакцией и сборник его стихов *Железный перстень*). Платформа этого издательства заключалась в «объединении русских писателей национального настроения, призвавших достижения мировой культуры, но рядом с этим не угасивших в себе пламень русского духа и верящих в его неистребимость и преемственное торжество в веках. Отрицая и осуждая кровавый коммунистический режим, поработивший нашу родину, Медный Всадник служит русскому делу, стремясь живым художественным словом укрепить в душах бодрый национальный дух и веру в конечную победу русской России». (Цитируем по тексту рекламного листа в альманахе *Белое дело. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светлейшим князем А.П. Ливеном*. I. Берлин, 1926). В начале 30-х годов С.А. Соколов приветствовал приход к власти нацистов, но, вследствие поступивших доносов о его принадлежности к масонам, был вынужден тайком бежать из Германии. (См.: И.В. Гессен. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979, стр. 243). Умер в Париже.

22 дек<абр> 1920

Paris — Neuilly
3 rue Parmentier
S. Sokoloff

Дорогой Александр Семенович,

Получил Ваше обращение от 7 декабря. Спасибо большое за память. Был рад узнать, что Вы существуете на свете.

Библиографию моих писаний за 1918—20 годы дать — увы! — весьма затрудняюсь.

Книг моих после очерков с фронта («С железом в руках, с крестом в сердце». С. Кречетов. СПб. «Прометей». 1916) за время войны не появлялось, ибо до лета 1918 я был в немецк<ом> плену. В августе 18-го я был прислан немцами, после Бреста, в Москву, откуда через месяц во образе солдата и с соотв<етствующими> документами удрал на Юг.

Там я с весны 19-го года по март 20-го служил в Доброармии, где был редактором Литературно-Политич<еского> Пресс-Бюро при Отделе Пропаганды и снабжал соответственными статьями моих многочисленных сотрудников все газеты Юга России, сочувственные идеям Доброармии.

Сам я *лично* за это время написал штук 40 статей за моей обычной подписью С. Кречетов, напечатанных во многих южнорусских газетах. Но когда и где, установить затрудняюсь.

В Ростове в декабре 19 года я выпустил журнал искусства и литературы «Орфей» (под редакцией моею и Евгения Лансере)¹, единственный журнал на территории Добрармии. (Вышел только 1 №, с репродукциями вещей Билибина, Лансере, Силина² и т. д.).

За пребывание в Париже (с весны этого года) написал несколько статей в «Общем Деле» и в Пражской газете «Русское Дело»³.

Напечатал в разное время несколько стихов в южнорусских газетах и в том же «Орфее».

Из работ, готовящихся к изданию, есть сборник стихов (который негде издавать!)⁴ и сборник статей по истории новой русской литературы, — нечто вроде последовательного курса. Это — те лекции, которые я читал в плену моим сотоварищам офицерам. Если это привести в порядок и подработать, выйдет стройная книга. Но опять-таки не знаю, где ее можно бы издать.

Что у Вас есть на сей счет в Берлине? У меня, напр<имер>, есть готовый альманах, который можно бы составить, частью из некоторого материала из I № «Орфея» (№ — погиб при падении Ростова),

частью из материала, приобретенного и оплаченного мною для 2 № «Орфея». Я его захватил с собой. Если у Вас есть подходящий издатель, черкните: я пришлю, подробный перечень.

В Париже я месяцев 6 служу секретарем Правления одного большого акционерного общества. Но т<ак> к<ак> оно связано было с делами Врангеля, то теперь оно клонится к ликвидации и в январе, думаю, я буду уже «свободен»⁵.

Здесь со мною моя жена, Л.Д. Рындина, с которой, наконец, судьба нас соединила⁶. Это смешно, но несмотря на свое огромное имя в России в качестве кинематографич<еской> премьерши, здесь она еще не устроилась. Французские фирмы ее не знают и дают дешево (а продешевить себя она не хочет!), а русские имеют свои вывезенные труппы. Сейчас она открыла «Киностудию» (школу киноактеров). По началу дело идет очень плохо.

Еще одно: не знаете ли Вы — говорят, в Берлине выгодно покупать русские имения⁷. У меня с братом, если Вы помните, есть Малаховка, подмосковное дачное имение более, чем в 300 десятин, которые при любом строе, кроме большевицкого, останется в частной собственности. Подумываем о продаже. Если слышно что насчет этого, черкните.

Жму руку. Жена шлет привет.

Ваш С. Кречетов.

Есть ли в Берлине приличные газеты, куда можно писать?

2

7 февраля 1921.

Дорогой Александр Семенович,

Получил № 1 «Русской книги» и Ваше письмо от 12 января еще давно. Посылаю кое-какие адреса из приложенного Вами списка, какие мне известны.

«Русскую Книгу» прочел с удовольствием. Труд Вы, действительно, выполнили большой.

Не могу только не упрекнуть Вас за одно.

Вы пишете в предисловии, что журнал беспартийный и потому он будет искать путей и для распространения в Советской России. Егго, туда он попадет.

С другой же стороны Вы помещаете, в перечне здравствующих литераторов, такие сведения из их биографии, которые, имея в виду распространение журнала в Совдепии, могут весьма облегчить красным расправу с их близкими, если, при удобном случае, не с ними самими.

Раз Вы имели в виду двигать журнал в Совдепию, сведения такого порядка не подобало бы помещать.

Скажем, вы печатаете⁸ о моей работе в Пресс-бюро Добровольч<еской> Армии. А ведь у меня в Совдепии родные. И не так давно всю печать обошел циркуляр Дзержинского о слежке за заграничными антибольшевиками и о заложничестве за них их родных в России⁹.

При наличности Вашего журнала, работа красных весьма упрощается. Раскрыл книгу: тут и адрес, тут и «формуляр».

В иных случаях получается еще хуже.

Вы, скажем, пишете о Юрии Слезкине, что по одним слухам, он расстрелян за работу в Деникинской пропаганде, а по другим благополучно работает где-то в Пролеткульте¹⁰.

Что с ним в действительности, Вы не знаете. Хорошо, если он помер. Мертвому — все равно.

А если он, кое-как замазав следы своей работы на Юге в Осваге, ухитрился уцелеть и кое-как приткнулся в Пролеткульте (как делает множество!)?

Большое он получит удовольствие, когда «Русская Книга» придет в Москву и его мигом притянут, куда следует, опираясь на сведения из журнала.

Нет, Александр Семенович, надо было трижды подумать, чем действовать таким образом, и я высказываю это с полной откровенностью, как человек знающий Вас не со вчерашнего дня, — не ради укора (что сделано, то сделано), а ради того, чтобы впредь, составляя Ваш словарь литераторов, Вы избегали помещать там такие сведения, которые в итоге могут кому-то стоить жизни.

Жму руку.

Преданный Вам

С. Кречетов.

Еще одно — *pro domo mea*. Мое литерат<урное> имя — Сергей *Кречетов*. Фамилия «Соколов» — моя частная жизнь. И уже во всяком случае меня надо было помещать под буквою «К». Литератору далеко не все равно, какое его лит<ературное> имя.

КОММЕНТАРИИ

¹ Интересные сведения об этом журнале привел в своих мемуарах советский художник, известный книжный иллюстратор Н.В. Кузьмин, находившийся в период Гражданской войны в рядах Красной армии:

«В январе 1920 года я вместе с 15-й Инзенской дивизией попал в Ростов. В витрине книжного магазина (с самого Луганска не встречалось на моем пути книжных магазинов) увидел я номер неведомого мне журнала “Орфей”, в рисунке обложки которого я узнал руку Е. Лансере.

Журнал выходил в Ростове под редакцией Сергея Кречетова при участии писателей и художников, волею судеб очутившихся в Ростове. Среди художников я нашел имена Билибина, Лансере, Сарьяна, Силина. Двое последних были местными старожилами. Я разыскал их и узнал, что Лансере и Билибина волна унесла дальше на юг <...>

В первом номере “Орфея” Билибин был представлен давним рисунком “Руслан и голова”. Вообще журнал, видимо, старался быть подальше от компрометирующей его политики.

Штаб нашей дивизии помещался в особняке местного богача Парамонова. В одной из комнат я нашел остатки редакции “Орфея”: корректурные листы для второго номера. Иван Яковлевич и тут отделался каким-то крымским пейзажиком. Евгений Евгеньевич дал некоторую аллегорию с намеком на современность.

К весне мы дошли до Новороссийска. С Деникиным было покончено. Я наводил и тут справки о наших художниках, но ничего узнать о них мне не удалось». — Н.В. Кузьмин. *Штрих и слово*. Л., 1967, стр. 131—132; Н.В. Кузьмин. «Воспоминания о школе ОПХ», в кн.: *Иван Яковлевич Билибин. Статьи, письма, воспоминания о художнике*. Л., 1979, стр. 176.

В воспоминаниях Е.Е. Лансере («Несколько слов о моей жизни на Кавказе», журнал *Творчество* (Москва), 1936, № 1, стр. 11—13) и в литературе о нем, в том числе в насыщенной архивными документами монографии О.И. Подобедовой (*Евгений Евгеньевич Лансере. 1875—1946*. М., 1961), участие в ростовском журнале *Орфей* никак не упоминается. В органе Наркомпроса *Художественное Слово*, кн. II, Москва, стр. 69, помещен короткий отзыв Г<армо>дия (В.Я. Брюсова) на первый номер *Орфея*, в котором подчеркнут резко-антисоветский характер беллетристических материалов ростовского журнала.

² Александр Дмитриевич Силин (1883 — ?) — художник-график. См. о нем: И. Березарк. *Память рассказывает. Воспоминания*. Л., 1972, стр. 91.

³ В 1920—1921 гг. Соколов печатался также в журнале *Русская Мысль* и в *Русском Сборнике*.

⁴ *Железный перстень*. Берлин, 1922.

⁵ Сотрудничество с П.Н. Врангелем было продолжено в издательстве «Медный Всадник».

⁶ Лидия Дмитриевна Рындина (1882—1964) — актриса, писательница, автор книги *Фаворитки рока*, Берлин, «Нева», 1923 (рецензия В. Л<урье> на эту книгу помещена в *НРК*, 1923, № 3—4, стр. 22) и ценных мемуаров о символистской эпохе («Ушедшее», *Мосты*, 8, 1961, стр. 295—312).

⁷ Ср. в воспоминаниях И.А. Бунина «Третий Толстой» — И.А. Бунин. *Собрание сочинений в девяти томах*. М., 1967, т. 9, стр. 441.

⁸ С.А. Соколов откликается здесь на справку о нем, помещенную в разделе «Судьба и работы...» в первом номере *РК*, стр. 31 и резюмирующую его вышеприведенное письмо к А.С. Яценко от 22 декабря 1920 г. Других библиографических справок о нем в *РК* и *НРК* больше не появлялось.

⁹ См.: *Известия ЦИК* от 30 ноября 1920 г. Ср. письмо П.А. Кропоткина к В.И. Ленину, опубл. в кн. *На чужой Стороне. Историко-литературные сборники*. III. Берлин—Прага, 1923, стр. 126—127.

¹⁰ *РК*, № 1, стр. 30.

Ср. в одном из печатных отзывов на выход первых номеров *НРК* и на раздел «Судьба и работы...» в нем:

«В этом списке мы нашли немало имен близких и известных нам публицистических и журнальных деятелей, о которых значит: в таком-то году — 1918, 1919 или 1920 — работал в таком-то издании (называется орган, борющийся с большевиками), ныне остался в городе (следует пункт подсоветской России), служит там-то или живет так-то. Спрашивается, — кому могут быть нужны эти справки, именно в комбинации с указанием на то, что данный журналист работал в антибольшевистском издании?

Кому?

Ему самому, — находящемуся сейчас на положении подсоветского раба?

Его родным и близким, которые могут быть взяты заложниками?

Или какому-либо учреждению, вроде “Оскомчист” (“особая комиссия по чистке сов. учреждений”), для вылавливания контрреволюционеров, “притаившихся” и т. д.? <...>

Мы думаем <...>, что если со стороны г. Ященко составление таких списков — лишь плод безграничного недомыслия, то, по крайней мере, в будущем он согласится внести в свой справочник соответствующий корректив, прекратив печатание в нем сведений, касающихся деятельности писателей, протекавшей при антибольшевистских правительствах». См.: *Журналист-Эмигрант. «Странный справочник»*. *Свобода. Газета политическая, литературная и общественная* (Варшава), № 46 (185), 27 февраля 1921, стр. 2.

Н.И. ПЕТРОВСКАЯ

Нина Ивановна Петровская (1884—1928) — писательница и переводчица, в начале века одна из центральных фигур московского символистского быта, участница кружка «аргонавтов», «Русская Кармен», жена С.А. Соколова-Кречетова, героиня *Огненного ангела* Брюсова. С 1911 г. — в эмиграции, где жила в глубокой нищете. В 1921 г. переехала из Рима в Берлин, сотрудничала в газете *Накануне* и в *Литературном приложении* к ней. О Н.И. Петровской см. мемуары В.Ф. Ходасевича (в кн. *Некрополь*, Брюссель, 1937), Ю. Офросимова («Джеттатура», в газ. *Новое Русское Слово*, 17 января 1954), Р. Гуля (*Новый Журнал*, 137, 1979, стр. 79—85). См. также ценные работы С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова «Биографические источники романа Брюсова *Огненный ангел*». *Wiener slawistischer Almanach*, В. 1—2 (1978), и М. Петровского «Что открывает *Золотой ключик*? (Сказка в контексте литературных отношений)», *Вопросы Литературы*, 1979, № 4.

Воспоминания Н.И. Петровской о Брюсове, в свое время рекомендованные М. Горьким в журнал *Русский Современник* (см. его письмо к А.Н. Тихонову от 9 августа 1925 года, *Горьковские Чтения. 1953—1957*, М., 1959, стр. 51), недавно опубликованы в брюсовском томе *Литературного Наследства*.

Рим 12 июля 921

Многоуважаемый Александр Семенович,

Не ставьте мне в счет моего многомесячного молчания на Ваше любезное письмо. Условия моей жизни все эти годы были исключительно трудны; и мне почти никогда уже больше не приходилось даже в малом делать то, что бы хотелось. Писать данные о себе¹, когда все личное как-то горестно расплылось, разбилось в куски, когда литературные самые желанные работы откладывались почти на годы под давлением более чем суровых угроз жизни, — поймите, как это трудно. Вот в общих чертах и малых словах объяснение моего молчания. Только теперь, почти уже пробившись через колючую изгородь, я

возвращаюсь к литературе вообще: к газетной работе, переводам и заканчиваю давно, давно начатую длинную повесть «Разбитое зеркало». Так должен был называться сборник моих рассказов, назначенный к выходу в год войны. Но я больше не попала в Москву. Они (20 рассказов) остались там. Уцелела здесь и на бумаге и в душе только повесть, о которой говорю.

Сейчас мне неотвратимо и неизбежно нужна работа. Здесь ее иметь почти невозможно. У меня сохранились некоторые связи с парижскими друзьями, но, верно, им самим трудно, и пока ничто не подвинулось дальше обещаний. Я решаюсь в память наших бывших добрых отношений обратиться к Вам. Не могли ли бы Вы достать для меня какие-либо переводы (итальянским языком я владею в совершенстве) и, быть может, хотя небольшую газетную работу.

И еще я прошу Вашего совета в следующем: год назад Кл. Вейде-мюллер² мне настойчиво советовал обратиться в Берлинский (не помню точно название) комитет или кассу взаимопомощи, обладающий некими фондами помощи литераторам и ученым, ссылаясь на то, что Троповский³ получил уже оттуда довольно крупную сумму. Понятно, что всякая сумма, посланная из Германии, здесь уменьшится почти в четыре раза, но с другой стороны сейчас, летом, когда мои заработки иного рода свелись к нулю, — всякая сумма мне будет поддержкой.

Здесь я прошу Вашего совета: куда обращаться и находите ли Вы, что стоит это сделать? Жду Вашего любезного ответа.

С приветом жму Вашу руку

Истинно уважающая Вас

Нина Петровская.

Адрес мой Nina Sokoloff
Via Cassidoro I, int. 8
Roma (33)

КОММЕНТАРИИ

¹ Ср. (единственную) справку о Н.И. Петровской в *ПК* (№ 2, стр. 28).

² Карл Людвигович Вейдемюллер — публицист, до революции редактор еженедельного критико-библиографического журнала *Новая Книга* (выпускавшегося книжным магазином С.А. Скирмунта), сотрудник журнала *Современный Мир*. После революции жил в Риме. Ср. справку о нем в *НПК*, № 3, стр. 35. См. также: Е.А. Ананьин. *Из воспоминаний революционера. 1905—1923 гг.* Нью-Йорк, 1961, стр. 32.

³ Александр Николаевич Троповский — журналист, сотрудник петербургской газеты *Биржевые Ведомости*, в 20-х годах жил в Берлине.

А. П. ВОРОТНИКОВ

Антоний Павлович Воротников (1856—1938) — беллетрист, переводчик, драматург и театральный деятель, в начале 900-х годов примкнувший к символистским кругам. Выпустил в 1922 г. в берлинском издательстве О. Дьяковой *Повести южных берегов*.

1

15 марта 1921
Рим.

Из моих прежних книг, изданных в России, назову:

1) В старых стенах. Повести южных берегов (рассказы) СПб. 1899, 2) «Анна Ярославна Королева Франции» (драма) М. 1901 и 1902 г. (2е издание), 3) «Призывы» (драма) М. 1910, 4) «Шестое победное» (драма) СПб. 1915 г. и др. вещи, напечатанные в журналах; статьи, путевые очерки и т. д. Меня зовут Антоний Павлович.

2

<22.3.21>

Милостивый Государь,

Мне сообщила содержание Вашего письма к ней Нина Ивановна Петровская, моя старая знакомая по Москве, где мы с ней встречались в литературных кругах; я в то время был сотрудником «Золотого Руна» и др. изданий. Так как я, в числе многих и многих представителей русской пишущей братии, брожу по Европе, то и решил сообщить Вам сведения о себе по пунктам, перечисленным в Вашем письме:

1) В период 1918—1920 гг., находясь в Ялте и Константинополе, не имел возможности издать что-либо из написанного мною.

2) В Ялте я был сотрудником газет «Ялтинский Курьер» и «Ялтинский Вечер», — писал об общественных настроениях, о театре, об искусстве и т. д.

3) Перед моим отъездом из Константинополя, в Декабре 1920 г., я дал образовавшемуся там издательству альманахов «Гамаюн» мою большую повесть «Болотные цветы под солнцем» и исторический рассказ «Султан — пленник Папы» (история Джема, сына Магомета II и почетного пленника папы Александра VI Борджиа). Не знаю напечатано ли¹.

4) У меня имеется в законченном виде 1-я часть романа «Лавровые Венки», составляющая отдельное произведение; эпоха перед войной 1914 г., среда — люди литературы и искусства; действие — в Европе и в России.

5) Работаю над 2-й частью этого романа (период с начала войны до последних дней); а также обрабатываю драму «От смерти к жизни» (из эпохи эпического «Ледяного похода»)².

Живу в Риме второй месяц, но не знаю, надолго ли я здесь; хотя чрезвычайно люблю Италию, которую давно знаю, но надо думать и о хлебе насущном, т.е. о заработке, а здесь он трудно достается. Адрес мой, пока Biblioteca Russa, Via della Colonneta, 27, Roma, Italia.

Позвольте пожелать Вам всего доброго.

Готовый к услугам

А. Воротников.

КОММЕНТАРИИ

¹ А. Воротников. «Пленный Султан». *Альманах Медный Всадник*. Кн. 1, Берлин, «Медный Всадник», б. г., стр. 276—298.

² Эти сведения включены в справку о А.П. Воротникове в *РК*, № 4, стр. 15.

Ю.К. БАЛТРУШАЙТИС

Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873—1944) — выдающийся литовский поэт, один из представителей русской символистской поэзии, деятельный сотрудник журнала *Весы* и издательства «Скорпион». В 1918—1920 годах работал в Москве в Наркомпросе, в конце 1920 года был назначен литовским посланником в Советской России (см.: *ПК*, № 1, стр. 17) — этот пост он занимал до 1939 года. Умер в эмиграции. В 1967 и 1969 годах в вильнюсском издательстве «Vaga» вышли сборники его литовских и русских стихотворений. См. о нем недавно вышедшую статью: Rimvydas Šilbajoris «Some Special Features of Baltrušaitis' Lithuanian Poetry». *Journal of Baltic Studies*. Vol. IX/2, Summer 1978, pp. 147—154, а также монографию: Viktorija Daujotytė. *Jurgis Baltrušaitis*. Vilnius, 1974.

8. IX.1920
Laisvės aleja
Hot. Metropol

Милейший Александр Семенович!

Только что получил Ваше письмо и, пользуясь оказией в Берлин, могу немедленно ответить Вам несколько слов. Г.И. Чулков жил все время в Москве. Мы 1½ и года работали с ним в Театральном Отделе Нар. Ком. Просв. С середины прошлой зимы он <стал> сильно и подолгу прихварывать. Я видел его в июне месяце, он был очень истощен и слаб и ждал очереди в санаторий где-то близ Москвы. Думаю, что теперь он там и поправился. Письмо ему и Вашей сестре присылайте немедленно, так как возможно, что дней через 10—11 я поплетусь обратно в Москву. Получить ответы на Ваши письма возможно будет через будущую литовскую миссию или иными путями.

Напишите мне больше о себе. Вышлите №№ вашей газеты. Я собирався в Берлин, но вряд ли попаду. У меня к Вам просьбы о мелочах.

1. Дайте мне сведения о новейшей немецкой драматич<еской> литературе;

2. не могли бы ли Вы приобрести для меня *хорошие* дамские черные высокие ботинки № 39. Сообщите, сколько это стоит, и я (через посольство) переведу деньги.

Ну, крепко жму руку.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

P.S. Еще мне нужны 3 галстуха (черных) бантиком (готовых) на пряжках, таких что носили в Москве при сюртуках.

Простите, что удручаю мелочами.

А каковы времена? А?

Г.И. ЧУЛКОВ

Поэт, прозаик, критик, теоретик «мистического анархизма» и редактор альманаха *Факелы* (1906—1908), Георгий Иванович Чулков (1879—1939) принадлежал к друзьям А.С. Ященко со студенческих лет. Он учился в Московском университете, но диплома не получил — как один из лидеров студенческого движения, он был арестован (вместе с И. Церетели) в конце 1901 года и сослан в Якутию. В 1904 году в Нижнем Новгороде (где Чулков жил под гласным надзором полиции) вышла первая его книга, в том же году он переселился в Петербург, вошел в редакцию журнала *Новый Путь*, сблизился с В.И. Ивановым и Александром Блоком. С 1912 года Чулков поселился в Москве. Одно из писем Г.И. Чулкова к А.С. Ященко (1917) сохранилось в архиве Н.М. Тарабукина в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина (см.: *Записки отдела рукописей*, т. 37, М., 1976, стр. 172). Обсуждаемые в печатаемых ниже письмах к Ященко планы поездки в Германию в 1922 году не были осуществлены.

См. его автобиографию в кн.: *Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков*. Под ред. Вл. Лидина. М., 1926, стр. 333—338; Г. Чулков. *Годы страстей. Из книги воспоминаний*. М., 1930.

1

Дорогой Сандро! Приходится мне начинать письмо с печальной вести: вот уже семь месяцев, как мы с Надеждою Григорьевною¹ думаем день и ночь все об одном: 21 сент<ября> (8 по ст<арому> ст<иллю>) скончался Володя². Это, друг, боль неутолимая. 1920-й год был годом испытаний для нас: сначала я был тяжело болен, потом был сыпной тиф у Над<ежды> Григ<орьевны>, потом болезнь и кончина Володи. У меня все эти три года каждую весну обострялся мой туберкулез. Так и в этом году. Я не очень хочу сейчас жить, но если надо жить, то лучше жить не калекой, а потому приходится лечиться. Спасение в одном — в Швейцарии. Туда я хочу направиться на два-

три месяца. В Россию я непременно вернусь, если буду жив, ибо эмигрировать не намерен, да и Над<ежда> Григ<орьевна> не желает покидать России. Денег у меня, при переводе оных на марки и франки, окажется немного, и для того, чтобы просуществовать в Европе три месяца, надо продать что-нибудь из моих сочинений за границей. Будь таким добрым, постарайся как можно скорее переговорить с берлинскими русскими издательствами относительно меня. У меня из моих книг остались свободными (я их берег для Европы) три книги (для 3-го издания каждая) — романы «Сережа Нестроев», «Метель» и «Сатана»³. Кроме того я могу предложить одну новую книгу — «Тютчев». Я продал Гржебину маленькую книжку о Тютчеве (5 печ. лист.)⁴, а теперь я подготовил к печати большую основательную работу о Тютчеве — около 18 печ. лист. (по 40000 букв). В эту книгу войдет характеристика личности поэта, его обстоятельная биография, разбор его поэтического творчества и — главное — *критическое изложение его философии истории* (использована его обширная переписка). Книга снабжена весьма подробною биографическою канвою (хронологическою). Если ты можешь, извести меня о результате твоих переговоров с издателями, т. е. согласны ли они приобрести мои книги и на каких условиях, а также, могу ли я получить аванс при проезде через Берлин. Если в Берлине дело не выйдет, я вынужден буду проехать в Париж, где у меня наверное купят кое-что. Но я не хочу Парижа. Надеюсь через месяц увидеть тебя и обнять. Я не получил от тебя ни одного письма. Через Балтрушайтиса нельзя ничего посылать: он слишком рассеян⁵. Имей это в виду. Нам есть о чем с тобою поговорить. Я прочту тебе мою поэму о Петре Великом («Мария Гамильтон»)⁶. Это, кажется, самое значительное, что мне удалось написать за всю мою жизнь.

Где Матильда?⁷ И что с нею? Мы — спасибо ей, — получили от нее шоколад. Это Балтрушайтис передал, но письма не передал никакого. Пошли мне письмо через Ригу, через Латышский Союз Писателей, через Вильяма Андреевича Смарен-Завинского⁸. Он — надеюсь — найдет способ переслать мне письмо. О политике, пожалуйста, — ничего не пиши, и проси в письме В.А. Смарен-Завинского передать мне письмо через Латышское Консульство *возможно скорее*. Целую тебя.

Твой Георгий Чулков.

23 апреля 1921⁹.

5 июля 1921

Дорогой Сандро! Я не получаю от тебя никаких вестей. Знаю только, что ты редактируешь «Русскую Книгу» — издание аполитичное, беспартийное и нейтральное. Сие мудро. Я тоже вне политики. По болезни я никогда не служу теперь и занят только литературою.

Но как ты живешь? Как ты по существу живешь? Милый мой! Надеюсь, что у тебя все благополучно. Про себя не могу того же сказать. У нас великое горе — девять месяцев тому назад я потерял Володю. Мальчик наш покинул нас. Мы теперь с Надеждой Григорьевною — бывшие люди. Но жить все-таки надо. А я медленно умираю, и врачи советуют ехать в Швейцарию. Иначе я буду неработоспособен. Есть надежда, что мне разрешат на полгода уехать для лечения за границу. Боюсь зимы здесь, в Москве. Буду, конечно, проездом в Берлине и надеюсь тебя обнять.

Поеду, вероятно, осенью. Жду от тебя пока письмо. Надо пользоваться обычною почтою. Я опускаю это письмо незапечатанное в почтовый ящик, и полагаю, что оно дойдет беспрепятственно.

Напиши мне, пожалуйста, можно ли рассчитывать в Берлине на издание книг — новых и на переиздание старых. Если я в Берлине получу за книги некоторую сумму денег, это даст мне возможность полечиться в Швейцарии месяца три, что для меня насущно необходимо. Какие книги я приготовил? 1) Книга рассказов¹⁰; 2) Книга стихов¹¹; 3) поэма «Мария Гамильтон» (из эпохи Петра Великого); 4) «Арион» — книга статей по литературе и по философии истории¹²; 5) маленькая книжка о Тютчеве (в издательстве Гржебина); 6) большая книга о Тютчеве, посвящена главным образом его обширной переписке, до сих пор не комментированной. Книги снабжены обстоятельно хронологическою канвою и примечаниями; 7) Книга моих драм и комедий. — Кроме того я редактирую собрание сочинений Ф.И.Тютчева¹³. Переиздать я намерен три моих романа — «Сатана», «Сережа Нестроев» и «Метель». Шесть томов моих сочинений, изданных прежде «Шиповником» (здесь не перечисленных), продано мною в «Задругу», но эти томы вот уже три года лежат без движения. Часть книг я продаю Гржебину. Остальное продам в Берлине. В этом ты должен мне помочь.

Где Матильда Августовна? Передай ей мой и Надежды Григорьевны привет и спасибо за шоколад, который мы роздали де-

ням: Володи уже не было в это время с нами. Мы получили только шоколад: ни писем, ни твоего журнала я не получал. Я живу все там же — Смоленский бульв., д. 8, кв. 2 — живу я очень уединенно. У меня за это время, кроме обычного моего туберкулеза, дважды было воспаление легких. Был такой час, когда, казалось, с землею надо будет проститься навсегда. Но темного отчаяния ни у меня, ни у Надежды Григорьевны вовсе нет. Желая тебе всего доброго. Обнимаю тебя, дорогой. Жду письма.

Твой Георгий Чулков.

3

Дорогой Александр Семенович,

я хочу сделать пробу — послать Вам письмо и узнать, дойдет ли оно до Вас. Вашу записку Георгий Ив<анович> получил, но книг не получил.

Напишите мне о себе побольше.

Н. Чулкова.

4/11/1922

Москва, Смоленский, д. 8

4

12 апреля 1922

Милый Сандро! Я получил первый и второй номер «Новой Русской Книжки». Во втором номере есть неточности относительно меня. Прошу тебя исправить их в ближайшем номере. Я никогда не «торговал» в книжной лавке «Задруги» и вообще ни в какой лавке¹⁴. Все четыре года я живу исключительно литературным заработком. Даже в те годы, когда не было частных изданий, меня по старой памяти поддерживали издатели (и «Задруги» в том числе) авансом — в надежде, что когда-нибудь можно будет печатать мои книги. В статье Геккера сказано, что я «осудил произвол мощного тирана», т.е. Петра Великого. Я, слава Богу, не терял головы и так «упрощенно» к Петру Великому не относился и не отношусь¹⁵. И сущность поэмы совсем в ином.

Над Тютчевым я действительно работаю усердно. Могу тебе дать справку по этому поводу.

Я готовлю книгу о Тютчеве по неизданным материалам Мурановского архива, а также архивов Н.И. Тютчева, Я.П. Полонского, Аполлона Майкова, Л.А. Георгиевского и др. Нашелся огромный материал — около пятисот неизданных писем и прочих документов. Впервые можно будет установить канонические тексты стихов Тютчева (я нашел 179 стихотворений в автографах). Кроме того теперь можно будет опубликовать тридцать новых песен¹⁶.

Кроме однотомного Тютчева («Избранные сочинения»), который издает Гржебин, я подготавливаю к печати издание академического типа. Текст с примечаниями займет *три* тома и письма тома четыре. Всего семь томов¹⁷. С моим предисловием выходит на днях «Тютчевiana»¹⁸. В ближайших номерах журнала «Былое», «Искусство», «Шиповник», «Литературное Былое», «Феникс» и в других изданиях печатаются мои статьи: «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»¹⁹, «Любовь в жизни и лирике Тютчева», «Судьба рукописей Тютчева»²⁰, «Отроческие стихи Тютчева»²¹, «Тютчев и Гете»²², «Тютчев и Гейне»²³, «Перевод Тютчева из Беранже», «Неизданная поэма Тютчева»²⁴.

Кроме «Марьи Гамильтон» я написал за эти годы только одну значительную вещь — повесть (небольшую) — «Грешница». Действие происходит в IV веке, сначала в Риме, потом в Александрии, а затем в пустыне.

Вышли в свет три мои большие книжки — «Стихотворения», «Наши спутники» (литературные очерки) и книга рассказов «Посрамленные бесы».

Обо всем этом можно сообщить в «Новой Русской Книге», за исключением, конечно, моей маленькой полемики с Геккером, которому передай мой привет, хотя он и масон. Кстати сказать, его сообщение о том, что на кого-то, мол, моя поэма «произвела глубокое впечатление», не совсем скромно и может подать повод к неверным умозаключениям о моих отношениях к этим «слушателям»²⁵. Поправить эту нескромность нельзя. Печатать разъяснения, конечно, не имеет смысла, но тебе я впредь не советую ставить своих приятелей в ложное положение.

Обнимаю тебя, нежно, милый. Постараюсь на днях прислать какую-нибудь статью для твоей «Книги».

Любящий тебя Георгий Чулков.

P.S. «Марья Гамильтон» была напечатана в альманахе «Пересвет», потом вошла в мой сборник «Стихотворений», который рас-

продан и теперь выйдет отдельно, вероятно, с рисунками В.П. Белкина.

Великим постом (в начале) я был в Петербурге: твои книги целы; в квартире Белкин.

5

Милый Сандро!

Я посылаю тебе с Борисом Константиновичем²⁶ две мои пьесы и книги. Пьесы прошу тебя выслать по адресу: Herr Umansky, Wien II, Praterstrasse 78/8. Дмитр<ий> Александр<ович> Уманский²⁷ должен выслать тебе гонорар для меня. Оставь его пока у себя. Я, быть может, буду осенью в Берлине. Тогда возьму. Относительно книг — напишу потом. «Сережу Нестроева» ты можешь передать Серг<ею> Осиповичу²⁸, если он у тебя ее потребует.

Твое поручение я исполнил и деньги выслал, но курс был в то время неблагоприятный. Я с трудом получил за 1000 марок 13 000 000 руб.

Обнимаю тебя. Твой Георгий.

Жду от тебя ответа на мое письмо по поводу сборника²⁹. Борис Константинович даст тебе дополнительные объяснения.

10 июня 1922

Сейчас получил твое письмо (сегодня 14 июня) от 29/V. Ару³⁰, тобою посланную, я не брал: 1/4 ары — не аванс (извозчик дороже стоит). Посылать в Кубанскую область³¹ ару невозможно технически.

Целую тебя, родной.

6

12 августа 1922

Милый Сандро!

Я что-то давно не получал от тебя писем, а между тем на последнее письмо ты, казалось бы, должен был мне ответить. Особенно относительно Мстислава Алекс<андрови>ча Цявловского. Он незаменим для твоей библиотеки героев³². Он уже подготавливал однажды подобный план. Ему очень легко представить тебе разработанную программу подобного издания. Напиши ему непременно. Его адрес:

Москва, Плющиха, Новоконюшенный пер., д. 12, кв. 13. Он собирает вокруг себя всех подходящих и выдающихся литераторов и ученых. А по некоторым отделам я помогу ему. Мы сговорились на этот счет.

Что касается сборника, то ты ведь непосредственно списался с авторами — ну, и отлично. Аскольдов и Карсавин в письмах изложили мне проекты своих статей, а я их известил, что я собственно не редактор и рекомендовал им направить статьи непосредственно к тебе. На днях у меня был Павел Флоренский, который также, наверное, даст статью, но он просит, чтобы было предисловие, гарантирующее независимость каждого автора от соседей, чтобы не было недоразумений. Каждый отвечает только за себя, но, разумеется, должен быть программный *minimum* и не должны быть неизвестные нам сотрудники. Особенно мы боимся эмигрантов. Бог с ними. Они довольно уж напугали³³.

Павел Флоренский напишет проект предисловия. Необходимо пригласить Мансурова. Он близкий человек, по взглядам, Флоренскому и будет драгоценным сотрудником. С Мансуровым я уже сговорился. Он пишет. Пошли распоряжение поскорее об аре для Сергея Павловича Мансурова. Он нуждается и ему ара пригодится. Человек он больших знаний и высокой духовной чистоты³⁴. Вот Бердяев только медлит. Кое-кто и совсем не может написать по причинам достаточно уважительным. Но все-таки сборник, кажется, выйдет солидным.

Я сижу в Москве, ибо не могу оторваться от книгохранилищ и рукописей. Работаю, как вол, день и ночь: все готовлю трехтомного Тютчева. Осенью надеюсь быть в Берлине, в октябре, вероятно, а может быть и в начале ноября.

За все лето только на днях вырвался в деревню и провел три дня на воздухе, даже спал на открытой террасе, и вот не кашлял, а вернулся в город и опять душит меня по утрам эта вражья сила.

Обстоятельства так сложились, что мне приходится теперь заботиться и морально, и материально о многих³⁵. Зарабатываю немало, но все не хватает. Если бы не это, мне легче было бы уехать для отдыха за границу. Там-то я проживу. У меня найдутся издатели, полагаю. Но вот слишком много надо оставить здесь денег, чтобы обеспечить на время моего отсутствия всех беспомощных людей. Это пахнет не одним миллиардом. Обнимаю тебя, дорогой. Пиши. Я сегодня получил письмо, из которого узнал, что у тебя счастливый роман. Это дело хорошее. Поздравляю.

Любящий тебя Георгий Чулков.

2 сентября 1922

Милый Сандро!

Я писал Гржебину, Зиновию Исаевичу, чтобы он приготовил для меня визу в Берлин, но я не уверен, что он об этом позаботился. Очень прошу тебя: справься у Гржебина, принял ли он меры для того, чтобы я и Надежда Григорьевна получили визы. Это очень важно и экстренно. Будь другом, воздействуй на Гржебина. А если он не может или не хочет, то *сам* устрой это непременно*. Будь другом, памятуя о давних наших с тобою отношениях. Я уезжаю из России *на три месяца*. Я должен лечиться непременно. Не откладывай этого дела. С нетерпением жду ответа. Скажи Гржебину, чтобы он заплатил за визу. Он мне еще должен за мои работы. Я везу ему книги. А если он невнимательно отнесется к делу, то не бойся за меня заплатить за визу, если понадобится, я по приезде расплачусь незамедлительно. Спасибо за карточку. Прочти твоей спутнице мою немецкую приписку. Целую тебя. Надежда Григорьевна шлет тебе привет.

Твой Георгий.

Entzuckende Gefährtin meines Freundes!

Ich habe nicht die Ehre und das Vergnügen Sie zu kennen, doch ich hoffe, das Sie es mir nicht übelnehmen werden, wenn ich Sie herzlich bewillkommene, Ich freute mich sehr Ihre Ansichtspostkarte mit Ihrem reizenden Bildnis erhalten zu haben. Sie bilden mit meinem Freunde ein so harmonisches Paar!

Mit bestem Gruss der Freund Ihres Freundes

Georg Tchulkoff.

* Я буду тебе признателен всячески.

2 октября 1923

Милый Сандро!

Не гневайся на меня. Я не мог тебе ответить своевременно, ибо сначала был в Крыму, потом в деревне, был болен, — но при первой

возможности отправился в Совет Судей, где нет ни Пашуканиса, ни твоего дела. Я пошел в Комиссариат Иностр<анных> Дел — и там нет ни твоего заявления, ни Пашуканиса. И где теперь служит Пашуканис я не знаю³⁶.

Ты слишком лаконично мне написал. На основании твоих кратких и неясных слов нельзя отыскать следы твоего дела.

Туберкулез мой развивается. Завтра я опять уезжаю в Крым до декабря.

Очень рад, что ты счастлив с твоею новою женою. Над<ежда> Григ<орьевна> шлет привет.

Обнимаю тебя милый

Твой Георгий.

Если будешь в Москве, смотри, заезжай на Смоленский бульв. д. 8. Надежда Григорьевна в Крым не поехала. Она — в Москве.

9

Милый Сандро!

Я медлил с ответом по причине целого ряда не зависящих от меня обстоятельств: сначала меня не было в Москве, потом жизнь вообще вышла из колеи благодаря смерти В.И. Ленина, потом я заболел и сейчас опять чувствую себя худо. В дни, когда лучше дышал, ходил я в «Наркоминдел», где узнал, что твое дело направлено в Нарсуд 29 октября 1923 года за № 14600, но тогда еще ответа не было. Он должен быть получен в «Наркоминделе» и ты будешь извещен.

В Нарсуде у меня нет никаких знакомых. Я наведу все-таки справки, когда буду выходить из дому. Лучше всего ты сам поторопи свое дело — пошли письмо в Народный Суд (Москва, Берсеневская набережная). Обнимаю тебя. Буду очень счастлив увидеть тебя в Москве.

Привет твоей супруге. Надежда Григорьевна кланяется.

Я устаю жить: трудно.

Любящий тебя Георгий Чулков.

14 февраля 1924

Милый Сандро!

То, что ты решил задержаться еще на некоторое время в Берлине, меня, конечно, огорчает: было бы приятно встретиться с тобою, но твои соображения имеют свои серьезные основания.

Что касается работы в наших московских издательствах, то это не так просто: я, напр<имер>, перестал считать себя профессиональным литератором, т<ак> к<ак> за последний год не издал ни одной книги и не напечатал ни единой строчки. А у меня приготовлено к печати 120 печатн<ых> листов — это кое-что, не правда ли?

Частные издательства хиреют. Надо работать в Госиздате. Предложи что-либо Ник<олаю> Ив<ановичу> Иорданскому³⁷. Он теперь заместителем главного редактора в Госиздате. Его адрес: Москва, 1-й Ильинский пер., д. 9, кв. 6.

Меня печалит, что ты «скучаешь» и «чувствуешь себя одиноким». А я вот при всех моих скорбях нисколько не унываю. Хорошо сказал один мудрый человек: «На свете есть кое-что получше счастья». Не сетуй на лаконичность моих писем. Иначе не могу. Вот когда вернешься в Россию, наговоримся досыта, а пока помолчим. Это тоже не худо, если верить Тютчеву³⁸.

Завтра Вяч. Иванов уезжает в Италию. С ним я сблизился чрезвычайно за эти последние недели. Его отсутствие будет большим ущербом для нашего дома на Смоленском бульваре.

Привет твоей жене, которую я не имею удовольствия знать, но к которой заранее питаю симпатию, как к твоей подруге.

Надежда Григорьевна, вероятно, шлет также свой привет, — говорю «вероятно», ибо сейчас ее нет: она уехала на месяц в Оптину Пустынь, где дорогие могилы.

Я не уеду за границу. Не хоч.

Жму твою руку.

25 августа 1924

Любящий тебя Георгий Чулков.

В сентябре я буду, вероятно, в Крыму. До октября мой адрес: Крым, Кореиз Ялтинского уезда, Гаспра.

28 сентября 1925

Милый Сандро!

Спасибо за письмо. Будь уверен, что и я не забыл тебя, но не пишу к тебе по причинам совсем иным. В письме, знаешь, трудно рассказать живую жизнь.

Что касается твоего возвращения в Советскую Россию, то я, конечно, был бы очень рад тебя здесь увидеть. И это — я думаю — вполне возможно. Вопрос о заработке, правда, очень сложен, а в Москве еще он усложняется квартирным кризисом, но ты умеешь преодолевать жизненные невзгоды. Вероятно, твои знания пригодились бы нашему Комиссариату Иностранных Дел.

Я живу отшельником. Постарел, кашляю, голова у меня белая... Но я все еще пишу стихи и печатаю книги о стихах — занятие почти предосудительное в моем возрасте. Занимаюсь отчасти историей³⁹. Я к ней не утратил вкуса и, кажется, начинаю догадываться о смысле тех иероглифов, которые начертала Клио на своих свитках.

Привет твоей жене. Авось, мы с нею познакомимся. Научил ли ты ее русскому языку? Надежда Григорьевна шлет тебе поклон.

Любящий тебя

Георгий Чулков.

КОММЕНТАРИИ

¹ Н.Г. Чулкова (урожденная Степанова, 1874—1961) — жена Г.И. Чулкова, переводчица. Ее ценные мемуары, написанные в 1949—1953 гг., хранятся в рукописном отделе Российской гос. библиотеки. См.: *Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей*. Редакция и предисловие С.В. Житомирской. М., 1976, стр. 403—404.

² Ср. в письме В. Зайцевой к В.Н. Буниной от 15 (28) июля 1922 г.: «Чулковы до сих пор не могут оправиться после смерти ребенка» (*Новый Журнал*, 92, 1968, стр. 175). Позднее Чулков писал по поводу смерти сына: «жизнь и смерть <его> научили меня многому, о чем я раньше смутно догадывался» (*Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков*. М., 1926, стр. 337).

³ Впервые вышли в 1915—1917 гг.

⁴ Не вышла.

⁵ Ср. публикуемые в настоящем томе письма к А.С. Яценко Ю.К. Балтрушайтиса и И.Г. Эренбурга.

⁶ Вышла в конце 1921 — начале 1922 г. в альманахе *Пересвет* и отдельным изданием.

⁷ Первая жена А.С. Яценко.

⁸ Латышский журналист Viljams Smaren-Savinskis (псевдоним — V. Sauliets).

⁹ Сведения, содержащиеся в этом письме, контаминированы со сведениями, сообщенными Ильей Эренбургом, — в справке о Чулкове в *РК*, № 5, стр. 24.

¹⁰ «Посрамленные бесы» — вышли в московском издательстве «Костры» в конце 1921 г. (рецензия Г. А.<лексеева> — *НРК*, 1922, № 8, стр. 18).

¹¹ «Вышла в издательстве «Задруга» в 1922 г. (рец. Р. Гуля — *НРК*, 1922, № 7, стр. 11).

¹² Ср.: Г. Чулков. *Наши спутники. Сборник статей. 1912—1922*. М., изд. Н. Васильев, 1922.

¹³ Ср.: Ф.И. Тютчев. *Полное собрание стихотворений*. Ред. и комм. Г. Чулкова. Вступ. статья Д.Д. Благого. М.—Л., Academia, 1933—1934.

¹⁴ Справка о Г.И. Чулкове в *НРК*, 1922, № 2, стр. 41.

¹⁵ Ю.Ф. Геккер. «По книжным лавкам Москвы (Письмо американского журналиста из Москвы)». — *НРК*, 1922, № 2, стр. 27. Юлий Федорович Геккер, автор книги *Russian Sociology*, во время Первой мировой войны работал среди русских военнопленных в лагере. В 1921 г. — работал в Американском Христианском Союзе Молодых Людей в Берлине. (См.: *РК*, № 7—8, стр. 23; см. также: «Русское книгоиздательство Христианского Союза Молодых Людей в Северной Америке», *РК*, № 5, стр. 16—17; Профессор В. Алексеев. «Участие американцев в борьбе с русской школьной рутинной», газ. *Последние Известия* (Ревель), № 16 (762), 18 января 1923.)

¹⁶ См.: Ф.И. Тютчев. *Новые стихотворения*. Редакция и примечания Георгия Чулкова. М.—Л., «Круг», 1926.

¹⁷ Не вышли.

¹⁸ *Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты*. Предисловие Г. Чулкова. М., «Костры», 1922.

¹⁹ *Былое*, 1922, № 19, стр. 61—79.

²⁰ Обе статьи напечатаны в *Тютчевском сборнике (1873—1923)*, Пг., «Былое», 1923; ср. также: Георгий Чулков. *Последняя любовь Тютчева (Елена Александровна Денисьева)*. М., 1928, стр. 11—70 и Ф.И. Тютчев. *Новые стихотворения*, стр. 11—29.

²¹ Ср. публикацию Г. Чулкова в альм. *Феникс. Сборник художественно-литературный, научный и философский*, кн. I, М., «Костры», 1922 и в кн. Ф.И. Тютчев, *Новые стихотворения*.

²² Г. Чулков. «Переводы Тютчева из “Фауста” Гете», *Искусство*, 1927, № 2—3, стр. 164—170.

²³ «Тютчев и Гейне», *Искусство*, 1923, № 1, стр. 356—364.

²⁴ Справка о тютчевских публикациях Чулкова напечатана в *НРК*, № 4, стр. 34.

²⁵ В упомянутой (в примечании 15) статье Ю.Ф. Геккер писал: «Говорят, что автор читал “Марию Гамильтон” в Кремле и поэма произвела глубокое впечатление на слушателей» (*НРК*, 1922, № 2, стр. 27).

²⁶ Б.К. Зайцев (1881—1972), в 1922 г. эмигрировавший в Берлин.

²⁷ Д.А. Уманский — молодой поэт, родом из Кременчуга (в конце 10-х годов печатался, в частности, в газетах под псевдонимом *Вадим Новгородский* и в воронежском журнале *Сирена*), переводчик русских и советских писателей на немецкий язык (в 20-е годы выступал в журнале Э. Фриша *Der neue Merkur*). В архиве Б. Николаевского сохранилось следующее письмо его к А.С. Яценко:

«29/VI <1922>

Милостивый государь Александр Семенович,

Ссылаясь на письмо Г.И. Чулкова ко мне от 10-го июня, осмеливаюсь обратиться к Вам с почтительной просьбой переслать мне экземпляр пьесы Г.И. Чулко-

ва «Невеста». Георгий Иванович позволил мне обратиться к Вам с настоящей просьбой.

В ожидании Вашего любезного ответа, заранее благодарен за услугу,
с совершенным почтением

Дмитрий Уманский.

Abs.: Dmitrij Umanskij.
Wien 11, Praterstrasse 78/8».

²⁸ С.О. Якобсон — историк, библиограф и переводчик. См. о нем некролог Г.П. Струве в газете *Новое Русское Слово*, 5 декабря 1979.

²⁹ Речь идет о сборнике по религиозно-философским вопросам, издание которого предполагалось в издательстве YMCA-Press. План и предположительный состав этого невышедшего сборника устанавливаются, насколько нам известно, впервые, — по материалам, обнаруженным нами в архиве Ященко. Работа над сборником началась весной 1922 года, в преддверии высылки ведущих русских философов из советской России, после которой публикация трудов по религиозно-философским вопросам стала в России фактически невозможной.

Попытке объединения авторов, живущих в России и находящихся за границей, в одном сборнике не суждено было осуществиться до послесталинских времен (ср. публикации авторов из России в *Вестнике Русского Христианского Движения*).

³⁰ Письма American Relief Administration, отправлявшиеся в Россию по соглашению, заключенному между РСФСР и Америкой 20 августа 1921 г. в Риге. См.: Benjamin Weissman. *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia 1921—1923*. Hoover Institution Press, 1974, а также: Николай Макеев. «Америка — русскому народу (к годовщине работы АРА в России)». *Современные Записки*, 11 (18 июля 1922 г.), стр. 286—292.

³¹ К родственникам А.С. Ященко.

³² Серия биографий замечательных людей в издательстве YMCA (ср. письмо М.А. Алданова к А.С. Ященко). М.А. Цявловский (1883—1947) — историк, архивист, крупнейший советский пушкинист.

³³ П.А. Флоренский (1882—1943) — выдающийся русский философ, богослов, ученый-энциклопедист. В 1922 г. работал в Главэнерго. См. справки о нем в *НРК*, 1922, № 1 (стр. 32) и № 10 (стр. 38). В связи с настороженным отношением, высказанным П.А. Флоренским по поводу издаваемого в Берлине сборника, ср. его (март 1929 г.) письмо к издателю М.Л. Цитрону, опубли. в сборнике *Контекст — 1972* (М., 1973). П.А. Флоренский участвовал в деятельности Академии духовной культуры (см. о ней заметку «Вольная Академия Духовной Культуры в Москве», в сб.: *София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии*. Под ред. Н.А. Бердяева. I. Берлин, «Обелиск», 1923, стр. 135—136). См. в заметке «Из московского письма. Начало июня», напечатанной в газ. *Руль*, № 489, 29 (16) июня 1922, стр. 3: «Что вам написать о моей жизни? У нас все действует Академия духовной культуры. Там читают доклады и участвуют в беседах все те же — Бердяев, Флоренский, С.М. Соловьев, Вышеславцев, Степун и др. Но публика, прежде равнодушная к этим беседам, теперь валом валит. Иногда невозможно бывает проникнуть в зал: такая толпа». Лекции Флоренского, упоминаемые в этом письме, ныне опубликованы. См.: Священник Павел Флоренский. «Из богословского наследия». *Богословские Труды*. Сб. 17. М., издание Московской Патриархии, 1977. Ср. в письме В. Зайцевой от 15 (28) июля 1922 г.: «В Москве сейчас страшное религиозное течение. Церкви все полны. Никогда столько не молились как сейчас» (Бор. Зайцев. «Другая Вера», *Новый Журнал*, 92, 1968, стр. 175).

³⁴ С.П. Мансуров — историк и философ, в юности входил в кружок, к которому принадлежали Д.Ф. Самарин и Н.С. Трубецкой и о котором упоминает Б.Л. Пастер-

нак в автобиографическом очерке 1956 г. «Люди и положения». (См.: Николай Арсеньев. «О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX в.» *Современник* (Торонто), № 6, октябрь 1962, стр. 34.) С конца 10-х годов Мансуров работал над книгой «История Церкви» — см. рассказ в мемуарах С.И. Фуделя: «Помню в эти же годы большую комнату у М.А. Новоселова, где я слушал С.П. Мансурова, читавшего отрывки из своей удивительной “Истории Церкви”. Удивительной она была тем, что это была впервые действительно история именно Церкви, т. е. Святого Богочеловеческого Организма, история святой жизни и мысли тех, кто составил ткань этого организма, а не история ссор на соборах, преступлений пап и патриархов и заблуждений мирян. <...> Удивительной была не только “История Церкви” о. Сергия М<ансурова> (Он тогда еще не был священником), но и он сам, подвижник Церкви тех лет» (С.И. Фудель. «У стен Церкви. Материалы и воспоминания». *Надежда. Христианское Чтение*. Франкфурт-на-Майне, вып. 2, 1979, стр. 280). «Очерки из истории Церкви» С. Мансурова напечатаны в *Богословских Трудях* (изд. Московской патриархии), т. 6 и 7 (1971). В 1918 г. Мансуров работал в Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, с осени 1920 г. — в Институте народного образования. В 1924 г. заболел туберкулезом. Зимой 1926/27 года принял священство (ср. письмо М. Авиновой к Г.П. Струве, опубликованное в статье Г. Струве «Дневник читателя. Еще раз о Юрии Живаго и Дмитрие Самарине», *Новое Русское Слово*, 18 января 1959 г.), служил в Сергиевском Дубровском женском монастыре под Вереей. Умер 2 (15) марта 1929 г. и похоронен в Верее. Письма С.П. Мансурова приведены в публикации: «Из архива одной семьи», *Надежда. Христианское Чтение*. 3, 1979. См. здесь же (стр. 305—326) Н.Д.Ш. «Мои встречи с С.П. Мансуровым». (Н.Д.Ш. — Надежда Дмитриевна Шипова, дочь известного общественного деятеля Д.Н. Шипова (см. о нем воспоминания П.Б. Струве в *Новом Журнале*, 22, 1949, стр. 240—245), эмигрировавшая из России в 1943 году (рассказ об этом содержится в книге: Marie Avinov. *Pilgrimage through Hell. An Autobiography told by Paul Chavchavadze*. Edgewood Cliffs, N. J., 1968) и скончавшаяся в Сан-Франциско в 1963 году. Эта справка сообщена нам Г.П. Струве.)

³⁵ В частности — о сестре, Анне Ивановне Ходасевич (после отъезда В.Ф. Ходасевича в Берлин). Ср. в письме Гершензона от 17 авг. 1924 г.: «Г. Ив. <Чулков> весь год не имел ни копейки заработка, но как-то живет, чудесами». («Письма М.О. Гершензона к В.Ф. Ходасевичу». *Новый Журнал*, 69, 1960, стр. 230. Первая публикация писем в *Современных Записках*, 24, 1925.)

³⁶ Евгений Брониславович Пашуканис (1891—1937) — юрист, один из создателей советской теории права. В 1920—1923 гг. находился на дипломатической работе в Берлине. Чулков обращался в Наркоминдел в связи с бракоразводным делом Яценко. Как сообщали Ю.Н. Потехин в письме к А.С. Яценко 3 февраля 1924 г. и Г.И. Чулков в письме от 10 февраля, дело было передано в Совет Народных Судей.

³⁷ Н.И. Иорданский (псевдоним — Негорев; 1876—1928) — журналист. Сотрудник, а в 1909—1917 гг. и редактор журнала *Современный мир*. Член РСДРП, меньшевик, в 1917 г. — член плехановской группы «Единство», комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте. В 1918 г. эмигрировал в Финляндию, где стал издавать «сменовеховскую», просоветскую газету *Путь*; в конце 1921 г. (см. *НРК*, № 1, стр. 41) Иорданский, высланный из Финляндии, вернулся в Москву, вступил в ряды РКП (б) и был назначен на ответственную работу в Наркоминделе и в Госиздате. См. о нем: *Социалистический Вестник*, 1922, № 6 (38), 21 марта, стр. 9—10; 1923, № 13 (59), 26 июля, стр. 9; И.В. Гессен. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979, стр. 3.

³⁸ Отсылка к стих. «Silentium» («Молчи, скрывайся и тай...»).

³⁹ В 1925 г. Г.И. Чулков выпустил две книги о декабристах.

Л. П. КАРСАВИН

Лев Платонович Карсавин (1882—1952) — русский философ и историк, с 1913 года профессор средневековой истории Петербургского университета, один из крупнейших представителей русской религиозно-философской мысли XX века. С 1920 года преподавал в Петроградском Богословском институте (см. *РК*, № 9, стр. 18); ср. сообщение в *Руле* о чтении им проповедей в церквах («Письма оттуда». *Руль*, № 336, 24 (11) декабря 1921). В 1921—1922 гг. Карсавин был профессором Общественно-педагогического и Правового отделений (одновременно) факультета общественных наук Петроградского университета и председателем Общественно-педагогического отделения (см.: *НРК*, 1922, № 6, стр. 37); по настоянию Ленина был уволен вместе с Н.О. Лосским, П.А. Сорокиным и др. (См.: С.А. Федюкин. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу*. М., 1977, стр. 175.)

В августе 1922 года вместе с Н.О. Лосским и др. был арестован и выслан из РСФСР. (Ср. сообщение о его тюремном заключении в *НРК*, 1922, № 9, стр. 36, а также в письме Горького А.Н. Толстому (август 1922 г.) в *Литературном Наследстве*, т. 70, стр. 402). В Берлин Лосский и он прибыли 19 ноября 1922 г. (см.: *Дни*, 21 ноября 1922 г.). История высылки группы профессоров, философов и литераторов из советской России освещена в статье М. Геллера «“Первое предостережение” — удар хлыстом». *Вестник Р.Х.Д.* 127, 1978, стр. 187—232; французский перевод см. в *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. XX, no. 2 (Avril—Juin 1979), pp. 131—172). См. также: А. Евреинова «Записи под чертой». *Новый Журнал*, 40, стр. 269—274.

В Берлине преподавал в открывшейся 1 декабря 1922 г. русской Религиозно-философской академии, организованной при помощи YMCA, поместил в конце 1922 г. несколько заметок в *НРК* (в том числе рецензию на сборник *Шиповник*. М., 1922), участвовал в организации издательства «Обелиск» (см.: *НРК*, 1922, № 11—12, стр. 28) и сборника *София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии*, под редакцией Н.А. Бердяева (кн. 1, Берлин, Обелиск, 1923). В 1926 г. переехал в Париж, в середине 20-х годов примкнул к движению евразийцев, в 1928 г. получил кафедру в Литовском университете в Ковно, где преподавал до 1940 г. В 1949 г. был арестован, умер в 1952 г. в лагерной больнице. См. о нем: E.F. Sommer. «Vom Leben und Sterben

eines russischen Metaphysikers. Ein verspäteter Nachruf auf Leo Karsavin († 12. 7. 1952)». *Orientalia Christiana Periodica*, XXIV, num. 1—2 (Roma, 1958), pp. 129—141. «Материалы к биографии Льва Платоновича Карсавина, 1882—1952», *Вестник Р.С. Х. Д.*, 104—105, 1972, стр. 250—253; Густав А. Веттер. «Л.П. Карсавин» в кн. *Русская религиозно-философская мысль XX века*. Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого, Питтсбург, 1975, стр. 251—261; В. Вейдле. «Брат балерины (Л.П. Карсавин)»: *Новое Русское Слово*, 3 июля 1977, стр. 2.

Письмо Карсавина откликается на предложение Яценко об участии в религиозно-философском сборнике; о нем см. в примечаниях к письмам Г.И. Чулкова.

1922. VI. 6

Многоуважаемый Александр Семенович,

Получил Ваше письмо, с любезным предложением принять участие в проектируемом «Сборнике», спешу Вас уведомить о полном на то моем согласии. В ближайшее же время напишу и отправлю Вам статью листа на три и с тем большим удовольствием, что в настоящее время возвращаюсь примерно в этом круге мыслей.

Труднее ответить на второй Ваш запрос — об иерархах, могущих принять участие в Сборнике. Таковых подходящих здесь в настоящее время я не вижу. Пожалуй, назвал бы Сергея, бывшего Финляндского, теперь Владимирского. Во всяком случае, он ближе, на мой взгляд, чем прочие, к этого рода темам¹. Не из иерархии, но из близких кругов к ней, мог бы быть желательным Нестеров².

Повторяю, предложение Ваше для меня в высшей степени приятно. К тому же, по условиям нашей действительности, я предвижу скорую для себя неизбежность замолкнуть в нашей печати и прибегнуть к зарубежной³. Поэтому, если для какого-либо из прикосновенных Вам издательств представят интерес мои работы, я смогу их предоставить. — У меня готовы к печати два философских диалога (каждый листа на 2): один «о царственном единстве добродетелей и основных свойствах русского народа», другой — «о прогрессе и социализме» (опровержение обоих лжеучений)⁴. Есть еще зарезанная здешнею цензурой статья о Смене Вех, но она, пожалуй, антиквирована⁵. Кроме того в состоянии полуготовности две больших работы: 1) «Философия истории» и 2) Метафизика христиан-

ства, обе листов на 8—10⁶. Сообщаю Вам обо всем этом на всякий случай, нисколько не навязывая своих работ, и очень прошу Вас так именно на мои слова и смотреть.

С глубоким к Вам уважением

Л. Карсавин.

Университетская наб. 11 кв. 2
Петроград.

КОММЕНТАРИИ

¹ Сергей (И.Н. Страгородский, 1867—1944) — выдающийся церковный деятель. В 1899—1901 гг. инспектор, а в 1901—1905 гг. ректор Петербургской Духовной академии. С 1901 г. епископ (Ямбургский). Председательствовал на Религиозно-философских собраниях. В 1905—1917 гг. — епископ Финляндский и Выборгский. Член предсоборного совещания. В 1917 г. выбран епископом Владимирским, возведен в митрополиты. С 1925 г. — заместитель Патриаршего местоблюстителя. После полугодового ареста зимой 1926/27 г. выступил в июле 1927 г. с декларацией лояльности советской власти; ср. его письмо епископам-эмигрантам от 30 августа (12 сентября) 1926 г. (*Вестник Р. Х. Д.*, 114, 1974, стр. 147—148). С 1934 г. — митрополит Московский, с 1943 г. — патриарх. См. о нем: *Патриарх Сергей и его духовное наследство*, изд. Московской патриархии, 1947; Лев Регельсон. *Трагедия русской Церкви. 1917—1945*. Париж, 1977; William C. Fletcher. *A Study in Survival. The Church in Russia 1927—1943*. London, 1965, Nikita Struve. *Les Chrétiens en U.R.S.S.* Paris, 1963.

² М.В. Нестеров (1862—1942) — крупнейший русский художник. В конце 10-х — начале 20-х гг. сблизился с ведущими представителями философской и богословской мысли. Никаких других следов его причастности к сборнику, о котором идет речь в данном письме, в доступной нам литературе не обнаружено. В издании его переписки период 1917—1922 гг. вообще представлен крайне скупо (см.: М.В. Нестеров. *Из писем*. Л., 1968). Ср. извещение (*НРК*, 1922, № 4, стр. 33) о подготавливавшемся в начале 1922 г. московским издательством «Берендей» выпуске книги В.В. Розанова *Творчество Нестерова*.

³ Ср. рецензию А. Юрлова <С.П. Боброва> «Кафедральная эротика» на книгу Л.П. Карсавина *Noctes Petropolitanae. Красная Новь*, 1922, № 7.

⁴ См.: Л.П. Карсавин. *Диалоги*. Берлин, «Обелиск», 1923. (В этом издании первый диалог датирован 1920 г., Петербург, а второй — «1922. XII. 12.») 3 декабря 1922 г. в помещении Студенческого зала YMCA в Берлине Карсавин читал доклад «Прогресс и христианство» (см.: *НРК*, 1922, № 11—12, стр. 29).

⁵ Предположительное прочтение слова. Статья в печати не появлялась.

⁶ Об этой работе упоминается в *НРК*, № 3—4, стр. 50.

Н.О. ЛОССКИЙ

Лосский, Николай Онуфриевич (1870—1965), один из крупнейших русских философов XX века, создатель системы интуитивизма, профессор Петербургского университета и Бестужевских высших женских курсов, высланный осенью 1922 г. из Петрограда в Берлин, откуда переехал в Прагу. В 1945 г. переехал из Чехословакии в Париж, а с 1946 г. поселился в США. См.: Сергей Левицкий. «Н.О. Лосский» в книге *Русская религиозно-философская мысль XX века*. Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975, стр. 269—277.

<14. 6. 1922>¹

В Русскую Секцию Америк<анского> Христ<ианского> Союза Молодых Людей.

Очень благодарю за предложение написать для сборника статью по религиозно-философским вопросам. Из предлагаемых Вами тем я бы мог попытаться рассмотреть вопрос о желательном отношении православной церкви к другим христианским церквям. Статья эта, к сожалению, может быть готова не ранее, как через 2½—3 месяца, и размер ее будет очень не велик, — приблизительно поллиста².

Разрешите обратить Ваше внимание на лицо, много размышлявшее об интересующих Вас вопросах и написавшее уже ряд ценных статей на религиозно-философские темы; я имею в виду Сергея Алексеевича Алексева (Аскольдова). Адрес его: Петроград, Петроградская сторона, Кронверкская улица, д. 21³.

Примите уверение в моем совершенном почтении

Н. Лосский.

КОММЕНТАРИИ

¹ Дата установлена по почтовому штемпелю.

² Статья, под названием «О единстве Церкви», напечатана в сборнике *Проблемы русского религиозного сознания*, Берлин, УМСА-Press, 1924, стр. 325—345. См. примечания к письмам Вышеславцева.

³ Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов), 1871—1945, сын философа А.А. Козлова, философ, литератор и литературный критик, автор известной статьи об Андрее Белом в альманахе *Литературная Мысль* (1922), печатался в петроградском журнале *Мысль*; близкий друг Н.О. Лосского. См. о нем в мемуарах Н.О. Лосского *Воспоминания. Жизнь и философский путь*. München. Wilhelm Fink Verlag, 1968, стр. 80, 83—84 и Б.А. Филиппова *Музыкальная шкатулка*. Вашингтон, 1963, стр. 10 (и *passim*). О его заключении на Соловецких островах см.: А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛag. 1918—1956. Опыт художественного исследования*. III—IV. Париж, 1974, стр. 42, сноска 17. См. также: Борис Филиппов. «С.А. Алексеев-Аскольдов» в книге *Русская религиозно-философская мысль XX века*. Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого, Питтсбург, 1975, стр. 186—189. Архив Аскольдова после его смерти перешел к Лоллию Львову, см. George Ivask. «Literary Archives of the Russian Emigrés», *The Slavic and East European Journal*, vol. XVII, no. 2, 1959, pp. 137—143; см. также: *Новый Журнал*, 72, 1963, стр. 273—293.

Н.Н. АЛЕКСЕЕВ

Николай Николаевич Алексеев (1879—1964) — профессор, крупный специалист в области государственного права. Его воспоминания см. в журналах *Архив Русской Революции*, *Грани* и *Новый Журнал*. Перед первой мировой войной профессор Московского университета и Московского Коммерческого института, в 1919 г. профессор Таврического университета и Юридического института в Севастополе (см.: *РК*, № 1, стр. 16). После падения Крыма эвакуировался в Константинополь (где, по свидетельству *РК* (№ 4, стр. 13), пытался организовать русский университет), а оттуда переехал в Прагу, где читал лекции на Русском Юридическом факультете, основанном в мае 1922 г. по инициативе П.И. Новгородцева. Сотрудничал в *НРК*. С 1922 г. вместе с А.С. Ященко и П.Ф. Андерсоном на русских курсах заочного обучения, организованных УМСА. В 1918—1922 гг. выпустил труды *Введение в изучение права* (М. 1918), *Общее учение о праве* (Русское книгоиздательство в Крыму, 1920), *Очерки по общей теории государства* (М. 1922). В середине 20-х годов стал одним из активнейших деятелей евразийского движения.

О Русском Юридическом факультете в Праге см.: П.Е. Ковалевский. *Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970)*. Paris, Librairie des Cinq Continents, 1971, стр. 96—98; T. Riha. «Russian Emigré Scholars in Prague after World War I». *Slavic and East European Journal*, vol. XVI, no. 1, 1958, pp. 22—26; а также: М. Новиков. «Русские эмигранты в Праге». *Новый Журнал*, 49, 1957, стр. 243—256.

<ноябрь 1921>

Praha — Vyšehrad, Chudobinec
или новый адрес:
Praha VIII, Svobodarna.

Дорогой Сандро,

Наконец я из азиатских стран перекочевал в европейские. Я переехал в Прагу, куда приглашен на так называемые «вольные вакансии» для русских профессоров, — попал, как говорит один остро-

умец, сразу в богадельню и на пенсию (в богадельню — в буквальном смысле, так как вплоть до настоящего времени мы в ней и обитали: «худобинец» по-чешски означает «богадельня»). Не могу сказать, чтобы первые чешские впечатления были вполне отрадны. Я не говорю уже о том, что все здешнее предприятие не представляется сколько-нибудь прочным, — с этим можно было бы мириться, теперь все в мире непрочно. Меня пугает чрезвычайная скука и скудость здешней жизни, ее невероятная провинциальность и патриархальность. Мне не по душе среда, в которую я попал и от которой уже отвык, — бархатный баритон Павла Ивановича¹, профессорские сплетни и интриги, милые профессорские жены, словом вся та дрянь, от которой я спасался в Москве, но не могу спастись здесь. Судя по первым впечатлениям, на Прагу хочется смотреть как на этап.

Я надеюсь, что теперь мне удастся установить с тобой постоянную связь. В Константинополе я получал твои письма через месяц-полтора после их отправления. При таких условиях переписка теряла всякий смысл. Напиши мне тотчас же и сообщи, как ты живешь и что делаешь. Берлин меня сильно привлекает, и при возможности я с восторгом променял бы на него Прагу. Если соберусь с деньгами, приеду к тебе в гости. Пиши.

Твой Ник. Алексеев.

КОММЕНТАРИИ

¹ П.И. Новгородцев (1866—1924), выдающийся русский ученый-юрист. Н.Н. Алексеев входил в кружок его ближайших учеников. См. Н. Алексеев. «В бурные годы». *Новый Журнал*, 54, 1958, стр. 158.

Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ

Б. П. Вышеславцев (1877—1954) — юрист и философ, ученик П. И. Новгородцева, приват-доцент, с января 1917 года — профессор Московского университета. Приехал в Берлин в конце 1922 года и принял активное участие в основанной 1 декабря 1922 года Религиозно-философской академии. Вышеславцев вошел в группу русских религиозных философов, определивших изменение деятельности русской секции американской YMCA в Берлине. В 1924 году переехал в Париж, где стал редактором в издательстве YMCA-Press. Вместе с Бердяевым основал журнал *Путь*. См.: Н. Н. Алексеев. «В бурные годы». *Новый Журнал*, 54, 1958, стр. 160; см. также: Н. Н. Алексеев. «Б. П. Вышеславцев». *Вестник Р. С. Х. Д.* 35, 1954, стр. 42—45. Публикуемые ниже письма бросают свет на обстоятельства выезда Вышеславцева из советской России и на начальный период его деятельности в эмиграции.

1

5 окт. 1922 г. Москва

Дорогой Александр Семенович.

Обращаюсь к Вам с большой дружеской просьбой во имя всех лучших моментов жизни, вместе проведенных, и всего, что нас соединяло за границей и в России. Я собираюсь отсюда уехать и слышал, что Вы организуете университет в Берлине. Если да, то имейте меня в виду в первую очередь и берегите для меня кафедру (мой репертуар вы знаете: философия во всех областях, соц<иальные> науки, эстетика). Если это неверно, то напишите, что Вы могли бы для меня устроить и не могли бы я существовать писательством. Однако сведения об этом здесь крайне неблагоприятны. Имейте в виду, что Вы спасаете этим живое воплощение остатков русской культуры для будущего, помимо спасения живого приятеля. Жизнь здесь физически оч<ень> поправилась, но нравственно невыносима для людей нашего мирозерцания

и наших вкусов. Едва ли в Берлине Вы можете есть икру, осетрину и ветчину и тетерек и пить великолепное удельное вино всех сортов. А мы это можем иногда, хотя и нигде не служу и существую фантастически, пока еще прошлогодними авторскими гонорарами и всяк<ими> случайными доходами. Зарабатывать здесь можно много и тогда жить материально великолепно, но — безвкусно, среди чужой нации, в духовной пустоте, в мерзости нравств<енного> запустения. Если можете, спасите меня отсюда. Я привезу с собой кое-какие готовые вещи¹. Напишите, что теперь у Вас платят за лист. Необходимо от Вас знать следующее: что стоит жизнь вдвоем с женой в Берл<ине> (скромно); что можно мне там заработать. Слухам я не могу верить и поверю только Вам. И, наконец, не можете ли Вы что-нибудь определенное для меня сделать? Наконец, может быть, вообще вы даже не советуете ехать по основаниям социально-политическим. Все эти мне нужно решить быстро, а поэтому умоляю Вас о скорейшем ответе.

Пишите *только так*: Moskau, Deutsche Vertretung (Leontievsky), Германское Представительство, Леонтьевский пер. Herrn Legationssekretär Schmidt-Rolcke.

(Больше ничего на конверте, а в конверте надпись для меня). Можете писать *все*. Подпись инициалами.

Ваш Б. В.

2

3 дек. 1923 г.

Paris, Cité Bergère. Hôtel d'Angleterre

Дорогой Сандро!

Я совсем уже было собрался выехать из Парижа, но неожиданно заболела моя жена сильной лихорадкой. Пожалуйста передай это Коле². Я очень встревожен, это было у нее в России, и может быть снова подхвачено в Италии. Температура ежедневно оч<ень> высокая в определ<енные> часы. Оставить ее одну сейчас невозможно, хотя я и решил не дожидаться полного выздоровления. Кроме того в Берлине нельзя достать того, что ей нужно для питания.

Так<им> обр<азом>, я на днях возвращаюсь в Берлин один, не без содрогания, ибо не знаю, сколько сейчас стоит день жизни. Приготовил я тебе такую массу рассказов³ и материала для статей, что передавать в письме уже не стоит, тем более, что увидимся через неск<олько> дней. Скажу только, что Италия меня поразила своим

расцветом гораздо более, чем Франция, и что в отношении к Парижу ты был во многом прав. Париж к<a>к будто и так тот же в своем поразительном консерватизме, и, везде разительно иной, переживание Франции совсем иное.

Громадное поле здесь открывается, однако, для деятельности нашей У.М.С.А. Русская колония здесь непрерывно возрастает. Происходит настоящее бегство русской молодежи во Францию. Могу сообщить статистику, установленную здесь нашим американским секретарем У.М.С.А. Mr. Chaffee.

Я прочел здесь неск<олько> лекций (и платных и бесплатных), познакомился со множеством людей и с больш<им> количеством молодежи, которая здесь совершенно отборного состава — гораздо лучше берлинской. Большое впечатление произвел на меня Еп. Евлогий⁴, это человек совершенно редкого charm'a. Он предлагал мне настоятельно развить работу здесь. Надо сказать, что здесь существует предубеждение против У.М.С.А., к<a>к против масонской организации⁵. Кое-где мне удалось это предубеждение рассеять. Важно, что Карташев⁶ и Евлогий стоят по отношению к нам на самой дружественной точке зрения. Очень велик интерес к нашей берлинской религиозно-философской Академии. Вообще здесь нет того мрачного уныния, какое было перед моим отъездом, в Берлине. Жизнь кипит и можно многое сделать, хотя французы конечно довольно непредприимчивы и скупы поразительно. Вообще-то что хорошо, то трудно. Жизнь здесь хороша, но завоевать ее трудно.

Пожалуйста, окажи мне дружескую услугу: двинь, насколько возможно, еще до моего приезда печатание религиозного сборника⁷. Гранки раздай и разошли авторам⁸. Впрочем, я скоро приеду и буду корректировать сам. По всем моим берлинским сотрудникам и друзьям, особенно по тебе и по Коле я оч<ень> соскучился и буду страшно рад вас видеть и вам повествовать о моих странствиях. Но нельзя сказать, чтобы я соскучился по Берлину и по немцам.

Целую тебя и Колю. Привет Зине.

Твой Б. Вышеславцев.

КОММЕНТАРИИ

¹ Весной 1923 года в Берлине вышла книга Вышеславцева *Русская стихия у Достоевского*. В НРК в 1923 г. были напечатаны две его статьи — «Чувство созерцательной красоты» (№ 3—4, стр. 1—3) и рецензия на берлинское *Полное собрание сочи-*

нений Достоевского (№ 1, стр. 14—15). Обзор архива Вышеславцева см. в *Вестнике Р.С.Х.Д.*, 35, 1954, стр. 47—49.

² Жена Вышеславцева, Наталия Николаевна, была младшей сестрой проф. Н.Н. Алексеева.

³ Единственный известный нам рассказ Вышеславцева, относящийся к этому периоду, — «Париж» — был опубликован в *Современных Записках*, кн. 16 (1923). 9 мая 1923 г. Вышеславцев читал его в берлинском Доме искусств (см.: *НПК*, 1923, № 5—6, стр. 43).

⁴ Евлогий (В.С. Георгиевский, 1868—1946), епископ Холмский и Волинский, член 2-й и 3-й Государственной думы. В 1920 году Высшим Церковным Управлением назначен управлять русскими православными церквями и приходами в Западной Европе; в 1921 году это назначение утверждено патриархом Тихоном. С 1922 года — митрополит. С 1930 года — экзарх Вселенского Патриарха. См.: *Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной*. Париж, 1947.

⁵ В правых кругах эмиграции YMCA считалась организацией масонской. В 1921 г. Собор зарубежных епископов в Сремских Карловцах (Сербия) высказался в этом духе об YMCA и YWCA и не разрешил православным находиться «в сфере их влияния». Это постановление было подтверждено Собором 1926 года. См.: *За рубежом. Хроника семьи Зерновых*. Париж, 1973, стр. 154.

⁶ А.В. Карташев (1875—1960), видный историк Церкви и политический деятель. Один из ведущих участников Религиозно-философских собраний, с 1909 года председатель петербургского Религиозно-философского общества. При Временном правительстве помощник обер-прокурора, затем обер-прокурор Синода. При нем образовано Министерство вероисповеданий, им возглавленное. Эмигрировал в 1919 году. Биографические материалы о нем см. в *Вестнике Р.С.Х.Д.*, 58—59, 1960.

⁷ *Проблемы русского религиозного сознания*. Сборник статей. Берлин, YMCA-Press, 1924. Первый сборник по русской религиозной философии, вышедший в издательстве YMCA-Press (он открывался статьей Вышеславцева «Религия и безрелигиозность»).

После окончания войны американский Христианский Союз Молодых Людей (YMCA) занимался помощью русским военнопленным и беженцам. Издательство YMCA в Берлине выпускало учебники и научно-техническую литературу. С приездом в Берлин группы высланных из России профессоров и философов, деятельность издательства радикально изменилась. «YMCA-Press имела великодушие и мудрость поддержать и зафиксировать в своих изданиях целое <...> направление общерусской (и в этом смысле и мировой) культуры, которому не оказалось места в Советской России». (А.В. Карташев. «35 лет издательства YMCA-Press», *Вестник Р.С.Х.Д.*, 37, 1955, стр. 15.) Кроме издания учебных пособий (от русских букварей до курсов лекций профессоров Православного Богословского института в Париже), классиков русской литературы и современных авторов и периодических изданий (*Путь*, 1925—40; *Новый Град*, 1934—39), главная заслуга YMCA-Press — издание трудов русских религиозных философов: «<...> самым великим и, можно сказать, исторически монументальным плодом книгоиздательства является щедрое и смелое опубликование всего творчества в Зарубежье корифеев религиозно-философской мысли эпохи русского ренессанса начала XX века: Бердяева, Булгакова, Вышеславцева, Лосского и Франка» (*Там же*, стр. 18).

С 1925 года деятельность издательства YMCA-Press была перенесена в Париж. В 1959 году издательство, сохранив прежнее название, перешло в ведение Русского Студенческого Христианского Движения.

⁸ Кроме Вышеславцева в сборнике приняли участие Н. Бердяев, Л. Карсавин, В. Зеньковский, С. Франк, Н. Лосский и Н. Арсеньев.

В. П. БЕЛКИН

Как ни парадоксально, из публикуемых в этом томе писем наиболее «литературными» оказываются не писательские письма, а письма художника, причем — письма бытового содержания, проблематика которых отчасти переключается с ситуациями рассказов Зощенко тех лет. Однако, поскольку замешанными в эти (граничащие с комическими) ситуации являются лица, хорошо известные историкам русской литературы, — письма В. П. Белкина, опрокидывающие «лицевую сторону» литературной жизни 20-х годов на специфические для времени бытовые отношения, — представляют несомненный научный интерес.

Автор их — Вениамин Павлович Белкин (1884—1951), живописец, график, книжный иллюстратор, жил в Петербурге с 1909 г. Он участвовал в выставках «Союза молодежи», «Мира Искусства» и других, сотрудничал в журналах *Сатирикон* и *Аполлон*, в 1919—1921 годах работал для Фарфорового завода. В 1921—1946 годах (с перерывами) преподавал на живописном факультете Академии художеств, в Ленинградском архитектурном институте (1924—1927) и в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище.

В. П. Белкин входил в число близких друзей А. Н. Толстого; о встречах с ним в Париже вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая (см.: *Воспоминания об А. Н. Толстом. Сборник*. М., 1973, стр. 65). Он был членом художественного бюро артистического кафе «Бродячая Собака» (см.: Д. Коган. *Сергей Судейкин*, М.—Л., 1976, стр. 183) и вместе с Судейкиным и Кульбиным расписывал стены этого подвальчика (см. газ. *Русское Слово*, 15 января 1913 г.). Оформлял книги: *За синими реками* А. Н. Толстого (М., «Граф», 1911), трагедию И. Анненского *Фамира-Кифарэд* (Пг., З. И. Гржебин, 1919), *Хождение по мукам* А. Н. Толстого (изд. автора, 1925), сборник *Жар-Птица* (Спб., изд. «Шиповник», 1912) и т. д. Выполненный В. П. Белкиным экслибрис А. С. Яценко воспроизведен в кн.: *Книжные знаки русских художников*, Пг., «Петрополис», 1922. В. П. Белкин и К. И. Чуковский встретили А. Н. Толстого во время его первого приезда из Берлина в Петроград в начале июня 1923 года — запись об этом и портрет А. Н. Толстого, сделанный Белкиным тогда же, приведены в книге: *Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского*. М., 1979, стр. 309 и 311.

О В. П. Белкине см. справки в кн.: *Искусство оформления книги. Искусство ленинградских художников. 1917—1964*. Л., 1966, стр. 172; *Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь*. Том 1. *Аавик-Бойко*, М., 1970, стр. 337—338.

Мая 2-го 1922 г.

Дорогой Александр Семенович, надеюсь что моя попытка завязать переписку не погибнет бесплодно.

Я так давно не имел с Вами общения, что даже затрудняюсь, с чего начать это письмо и о чем писать. Ведь прошло много лет и поговорить есть о чем. Иное кажется бывшим вчера, а некоторые воспоминания производят впечатление сна, виденного в детстве. Предполагаю, что письмо это навеет Вам ретроспективные эмоции. Может быть, за бутылкой доброго рейнвейна, после обеда, какой содействует созерцательному состоянию души, равновесию чувств и мыслей, перед Вами пройдут воспоминания цепью ясных картин и образов, дадут новый разбег вечно живой мысли и свяжут в один узел прошедшее и будущее.

Начнем с того, что Вы совершенно забыли о существовании болезни, называемой «тоска по родине». Может быть, Вам удалось найти против нее какое-нибудь патентованное средство вроде средства от морской болезни, полезного для путешествующих на кораблях в дальние страны. Или же это проявление могучей силы воли, которая повергает меня в смущение. Я не знаю никого из добрых людей, кто получил бы от Вас хотя бы одно послание. Одиссей и тот затосковал в гостях у нимфы Калипсо, а ведь он был богоравный. Я же буду утверждать, что нет сладостней возвращения к родным пенатам, тем более, когда пенаты стоят нерушимо на своих местах.

Пенаты действительно никем не осквернены, хотя покрылись солидным слоем пыли, которую я стер, возвратившись снова под сень своего крова на Ждановке.

Разделите же мою радость, когда после долгой трепки я снова вижу Брейгелевский пейзаж в окна на берегу Ждановки. Все на своем месте и ничто не потерпело ущерба, а ведь над нашим Мертвоградом¹ дул ураган столетий.

Ваши книги сильно пропылились вследствие полной их неподвижности. То же самое было бы и с мебелью, если бы мы оставили ее без соответствующего ей назначения, что, несомненно, лучше для ее сохранности от моли. Таким образом, мое хозяйственное око неусыпно блюдет порядок и благочиние и соблюдают права, освященные кодексом Рима. Так уж мудро у нас заведено на Ждановке и ревниво блюдетя доколе живы.

В декабре 1920 г. я с Верочкой² вернулся в Петроград после службы в провинции в Красн<ой> Арм<ии>. Пришлось быть ремонтером — был им, понадобилось использовать заброшенное имение, сгнившее и разграбленное, — стал сельским хозяином и помещиком. Пустоши отвел для пастбища нескольких сот коней, заросшие поля распахал, засеял их овсом, картофелем и рожью под озимь, развел огород и даже снял урожай и вот разрушенное и брошенное зацвело яко крин — (конечно пока мы там были.) Было это в Тверской губ<ернии> на озере «Селигер», у истоков великой матери рек русских.

Так после наших чтений «Многообразия Религиозного Опыта» (Джемс) испытал «Многообразие Житейского Опыта» (Р.С.Ф.С.Р.). Я предполагаю, что стиль письма моего, может быть, покажется Вам забавным своей витиеватостью и стариковской говорливостью. Но это объясняется просто. Живя в квартире профессора, не только приобретаешь некоторые внешние признаки, характерные для профессора, но даже, пожалуй, и сделаешься профессором. Со мною это, действительно, так и случилось. После путешествий, конских ярмарок, насаждения злаков и иной культуры и по увольнении в бессрочный отпуск из Армии — я стал профессором живописи в Академии Художеств в Петрограде, где и поучаю юношество заветам старика Сезана (который несомненно всегда был прав).

Таким образом династия профессоров в квартире № 22 на Ждановке не пресеклась.

В конце Июля³ коллегия профессоров Живописного факультета Академии Художеств избрала меня своим членом и вручила мне преподавание живописи и рисунка на 1-ом курсе. Состав факультета такой: центральное место занимают члены Общ<ества> Мир Искусства Браз⁴, Добужинский⁵, Бенуа Алекс<андр>⁶. Я — левое крыло этой группы; монтяньяр — Петров-Водкин⁷. Справа к центру примыкают Нео-Академисты Кардовский⁸ и его школа Радлов⁹ и Мешков¹⁰ и правое крыло из группы «Союза» Куинджистов: — Рылов¹¹, Вахрамеев¹², Горбатов¹³, Савинов¹⁴ и крайняя правая староакадемист Савинский¹⁵. Система курсовая. Программа по живописи создана мною и представляет весьма сложное целое, соответствующее составу факультета и примиряющее все тенденции. К концу 3-го курса дипломная картина и эскиз, и над всем этим надстройка в виде Исследовательских Институтов, кои представляют собою индивидуальные мастерские с специальными видами живописи: — станковая, фресковая и декоратив<ная> и пр. Что пока на бумаге только, и то еще не оформили.

Научная сторона дела даже перегружена. Словом, художник будет выходить, что называется, семи пядей во лбу. Не только предметы вроде истории живописи, истории культуры и другие истории, соответствующие специальности, но и высшая математика. Кроме того подготовительный курс, где нет разделения на специальности и все студенты проходят одинаково и живопись, и скульптуру, и архитектуру, конечно, элементарно. Для поступления на подготовительный курс требуется проверочный экзамен по математике при Технологическом Институте в курсе среднего учебного заведения и очень сложный экзамен по искусству из 4 дисциплин, натюрморт красками, рисунок с группы геометрических тел и предметов, лепка с натуры и архитектурный набросок интерьера.

Я увлекся несколько в сторону, но, может быть, это представляло для Вас некоторый интерес.

Но я вернусь к потерянной ниточке своего эпистолярного послания. Итак, квартира 22 хранит традиции искусства как и прежде. Конечно, с Вашей стороны была допущена ошибка — не следовало передавать квартиру по женской линии Ал. Ник. Чеботаревской только потому, что она женщина, хотя ей следовало бы быть несомненно мужчиной, так много в ней разнообразных достоинств, но так как все же она женщина — то являет собою сосуд скудельный. Вот уехала в Баку и опекает В. И. Иванова¹⁶, а выбраться обратно не может, ибо поистине сосуд скудельный, на который нельзя возлагать твердой надежды.

Но не огорчайтесь. Кто не ошибается, тот и не живет. Вот друг Ваш Алекс. Яковлевич Билибин¹⁷ окунулся в жизнь, связав себя узами Гименея с некоей отроковицей, ничем не примечательной (из своих студенток). Вверил ей ключи хозяйства; отчего старушка Варвара Александровна (*q'elle fait en peu toc*) после сильной затяжки табачным дымом, поспешила к покойному Яков Ивановичу в Елисейские Поля¹⁸. Так с Верочкой проводили мы милую старушку на кладбище. Отроковица же на поверку оказалась слабой и совсем болезненной (туберкулез), поистине сосуд скудельный. И Ваш друг, хотя и женат, но как будто и холост, тем не менее не холост и не свободен от уз Гименея. Кроме того, жизнь подстроила ему еще одну каверзную штуку. Клозетной трубе надоело нести свою службу при его квартире, и она от скуки лопнула, залив своим содержимым помещение, где хранились дрова. Теперь каждое полено дров ему приходится выуживать из этого благовонного лимана и предавать омовению прежде чем положить в печку. Вот какие бывают в жизни штуки. От этого не

трудно впасть ему в мизантропию, что очевидно уж потому, что он дважды обещал придти играть в шахматы, но так и не являлся; может быть, потому, что ему все кажется, что от него пахнет. [Чем не следует, т. к. самому приходится топить печку, сопряженную с банею водною.]¹⁹

Другой Ваш приятель Георгий Ив<анович> Чулков сравнительно недавно был здесь и останавливался у нас²⁰. Я видел его после большого промежутка времени, но нашел сравнительно мало изменившимся внешне. Так же, как прежде, тороплив, экзальтирован, бегаёт по комнате, повторяя: «скандал», «скандал». Прочел нам прекрасную поэму в стихах «Лэди Гамильтон». Вообще как поэт он значительно вырос и написал если не много, то весьма хорошо. У меня с ним есть вопросы духовного порядка, дающие материал для беседы. Мы были очень рады его посещению.

Еще есть человек, с которым мы видимся часто и не бывают эти общения внутренне бесплодны. Это человек огромного внутреннего опыта и редкого ума. Я говорю о Федоре Кузмиче Сологубе. Он живет у нас²¹ и обедает в этом же доме у сестры погибшей Настасьи Николаевны, у Ольги Николаевны Черносвитовой на два этажа над нашей квартирой. Он очень любит музыку, и в особенности музыку Вагнера, и Верочка довольно часто играет для него на рояле. Со мною он иногда играет в шахматы или о чем-либо говорит. За последние дни нашей темой для разговора служат геометрические соображения о возможности восстановления 4-го перпендикуляра к трем уже существующим и проходящим через одну общую с ним точку. Такое построение недоступно человеческому представлению, но путем логических предпосылок мы с безусловной очевидностью узнали абсолютность существования этого перпендикуляра. Четвертое измерение есть, а следовательно есть и иной мир бытия. Словом, наши рассуждения фатально вращаются вокруг этой идеи, как планеты вокруг солнца. То, что смутно мы ощущаем, стало реальностью. На эту излюбленную тему, конечно, я мог бы распространяться слишком неограниченно, а потому перейду к другому. Вера Александровна, как и я, прошла через целый цикл занятий и служб и благополучно вернулась в музыку. Явление это было вызвано, конечно, не внутренним побуждением, а условиями жизни того времени, а возвращение в лоно своей профессии было, конечно, осуществлением внутреннего тяготения. Теперь она, оставив преподавательское место на Высших курсах музыкальных педагогов и свой класс в музыкальной школе, — сосредоточила свои занятия дома с своими частными учениками, что отнимает меньше физических сил

и больше приносит материального вознаграждения. Не очень давно был у нас показательный музыкальный вечер, в коем выступали ее ученики. Были приглашены почетные гости из числа музыкальных деятелей, как Каратыгин²² и др., родители учеников и знакомые. Народу было 65 человек, которых без чрезмерной тесноты удалось разместить в нашей большой комнате. В антракт был предложен чай в моей мастерской и в кабинете (бывшая Ваша спальная). Конечно, пришлось создать некоторую очередь в виду ограниченности помещения и недостатка посуды. Вечер этот сошел очень удачно и произвел отличное впечатление на самих учащих и их близких.

Словом, из Верочки вырос серьезный музыкальный педагог. Я мог бы еще многое писать и о Верочке и о себе, и об общих знакомых, но сомневаюсь в том, выиграет ли это письмо в качестве, увеличившись в объеме. Кроме того, всякое письмо надо же когда-нибудь и кончить, а то я, словно какой-нибудь Диккенс, пишу и пишу, а это уж совсем не современно.

Прошу передать мой сердечный привет *Алехану* с робким, но искренним советом вспомнить пословицу русскую «Семь раз отмеряй, а один раз отрежь». И еще о Данайцах не надо забывать. Издали многое кажется лучше, чем вблизи, это можно без труда проверить по лицам уличных женщин, особенно вечером²³. Не оставляйте его, Александр Семенович, без Вашего совета, ибо Вы подобны хитроумному Одиссею, который у Калипсо просидел ровно столько, сколько было нужно.

Мои графические работы для книжек вероятно скоро прекратятся, так как книги так дороги, что перестают продаваться. Перестанут и издаваться из-за бумаги, из-за оплаты очень высокой, типографского труда и прочее.

Вчера 5-го Мая хоронили тело Настасьи Никол. Чеботаревской-Сологуб, которое всплыло в Ждановке недалеко от нас через 7 месяцев после гибели (23 сентября). Вы конечно слышали²⁴, что она, вследствие нервного переутомления, заболела психастенией и ее идеей-фикс было самоубийство.

До сих пор мы пользовались Вашей посудой чайной и столовой и другими вещами, которые находятся в полной сохранности и целости, и просим Вашего разрешения оставить их в нашем пользовании и на будущее время.

Я заканчиваю на днях работу — делал иллюстрации к поэме Георгия Ивановича Чулкова «Мария Гамильтон», которая выйдет отдельной книжкой в изд. «Аквилон».

Пишу портрет Анны Андреевны Ахматовой²⁵. Буду делать обложку и титулы, и другие украшения для полного собрания творений «Платона»²⁶ (Пир, Федр, уже сверстаны и кажется отпечатаны).

Всегда Вам преданный

Вениамин Белкин.

Шлю Вам самый сердечный привет, присоединяюсь к просьбе Вениамина. Очень часто вспоминаем Вас, так бы хотелось повидаться. Не думаете ли хотя ненадолго приехать сюда? Мы были бы так рады.

Крепко жму Вашу руку

Ваша В. Белкина.

2

26 мая 1922 г.

Дорогой Александр Семенович,

Извещаю Вас о получении 3-х номеров «Новой Русской Книги» и Вашего письма от 13 мая с/г.

Благодарю Вас за то и другое. Будьте уверены, что мною будет исполнено Ваше поручение²⁷ в самые ближайшие дни. По счастью, с профессором Карсавиным я не особенно давно познакомился и живет он недалеко от нас на В.О.

Ваши рукописи и книги находятся в полном порядке и все целы. И если Вам будет нужно что-либо из Ваших книг или рукописей, то может быть переслано с возможной оказией.

Александр Яков. Билибин жив и здоров, а о нем более подробно сообщено в моем письме от 2-го мая, которое я посылаю одновременно с этим.

О нас с Верочкой я тоже довольно подробно написал, но придется кое-что добавить по поводу постигшей нас утраты. Отец моей Верочки и мой тесть, живший последнее время в Крыму в деревне «Албат» около Бахчисарая, где он служил врачом в местной больнице, умер скоростижно от припадка грудной жабы 1-го марта с.г. без врачебной помощи и до последнего момента не терял сознания. Семья его живет пока там же. Оба мальчика его внуки здоровы. В дальнейшем моя теща с дочерью и внуком Олегом предполагают перебраться к нам в Петроград, если окажется возможным осуществить

этот переезд, слишком дорого стоящий. А невестка Нина с сыном Шурой предполагают уехать к своей сестре в Ессентуки. Об этом семейном горе будьте добры, Александр Семенович, сообщить Николаю Александровичу²⁸.

Профессор Васильев Ал. Ал. жив и здоров и живет там же на Каменноостровск. пр., д. 26/28²⁹.

Еще раз благодарю за Ваше письмо и за память. Примите сердечный привет от Веры Александровны.

Всегда Ваш Вениамин Белкин.

3

Дорогой Александр Семенович, посылаю Вам для Нов<ой> Рус<кой> Книги статью о выставке «Мир Искусства». Полагаю, что благожелательный тон ее явится соответствующим духу «Нов<ой> Рус<ской> Книги». Если статья моя окажется неподходящей, то смиренно молю не бросать ее в редак<ионную> корзину, а оказать мне любезность и предложить ее для напечатания в другой журнал, напр. в «Жар Птицу» или иной подходящий³⁰. Очень прошу (т. к. полагаю, что это возможно) вознаградить меня присылкой АРА, так как я чрезвычайно нуждаюсь. На моем попечении теперь находятся 4 члена семейства, больная мать жены и сестра жены с сыном 10 лет, приехавшие из Крыма после смерти моего тестя. Пока все они никак не пристроены и положение наше отчаянно трудное, тем более что и заработка нет, т<ак> к<ак> книгоиздательства или прекращают свою деятельность, или перекочевывают в Германию, на продажу картин рассчитывать тоже не приходится. Новая буржуазия (сов. буры или нэпманы) предпочитают более элементарные и грубые наслаждения, но отнюдь не падки на предметы искусства. Ученого или академического пайка я до сих пор не получаю, и потому могу надеяться только на свое рисование. Я готов информировать Вашу Книгу, дабы тем иметь возможность поправить свое критическое материальное положение. Могу написать кое-какие статьи об искусстве под своеобразным углом зрения и таким способом возместить затраченные на посылку АРА доллары.

Конечно, принимаю заказы на иллюстрации и обложки, а расстоянием Петербург—Берлин не стесняюсь.

В виду всего этого я делаю Вам следующее предложение:

Не пожелает ли издат<ельский> отдел American Y.M.C.A. (Христ<ианский> Союз Мол<одых> Люд<ей>) издать *небольшой*

хорошо иллюстрированный сборник выдающихся по силе и красоте духовной некоторых моментов из жизни и подвигов Св. отцов (или фиванских анахоретов) с текстом, взятым прямо из первоисточника или же в изложении ярким и сильным, но современным языком, состоящий из 10 или 12 коротких глав по одному рисунку к каждой главе блэк энд уайт (черным и белым в манере гравюры). Я охотно стал бы работать для такого сборника и мог бы привлечь еще, если нужно, худ<ожника> Кустодиева Б.М. Выбор сюжета и текста можно бы сделать у Вас в Берлине или здесь хотя бы Георгием Ив<ановичем> Чулковым. Печатаение книги и рисунков к ней выполнить, конечно, в Берлине. Словом, я предлагаю крестовый поход против атеизма и предлагаю окропить мой карандаш на славный подвиг. Прошу Вас, Сандро, ответить на это мое предположение определено³¹. Худ. Кустодиев — христианин, также как и я.

Теперь о философах. После переговоров с Карсавиным, Лосским и Аскольдовым (он же Алексеев) — и их согласия писать статьи для сборника, издаваемого «Христ<ианским> Союз<ом> Мол<одых> Люд<ей>», мною подано заявление в АРА с Вашим официальным письмом о выдаче им каждому по одной 10 долларовой посылке в виде аванса за статьи. Я думаю, что нет необходимости брать с них какую-либо расписку, т<ак> к<ак> при получении посылки они будут расписываться, но если это нужно, то такую я, конечно, могу с них получить.

Время от времени я буду навещать кого-либо из них, дабы напомнить, что издательство озабочено желанием поскорее выпустить этот сборник. <...>³²

При сем посылаю беглый перечень вышедших и выходящих книг в разных издательствах, может быть, среди моего списка кое-что найдется для Вас новое как материал для Книги и кое-какие сведения о некоторых поэтах и художниках.

— Ф.К. Сологуб, в настоящее время живет в окрестностях Костромы на даче, поправляет свое здоровье и работает, вернется в Петербург в начале августа.

— Ахматова А. Андр. в Петербурге [деятельно посещает разные заседания Дома Литераторов, Дома Искусств и др.] пишет стихи [и позирует для портрета].

— Мих. Ал. Кузмин работает над II томом «Нов<ого> Плутарха», Вергилий, «Римские чудеса», роман. Кроме того, пишет музыку к своему тексту в стихах и прозе «Лесок» для камерного оркестра.

— 13 июля был концерт в Доме Искусств из произведений композитора Артура Сергеевича Лурье. Характер музыки изобличает в авторе импрессиониста. Очень понравились аудитории [романсы и] песни [на] античные [темы] в исполнении Акимовой; Квартет имени Глазунова своим прекрасным исполнением мог удовлетворить самого капризного автора, но тем не менее само музыкальное произведение трудно воспринимается.

— Вячеслав Ив. Иванов живет в Баку, страдает малярией и болезнью глаз³³.

4

Милый Сандро, спасибо за письмоцо Ваше, которому я был особенно рад. Для меня было приятной неожиданностью известие о Юрке и об Лине Богдановне³⁴. Я никак не предполагал, где их местопребывание. Передайте мой сердечный привет им. Сообщение о художественных способностях Юрки меня особенно порадовало. Он находится в таком уже возрасте, что следует его серьезно учить художеству. Я думаю, что это можно бы осуществить в Швейцарии или Германии. Конечно, прежде всего надо учиться серьезному рисунку и развивать художественное чувство на классических произведениях.

Мне ужасно досадно, что это письмо так у меня задержалось. Я давно его написал, но никак не мог отправить, до того трудно с деньгами. Работы нет, а жалованье вместо 100 миллионов дают у нас 10 миллион^{ов}, и то за прошлые месяцы. П.Е. Щеголев («Былое») тоже туго дает деньги за работу³⁵.

Адрес А.Я. Билибина прежний: Лермонтовский просп. д. 4, но дома он почти не бывает, так как жена его в санатории в Царском Селе, и он, очевидно, постоянно туда ездит. Мне не удалось еще его поймать и увидеть. К Ал. Ал. Васильеву я зайду, чтобы побеседовать о Вас. Я слышал, что он имеет визу в Париж и приглашен на какую-то ученую конференцию, но не может ехать, так как не имеет на то достаточно средств.

Я усердно занимаюсь живописью, пишу портрет Анны Ахматовой и этюды. После почти 5 лет перерыва мне трудновато, но я думаю, что преодолею препятствия. На днях видел Софью Исаковну³⁶. Она месяца через два должна родить «homo novus» от немецкого еврея коммуниста, за которого вышла замуж. Фамилию ее мужа я забыл, кажется, что он архитектор, если это верно. Марьяну³⁷ накладным платежом она посылает Алехану. Если я не ошибаюсь, то, ка-

жется, вы — крестный отец Сони. Ну так вот, крестница Ваша тоже ориентировалась на соответствующий ей румб. В этом явлении, несомненно, начал проявляться закон кристаллизации или становления форм из хаоса и брожения. Словом: «мы наш мы новый мир построим!» АРА — УРА!!! Крепко Вас целую вместе с отроковицей³⁸.

Ваш Venerus.

Верочка шлет Вам самый сердечный привет.

В. Б.

5

23 сентября 1922.

Дорогой Сандро, посылку Вашу получил, очень за нее благодарю и даже прочел свою заметку о Выставке. Очень благодарю за помещение статейки. Не удивляйтесь, что я так давно не пишу, на то были причины, я о них расскажу в другой раз как-нибудь, а сегодня у меня к Вам такая просьба. В виду приращения семейства с приездом из клиники моей тещи, которая счастливо перенесла операцию (рак) и понемножку поправляется и накапливает силы и будет жить с нами, ощутился некоторый недостаток в мебели. Разрешите мне письменно взять Ваш *большой письменный стол* на свою половину, мне очень удобно будет, сидя за ним, рисовать иллюстрации и проникаться Вашей мудростью, которая несомненно заключена в этом дереве. Ваши рукописи и содержимое будет в абсолютном порядке и сохранности за моей личной ответственностью. Я даже готов купить его у Вас, если Вы на это согласитесь.

В самом деле, продайте мне письменный стол свой и шкаф зеркальный, даже с обещанием с моей стороны вновь продать его только Вам одному и больше никому в мире, так как я полагаю, что Вы им дорожите. Помните, как мы вместе его выбирали на рынке. Ответьте же мне письмом, что Вы согласны стол письменный и шкаф зеркальный передать или продать мне, чтобы не было у меня недоразумений с Ал. Чеботаревской или ее доверенными лицами из-за этого предмета. Все равно, стоя без употребления, сукно пожирается молью, что крайне обидно. Я не сомневаюсь в том, что Вы согласитесь со мною, но мне необходимо подтверждение это лично от Вас. Жду ответа. Крепко Вас целую и обнимаю.

Ваш В. Белкин.

P.S. С нашими милыми любителями мудрости мне давно не приходится видеться, они стали жить уединенно³⁹ и, говорят, собираются за границу.

PP.S. Передайте привет и восхищение мое отроковице, судя по портрету она блещет завидным здоровьем, свежестью и всем, что на языке добротолубия, называется «телесной доброцветностью». Вообще фотография в Беклиновском жанре, в коем Вы занимаете место морского коня или тритона. Верочка Вам шлет сердечный привет.

6

2/1 1924

Дорогой Александр Семенович,

Поздравляю Вас и Вашу отроковицу с Новым Годом с пожеланием в этом году найти осуществление затаенных Ваших желаний.

Я очень давно Вам не писал — это у меня бывает. Причин к тому никаких не было, т. е. и к молчанию, да, пожалуй, и к писанию. Но сегодня вот взял я листок доброй старой бумаги и поведаю Вам о происшедших событиях.

Жизнь вообще течет довольно заурядно в трудах, недостатках, и не случилось ничего великого, но кое-какие происшествия все же были.

Например, Ал. Н. Толстой живет на Ждановке д. 3/1, кв. 24, т. е. у нас над головой. А случилось это так потому, что я ему внушил мысль: «не следует мозолить глаза публике и великим мира сего и не жить в Москве, где, кстати, квартир нет и жизнь дорога, а принять тактику кавалерийскую, т. е. производить опустошительные и неожиданные набеги на Москву, наводя панику и смятение умов, брать крупные авансы конечно не у дам, а в редакциях, и после быстрых и решительных операций возвращаться к своей базе на Ждановку д. 3/1, кв. 24».

Этой осенью опыт был произведен и дал прекрасные результаты, т. е. добыча или авансы спешно пересылались мне в Петроград, а я в 2-х месячный срок построил ему квартиру в 6 комнат + кухня, людская, ванная и 2 клозета и много других угодий. Дело в том, что огромное учреждение топографической съемки выехало из нашего дому, и открылось поприще для строительства на оставленных кочевниками пепелищах. Ремонт был громадный — не было ни печей (годных к действию), ни перегородок. Так... вроде как бы степь, по-

крытая ковьялем и жестянками из-под консервов. И я по дружбе взялся для Алексея за архитектуру. Пошушукался, пошептался с архитекторами и сделал. Квартира вышла красивая, теплая, чистая и комфортабельная.

А главное чудо в том, что целый год Алексей не будет платить квартирной платы и деньги, затраченные на ремонт, не погибли бесследно. Мебель он привез из Москвы, кое-что необходимое купил и зажил прочно и оседло.

Семья у него очень большая стала, самих с теткой Марьей Леонтьевной семеро, да домочадцев 3, итого 10 чел<овек>. Трудновато кормить такую ораву, но пока все идет, как следует, затруднения, естественно, возникают и проходят, и, слава Богу, живут хорошо. Написал он на этой своей квартире пьесу и продал в малый драматический (бывший Суворинский театр) «Бунт машин»⁴⁰ — пойдет в начале февраля. Пьеса отличная, комедия, и смешная, и весьма интересная, превосходная пьеса. Мелочей, т. е. статеек, рассказов, написал за это время немного — да вот сказку для маленьких детей (в стихах) «Кот — сметанный рот», которую я иллюстрирую для издательства «Брокгауз и Эфрон»⁴¹.

Отношения у нас хорошие, очень дружеские — прямо задал трубками. Ну, довольно о нем.

Когда-то Вы, Алекс<андр> Семенович, к нам пожалуете? Надо Вам кое-что разузнать, наметить и почву для себя подготовить, т<ак> к<ак> очень жизнь здесь трудновата.

Что бы вы сказали, напр<имер>, о дипломатической карьере? Языки разные Вы знаете и о федерации целую книгу написали⁴². Позондируйте почву в нашей российской миссии в Берлине. Вообще не смею, не дерзаю ничего Вам советовать. А профессура, конечно, не очень-то прибыльна. Я вот в отставку ушел сам и не жалею пока, хоть лучше жить и не стал, но все же делаю рисунки, которые суть вещи — памятники, а там никакого результата не видно, а время уходит неудержимо. Мне в этом году уже 40 лет стукнет, а я еще ничего не создал достойного, чем могли бы меня памятовать.

Был у меня под Новый год Пинегин художник — человек по видимому хороший, да уж очень краткое свидание-то было, пришел он поздно вечером, а мы с Верой должны были на встречу Нового Года ехать в одно общество.

Квартира наша захудала от времени, и печки плохо греют, а Сологуб и Чеботаревская не топят совсем: дров ли у них нет или денег мало, но холодище у них полярный. Уверены ли Вы, Александр Семенович, что она передаст Вам квартиру обратно? Я очень

не уверен, хотя никакого разговора на эту тему у меня с нею не было. А по декретам *полное право имеет она*, а не Вы. И выйти может так, что была у Вас квартира и нет ее. Наводит на эту мысль следующий факт. 1) Она настояла на том, чтобы ответственной квартиронанимательницей быть ей. 2) Меня уговаривает предметы мебели, Вам принадлежащие, взять к себе с ее территории (к чему бы это?), а ведь раньше стола письменного никак мне не хотела дать. 3) Книги Ваши с полок сняла и уложила в ящики (к чему?). Ну хорошо, стол мне нужен, *я его взял**, рукописи Ваши под моей охраной в целости. А на что мне другие вещи, нет, пусть стоят у нее, может быть, *факт их пребывания на ее территории даст Вам опору в будущем, возможном споре с нею*. Нет, это черт какой-то, уж очень хитрая. Вообще у меня было с нею сражение, которое обнаружило много сторон в ее личности, мне бывших неизвестными. А Сологуб имеет 3 квартиры 1) 1 комнату в кв. 26 у сестры Настасьиной; 2) 1 комнату в Царском Селе, где живет все время; 3) и 2 комнаты в нашей квартире, где не живет и не топит совсем (это бывшая ваша гостиная и столовая). Но я думаю, что под гнетом трудной жизни и малого литературного заработка, они должны будут произвести сокращение фронта (квартирного).

Продолжение

В ответ на последнее Ваше послание. Вас неверно, как и всегда в Берлине, информировали. Ал. Н. Толстой, как видно уже из моего письма, живет не в Вашей квартире, а над Вашей, № 24. Должен сообщить Вам, что из комнат Сологуба снята хрустальная люстра, бывшая в столовой, и дана для красы в столовую к Толстым. Пусть факт этот Вас не беспокоит. Алехан сам сделает приписку на этом письме. Полагаю, что мебель Ваша будет вся Вам возвращена, но вряд ли отдаст Вам квартиру Чеботаревская.

Я высказываю предположение только, а потому в случае возможной с нею переписки на такую тему, прошу моих *предположений* не употреблять, как цитаты.

Вообще, черт ее принес из Баку совершенно напрасно. Библиотека, сколько мне известно, цела, но книги сняты с полок и положены в ящики. Это совершено Чеботаревской.

Комната** Чеботаревской всегда была заперта висячим замком на ключ, который находился у ее сестры родной, Ольги Ник. Черно-свитовой, во время пребывания Чеботаревской в отъезде в течение нескольких лет.

Поздравляю Вас, Сандро, с Новым годом, правда, несколько поздновато, но я думаю, что поздравление, даже и своевременное мало существенно. Верочка шлет Вам свой теплый привет.

Крепко жму Вашу руку. До свиданья.

Ваш Вениамин Белкин.

<Притиска А.Н. Толстого:>

Милый Сандро, получил оба твоих письма. Пора, давно уже пора бы возвращаться домой. Если у тебя будут средства прожить, скажем, месяца 2, 3 — то несомненно, ты сможешь осмотреться и найти подходящую работу. Разумеется для заработка — Москва, для научной работы — Питер. Мы живем хорошо (в квартире над твоей № 24), проживаем — 45 приблизительно червонцев (англ. фунтов) в месяц. Но нас много, — 4 детей, 3 прислуги и тетка старая с нами...

Привет Алисе. Крепко жму твою руку. Наташа тебе шлет привет.

Люстра твоя висит у нас в столовой, т. к. Сологуб на место ее повесил свою.

* Взял по просьбе Чеботаревской в ноябре 1923 г. в состоянии довольно плохом, а именно: сукно оказалось совершенно изъедено молью, пока он находился без употребления. Все рукописи из письменного стола я переложил аккуратно в красный шкаф и запер его на ключ, который находится у меня. Письменный стол *был вскрыт кем-то* и был за время пребывания у Чеботаревской *не заперт. Но по-видимому, все в нем оказалось в порядке.*

В. Б.

** т. е. Ваш кабинет.

7

25/1 1926 г.

Дорогой Александр Семенович,

внял, наконец, Вашему короткому письму, на которое пишу сей пространный манускрипт.

Причина долгого молчания проста — мы не европейцы, а потому, если нет содержания для письма, то мы его не пишем, презрев правила хорошего тона и вежливости.

Вам, конечно, отчасти известны те события, кои посетили наше жилище? Александра Николаевна Чеботаревская умерла, так же пла-

чевно, как и Настасья, т. е. впад предварительно в тяжелое душевное заболевание, каковое можно было усмотреть значительно раньше ее гибели. И с этой сестрой, из семьи, очевидно, отмеченной роком, произошли события несколько необычные, также, как и Анастасья, она бросилась в воду, но в Москве, и была извлечена, скончалась в те же сутки от плохого сердца.

Территория после нее, ставшая свободной, путем интриг захвачена именем Сологуба дальнейшим отпрыском этого семейства, племянницей покойных сестер, каковая и внедрилась в Вашем кабинете с неким датским журналистом.

Что касается мебели и книг Ваших, то они эвакуированы на мою территорию и находятся в целостности и сохранности.

Я полагаю, что книги все сохранились, но знать конечно не могу, ибо каталога не существует и даже общее число томов мне неизвестно. Итак, я состою хранителем вашей библиотеки. Какое же мне положите Вы жалование? Ха-ха и еще раз ха!!!

Мне показалось на взгляд, что не хватает журналов вроде «Летопись войны» и французских романов, т. к. их было, насколько я помню, довольно много. Но такая пропажа несущественна. С особым вниманием отнесся я к начатым и неоконченным работам по составлению философского словаря, материалы, записи и бланки в том же порядке были мною из письменного стола интернированы в шкаф красного дерева. Обеденный стол, желтый диван, и красный тоже, стоячая конторка и еще кое-какие предметы находятся во владении Алексея Толстого. Люстра возвратилась ко мне. Словом, на луне все в порядке, т. к. Вашу собственность здесь я отождествляю с собственностью на Луне или Марсе. Теперь о людях.

О себе мало, т. к. пробиваюсь иллюстрациями и обложками; перспектив в настоящее время, в тумане экономического возрождения, для художника не усматривается. Верочка стала выдающимся музыкальным педагогом и в прошлый сезон участвовала в 30 концертах. Недавно завели собачку. Теперь ей около 4-х месяцев, порода — сибирская лайка, совершенно белая, очень умная и скрашивает нашу бездетную жизнь. Много трудимся, но достатков не приобрели. Дружба с Алексеем и его успех скрашивают нашу трудовую жизнь. Видимся очень часто. Об успехе его драматического писательства Вам, конечно, известно из прессы. Он вовремя вернулся — это надо признать, да и талант его исключительно большой.

Александр Яковлевич Билибин* вторично женился, т<ак> к<ак> его первая жена, поскучав в этом мире, ушла в Елисейские поля.

Алекс. Алекс. Васильев на время уехал, кажется, в Америку читать лекции в каком-то университете.

Встречал несколько раз художника Пинегина, он все больше норовит в полярные экспедиции уезжать. Ф. Сологуб, хоть и живет в одной квартире, но видимся случайно и редко. Это объясняется тем, что с его родственниками мы находимся на положении вооруженно-нейтралитета до момента борьбы за территорию.

В отменно хороших отношениях с Алеханом, часто бываем у них и встречаем людей самых разнообразных, начиная с академиков и кончая и актрисками. Алексей очень много и плодотворно работает; после переселения в СССР написал уже 4 пьесы. Из которых 2 особого успеха не имели, но зато одна имела огромный материальный успех — это «Заговор императрицы», теперь в Москве идет пьеса «Азеф»; собственно, название ее «Орел или решка». Надо полагать, что и эта пьеса имеет капитальное значение. Я не говорю уже об небольших повестях, об авантюрном романе «Гиперболоид» (печатается в «Красной Нови»), об либретто для оперы «Полина Гебль»⁴³ и либретто для оперетки «Дар Дао-Эхе», которые еще не закончены с музыкальной стороны и не вошли еще в репертуар.

На весну он хочет отдохнуть и проехаться в Италию через Одессу.

Вот почему, собственно, он не пишет писем, хотя на Ваше письмо он послал ответ, не на последнее письмо.

Не встречались ли Вы за границей с Добужинским Мстис<лавом> Валер<иановичем>. Интересно, как он себя чувствует морально и материально, променяв столицу СССР на глухую провинцию дореволюционной Российской империи. Думаю, что не только не выгадал, но пожалуй прогадал. Для нас же жаль, что из нашей среды художников выбыл такой талантливый и высококультурный художник и человек.

Не знаю, что мог бы я еще Вам написать о нашей жизни. Это затруднительно в том отношении, что в письме я не имею реплик своего собеседника, не знаю, что именно для него интересно, что мало понятно и ново и, как путник без компаса, не уверен в взятом им наобум направлении. Так и я, вероятно, много и долго мог бы беседовать с Вами лично, но писать затрудняюсь, да и бумага кончается, да, кажется, все уже и написал, а потому кончаю послание, жму Вашу руку и шлю Вам привет свой и Веры Александровны. А также передайте привет наш своей молодой супруге, которую мы видели на карточке, посланной Вами когда-то.

Ваш В. Белкин

Алексей Николаевич шлет привет и говорит, что он писал Вам, отвечал на все письма; возможно, что они не дошли до Вас, потерялись.

* А.Я.Б. находится в ожидании приращения семейства.

8

9 /X/ 1929

Дорогой Александр Семенович, в исполнение Вашей просьбы я должен подтвердить сообщение о сдаче Вашей библиотеки в Госуд<арственный> Книжный Фонд. Вчера я получил из Гос. Книж<ного> Фонда *копию акта* о сдаче книг, *которую при сем и прилагаю*. Из беседы с заведующим я вывел заключение о возможности если не возврата, то во всяком случае компенсации за отчужденную библиотеку. Я предполагаю, что именно эти книги (по тому отделу знания) — которые Вы собирали, едва ли в настоящее время представляются для Вас необходимыми, т. к. едва ли Вы будете продолжать ту библиографическую работу, которую Вы не закончили и все же сохранившуюся в том состоянии, как она прервалась. Это мое предположение подсказывает возможность избрать ту форму компенсации, которая в настоящий момент для Вас более желательна.

По сведениям *основное ядро библиотеки* поступило в Ленинградский *Институт Марксизма*, с которым я вел переговоры еще до сдачи книг в Гос. Кн<ижный> Фонд. Я предлагал Институту поместить всю библиотеку в целом, не разбивая ее, в их учреждение и просил компенсировать мои расходы по сохранению и оплате помещения за 10 лет в форме, для меня наиболее приемлемой, а именно предоставить в мое личное пользование некоторые художественные журналы русского издания (*за все годы*), потребные мне по моей профессии на неопределенный срок с обязательством возврата по миновании моей в них надобности. (Я хотел иметь под рукой «Старые Годы», «Золотое Руно», «Аполлон», «Мир Искусства», историю живописи А. Бенуа и еще что-то).

Но получил в ответ письменное отношение примерно такого содержания: «Ленингр<адский> Инст<итут> Марксизма на основании сообщения из ОГПУ извещает, что Л.И.М. не имеет права купить у Вас книги, принадлежащие гр. Ященко, т<ак> к<ак> согласно существующих законоположений, имущество граждан, эмигриро-

вавших за границу, подлежит сдаче в Государственные органы, в данном случае в Госуд. Книж<ный> Фонд.

— за подписями Зам<естителя> Директора Института Гони-ман и ученого секретаря Вольпе».

Получив такую штуку, оставалось только выполнить этот добрый совет, и возможно скорее, откинув всякие мечтания о художественных журналах.

Теперь Вам, конечно, интересно и необходимо знать, почему я предпринял все эти шаги. Постараюсь возможно короче изобразить ситуацию, создавшуюся на месте, т. е. в квартире, где я живу. Прежде всего надо знать, что население квартиры радикально переменялось. А именно — после смерти Александры Чеботаревской вся бывшая ваша половина помещения была занята (теперь покойным) Федором Кузмичем Сологубом с замужней племянницей его жены Настасьей Николаевны (умершей). Означенная племянница с сожителем своим иностранцем заняла угловой кабинет и первый день своего пребывания ознаменовала эвакуацией всех книг из кабинета в кухню. Эвакуация была совершена довольно беспорядочно, в кухне образовались книжные горы. После этого мне с Верой пришлось навести порядок и поместить книги на вынесенные из кабинета полки в прилегающей к кухне комнате для прислуги. Книги, плотно утрамбованные, заняли более чем 2/3 площади в этой комнатке.

Тут же ютилась то одна, то другая прислуга этой племянницы. Воспрепятствовать помещению в эту же комнату кого-либо мне не удалось, т<ак> к<ак>, действительно, другого помещения их прислуге не было. Для книг большой беды от этого не было. Комнатку эту мы оплачивали в половинной доле — покойный Сологуб и я (с ним я имел денежные расчеты по квартире на равных правах). По смерти Сологуба и по выезде его племянницы и прислуги ее из квартиры, я запер на замок комнатку с книгами и оплачивал ее единолично. Освободившаяся жилая площадь в квартире, по правилам для ЖКТ-ов, поступила в распоряжение Правления ЖКТ-а и, согласно инструкции Жилищного Отдела, была заселена рабочим, трудовым, пролетарским элементом. Элемент этот был вполне хорош, за исключением одного субъекта, в бытовом отношении довольно трудно выносимого.

Но факт густого заселения квартиры (в каждой комнате оказалась целая семья с детьми) создал обычные теперь, но непривычные для нас с Верой, бытовые неудобства. Пользование одной ванной, кухней, где гудят штук 8 примусов, и другие детали, связанные с густым населением, заставили меня найти наиболее подходящий выход из создавшегося положения. Этот выход — перепланировка кварти-

ры и связанный с нею капитальный ремонт. В течение мая и части июня я произвел за свой счет эту работу. В результате получилось следующее: мне пришлось радикально отрезать занимаемую мною площадь из 3-х комнат от остальной части квартиры, заложив кирпичом проемы в капитальной стене в одной из комнат и в коридоре, при этом ванная, кухня, парадный и черный ход оказались по ту сторону (добра и зла). А в оставшейся у меня территории пришлось создать кухню, ванную, переднюю и выход, правда на черную лестницу, что и совершенно: пробита стена и сделана двойная дверь на лестницу; бывшая крайняя комната разделена так, что одна половинка в виде лоджии присоединилась к моему кабинету (там, где синяя печь), а другая половинка с прилегающей уборной превратилась в мини-атюрную кухню с плитой. Уборная увеличилась до пределов потребных для колонки и ванной. Коридор разделяется дверью на переднюю и часть, прилегающую к кухне и ванной (новым).

Вся эта переделка потребовала больших затрат, которые еще и теперь остатком бремени лежат на моем бюджете. Потолки выбелены (впервые с 1913 года), по старым матовым обоям стены окрашены матовой клеевой краской, двери покрашены, словом, — квартира приняла веселый жизнерадостный вид, который заставляет легче переносить тяготы жизни.

Так вот, после этой перепланировки книги должны были остаться там за чертой, т. к. поместить их у себя я не мог, нету места; кроме того были еще весьма веские причины, о которых я не пишу, не брать их к себе, если бы даже и было место. Какая судьба могла их постигнуть: — их могли расхитить, разбазарить и разрознить, и только в лучшем случае сдать туда же, куда я их и сдал. Оставлять по-прежнему в закрытой комнате нельзя, т.к. ЖКТ всю площадь должен использовать, как жилую. Теперь Вы видите, что мне не оставалось ничего кроме того, что я и сделал. Сдать в Гос. Кн<ижный> Фонд, как оно предусмотрено законом. Не моя вина, что оказалось ошибкой предположение, что книги эмигрантские. Я очень был рад узнать от Вас, что Вы, Александр Семенович, *советский лояльный гражданин*, и не сомневаюсь, что это именно основанием послужит в Вашем ходатайстве о возврате или компенсации принадлежащей Вам библиотеки и не сомневаюсь в успехе этого ходатайства, которое незамедлительно и начните.

За сим деловым содержанием этого письма остается еще возможность кратко сообщить о себе за этот длинный период моего упорного и Вам, к сожалению, непонятого молчания. Я довольно много работал за это время в области книжной графики и худож. оформления книги в изд. «Academia», отчасти в журнале «Красная Панора-

ма» (при Красной Газете) и отчасти в Госиздате в Ленинградском отделении. Работы бывает то много, то мало — в общем достаточно для жизни и недостаточно для накопления ресурсов, для отдыха и для свободной живописи. С 1928 с апреля и до 1 марта 1929 вновь профессорствовал в Академии Художеств — замещал Осипа Эмануиловича Браза и руководил по живописи 5 — 4 и 3 курсом, а с отчислением Браза через 2 месяца и сам оказался отчисленным.

В настоящий момент это учреждение в состоянии радикальнейших реформ и название прежнее изъято — уже не Академия Художеств, а ВХУТЕИИ (Высший Худож. Технич. Институт).

Снова вернулся к графике и иллюстрации и этим летом отиллюстрировал собр. сочинений М.Ю. Лермонтова для Госиздата; когда книга выйдет, обратите свое благосклонное внимание (сделано не худо). К Шекспиру к «Королю Генриху V» тоже сделаны мной рисунки 5 штук. Живописью удаётся заниматься урывками и оттого особо серьезных результатов быть не может. Мечтаем с Верой о летнем отдыхе где-нибудь у Черного моря, осуществим ли свое желание — не загадываю. Хотелось бы пожечься в ультрафиолетовых лучах и выжечь из своей природы бронхиты и насморки вконец. Вера преподает в музыкальном техникуме, у нее не многочисленный, но выдающийся по качеству класс. За последние 1½ года живем уединенно. С Толстыми прервали отношения из-за Натальи Васильевны, женщины самовлюбленной, капризной и далеко недоброй. Он (Алексей) с семьей поселился⁴⁴ в Детском Селе (быв. Царское) и живет, как вельможа, судя по слухам. Павел Елисеич Щеголев составил за 10 лет громадную библиотеку около 20 000 томов⁴⁵, пишет что-то и полечивается от сахарной болезни. Его сын Павлуша, которого Вы помните мальчиком, — делает карьеру профессора по кафедре общественных наук, очень способный молодой человек⁴⁶. А.Я. Билибин не знаю как живет, замкнут, поглощен лекциями, и я его лет 5 не видал, раза два говорил по телефону с ним, вот и все. Сейчас не припомню общих знакомых, о которых мог <бы> что-либо сказать. Тот блондин, с которым Вы играли в шахматы, усами которого восхищалась Матильда, отбыл на продолжительный срок для изучения Севера. Марго тоже — выбыла надолго из Ленинграда⁴⁷. Зато недавно виделся с художн<иком> Лансере Евген<ием> Евген<ьевичем>, который постоянно живет в Тифлисе. Преподает (профессор) в местной Худож<ественной> Академии. Этим летом он путешествовал по Сванетии и показывал мне свои этюды. Чулков в Москве. Макс Волошин в Коктебеле занимается живописью (к сожалению). Больше, кажется, нечего писать. В заключение позволю себе закончить пись-

мо просьбой сообщить адрес Юрия и Лины Богдановны, от которых сведений не имею, и написать мне, оказывает ли Юрий успехи в искусстве. Если они мне напишут о себе, я буду очень рад. Передайте им мой привет. До свидания. Жму Вашу руку с пожеланием всего наилучшего Вам и Вашей супруге.

Не откажите передать наш привет, если к тому будет возможность, Матильде Августовне от нас с Верой.

Вера шлет Вам свой привет.

Искренне Вам преданный

В. Белкин.

Адрес прежний д. 3/1, кв. 22/А
номер квартиры с прибавлением буквы А.

КОММЕНТАРИИ

¹ Ср. сходное обозначение Петрограда у А.Н. Чеботаревской, процитированное в некрологе о ней в *Литературных Записках*, 1922, № 1, 25 мая, стр. 13.

² Вера Александровна Белкина, жена В. П.

³ В мае 1921 г. была проведена реорганизация «Свободных художественных мастерских» (в 1918 г. заместивших собою Академию художеств), и в новоорганизованную Академию были приглашены представители объединения «Мир Искусства». См. об этом: И.И. Беккер, И.А. Бродский, С.К. Исаков. *Академия Художеств. Исторический очерк*. Л.—М., 1940, стр. 131—132.

⁴ Осип Эммануилович Браз (1873—1936), живописец, график. В 1928 г. эмигрировал и умер в Париже.

⁵ Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957), выдающийся русский художник, в 1924 г. уехал в Каунас. Умер в эмиграции. Ср. недавнюю публикацию его писем к Н.Н. Берберовой, хранящихся в архиве Николаевского, — *Slavica Hierosolymitana*, vol. IV (1979), pp. 344—356.

⁶ Александр Николаевич Бенуа (1870—1960), один из организаторов «Мира Искусства», с 1926 г. — в эмиграции.

⁷ Козьма Сергеевич Петров-Водкин (1878—1939) ввел в систему преподавания Академии художеств так называемую «трехцветку» — см. о ней и конфликте вокруг нее в дневниках В.В. Воинова, в кн.: *Борис Михайлович Кустодиев. Письма. Статьи. Заметки. Интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым (Из дневников Вс. Воинова). Воспоминания о художнике*. Л., 1967, стр. 253—254. См. также мемуарную книгу Петрова-Водкина *Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия*. Л., 1970. Ср. недавнюю публикацию: Ю.В. Новиков. «Воспоминания о “Мире Искусства” К.С. Петрова-Водкина». *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978*. Л., 1979, стр. 99—107.

⁸ Дмитрий Николаевич Кардовский (1866—1943) с 1905 г. преподавал в Высшем художественном училище при Академии художеств. Один из организаторов в 1904 г. «Нового общества художников».

⁹ Николай Эрнестович Радлов (1889—1942) — график, художественный критик.

¹⁰ Василий Никитич Мешков (1867—1946) — живописец.

¹¹ Александр Александрович Рылов (1870—1939) учился в мастерской А.И. Кунджи в Академии художеств в 1894—1897 гг. С 1915 — академик, профессор живописи.

¹² Александр Иванович Вахрамеев (1874—1926) — живописец и график.

¹³ Константин Иванович Горбатов (1876 — после 1928) — петроградский художник, в 1924 г. уехал за границу.

¹⁴ Александр Иванович Савинов (1881—1942) с 1917 г. — профессор, в 30-е гг. заместитель директора Академии художеств.

¹⁵ Василий Евменьевич Савинский (1859— 1937) считался правоверным хранителем художественно-педагогической доктрины П.П. Чистякова. Преподавал в Академии в 1889—1930-х гг. Ср.: П.П. Чистяков и В.Е. Савинский. *Переписка 1883—1888. Воспоминания*. Ред. и комм. И.А. Бродского и М.С. Коноплевой. Л.—М., 1939.

¹⁶ Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925) — переводчица. См. о ней справку в публикации Д.Е. Максимова «Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской», *Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 года*. Тарту, 1964, стр. 549—561. Ср.: М.С. Альтман. «Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921)», *Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение*. Тарту, 1968.

¹⁷ Александр Яковлевич Билибин (1879—1935), математик, профессор Политехнического института и других петроградских вузов, брат художника И.Я. Билибина.

¹⁸ В.А. Билибина (урожд. Бубнова, 1848—1918) и Я.И. Билибин (1838—1904) — родители А.Я. и И.Я. Билибиных.

¹⁹ Приводим здесь более позднее письмо А.Я. Билибина к А.С. Яценко (хранящееся в архиве Николаевского), в котором он откликается на слухи о возвращении Яценко в Россию:

20/VI 1924

Дорогой Сандро,

Не сердись на меня за долгое мое молчание.

Твое письмо, во-первых, пришло в тот период времени, когда я был выше головы завален работой: конец учебного года, качественная проверка студентов (массовые увольнения по разным признакам); разговоры о ликвидации II Полит<ехнического> Института и связанные с моим деканством работы по сему поводу etc. etc. Но это дела, так сказать, внешние. Внутренние — это упорная борьба с злым недугом моей жены. В ее болезни — туберкулез — начиная с этого января, опять наступило резкое ухудшение. Были моменты, когда мерещился последний акт этой грустной истории. За последние дни наступило маленькое улучшение и я свез ее в деревню, к ее тетке, куда и сам скоро поеду. И вот теперь хочу с тобой побеседовать.

Как видишь, с моим семейным построением дело вышло не очень ладно. Вот уже пять лет, как я женат и из них — четыре: упорная борьба с болезнью. <...>

Теперь ответу на твои вопросы. Первый вопрос — как живет на Руси. Ответу так: если отбросить элементы личных оппортунистических интересов, если отбросить узкую шорность политических убеждений, если признать *raison d'être* (а его нельзя не признать) всего того, что происходит, то в России не только можно, но должно жить. Я не понимаю эмиграции. Я считаю, что русский человек должен жить у себя дома.

И я знаю, что, несмотря на все тяжелые моменты, которые пришлось пережить, я все время делал свое дело и, конечно, такая работа внесла долю в культурное возрождение нашей страны, а это культурное возрождение идет гигантскими шагами. Я, положим, всегда был далек от политики, ибо никогда не жил политической жизнью, но ведь теперь нельзя, невольно, не принимать участия в общественной жизни. И вот мои выводы: *Ich grolle nicht...* Многое с моей точки зрения, мне кажется неправильным. Но «в чем истина?» Конечно, не в том кипении бессильного шипения, слабого негодования, бесконечного осуждения и т. д., которое доносится к нам с Запада, из уст людей, бежавших из Родины, чтобы негодовать и ничего для нее не делать. Поэтому я с самым искренним и радостным чувством услышал от тебя о твоём намерении вернуться домой. Ты, конечно, работу себе найдешь.

<...> Единственно, что грустно, что ты хочешь жить не в Ленинграде. Ну, да и до Москвы не далеко. Я очень рад буду обнять тебя и соединиться с твоей новой «ориентацией», которой от меня самый, unbekannterweise, дружественный привет.

Твой Бамбино.

²⁰ В архиве Чулкова сохранилась относящаяся к этому моменту его визитная карточка. Она адресована М.А. Кузмину и снабжена следующим текстом:

«Ждановская набер. 3, кв. 22
тел. 601-05
Георгий Иванович Чулков

Явных всех мужчин и дам
Принимает по средам.
Тот же, кто — гермафродит,
Пусть в субботу забежит».

— Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, фонд 371 (Г.И. Чулков), карт. 2, ед. хр. 17. Ср. в кн. Георгия Чулкова *Годы странствий* (М., 1930, стр. 203): «Из младших ревнителей “Мира Искусства” назову В.П. Белкина, которого я очень ценю, как человека и художника, и которого графические работы справедливо приветствовал А.Н. Бенуа».

²¹ В той же квартире 22 по Ждановской набережной, дом 3, Ф.К. Сологуб жил в 1922—1927 годах. См. комментарий С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова к публикации «Воспоминаний» Конст. Эрберга (К.А. Сюннерберга), *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л., 1979, стр. 145, примеч. 19.

²² В.Г. Каратыгин (1875—1925), известный музыкальный критик.

²³ Речь идет об альянсе А.Н. Толстого с *Накануне*, и данные слова В.П. Белкина представляют собой отклик на публикацию письма А.Н. Толстого к Н.В. Чайковскому в московской газете *Известия* 25 апреля 1922 г.

²⁴ Ср. извещение в *РК* № 9, стр. 31 об исчезновении А.Н. Чеботаревской. Ср. также заметку «Судьба А.Н. Чеботаревской» в гельсингфорской газете *Путь*, № 203, 21 октября 1921, перепечатанную в *Руле*, № 291, 1 ноября (19 октября) 1921 г. См. также в ряде мемуарных источников — Александр Амфитеатров, «А.Н. Чеботаревская», в его кн. *Горестные заметки. Очерки красного Петрограда*. Берлин, «Грани», 1922, стр. 94—104; З. Гиппиус. *Живые лица*. Прага, 1925, II, стр. 112 (ср. также рецензию В.Ф. Ходасевича — *Современные Записки* 25, 1925, стр. 540—541); Георгий Чулков. *Годы странствий*, стр. 162—163; Лидия Чуковская. *Записки об Анне Ахматовой*. I. Париж, 1976, стр. 119; Чукоккала. *Рукописный альманах Корнея Чуковского*. М., 1979, стр. 147; воспоминания М.В. Добужинского (*Новый Журнал*, 11, 1945, стр. 288); комментарий в кн.: Вячеслав Иванов. *Собрание сочинений*. Том 2. Брюссель, 1974, стр. 725—726.

²⁵ В дневнике художника К. Сомова от 4 января 1923 г. рассказывается о встрече с Белкиными у А.П. Остроумовой-Лебедевой: «Он показывал свой жалкий сезаннистский неоконченный и непохожий портрет А. Ахматовой, который я не удержался жестоко раскритиковать. По этому поводу начался спор, продолжавшийся за чайным столом <...>» (Константин Андреевич Сомов. *Письма. Дневники. Суждения современников*. М., 1979, стр. 212.) Ср. упоминание о Белкиных в 1913 г. в автобиографическом наброске Ахматовой, процитированном в комментарии В.М. Жирмунского в кн.: Анна Ахматова. *Стихотворения и поэмы*. Л., 1976 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 504.

²⁶ *Полное собрание сочинений Платона в 15 томах*. Новый перевод под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, Э.Л. Радлова. Том I. Пб., Academia, 1923 (Труды Петербургского философского общества).

²⁷ Относительно религиозно-философского сборника для издательства YMCA-Press.

²⁸ Брат В.А. Белкиной (?).

²⁹ А.А. Васильев (1868—1953) — знаменитый историк-византист, с 1904 г. — проф. Юрьевского, а в 1917—1925 гг. — проф. Петроградского университета. В 1925 г. эмигрировал в США. Его письма к А.С. Яценко хранятся в архиве Николаевского.

³⁰ Вениамин Белкин. «Петербургские письма. Выставка “Мир Искусства”» *НРК*, 1922, № 7, стр. 23—25. Ср. рецензию Д.А. Лутохина на эту же выставку в петроградском журнале *Утрешики*, кн. II (1922), стр. 123—124.

³¹ Этот проект реализован не был.

³² Часть письма, состоящая из расспросов о распределении посылок АРА, нами опущена.

³³ Справки о Сологубе, Кузmine и Иванове помещены в *НРК*, № 7 в разделе «Судьба и работы...».

³⁴ Сведениями об этих лицах мы не располагаем.

³⁵ Речь идет о сотрудничестве в издательстве «Бьлое».

³⁶ С.И. Дымшиц-Толстая (Пессати) (1889—1963), живописец и график, в 1907—1914 гг. — жена А.Н. Толстого.

³⁷ Дочь А.Н. Толстого (род. в 1911 г.).

³⁸ Новая жена А.С. Яценко.

³⁹ Арестованные участники подготовлявшегося религиозно-философского сборника.

⁴⁰ *Звезда*, 1924, № 2; отд. издание — Л., «Время», 1924. См. об этой пьесе статью: З.Г. Минц и О.М. Малевич. «К. Чапек и А.Н. Толстой», *Труды по русской и славянской филологии* (Уч. зап. Тартуского университета, Тарту), 1, 1958, стр. 120—164.

⁴¹ Вышла в 1924 г. в Ленинграде.

⁴² Докторская диссертация А.С. Яценко *Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства* (Юрьев, 1912).

⁴³ См.: «Полина Гебль (Декабристы). Драматическая поэма». *Новая Россия*. 1926. № 1, стр. 37—58. Опера о декабристах была задумана А.Н. Толстым и Ю.А. Шапориным в 1923 г. См. об этой работе и о конфликте с Шапориным в связи с либретто — в воспоминаниях Дмитрия Толстого, в кн.: *Воспоминания об А.Н. Толстом*. Сборник. М., 1973, стр. 235—236.

⁴⁴ С мая 1928 года.

⁴⁵ О библиотеке историка, пушкиниста П.Е. Щеголева (1877—1931) см. в воспоминаниях Ф. Шилова. *Записки старого книжника*, М., 1965, стр. 111.

⁴⁶ Павел Павлович Щеголев (1903—1936), крупный специалист по истории Французской революции XVIII в., с 1926 г. — профессор Ленинградского университета. См. о нем в кн. А.В. Бахраха *По памяти, по записям...* Париж, 1979, стр. 186—190.

⁴⁷ Установить имена этих сосланных из Ленинграда друзей А.С. Яценко нам не удалось, — как и определить, кем являются упомянутые дальше в письме Юрий и Лина Богдановна, выехавшие на Запад.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(письмо Ал. Н. Чеботаревской)

Ленинград
Ждановская наб.
д.3, кв.32

17 марта 1924 г.

Дорогой Александр Семенович!

Очень порадовала меня весточка о Вашем намерении вернуться на родину. Пора, давно пора. Буду рада познакомиться и с Вашей молодой женою, которую я искренне приветствую. Много пережито за эти пять лет, особенно нами, здесь. Относительно того, что «я вернулась домой», не совсем точно. Я считаю, что мой дом всегда в Питере, особенно с тех пор, как в нашем доме на Ждановке, в 1918 году, на нашей же лестнице, но в 5-ом этаже, поселилась старшая из моих сестер, замужняя, с большою семьею, со взрослыми дочерьми, из которых две старшие уже вышли замуж, и с которыми я живу все время как бы вместе, хотя и в разных этажах. Уезжала, я, главным образом, в Москву, зачастую оставалась там по несколько месяцев, так как литературная работа перемещалась в тяжелые годы в Москву, которая до сих пор остается средоточием всей деловой, торговой и хозяйственной жизни России. Наш Питер — затишье, и сейчас пышная и прекрасная, но все же провинция! Один раз я уезжала надолго, — почти на год, в Баку, когда там тяжело заболел Вячеслав Иванович и его дочь — тифом. В 1921 году скончалась моя сестра Сологуб, и после ее кончины Федор Кузьмич Сологуб переселился к нам, т. е. к сестре и ко мне. Живет он в кв. 22-й, у меня, и занимает там две центральные комнаты, налево из прихожей, быв<шую> Вашу столовую, с балконом, и следующую, где было нечто вроде гостиной, и оплачивает свою третью долю квартирной платы. Перевезли его, удрученного горем, годами обострившеюся болезнью сердца; врачи требуют для него покоя и постоянного ухода за ним, который и лежит совместно на всей семье моей сестры и на мне. Последнее время ему, к сожалению, приходится довольно много работать, что сильно его утомляет.

Прошлым летом в наш дом приехал Алексей Николаевич и, так как в Москве квартиру невозможно было <получить>, а в нашем доме отдавались 3 квартиры, за выездом воинского управления, правда, с большим ремонтом, — он с семьей поселился тоже у нас, в 4-ом этаже, между моей квартирой (в 3) и квартирой сестры, в 5-м.

Мы все очень следим за друзьями, которых жизнь разметала по всему белу свету, и я за эти годы два раза посылала Вам вести с друзьями, ездившими, на короткое время и по делам, в Берлин. О Вашей жизни там я осведомлена, отдельные номера Вашего журнала читала здесь, с удовлетворением. О работе здесь не беспокойтесь; у Вас будет ее даже с избытком, как только Вы немного оглядитесь и ознакомитесь с новыми условиями нашей жизни. Жизнь у нас и сейчас еще нелегкая, но зато своя, которую страна строит по-своему. Я давно, с ноября, не была в Москве и не видала Георг<ия> Ив<ановича>, но недавно получила письмо от Надежды Григорьевны, из которого видно, что у них все благополучно. Георг<гий> Ив<анович> ведь давно уже хворает легкими, и нынешнее лето (в июне) и осенью (в октябре) он ездил в Крым в санаторию «ученых», где отдохнул и поправился. Собираюсь недели на две поехать весною в Москву, а пока большего ничего о нем сказать не могу.

Теперь немного о делах. Несмотря на тяжкие годы, несмотря на вынужденные мои отъезды из Питера, как-то прямо Бог помог сохранить в целости все, чем Вы особенно дорожите. Помогла еще и сестра моя, которая в мое отсутствие брала на себя попечение о моей половине квартиры. Книги Ваши я до сих пор не выпускаю из своей комнаты, и м<ожет> б<ыть> этим удалось сохранить их. Мебель и вещи тоже все целы, но вследствие тесноты у меня, я постепенно многое передала на хранение Белкиным. У Сологуба своя обстановка и, как у писателя, много книг. У меня сохранился и полный список Ваших вещей, составленный мною после Вашего отъезда в Пермь, — можно все проверить. Хуже обстоит дело с территорией. Белкины потребовали прирезки им еще *третьей* комнаты, — бывш<ей> вашей спальни, т<ак> к<ак> к ним приехала мать Веры Алекс<андровн>ы, и ему нужна комната для работы. Я занимаю по-прежнему угловую комнату — ваш быв<ший> кабинет, всю заставленную сейчас и вещами, и сундуками, и ящиками с книгами, и по которой приходится пробираться, как по лабиринту. Это объясняется тем, что в прошлом году, когда в Москве была ликвидирована квартира Вячеслава Ивановича, то кроме вещей, оставленных в Москве, прислали и мне в Питер, с просьбою похранить до его приезда, часть его библиотеки и кое-какие из вещей. К тому же и сам он грозит, по оконча-

нии *весенних* экзаменов в Университете, приехать месяца на 3—4 в Питер и Москву, а так как у него квартиры нет, то намеревался остановиться с семьей — дочерью и сыном — у меня, хотя бы *временно*, пока не подыщет местожительства. После этого всего я получаю весточку от Вас и теперь ломаю голову что тут можно поделать? Одна комната у меня, три у Белкиных, две у Сологуба; последняя, маленькая, около кухни и ванной, выбыла из строя — отсырела, протек потолок, и она требует ремонта нынешним летом. Не зная хотя бы приблизительно времени Вашего предполагаемого приезда, устроить что-либо еще труднее. Когда этот вопрос у Вас выяснится окончательно, дайте мне *знать точно*, и тогда я употреблю все усилия, чтобы помочь Вам в этом деле. Чтобы найти в Питере квартиру, или часть квартиры, надо хоть немного времени. Весною это еще будет возможно, но осенью уже мало надежды, т^ак^ак^а уж очень много народа едет в Ленинград, за полную невозможностью поселиться в Москве. Вы же должны ехать к нам, и *жить здесь*, а в Москву ездить только на время — по делам. Я думаю, что если ничего особенного, Бог даст, не случится, Вы все-таки *прямо с вокзала* приезжайте ко мне, я вас *устрою временно*, а там что-нибудь придумаем вместе. Белкину я сообщила о Вашем письме, — и он хотел Вам написать. А пока будьте аккуратны и уведомьте о *времени приезда*. Привет жене вашей.

Сердечно преданная Ал. Чеботаревская.

Фед. К. Сологуб шлет привет.

При получении от Вас ответа о сроке В^{ашего} приезда тотчас напишу Вам.

С.Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (1875—1958) — известный русский романист, автор «эпопеи» «Преображение России», названной Горьким «величайшей» из всех вышедших в России с начала века книг. В 1915—1928 гг. жил безвыездно в Крыму, в Алуште, совершенно отойдя в период Гражданской войны от литературы и целиком посвятив себя уходу за собственным коровьим хозяйством. Справки о нем помещены в *РК*, № 1, стр. 30 и в *НРК*, 1922, № 6, стр. 34 и № 11—12, стр. 39. Он упомянут также в обзоре литературы послереволюционного пятилетия А.С. Яценко в *НРК*, № 11—12, стр. 6. О колебаниях Сергеева-Ценского относительно отъезда из России см.: П.И. Плукш. *С.Н. Сергеев-Ценский — писатель, человек*. М., 1975, стр. 103—104.

Многоуважаемый Александр Семенович.

Простите, что беспокою Вас просьбой, не будучи знаком с Вами лично. Просьба эта — о германской визе. При отсутствии в Совроссии прессы, бытие в ней писателя является полнейшим абсурдом, однако выехать за границу — это необыкновенно сложная и трудная вещь. Почему-то надо непременно ехать в Москву, жить там в какой-то писательской фаланстере и хлопотать, хлопотать, хлопотать... месяцев пять, шесть и более. Словом, гораздо раньше можно помереть, чем выехать. Однако, если нет визы из той страны, куда желаете ехать, то эти хлопоты — ничто. У меня не имеется за границей никого, к кому бы я мог обратиться с просьбой о визе. Адресов братьев-писателей я не знаю. Ваш адрес узнал случайно, благодаря журналу «Нов<ая> Русск<ая> Кн<ига>». Говорят, в Берлине Горький. Передайте ему аналогичную просьбу. Я ему писал, но без адреса, — едва ли дошло¹.

Виза нужна мне — Сергею Николаевичу Сергееву-Ценскому и моей жене Христине Михайловне Серг<еевой>-Ценской.

Я не знаю, какая мотивация считается уважительной для получения визы, но я беспартийный, нигде не служил и не служу, живу чисто — физическим трудом (сельское хозяйство), так как в труде умственном не нуждаются, и он не имеет спроса.

Искренне уважающий Вас

С. Сергеев-Ценский.

Адрес: Крым. г. Алушта.

2 сент. 22 г.

КОММЕНТАРИИ

¹ В первом из-за границы письме к Сергееву-Ценскому Горький рекомендовал ему безотлагательно ехать в Германию. См.: «Моя переписка и знакомство с А.М. Горьким», в кн.: С.Н. Сергеев-Ценский. *Собрание сочинений в 12 томах*. Том 4, М., 1967, стр. 214—215. Ср. письмо А.Н. Толстого к Горькому (середина августа 1922 года, из Misdroy), обуславливающее выезд Ценского из Советской России сотрудничеством в сменовеховской газете *Накануне*:

«Дорогой Алексей Максимович, сейчас получил от Ценского два письма — мне и вам. Пересылаю вам ваше.

До приезда в Берлин мне трудно будет что-либо сделать с визой Ценскому. Я напишу ему — если он пришлет рукопись в “Накануне”, редакция устроит ему визу (таков обычай в “Накануне”). Но боюсь, что это немного похоже на провокацию и принуждение. Я также напишу ему это.

Обнимаю Вас.

Ваш Толстой».

Цит. по изд.: *Литературное Наследство*. Том 70. *Горький и советские писатели. Неизданная переписка*. М., 1963, стр. 400. Ср. также письмо Горького к Ходасевичу от начала июня 1923, *Новый Журнал*, 29, 1952, стр. 208.

И. С. ШМЕЛЕВ

Иван Сергеевич Шмелев (1873—1950) — писатель-прозаик. Гражданскую войну провел в Алуште в Крыму. В 1921 году по приказу Бела Куна был расстрелян его единственный сын, офицер Добровольческой армии — см. заметку: «Расстрелы в Крыму. Расстрел сына И. С. Шмелева», газ. *Руль*, № 203, 20 (7) июля 1921; см. также: Георгий Гребенщиков. «Как много в этом звуке...», *Памяти Ивана Сергеевича Шмелева*. Сборник под ред. Вл. А. Маевского, Мюнхен, 1956, стр. 58—59. В апреле 1922 года Шмелев переехал в Москву, а оттуда в ноябре 1922 года выехал в Берлин. С 1923 года жил в Париже.

Апр<еля> 29/16 1922

Москва, Мал. Полянка, д. 7, кв. 7

Многоуважаемый Александр Семенович.

Только-только вернулся в Москву из Крыма. Чувствую себя очень плохо — постоянная лихорадка, увеличивающаяся слабость зрения, душевная разбитость. Чувствую, что необходимо мне (и жене моей) отдохнуть и полечиться в условиях более благоприятных для этого, чем Москва, где ютишься в сырой комнате, где не найдешь средств не только на лечение, но и на питание сносное.

Чувствую, что мне необходимо — душу свою собрать, переменить обстановку хотя бы на короткое время. Я буду хлопотать о разрешении мне и жене выезда за границу на 4—6 мес<яцев>. Хотел бы поселиться г<де>-ниб<удь> в южн<ой> Германии. Кроме сего, для задуманной мною работы новой (пов<есть> или роман — не знаю пока), мне нужна заграница¹. Мне нужна Бельгия — Остенде, Гент, Брюсс<ель> — Париж. Работа не имеет никакого отношения ни к современности, ни к войне 1917 г. Мне нужно понять нюхом «европейское», т. к. мой герой жил лет 15 за границей². — Для всего сего мне нужно получить, как мне говорили,

помимо разрешения на выезд, еще и какие-то «визы» на въезд в Берлин. У меня нет никого из близких в Берлине, кого я мог бы просить об этом. Позволяю себе просить Вас, деятеля и друга литературы русской, если это не очень затруднит Вас (или через Вас кого-либо, кто знает меня и пожелал бы помочь мне в получении виз), — не откажите исхлопотать мне (Ив<ану> Серг<еевичу> Шм<еле>ву, 49 л. и моей жене — Ольге Александровне, 47 л.) разрешение на приезд в Берлин. Обратиться к Вам мне присоветовал Б.К. Зайцев³.

Не посетуйте на меня за сие хлопотливое домогательство. И еще вот о чем хочется спросить Вас. Слышал я, что какие-то издательства издают что-то мое, какие-то «сказки», м<ожет> б<ыть> еще что? Я никому ничего подобн<ого> не разрешал, никаких денег не получал. Единственно Ив<ану> А<лексеевичу> Бунину еще летом 1920 г. я послал «Неупив<аемую> чашу»⁵, прося издать ее и указав для книжки «избранных рассказов» — рассказы из своих восьми томов, издававшихся книгоизд<ательство>м писателей. Только Ив<ану> Бунину и дана была доверенность. Причем издавать «Сказки», которым я не придаю ни малейшего литерат<урно>-худож<ественного> значения, я не считаю нужным. Теперь я положительно считаю ненужным, никчемным, ни в как<ом> отнош<ении>, издавать их. Не откажите уведомить, если знаете, кто издавал, и, вообще, кто и что из моего издавал. Б<ыть> мож<ет>, идет беззастенчивое расхищение писательской нищеты?

Я совсем не знаю, что делается в издательском (русском) мире за границей. Можно ли, и как, получить гонорар за «Неупив<аемую> чашу»? По всей вероятности это знает Ал<ексей> Ник<олаевич> Толстой⁶. Если можно получить, то я предпочту его получить, когда приеду, если мне разрешат приехать. Прошу Вас, передайте мой товарищеский привет друзьям и деятелям русского искусства.

О, как бы славно было, если бы Европа ближе могла узнать глубины и красоты нашей литературы и полюбить наше родное, — духовно постигнуть его сокровища!

Еще раз простите за беспокойство.

Кроме Вас — никого не имею.

Уважающий Вас

Ив. Шмелев.

КОММЕНТАРИИ

¹ Эта часть письма отреферирована в справке о Шмелеве в разделе «Судьба и работы...», *НРК*, 1922, № 5, стр. 39.

² В литературной хронике 1922 г. неоднократно сообщалось о работе Шмелева над (невышедшим) романом «Спас Черный» — см., напр., в газете *Руль*, № 606, 25 (12) ноября 1922; *Литературное приложение к «Накануне»*, № 29, 3 декабря 1922, стр. 12; ср. упоминание о нем в обзоре А.С. Яценко, *НРК*, 1922, № 11—12, стр. 5.

³ Б.К. Зайцев сам в это время хлопотал через А.С. Яценко о въездных визах в Германию.

⁴ Речь идет о книжке: И.С. Шмелев. *Сладкий мужик. Степное чудо*. Берлин. «Мысль», 1921.

⁵ И.С. Шмелев. *Неупиваемая чаша*. Париж, «Русская Земля», 1921.

⁶ А.Н. Толстой был одним из основателей издательства «Русская Земля».

Д.А. ЛУТОХИН

Далмат Александрович Лутохин (1885—1942) — экономист, автор книги *Витте, как министр финансов* (1915), беллетрист, редактор петербургских изданий *Экономист*. *Вестник XI отдела Русского технологического общества* (начиная с № 4—5 за 1922 г.) и *Утренники* (вышло два номера в 1922 г.) — закрытых по настоянию В.И. Ленина (см. его статью «О значении воинствующего материализма» в 5-м издании *Полн. собр. соч.*, том 45, стр. 23—33). В начале февраля 1923 г. Д.А. Лутохин был выслан за границу (см. репортаж Я. Оредовского «Высланный» в ревельской газете *Последние Известия* от 16 февраля 1923 г.) и, после кратковременного пребывания в Берлине, поселился в Праге, где сотрудничал в журналах *Воля России* и *Записки Института изучения России*. История запрещения *Экономиста* и *Утренников*, ареста и высылки за границу освещена Д.А. Лутохиным в статье «Советская цензура (По личным воспоминаниям)», *Архив Русской Революции*, XI, 1923, стр. 157—166. О группе журнала *Экономист* см. также: Р. Катаньян. «Предшественники вредительства». *Красная Новь*, 1931, № 2 (февраль), стр. 123—128. (О Лутохине в этой статье никаких упоминаний нет.) В 1927 г. (при содействии А.М. Горького) Лутохин вернулся в СССР, и единственные известные нам литературные труды его этого периода — воспоминания о Горьком. Ср. его переписку с Горьким в кн.: М. Горький. *Неизданная переписка* (*Архив А.М. Горького*, том XIV), М., 1976, стр. 378—443.

Во втором номере *НРК* за 1923 г. помещена статья Д.А. Лутохина «Внутренний книжный рынок».

1

Профессору А.С. Ященко
редактору «Новой Русской Книги».

Милостивый государь,

в качестве редактора «Утренников», издания заменившего «Вестник Литературы»¹, позволяю себе обратиться к Вам со следующим заявлением. — К крайнему сожалению, мне не известно, имеются ли у Вас в

Петербурге представители и кто именно. Поэтому я решился — до предварительных переговоров с Вами — поместить объявление Вашего журнала во II книге «Утренников», выходящей в свет завтра. Помещая это объявление, я надеялся, что и Вы в свою очередь не откажетесь информировать так или иначе об «Утренниках» в Вашем журнале². Если это Вам почему-либо неудобно, то, конечно, претендовать на что-либо я не имею решительно никаких оснований и, наоборот, должен честно перед Вами извиниться, что объявление Ваше поместил «без спроса».

Если же Вы относитесь положительно к редактируемому мною изданию, то благоволите указать, чем я могу быть Вам полезен.

Буду очень обязан, если бы Вы нашли возможным выслать мне Ваш журнал в порядке «товарообмена» или за плату. В местных магазинах мне удалось приобрести пока лишь № 2 «Новой Русской Книги». Старую же «Русскую книгу» проглядывал случайно в Доме Ученых.

Будучи редактором не только «Утренников», но и «Вестника XI отдела Русского Технического общества» — «Экономиста»³, я очень интересуюсь вопросом об экспорте наших изданий — хотя бы в порядке обмена на иностранные книги.

Прошу верить моему особому уважению к тому большому делу, которое Вы начали — делу сближения русских писателей, в силу разыгравшихся стихий, оказавшихся теперь «на разных берегах».

Ваш слуга

Д. Лутохин.

Адрес: Петербург, Фурштадская, 15, кв. 15, Далмату Александровичу Лутохину.

12/VI 1922.

2

D. Lutohin
Lipenec, č. 16
p. Zbraslav
Tschechoslowakei

12. VI. 1923

Многоуважаемый Александр Семенович,

хоть я и заметил, что Вы несклонны отвечать на письм<енные> к Вам обращения мои, все же делаю попытку списаться с Вами, т<ак> к<ак> другие пути у меня заказаны.

С нетерпением поджидаю № 5 Нов<ой> Русск<ой> Книги, т<ак> к<ак> Вы обещали из числа четырех составленных мною рецензий поместить три⁴, то за таковые я имею получить гонорар. — Очень пр<ошу> выслать мне его книгами, именно, если возможно, пришлите мне «Крокодил» Чуковского⁵, а если в издании «Слова» вышли уже письма А.П. Чехова к *О.Л. Книппер*, то и последнюю⁶. Разницу между гонораром и стоимостью книг, если она получится в Вашу пользу, обязуюсь покрыть по В<ашему> указанию: статьями [одна о задачах русск<ого> книж<ого> дела у меня готова], рецензиями или валютой. Здесь гонорары лучше: 400—500 крон за печ<атный> лист, т. е. 12—15 долларов. В Воле России получил по 50 геллеров за строчку.

Жму крепко Вашу руку.

Ваш Д. Лутохин.

3

13. VIII. 23

Многоуважаемый Александр Семенович,

Увидев, наконец, последний № В<ашего> журнала, который я сам так и не получил, усмотрел, что из м<оих> рецензий помещена лишь одна — и притом за м<оей> подписью, хотя я подписал рецензию эту, как и отзыв о книге Зака⁷, псевдонимом «Книжный червь»*. Очень прошу:

а) своевременно выслать мне журнал;

б) ускорить помещение отзыва о Заке (псевдоним «Книжный червь»!!) и Андреевском⁸, если же рецензии Вы помещать отдумали, то меня уведомить; в) если можно, сообщить когда выйдут следующие два №№ (примерно): я мог бы прислать некоторые рецензии. — В заметке обо мне вкралась м<елкие> неточности, исправлять их не стоит, но для В<ашего> сведения: я редактировал «Экономист», а не «Эконом<ический> Вестник» (редактор последнего С. Прокопович), получил я не стипендию, а ссуду⁹. — Здесь проживает Е.Н. Чириков (Všenoгу. Mokropsy. Villa Tetka), пишет много, сотрудничает и в чешских газетах; одна из них «Venkov» предоставила ему по субботам 1/2 стр. под русский текст. Он вовсе не так поправел, как о нем ходит молва.

* «Экономист» начал выходить в конце 21 г., а не 20 — как напечатано.

КОММЕНТАРИИ

¹ О *Вестнике Литературы* как «единственном несоветском издании в советском Петрограде» см.: Александр Амфитеатров. «Памяти Абрама Евгениевича Кауфмана», *Руль*, № 351, 12 января 1922 (30 декабря 1921), стр. 2—3. См. также: С.А. Федюкин. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу*. М., 1977, стр. 67—68.

² Извещение о выходе *Утренников* появилось в *НРК*, 1922, № 5, стр. 47, а в седьмом номере *НРК* (стр. 47) помещено оглавление второй книжки альманаха. Резко отрицательная рецензия Эренбурга о литературно-критических выступлениях *Утренников* опубликована в июньском номере журнала Яценко (стр. 7—8). Ср. об альманахе Лутохина рецензию С. Родова (в его книге *В литературных боях. Статьи, заметки, документы. 1922—1925*. М., 1926, стр. 97—101) и заметку Георгия Якубовского «“Варшавские бани — на всякие желания” (*Утренники*, кн. 1)» *Правда*, 1922, № 124, 18 июня, стр. 5.

³ См.: Я. Лившиц. «Петербургские письма», *НРК*, 1922, № 6, стр. 24—25. См. здесь же (стр. 16—17) рецензию Д. Далина на первый номер *Экономиста*.

⁴ В последнем номере *НРК* появилась только одна рецензия Лутохина — на *Экономический Вестник*, под ред. С.Н. Прокоповича, кн. 1, Берлин, 1923.

⁵ Корней Чуковский. *Крокодил. Поэма для маленьких детей*. Рисунки Ре-Ми. Берлин — Пб., изд. «Эпоха», 1922.

⁶ А.П. Чехов. *Письма к О.Л. Книппер-Чеховой*. Берлин, 1923.

⁷ А.Н. Зак. *Разверстка государственных долгов (Труды русских ученых за границей. Том III)*. Берлин. «Слово», 1922. (А.Н. Зак до революции был директором Центрального банка обществ взаимного кредита в Петрограде.)

⁸ С.А. Андреевский. *Книга о смерти. Автобиография, воспоминания и этюды*. Ревель, «Библиофил», 1922.

⁹ Заметка о Лутохине в *НРК*, 1923, № 5—6, стр. 51.

А.В. ЧАЯНОВ

Александр Васильевич Чаянов (1888—1939) — выдающийся представитель русской экономической мысли начала XX века, ученый-агроном, товарищ министра земледелия во Временном правительстве в 1917 году, после Октябрьской революции — член коллегии Наркомзема, один из организаторов Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики, член Всероссийского комитета помощи голодающим в 1921 году (см. справку о нем в *НРК*, 1922, № 5, стр. 38). Основные его труды ныне переизданы на Западе (*Oeuvres choisies de A. V. Čajanov. Textes réunis et publiés par B. Kerblay. Vols. I—VIII*, 1967). Автор ряда беллетристических книг, вышедших под псевдонимом «Ботаник X» (см. о них: О. Ласунский. «Чаяновские издания», *Подъем*, 1968, № 3, стр. 135—138) и оказавших, между прочим, значительное влияние на М.А. Булгакова (см.: М.О. Чудакова. «Условие существования», *В мире книг*, 1974, № 12, стр. 79—81, а также: М. Chudakova. «A Vital Necessity», *Soviet Literature*, 1977, no. 2 (347); Л.Е. Белозерская-Булгакова. *О, мед воспоминаний*. Анн Арбор, 1979, стр. 17—18, 122—124; Н. Первушин. «Михаил Булгаков и Чаянов», *Новое Русское Слово*, 6 июля 1980). Социально-политическая концепция Чаянова изложена в его книге *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии*, вышедшей в Москве в 1920 году под псевдонимом Ив. Кремнев. (Весной 1976 года она была перепечатана в нью-йоркской газете *Новое Русское Слово* со вступительной статьей Г.П. Струве. Ср. также недавно вышедший французский перевод: Ivan Kremniou. *Voyage de mon frère Alexis au pays de l'utopie paysanne*. Traduction, notes et postface de Michel Niqueux. Lausanne, 1976.) В 1922 году Чаянов выехал в командировку, был в Англии и Германии, в Берлине посещал редакцию *НРК*; ему принадлежит ряд сведений о русских экономистах в разделе «Судьба и работы...» в № 5 за 1922 год (в том числе, надо полагать, справка о Д.И. Шаховском); там же опубликована его статья «Из области новых течений русской экономической мысли». Ср. упоминание о Чаянове в мемуарах Р.Б. Гуля (*Новый Журнал*, 133, 1978, стр. 12) и А.В. Бахраха (*По памяти, по записям. Литературные портреты*. Париж, 1980, стр. 181—185).

В 1930 г. Чаянов был обвинен в организации в 1926—1929 годах (совместно с Н.Д. Кондратьевым) подпольной «Трудовой крестьянской партии», находился в заключении и ссылке. Расстрелян 20 марта 1939 года

в Алма-Ате. Ср. справку о нем Л.Н. Черткова в советской *Краткой Литературной Энциклопедии*, а также статью: Н.В. Первушин. «Последний защитник русского крестьянства (А.В. Чайанов)», *Новый Журнал*, 149 (1982), стр. 221—234.

1

20. VII. 22

Дорогой Александр Семенович!

Вчера направил к Вам целый ворох сел<ьско>хоз<зяйственной> литературы из своих чемоданов, приехавших наконец в Лондон.

Очень прошу обратить сугубое внимание на все периодические издания, причем отдайте приказ вашим рецензентам читать их сзади наперед. Так будет поучительней и интересней. Из книг снисходительно прошу о рецензии книги Никитина «О с<ельско>х<озяйственных> районах Моск<овской> губ<ернии>»¹.

После всяких мытарств мы только что обосновались в Англии и думаю, что вскоре исполню и другие мною Вам данные обещания.

Адрес мой: А. Tschayanoff, 3 New Council Cottages,
Hildenborough, Kent, England,

по коему я надеюсь в обмен на посылаемое получить № 6 и посл<е-
дующие> «Н.Р.К.»

Привет!

А. Чайанов.

P.S. Дядя! за Вами рецензии на «ботаника X»!²

Если Вам по истечении сроков «С<ельско>х<озяйственная> Жизнь» и пр. перестанет нравиться, то пожалуйста на подтопку не употребляйте и Николаевскому резать не давайте, а перешлите их в распоряжение С.Н. Прокоповича³.

<Tonbridge, 13. VIII. 22>

Александр Семенович! друг сердечный!

Большое Вам спасибо за № 6 НРК и письмо, а к Вам большая просьба: если будете печатать рецензию о Кремневской утопии, очень прошу псевдонима не раскрывать и насчет «исторической части» и всяких прогнозов исторического порядка не очень распространяйтесь, а то раскрытие псевдонима в № 5 мне уже обошлось весьма дорого, не хочу подливать масла в огонь⁴.

Привет!

А. Чаянов.

<Berlin 18. I. 23>

Дорогой Александр Семенович!

Макаров⁵ привел меня в ужас сообщением о том, *какую* рецензию на Кремневскую утопию он дал.

Так как я вовсе не желаю попадать в Лубянку по возвращении в Москву, то вновь и вновь (я писал Вам об этом еще из Англии) прошу Вас выслать эту рецензию на мою цензуру. *Макаров не возражает*. Если № уже сверстан — выньте из верстки и замените другим⁶, у Вас портфель всегда достаточный.

В крайности сами выбросьте «колонный зал» и всякие публицистическо-политические бравады.

Вообще я бы предпочел, чтобы Москве об этой моей работе не напоминали, но поскольку рецензия написана, придется печатать, и ради Бога пришлите корректуру.

А. Чаянов.

Mitterschreiberhau in Riesengebirge
bei Frau Prof. De Ruyter
A. Tschayanoff

КОММЕНТАРИИ

¹ Н.П. Никитин. *Разделение Московской губернии на сельскохозяйственные районы*. Вып. I. *Сельскохозяйственное районирование Московской губернии*. Общая редакция и введение А.В. Чаянова. М., Гос. издательство, 1921. (Рецензия в *НРК* не появилась.) Н.П. Никитин был участником Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики, организованного после Октябрьской революции, — см. об этом: Проф. А.В. Чаянов «Из области новых течений русской экономической мысли», *НРК* 1922, № 5, стр. 10—12.

² См. в разделе «Книги, присланные в редакцию для отзыва» в № 7 *НРК* за 1922 г., стр. 22, упоминание о трех книгах «Ботаника X» — «Венедиктов...» (М., 1922), «История парикмахерской куклы...» (М., 1918) и «Обманщики» (Сергиев, 1921). Рецензия на них помещена в *НРК*, 1923, № 1, стр. 24—25. («Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» Ботаника X сохранились в машинописи в архиве Николаевского (№ 159).)

³ Высланный в Берлин С.Н. Прокопович основал там в 1922 г. «Экономический кабинет» и издавал журнал *Экономический Вестник*.

⁴ Речь идет о справке о Чаянове в *НРК*, 1922, № 5 (вышел в июле), стр. 38, заканчивавшейся словами: «В начале 1920 г. выпустил в Москве (Госиздат) под псевдонимом Иван Кремнев первую часть “Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”». (Позднее псевдоним был раскрыт в Словаре И.Ф. Масанова). Как известно, это сочинение инкриминировалось А.В. Чаянову при аресте по делу «Трудовой крестьянской партии» — см.: Р. Катаньян. «Предшественники вредительства». *Красная Новь*, 1931, № 2, стр. 118—121. Ср.: Д.Л. Голинок. *Крушение антисоветского подполья в СССР*. Изд. 2. Кн. 2. М., 1978, стр. 270—271. Ср. в статье Е.Д. Кусковой «Поймали, но не с поличным» (*Последние Новости*, № 3495, 17 октября 1930, стр. 3), посвященной аресту Чаянова и его единомышленников: «Вот эта-то книжечка и играет теперь роль “письма Курбского” или номера нелегальной “Искры”».

⁵ Николай Павлович Макаров — воронежский экономист, в 1918 г. — преподаватель Московского кооперативного института, с 1919 г. находился в длительной заграничной командировке. См. справку о нем в *РК*, № 5, стр. 22 (эта справка была сообщена редакции А. Канбергом). См. также статью А.В. Чаянова «Из области новейших течений...», *НРК*, 1922, № 5, стр. 10—12. В середине 20-х гг. продолжал принадлежать к ближайшему чаяновскому окружению в Москве и был в 1930 г. арестован по делу «Трудовой крестьянской партии».

⁶ Н. М<акаров>. <Рец.:> «Ив. Кремнев. *Путешествие моего брата Алексея...*» — *НРК*, 1922, № 11—12 (вышел в январе 1923 г.), стр. 23.

В. А. АМФИТЕАТРОВ

Владимир Александрович Амфитеатров (В. Кадашев, ум. в 1942 (?) году) — сын известного прозаика А. В. Амфитеатрова, беллетрист и критик, участник литературного содружества «Веретено», автор книги *Очерки истории русской литературы*, Прага, «Пламя», 1922 (встреченной резко отрицательной рецензией в *НРК*, 1922, № 4, стр. 14—15).

Řevnice, 17/II. 21

Милостивый Государь Господин Редактор!

Прочитав № 1 Вашего крайне интересного и полезного издания «Книга о книгах», считаю своим долгом 1) сообщить Вам некоторые сведения о судьбах некоторых мне лично известных русских литераторов, равно как и о себе самом, 2) указать на некоторые, незначительные неточности, вкравшиеся в Вашу книгу, в местах, касающихся Крыма.

Что касается первого, то могу сообщить вполне достоверно о судьбе нижеследующих литераторов.

1) *Варшавский, Серг<ей> Ив<анович>*. Москов<ский> прис<яжный> пов<еренный>, сот<рудник> «Рус<ского> Слова». — В 1919 году жил в Севастополе, принимая ближайшее участие в «Юге России». В 1920 г., до эвакуации, уехал в Констан<антино>поль, где в настоящее время занимается адвокатской практикой, а также принимает ближайшее участие в газете «*Presse du Soir*».

2) *Поляков, Алекс<ей> Абрам<ович>* — быв<ший> зав<едующий> Петерб<ургским> отделом «Рус<ского> Слова» — в 1919 году был редактором «Юга России» (Севастополь). Во время эвакуации ген. Врангеля уехал в Константинополь, где вошел в состав редакции «*Presse du Soir*».

3) *Цветаева, Марина* — известная поэтесса, в 1919 году жила в Коктебеле (Крым), участвовала в нескольких изданных в Феодосии сборниках. При эвакуации осталась в Крыму¹.

4) *Сергеев-Ценский, С.Н.* живет очень уединенно, на своей даче близ Алушты. Занимается молочным хозяйством. Стоит вдали от литературной и политической жизни.

5) *Михеев, Сергей* — поэт, сотрудник «Сатирикона» и др. В 1919 г. жил в Харькове, сотрудничал во многих изданиях, терпел большую нужду. В 1919 г. переехал в Екатеринодар, где и умер от сыпного тифа, в том же году.

6) *Шмелев, И.С.* живет в Алуште, очень уединенно. Кончил новую большую вещь, посвященную предвоенной эпохе, издать которую в крымских условиях было, конечно, невозможно. При эвакуации остался в Крыму.

7) *Каменский, Анатолий Пав<лович>* — в 1919 году жил в Севастополе, где ставил на сцене свою «Леду» и новую пьесу «Черная меса». За постановку Шницлеровского «Хоровода» должен был быть выслан из пределов Крыма, но высылка была ограничена (по распоряжению ген. Врангеля) только пределами Севастопольского градоначальства. Переехал в Ялту, где жил вплоть до эвакуации, когда эвакуировался в Константинополь.

В заключение несколько слов о самом себе.

8) *Амфитеатров, В.А.* (Владимир Кадашев) — сотрудник «Рус<ского> Слова», «Рус<ской> Воли» и др<угих> газет, в 1918 году уехал на Юг, и с октября 1918 по январь 1919 года принимал ближайшее участие в газете Донского правительства «Донские Ведомости». С июля 1919 г. до ноября 1920 г. жил в Ялте, редактируя сначала «Ялтинский Курьер», потом «Южный Курьер». После эвакуации переехал в Константинополь, а оттуда в Чехию, где и проживает ныне (Řevnice u Prahy). За время гражданской войны написал книгу рассказов «Fantastica», несколько отдельных рассказов, пьесу «Волшебный фонарь» и ряд мелких пьес, из коих «Именины фарфоровой куклы», «Женщина с промоченными ногами» и «Кордуанское чудо» были поставлены в Ялте. Начал печатать в Ялте большой роман «Гесперидовы сады», в коем хотел дать художественное воплощение хаоса революции и гражданской войны. Печатание романа было прервано эвакуацией. Приготовил для печати 2 книги историко-публицистического характера: «На великом изломе» и «Записки контрреволюционера»².

Что же касается второго — то поправки мои будут очень незначительны и коснутся, главным образом, пропущенных Вами в Вашем перечне крымских газет.

Так, Вами не упомянут симферопольский — «Таврический Голос», ялтинские «Южный Курьер» и «Ялтинский Вечер», евпаторийская — «Евпаторийский Курьер», феодосийская — «Крымская Мысль». Равным образом — не совсем точны некоторые характеристики крымской прессы. «Крымский Вестник» был газета не кадетская, но значительно более левая, «Великая Россия» вовсе не принадлежала В.В. Шульгину³ и последний в ней участия не принимал.

Примите уверения в совершенном почтении от

В. Амфитеатрова.

Českoslovakia
Řevnice u Prahy
Hôtel Hlavaček.

КОММЕНТАРИИ

¹ О Цветаевой В. Амфитеатров дает неверные сведения. Из Коктебеля Марина Цветаева вернулась осенью 1917 года в Москву, проделав этот путь дважды (см. ее очерк «Октябрь в вагоне»), и оставалась там до своего отъезда за границу в мае 1922 года. В Крыму эти годы (до мая 1921 г.) жила ее сестра Анастасия.

² Эти сведения включены в раздел «Судьба и работы...» в третьем номере *РК*.

³ Известный политический деятель, публицист (1878—1976), вопреки справке В. Амфитеатрова был сотрудником и одно время редактором *Великой России*.

И. А. БУНИН

Сведения, заключающиеся в этом письме, использованы в справке о Бунине в РК, № 3, стр. 29 (ср. также справку в РК, № 1, стр. 18).

13/26 Февр<аля> 21 г.

1, rue Jacques Offenbach
Paris XVI

Многоуважаемый Профессор!

Простите за столь поздний ответ — я был долго и тяжело болен, поправляюсь медленно. Весьма благодарю Вас за присылку Вашего издания. Что сообщить Вам для него? Сведения обо мне у Вас уже были. Москву покинул в конце мая 1918 г., не будучи в силах — в букваль<ом> смысле слова — выносить большевистск<ую> атмосферу, даже просто того подбора лиц, что образовался на улицах. До 26 Янв<аря> (ст. стиля) 1920 г. жил в Одессе, 26-го, уже под выстрелами, выехал в Константинополь, 1-го Апреля прибыл в Париж. Писал за все это время оч<ень> мало, да и то больше по части политической. В Одессе при Добровольцах редактировал добровольчес<кую> газету «Южное Слово» в теснейшем сотрудничестве с акад. Н.П. Кондаковым. В Париже принял ближайшее участие в создании К<нигоиздательст>ва «Русская земля», издал две книги («Господин из С<ан>-Франциско» и «Деревня»), готовлю к печати следующ<ие> томы. В берлинск<ом> «Слове» вскоре выйдет: книга рассказ<ов> («Крик») и книга переводов («Каин», «Небо и Земля», «Манфред»), в пражском «Славянск<ом> издательстве» — книга рассказов («Начальная Любовь») на русск<ом> языке и книга рассказов (избранных) на чешском...¹ Вот, кажется, все, что пока могу сообщить Вам и что отчасти Вам уже известно. Новыми моими книгами будут, вероят-

но, том новых рассказов («Петлистые уши», «Сын Чанга», «Со-
отечественник», «Исход», «Готама» и пр.)² и записки о рус<ской>
революции³.

Примите уверения в моем истинном к Вам <почтении>.

Ив. Бунин.

КОММЕНТАРИИ

¹ Отдельное издание не вышло. Бунин представлен в сборнике переводов V. Červinka, вышедшем в Праге в 1922 г. «Veselé i tragické obrázky současného Ruska».

² И. Бунин. *Роза Иерихона*. Берлин, «Слово», 1924.

³ И. Бунин. «Окаянные дни» (*Собр. соч.*, т. X), 1935.

МОЛОДЫЕ ПАРИЖСКИЕ ПОЭТЫ

В.Я. ПАРНАХ

Валентин Яковлевич Парнах (1891—1951) — поэт и переводчик, брат поэтессы С.Я. Парнок, автор книг *Самум*, *Набережная*, *Словодвиг*, *Карабкается акробат*, вышедших в Париже. По всей вероятности — прототип героя «Египетской марки» О. Мандельштама (см.: Clarence Brown. *The Prose of Osip Mandelstam*. Princeton, 1965, pp. 47—48; Осип Мандельштам. *Собрание сочинений в трех томах*. Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Том 3. Очерки. Письма. Нью-Йорк, 1969, стр. 399—400).

Публикуемая записка В.Я. Парнаха была составлена им во время пребывания в Берлине, по дороге в Советскую Россию (он выехал на Запад еще в 1915 г.). Кратким ее пересказом является справка о нем в *НРК*, 1922, № 2, стр. 39; по-видимому, к Парнаху же восходит заметка в том же номере *НРК* (стр. 33) о «Палате поэтов», им организованной. Ценные сведения об этом первом объединении русских поэтов в Париже приведены в мемуарах Анатолия Юлиуса «Русский литературный Париж 20-х годов». *Современник* (Торонто), № 13, июль 1966, стр. 84—90. Первый вечер «Палаты поэтов» (к которой, кроме Парнаха, принадлежали поэты и художники М.Л. Талов, Георгий Евангулов, Илья Зданевич, А. Гингер, Сергей Шаршун, Л. Гудишвили, С.Ю. Судейкин, режиссер С.М. Вермель и др.) состоялся 7 августа 1921 г. в парижском кафе «Хамелеон» (см.: «Разные новости. Палата поэтов», газ. *Последние Новости*, Париж, № 399, 5 августа 1921). Сведения о последующих вечерах собраны в книге: Michèle Beysac. *La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930)*. Paris, 1971. После отъезда Парнаха «Палата поэтов» сменилась другим авангардистским художественно-литературным объединением — «Через», в которое кроме старых участников вошли Б. Божнев и Б. Поплавский, значительно позднее выступившие в печати.

Осенью 1922 года, после приезда Парнаха в Москву, *НРК* сообщила о предстоящем выходе в Москве и Петрограде ряда его книг — «Свод стихов», «Математика новых дервишей», «Собрание танцев», «От Архипелага до Атлантики», трагедии-буфф «Прекрасная зараза» (*НРК*, 1922, № 7, стр. 33), — но все эти планы остались нерализованными. В советских журналах 20-х годов стихи его появлялись изредка. В недавно опубликованном письме А.В. Луначарского в редакционную коллегию Государственного издательства, от 17 марта 1923 года, сообщается о бедственном поло-

жении В.Я. Парнаха и его жалобах на советские издательства (см.: *Вопросы Литературы*, 1973, № 6, стр. 190). В.Я. Парнах был изобретателем и исполнителем новых танцев; он первым познакомил русскую публику с джазом (см. об этом: *Русская советская эстрада. 1930—1945*. М., 1977, стр. 271; Алексей Баташев. *Советский джаз*. М., 1972, стр. 8—12; ср. заметку В. Парнаха «Джаз-банд» в журнале Эренбурга и Эль Лисицкого *Вещь*, № 1—2, март—апрель 1922, стр. 25. Ср. также ценную статью Валентина Мелик-Хаспабова (под этим псевдонимом скрылся, несомненно, сам В.Я. Парнах) «Театр—1922 (Московский обзор)», газ. *Накануне*, № 165, 21 октября 1922, стр. 2—3). В мартовском номере московского журнала *Россия* за 1923 год (№ 7) Парнах поместил статью «Современный Париж», информировавшую русского читателя о новейших событиях культурной жизни Франции (Б. Сендрар, Кокто, М. Жакоб, Т. Тцара, Пикабия, группа «Шестерка»). См. также его репортаж «Эмиграция в Париже и Берлине», газ. *Известия* (Москва), 1922, № 296, 29 декабря. В конце 20-х годов Парнах жил переводами (в частности, русских и советских писателей на французский язык; в 1930 году в Париже в его переводе вышли революционные стихи А. Пушкина). Как поэт, он принадлежит к истории литературы русской эмиграции, к «парижской школе». В 1926 году его стихотворение было включено в подборку стихов молодых парижских поэтов в пражском журнале *Воля России* (№ 6—7, стр. 47—42). В сборнике *Стихотворение. Поэзия и поэтическая критика* (Париж, II, 1928, стр. 29—31) помещена его статья «Некоторые возможности стихосложения», доказывающая правомерность употребления хориямба в русской поэзии. В 1934 году издательство «Academia» в Москве издало его книгу *Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции*.

О В. Парнахе см.: Л.С. Флейшман. «К публикации письма Л.О. Пастернака к Бялику», *Slavica Hierosolymitana*, I (1977), стр. 308—316; Александр Бахрах. *По памяти, по записям...* Париж, 1979, стр. 166—170.

Парнах, Валентин Яковлевич, председатель «Палаты Поэтов» в Париже, в издательстве «Франко-Русская Печать» вышла книга его новых стихов «Карабкается акробат», с портретом автора работы Пабло Пикассо, с рисунком Di-Lado (грузинского художника Ладю Гудиашвили)¹ и таблицами иероглифов танцев работы автора. По распоряжению издателя О.Г. Зелюка, из книги была вырезана стр. 25—26, ввиду того что один из сотрудников «Общего Дела» выразил свое возмущение, обвиняя автора в «порнографии». 2 уничтоженных фаллических стихотворения посвящены вопросам ритма фаллического начала и [индуск.] фаллической фантастике в индийском роде.

В принадлежащих автору экземплярах страница эта была восстановлена.

Выступал в «Палате Поэтов» с новыми стихами, докладами «На смерть Блока», «О новых формах поэзии», «Рецепт для публики» и др.

Исполнял изобретенные им танцы, играл главную мимическую роль в синкретической драме-буфф «Театр ужасов» (выступление «Передвижного Театра на Столах»)², в постановке молодого режиссера Павла Вейсбрема-Куклиматид³, управлявшего театром «Театральные Мастерские», ныне функционирующим в Петрограде (стих и танцы В. Парнаха, пантомима П. Куклиматид).

КОММЕНТАРИИ

¹ Ср. недавно вышедшие в русском переводе фрагменты воспоминаний Ладос Гудиашвили (1896—1980) «В Париже», *Литературная Грузия*, 1979, № 9, стр. 137—152; № 10, стр. 136—150 (В.Я. Парнах в них не упомянут).

² Вечер состоялся 9 ноября 1921 г. — см. М. Beussac, *op. cit.*, p. 17.

³ Павел Карлович Вейсбрем (1899—1963) позднее работал в Большом Драматическом театре и других ленинградских театрах. (См.: *Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр*. 1917—1921. Л., 1968; *То же*. 1921—1926, Л., 1975.)

ДОВИД КНУТ

Довид Кнут (Давид Миронович Фихман, 1900—1955) — автор четырех поэтических сборников, из коих первый — *Моих тысячелетий* — вышел в Париже в 1925 году. Замечательно, что печатный дебют Кнута как *парижского* поэта состоялся в московском альманахе *Недра*, в 1923—1924 годах напечатавшем в своих третьей и четвертой книжках подборку стихов парижских поэтов А. Гингера, Б. Божнева, В. Кемецкого и Д. Кнута («В поле» и «Джок»). Жена Д. Кнута, поэтесса Ариадна Скрябина (дочь великого русского композитора) во время Второй мировой войны участвовала вместе с ним в движении Сопротивления и была убита нацистами в Тулузе (см.: Н. Берберова. *Курсив мой. Автобиография*. Мюнхен, 1972, стр. 317—319); сам Д. Кнут бежал в Швейцарию. Позже он переехал в Израиль и отошел от русской литературной жизни. См. о нем: Ю. Терапиано. «Памяти Довида Кнута», *Опыты*, 5 (1955), стр. 91—94.

Публикуемая справка в *НРК* напечатана не была.

Довид Кнут, поэт.

Живет в Париже (31, rue Jean de Beauvais, Paris V). С 14 по 18 год сотрудничает в Кишиневской периодической печати («Бессарабский Вестник», «Бессарабия», «Свободная Мысль»), в 1918 году редактирует в Кишиневе журнал «Молодая Мысль»¹. С 1920 г. живет в Париже, читает свои стихи на вечерах литературно-художественного кружка «Гатарапак» (вице-председателем которого он избран в 21 году)², несколько раз — в «Палате Поэтов», выступает в «Передвижном Театре» Куклимати.

В 1922 году организует (вместе с Б. Божневым)³ «Выставку Тринадцати» — картин и стихов⁴, в которой, кроме 13-ти русских художников и поэтов, принимает участие проф. К.В. Мочульский, читающий на вернисаже выставки доклад «О парижской группе русских поэтов» — экспонентах выставки.

В настоящее время поэт ведет переговоры об издании в Берлине его книги стихов «Иду сгореть». Готовит к печати новую книгу — «Сладчайший груз».

КОММЕНТАРИИ

¹ Данные о кишиневском периоде Д. Кнута не включены в справочник Л. Фостер; журнал *Молодая Мысль* не учтен и в книге: Tatiana Ossorguine-Bakounine. *L'Emigration russe en Europe. Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855—1944*. Vol. I, Paris, 1976 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, tome XL/1).

² Сведения о «Гатарапак» — литературно-художественном кружке, возникшем осенью 1921 г., — имеются в названной выше книге М. Beysac. В нем принимали участие Божнев, Гингер, Поплавский, Познер, М. Струве, Талов, Шаршун, Г.Е. Евангулов, А. Юлиус.

³ О Б. Божневе см.: А. Бахрах. «Воспоминания Божнева», *Новое Русское Слово*, 3 декабря 1978; А. Бахрах. *По памяти, по записям...*, Париж, 1979, стр. 156—160.

⁴ Сведения об этой выставке приведены в хроникальной заметке в *НРК*, 1922, № 9, стр. 33.

И. СЕВЕРЯНИН

Игорь Северянин (1887—1941) — один из самых прославленных поэтов начала века; основатель «эго-футуризма». После революции эмигрировал; об этом периоде см. статью В.Т. Адамса «Игорь Северянин в Эстонии», в сб. *Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения акад. М.П. Алексева*, М.—Л., 1966, стр. 354—360.

1

Toila, 20.XII.1920

Светлый Собрат!

С удовольствием исполняю Вашу просьбу — посылаю Библиографию. Надеюсь, буду получать журнал. Если я до сих пор жив, то только благодаря чуткой Эстии: эстонский издатель выпустил 3 книги моих стихов¹, эстонская интеллигенция ходит на мои вечера (1—2 раза в год), крестьяне-эстонцы дают в кредит дрова, продукты. Русские, за редкими исключениями, в стороне. А русские издатели (заграничные, т.к. в Эстии их вовсе нет) совсем забыли о моем существовании, напоминать же им о себе я не считаю удобным.

Если бы Вы в случайном разговоре с Заксом², Ладыжниковым или кем-либо из других дали им понять, что я еще жив, Вы оказали <бы> мне этим громадную пользу, тем более, что «дорожиться» бы я не стал, находясь в таком тяжелом положении³.

Попросил бы издателя, в случае желания приобрести у меня одну или несколько книг, выслать известную сумму герм<анских> мар<ок> чеком в заказн<ом> письме, выслать сейчас же по получении от меня рукописи желаемого тома.

Я пишу Вам все это потому, что интуитивно чувствую в Вас Человека. Других лиц, к котор<ым> я мог бы обратиться в Берлине, у меня нет.

С искрен<ним> уважен<ием>

Игорь Северянин.

Estland, Eesti. Toila, Postkontor.

2

<7.II.21>

Глубокоуважаемый collega!

Благодарю Вас за журнал и за предложение о книгах. В конце марта или в первых числах апреля я буду в Берлине и тогда переговорю с г. Заксом. Только что вернулся из Риги, где дал 2 концерта и подписал контракт на 11 концертов, между прочим 3 в Берлине. Надеюсь повидаться с Вами, чтобы лично поблагодарить. Имею 3 визы в Голландию, на днях еду в Ревель хлопотать о германских транзитных. Для этого необходимо, чтобы мне поспособствовали из Берлина. Но я там никого не знаю. Не будете ли Вы добры заявить в Мин<истерство> ин<остранных> д<ел>, что Вы меня ждете. Извиняюсь за беспокойство, но Вы меня, надеюсь, оправдаете. Выезжаем из Эстии в Двинск 15 марта⁴.

Германия страшно задерживает обыкновенно присылку разрешения.

С подобной же просьбой я обращаюсь к редакции «Голоса России» и к г. Заксу. Что касается присланного Вами листка, к сожал<ению>, ничего сообщить не могу нового, т.к. живу 3 года в глуши.

С искр<енним> уваж<ением>

Игорь Васил<ьевич> Лотарев.

Сообщаю на всякий случай, сведения о себе и жене.

Игорь Вас<ильевич> Лотарев (Игорь Северянин),
род. 4 мая 1887 г. в Петербурге. Русск<ий> под<данный>.
Правосл<авный>.

Мария Васил<ьевна> Домбровская (Балькис Савская). Род.

20 авг<уста> 1895 г. в Гродненской губ. Русск<ая> под<данная> Правосл<авная>.

Импресарио: Ханон Сролевич Лурье. Литовск<ий> под<данный>. Свед<ений> о нем пока не имею. Проживает в Ковно и в Риге: все время разъезжает.

КОММЕНТАРИИ

¹ Все они вышли в тартуском издательстве «Odamees».

² Летом 1921 г. в издательстве А. Закса «Москва» вышел XII том поэм Северянина *Менестрель*; в 1922 г. там же была издана его книга *Миррэлия*.

³ Ср. справку о Северянине в *РК*, № 1, стр. 31.

⁴ Северянин прибыл в Берлин только осенью 1922 г. О его вечерах в Берлине см.: *НРК*, 1922, № 9, стр. 38; № 11—12, стр. 28; *Накануне*, № 192, 22 ноября 1922; см. также: Илья Эренбург. *Люди, годы, жизнь*, II, 31.

Г.В. ВЕРНАДСКИЙ

Письма Георгия Владимировича Вернадского (1887—1973), крупнейшего русского историка, сына академика В. И. Вернадского, относятся к начальному периоду его эмиграции. После защиты магистерской диссертации в октябре 1917 г. в Петрограде, Г.В. Вернадский в 1917/18 академическом году преподавал в незадолго до того основанном Пермском университете, где, возможно, и познакомился с А.С. Яценко. Осенью 1918 г. он переехал в Крым, в Симферополь, и стал профессором Таврического университета. По инициативе П.Б. Струве, ему в 1920 г. был предложен пост начальника Главного управления по делам печати при правительстве генерала Врангеля (см.: Павел Новицкий. «Из истории крымской печати в 1919—1920 гг.», *Печать и Революция*, 1921, кн. 1, май—июль, стр. 60). После падения Крыма Г.В. Вернадский уехал в Константинополь (см. его воспоминания в *Новом Журнале*, 108, 1972, стр. 202—217), а затем в Афины, где в 1921—1922 г. работал библиотекарем в Археологическом обществе. В марте 1922 г. переселился в Прагу. В середине 20-х гг. занялся разработкой евразийского учения (см.: Nicholas V. Riasanovsky. «The Emergence of Eurasianism», *California Slavic Studies*, Vol. IV, 1967, pp. 39—72). С 1927 г. работал в Йэльском университете в США. См. о нем статью Н.Е. Андреева (с полной библиографией ученых трудов Г.В. Вернадского) в кн.: *Записки Русской академической группы в США*. Том IX (1975), стр. 168—193.

1

Rue Narilaon Tricoupi 48

Афины
23 окт./5 ноября 21

Многоуважаемый Александр Семенович,

(Простите великодушно, если я перепутал Ваше отчество.) Давно я собирался Вам написать, узнать, не слышали ли Вы чего-нибудь

о Перми, Пермском университете и профессорах. Я уехал из Перми осенью 1918 года¹ (был последнее время профессором Таврического университета в Симферополе) и ничего с тех пор о Перми не слышал, а очень бы хотелось знать.

Сейчас помимо этой просьбы у меня к Вам еще другая: отнестись доверчиво и дружественно к Афинскому русскому студенческому союзу, помочь этому Союзу в его сношениях с берлинским отделом У.М.С.А., где Вы, кажется, заведуете курсами.

Афинский русс<кий> студенч<еский> союз находится в особо трудных условиях по сравнению с другими русскими студенч<ескими> организациями (число членов союза сравнительно невелико, т.к. и вообще русских здесь немного), помощи извне Союз ниоткуда не получает. Союз налаживает здесь в скромных размерах книжную торговлю (для обслуживания своих членов и русской колонии вообще) и здесь рассчитывает на содействие У.М.С.А. Пересылка денег из Греции сейчас очень затруднена, для посылки чер<ез> банк маленькой даже суммы нужно особое разрешение, дня два толкаться в банке и пр. Между тем все члены Союза днем где-нибудь работают и заняты. М<ожет> б<ыть> берлинское отделение У.М.С.А. может высылать книги для Русск<ого> Студ<енческого> Союза в здешнее отделение У.М.С.А. и здесь Рус<ский> Студ<енческий> Союз будет уплачивать стоимость. Или Берл<инское> отделение будет посылать русским студентам книги в кредит, а раз в 2 или 3 месяца русск<ие> студенты будут высылать деньги. При этом книгопродавцы конечно должны делать скидку.

Затем не может ли У.М.С.А. прислать для библиотеки (налаживающейся очень туго) Рус<ского> Студ<енческого> Союза немного книг бесплатно.

Простите, что затрудняю Вас этими просьбами, но хочется помочь хорошему начинанию.

А про Пермь, если что слышали, напишите мне непременно. Всего лучшего.

Искренне уважающий Вас

Г. Вернадский

(Георгий Владим<ирович> Вернадский)

27/III 22

Многоуважаемый Александр Семенович,

Мне сказали, что в «Русской Книге» напечатано, что я нахожусь в Афинах². Я успел переехать в Прагу, куда избран на профессорскую стипендию³. Правда ли, что умер А.П. Кадлубовский и верить ли этому?⁴ Откуда эти сведения? Отокар⁵ мне так и не написал, не знаете ли его адрес?

Уважающий Вас

Г. Вернадский.

КОММЕНТАРИИ

¹ А.С. Ященко уехал из Перми до Вернадского.

² См.: *НРК*, 1922, № 1, стр. 40.

³ См.: *НРК*, 1922, № 3, стр. 35.

⁴ Это сообщение помещено в *НРК*, 1922, № 1, стр. 41

⁵ Выдающийся историк-медиевист Н.П. Оттокар, профессор, а в 1919—1921 гг. ректор Пермского университета. Ср.: *Пермский государственный университет имени А.М. Горького. Исторический очерк. 1916—1966*. Пермь, 1966, стр. 292. Осенью 1921 г. выехал в научную командировку в Италию (*НРК*, № 6, стр. 43—44). См. о нем статью В. Вейдле «Почетный гражданин Флоренции (Н.П. Оттокар)», *Новое Русское Слово*, 17 июля 1977, стр. 5.

А.А. КОЙРАНСКИЙ

Александр Арнольдович Койранский (1884—?) — беллетрист, художник, критик и театральный деятель, сотрудник газет *Утро России* и *Русское Слово*, человек разнообразных и ярких дарований, одна из наиболее заметных фигур артистической московской богемы. См. о нем в кн.: Марк Вишняк. *Годы эмиграции, 1919—1969. Париж—Нью-Йорк. (Воспоминания)*. Stanford, 1970, стр. 183—185.

1

26. XI [1920]
9, Montague str.
London W.C.

Дорогой Александр Семенович.

Как видите, нахожусь в Лондоне. Здесь я уже более полугода, а до тех пор скитался по югу России, был в Константинополе, Марселе, Париже. За время беженских скитаний моя литературная работа носила случайный характер, порой приходилось браться за кисть маляра и иные инструменты, чтобы добыть кусок хлеба.

Сейчас работаю в Парижских газетах и журналах, посылаю статьи по вопросам искусства, переводы и иллюстрации. За эти два года написал несколько беллетристических произведений. Одно из них, рассказ «Володя», должно было появиться в «Грядущей России», но увы, журнал этот тихо в Бозе опочил. Заканчиваю сейчас большую повесть, «Падение», в которой изобразил, как мог и умел, все пережитое с 1914 г. и по сии дни¹. Приглашен давать художественные обзоры в «Современные Записки» и в «Общее дело».

Не слышали ли Вы, дорогой Александр Семенович, чего-либо о Ивановых (П.К.), Устиновых, Зайцевых и прочих друзьях

ях, застрявших в Совдепии?² Буду очень признателен за всякую весточку.

Еще одна вещь. Давно уже ношусь с мыслью о переводе на русский язык Дневника бр. Гонкуров и их книги «Maison d'un artiste»³. Предприятие это большое, требует времени и денег. Если оно способно заинтересовать кого-либо из издателей, очень хотел бы вступить во всякие относящиеся к этому делу переговоры.

Еще просьба: нельзя ли достать в Берлине журнал, издававшийся Н. Архиповым, «Новый Журнал для Всех»? Там есть одно мое беллетристическое произведение: «Рассказ женщины», которое очень хотел бы иметь для подготавливаемого мною сборника рассказов.

Бесконечно обяжете ответом.

Дружески Ваш

Александр Койранский.

2

Париж, 13. V. 1921 г.

Дорогой и многоуважаемый Александр Семенович.

Очень прошу Вас исправить неточность, вкравшуюся в № 4 Вашего журнала: стр. 19. Монография «Юон» в изд. А. Когана написана не Лукомским, а мной⁴.

В настоящее время состою секретарем редакции «Современных Записок» и живу в Париже (9 bis, rue Vineuse). Кстати, как секретарь «Современных Записок», позволю себе напомнить, что не мешало бы дать о нас отзыв⁵. Отзыв о «Русск<ой> Книге» дан нами в книге IV.

Крепко жму руку

Александр Койранский.

P.S. Еще неточность: А. Вертинский не скончался в Петрограде, а благополучно здравствует в Константинополе...⁶

А. К.

КОММЕНТАРИИ

¹ Не опубликована.

² О старой близости Б.К. Зайцева с А.А. Койранским см. в кн.: Борис Зайцев. *Москва*. Мюнхен, 1960, стр. 41; о знакомстве Яценко и Б. Зайцева в Москве говорит Р. Гуль («Я унес Россию», *Новый Журнал*, 133, 1978, стр. 9). В.М. Устинов — ученый-юрист. Петр Константинович Иванов (1876—1956), журналист и писатель по религиозным вопросам (см.: Nicolas Zernov. *The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century*. New York and Evanston, 1963, p. 338), участник Московского Литературно-художественного кружка (см.: *Литературное Наследство*, т. 84 *Иван Бунин*. Кн. 2, стр. 163—164), позднее эмигрировал (его упоминает в письме 1924 г. В.А. Зайцева — см. *Новый Журнал*, 95, 1969, стр. 189; см. также: *Новый Журнал*, 60, 1960, стр. 285—289). Письма П.К. Иванова к А.С. Яценко (середины 20-х годов) сохранились в архиве *Новой Русской Книги* в коллекции Б.И. Николаевского (№ 72, п. 81).

³ Ср. справку о Койранском в разделе «Судьба и работы...», *PK*, № 1, ст. 23.

⁴ В пятом номере *PK* (стр. 22) была помещена дополнительная заметка о Койранском: «А. Койранский, живет в Париже (rue Vineuse 9 bis), состоит секретарем редакции “Современных Записок” (в 4-ом номере нашего журнала его монография “Юон” в изд. А. Когана нами ошибочно была приписана Лукомскому)». Она повлекла за собой возмущенную реакцию Г.К. Лукомского (1884—1940), известного художника и искусствоведа. Приводим соответствующий кусок из его письма к А.С. Яценко: «Дорогой Коллега, в № 5-ом Вашего *интересного* журнала, — который всегда с удовольствием читаю — я заметил в справке о “А. Койранском” следующую фразу: “нами *ошибочно* приписана книга об Юоне Г.К. Лукомскому, она принадлежит А. К-му” — Вы напрасно доверились А. К-му, если это он сам Вам прислал эту поправку и т<ем> более досадно, если сделали ее, не попытавшись увидеть самую книгу. Тогда б с легкостью Вы убедились, что я Вас *не* подвел (ибо о себе самом я же и сообщил данные). Книга сия издана А.Э. Коганом *под моей редакцией*, т.е. рис<унок> обложки заказывал Чехонину — я, скомпоновал *всю* книгу — я, сверстал — я, предисловие написал — я, а К-му принадлежит только *текст*, мною же отредактированный. Ведь не говорим же мы — Г.Г. Павлуцкий или А.В. Щусев или бар. Врангель “*Ист<ория> Русск<ого> Иск<усства>*”? а говорим *Иг. Грабарь “И.Р.И.”* <...> Итак, я *настаиваю*, что книга *скорее* моя, чем А.К. и прошу очень Вас теперь *меня* из неловкого положения вывести, и дать точное ее название, и имена составителя и авт<ор>а текста <...>» (Архив Николаевского).

⁵ А. Яценко. <Рец.:> «Современные Записки. 1921, № 1—5», *PK*, № 5, стр. 12—13.

⁶ В разделе «Судьба и работы...» в *PK*, № 4, стр. 14 сообщалось о смерти А. Вертинского в Петрограде в начале 1920 г.

И.Э. ГРАБАРЬ

В январе—марте 1921 г. Игорь Эммануилович Грабарь (1871—1960), выдающийся русский художник, архитектор, ученый-реставратор, видный специалист по истории русского искусства, музейный деятель, — находился в Риге по командировке ВЦИК для участия в мирных переговорах России и Украины с Польшей, в качестве эксперта по спорным вопросам, связанным с правом на владение и с передачей памятников истории и культуры. Во время пребывания в Риге написал серию статей о современном положении искусства и охраны памятников старины в Советской России; статьи эти, помещенные в просоветской газете *Новый Путь*, вызвали большой резонанс в эмигрантской прессе. Первые отклики на эти выступления Грабаря резюмированы им в письме к жене от 13—14 февраля 1921 г.: «Сегодня пришли парижские и берлинские русские газеты, в которых на все лады цитируется моя статья в “Новом Пути”, которую я тебе послал. Смысл их такой: “Если уж Игорь Грабарь говорит, что в Советской России идет такая интенсивная работа в области искусства, то видно там дело не так уж плохо обстоит, как об этом принято писать. Правда, он человек увлекающийся, но все же...”» (Игорь Грабарь. *Письма. 1917—1941*. М., 1977, стр. 47).

В третьем номере *РК* на статьи Грабаря ссылается А. Яценко в статье «Русская поэзия за последние три года», как на авторитетное свидетельство о падении влияния футуризма и кубизма в среде молодой художественной интеллигенции.

Статья И.Э. Грабаря «Искусство русской эмиграции» (*Русский Современник*, 1924, № 3, стр. 238—247), содержащая сочувственно-объективную оценку послереволюционного творчества ряда русских зарубежных художников, замечательна отчетливым неприятием противопоставления эмиграции и России в области искусства.

Публикуемое письмо дополняет корпус переписки Грабаря, публикуемый в настоящее время в СССР (первые два тома вышли в 1974 и 1977 гг.).

Многоуважаемый Александр Семенович!

Письмо Ваше от 10/II получил с большим запозданием и не отвечал Вам сразу потому, что все собирался написать что-нибудь для «Голоса России» и заодно переслать Вам¹. Однако дела оказалось здесь так анафемски много, что я занят с утра до ночи и к ночи так устаю, что уже ни на что не пригоден, поэтому, отчаявшись в возможности состряпать что-нибудь путное в ближайшее время и не желая откладывать своего ответа с недели на неделю, решился написать Вам хоть эти несколько строк.

Помимо работы, непосредственно связанной с мирными переговорами, я занят просмотром всех книжных каталогов немецких издательств с 1914 года, всяких Börsenblätter für den deutschen Buchhandel etc.²; Вы знаете, как от них пухнет голова. Крохи остающегося времени уходят на занятия живописью, по которой я изголодался в Москве, — хожу писать этюды на воздухе.

Вскоре по приезде сюда я согласился дать серию статей для «Нового Пути» и так как я очень туг на писание, ибо смертельно сего дела не люблю, то это «продолжение следует» висит у меня камнем на шее. Согласился же я писать потому, что уж очень, оказалось, врут про нас и нашу работу в зарубежных газетах: и такие мы и сякие и большевикам продались. Вы меня извините, но я считаю, что если мы имеем силы среди столь жестоких условий не только работать, оставаясь на своем посту, но и радоваться и увлекаться работой, то можно не соглашаться делить ее с нами, но обливаться за это грязью и клеймить предателями, это просто пошлость и мерзость.

Вот отчего я победил в себе свою газетобоязнь и застрочил как это ни тяжко.

Если будет время я все же может быть что-нибудь и напишу для С. Як-а³, которому прошу передать мой поклон и для Вас⁴. О смерти Э.Ю. Грюнберга⁵ я знал уже.

В «Русской Книге» Вы дали неверную и опасную справку о моем брате: он не бежал с Деникиным из Воронежа на Кавказ, а уехал туда раньше, вызванный телеграммой матери, а потом болезнь жены (болевшей тифом) помешала ему выехать и он пока сидит там, но в марте уже собирается возвращаться в Воронеж⁶.

Ну будьте здоровы.

С душевным приветом

Игорь Грабарь.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Голос России* (1920—1922) — берлинская газета, в которой в 1920—1921 гг. сотрудничал А. Яценко.

² Находясь в Риге, Грабарь выполнял поручения Наркомпроса по закупке книг и художественного инвентаря. Ср. письмо А.В. Луначарского в *Вопросах Литературы*, 1973, № 6, стр. 183.

³ Самуил Яковлевич Шклявер, петербургский присяжный поверенный, журналист, редактор газеты *Голос России*.

⁴ В *РК* и в *Голосе России* статей Грабаря не появлялось.

⁵ По-видимому, сын Ю.О. Грюнберга, управляющего делами редакции «Нивы», которого Грабарь упоминает в книге *Моя жизнь. Автобиография*. М.—Л., 1937, стр. 70, 89—97.

⁶ В.Э. Грабарь (1865—1956), видный специалист в области истории и теории международного права. В 1922 г. был включен в советскую делегацию на мирной конференции в Лозанне (*НРК*, 1922, № 10, стр. 37). Преподавал в 1893—1918 гг. в Дерптском университете.

В письме к брату 29 апреля 1921 г. из Москвы И.Э. Грабарь сообщал: «Хочу рассказать о том, что творится в Риге и дальше. Прежде всего получил неожиданное письмо от Яценки, узнавшего из газет о моем приезде в Ригу. Он живет в Берлине (подумай, а не в Париже), где выпускает периодический журнал (ежемесячник) «Русская Книга». Всего с объявлениями 64 странички, а без объявлений — 50 <...> Интересны следующие: «Русские книги, появившиеся в 1918—1920 гг. вне Советской России» (8 страниц убористого шрифта), «Книги о России на немецком языке за 1920 г.», «Русские газеты за пределами Советской России в 1920 г.» (всего 160 названий!) и особенно «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1920 гг.», где напечатано много действительно ценных по нынешним временам сведений о нескольких стах деятелей, разбросанных судьбой по в сему свету. Узнал о Тебе следующее. «Проф. Влад. Эмман. Грабарь. До лета 1919 г. был проф. Воронежского унив. При отступлении армии Деникина эвакуировался на юг и поселился в своем имении близ Адлера». О себе: «Живет и работает в Секции искусства Народн. Ком. Просв. и состоит в редакц. комиссии по издан. Литер. Госуд. Издательства». Все это вранье <...> Яценко просил меня дать какую-нибудь статью о вновь вышедших в Советской России книгах по искусству или по другим вопросам. Я так ничего и не дал за полным отсутствием времени». (Игорь Грабарь. *Письма. 1917—1941*. М., 1977, стр. 57; купюры в нашей цитате находятся в самом этом издании.) И.Э. Грабарь цитирует раздел «Судьба и работы...» в первом номере *РК*, стр. 20.

ФЕДОР СОЛОГУБ (1863—1927)

Петроград
Ждановская набережная
3, кв. 26

3 октября 1922

Многоуважаемый Александр Семенович,

Очень благодарен Вам за посылку мне Вашего журнала Новая Русская Книга. Сообщаю Вам (наверху этого письма) мой настоящий адрес. Будет мне приятно получить от Вас несколько строк — как Вы живете? Скоро ли собираетесь возвратиться в Россию? О себе могу сказать не много, — после моей тяжелой потери¹ мне очень трудно что-нибудь делать. Пишу только стихи. Скоро в издательстве Полярная Звезда² выйдет сборник моих новых стихов. В издательстве Былое на днях выходит книга Анастасии Николаевны «Женщина накануне Великой Французской Революции» с моим предисловием. Для из<датель>ства Пол<ярная> Зв<езда> приготавливаю сборник стихов русских поэтов на тему «Призвание поэта». В том же изд<ательстве> печатается мой перевод двух сказок Бальза<ка> о прекрасной Империи из книги *Les Contes drolatiques*³, и небольшой сборник моих сказочек для детей. Вот, кажется, и все.

С приветом

Федор Сологуб.

КОММЕНТАРИИ

¹ Смерть Ан. Н. Чеботаревской.

² Не вышел, — как не вышли и упоминаемые далее антология «Призвание поэта» и сказки для детей.

³ О. Бальзак. *Озорные сказки*. Пер. Ф. Сологуба. Пб., «Полярная Звезда», 1922.

Г. Б. ШМЕРЕЛЬСОН

Публикуемая справка была прислана в *НРК* осенью 1923 г., когда журнал прекратил свое существование. Она проливает свет на петербургскую группу «воинствующих имажинистов» (ср. отзыв о книжке Шмерельсона *Города хмурь* в газете *Накануне*, № 89, 25 июля 1922, стр. 6: «поддельный имажинизм»), почти не известную историко-литературной науке. С этой группой незадолго до смерти сблизился Сергей Есенин. См. о ней в книге: Матвей Ройзман. *Все, что помню о Есенине*. М., 1973, стр. 180, 161—162, а также в воспоминаниях (примкнувшего к группе в 1924 г.) Вольфа Эрлиха *Право на песнь*. Издательство писателей в Ленинграде, 1930. Ср. также справку об издательстве «Распятый Арлекин» в *Литературных Записках* (Пб.), 1922, № 3, 1 августа, стр. 20—21. См. также: Vladimir Markov. *Russian Imagism. 1919—1924*. Giessen, 1980 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd. 15, 1). Chap. 8 (pp. 62—64).

(Петроград, Красная 21, кв. 1)

Поэт Григорий Бенедиктович Шмерельсон¹ в настоящее время живет в Петрограде и работает в Воинствующем Ордене Имажинистов, членом Совета Действия коего состоит.

В 18—21 гг. работал в Ниж<нем>-Новгороде в Правлении отделения Всероссийского Союза поэтов, в ЛИТО Губполитпросвета, в периодических изданиях и литературных сборниках.

В 1922 г. изд<ательство> «Распятый арлекин» выпустило книжку стихов «Города Хмурь». Выходит в издании «Имажинисты» — Меня — Тебя — поэма, «Нисти Грац» — имажиниада². В настоящее время работает над поэмой «Азиатская холера» и 2-ой кн<игой> стихов.

— В Петрограде с конца 22 г. работает Воинствующий Орден Имажинистов, в составе: поэтов — Афанасьев-Соловьев³, Ник. Григоров, [Алексей Золотницкий]⁴, Семен Полоцкий⁵, Владимир Ричиотти⁶, Григорий Шмерельсон.

Орден по июнь месяц — 23 г. провел около 70 вечеров, диспутов и пр.

Работа ордена ведется в контакте с Московской группой Имажинистов — Есенин, Ивнев, Мариенгоф, Шершеневич, Эрдман.

Летом члены ордена работали: [А. Золотницкий — Крым], В. Ричиотти — Кавказ, С. Полоцкий и Гр. Шмерельсон — Волга.

С осени намечено ряд вечеров, диспутов, организация издательства, к годовщине (25 нояб<р>) петроградской работы выходит сборник «В кибитке вдохновения» — участвуют: [Золотницкий], Аф<анасьев>-Соловьев, Н. Григоров, Р. Ивнев, С. Полоцкий, Вл. Ричиотти, Ан. Мариенгоф, Гр. Шмерельсон, Вадим Шершеневич, Н. Эрдман⁷.

Первый вечер состоится 20 октября в Пушкинском Доме Академии Наук на «Всероссийской Выставке Художественной Литературы за революционные годы (1918—1923)» — под названием «Осенние маневры имажинистов».

КОММЕНТАРИИ

¹ Сведения о Г.Б. Шмерельсоне, 1901—1943 (?), и о его рукописном наследии приведены в кн.: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год*. Л., 1973, стр. 122—124. См. также справку о нем в публикации: «Эрнст Толлер. Письмо к Г.Б. Шмерельсону». Публикация Е.В. Свиясова при участии В.М. Грачевой. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л., 1979, стр. 250—255.

² Фрагмент ее напечатан в сборнике *В кибитке вдохновения* (Пг., 1923).

³ И. Афанасьев-Соловьев, участник сборника *В кибитке вдохновения*, автор стихотворных книжек «Завоевание Петрограда», «Северная поэма» и «Элегии», выпущенных орденом имажинистов в 1923—1924 гг.

⁴ В 1922 г. издал в Москве поэму «Волга». Так как в данной справке его имя последовательно вычеркнуто, можно предположить, что в это время (осень 1923 г.) он из группы вышел.

⁵ Семен Анатольевич Полоцкий (псевдоним — В. Алов, 1905—1954), участник сборников *Тараном слов* (Казань, 1921) и *В кибитке вдохновения*, автор книжек для детей. Справку о его архиве см. в книге: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год*. Л., 1973, стр. 117—118.

⁶ Владимир Ричиотти (псевдоним Леонида Осиповича Турутовича, 1899—1939), моряк с «Авроры», участник Гражданской войны, впоследствии — известный писатель-маринист. Выпустил две книжки в издательстве петроградских имажинистов. Участвовал в сборнике *В кибитке вдохновения*. См. о нем: Н.С. Тихонов. «Страницы воспоминаний. Гибель эпопеи», *Знамя*, 1963, № 8, стр. 74—107.

⁷ На самом деле московские имажинисты в этом издании участия не приняли. Об обстоятельствах выхода книжки Шмерельсона и Шершеневича *Шиш* см. письмо В.Г. Шершеневича к А.Б. Кусикову от 23 января 1924 года: «Завтра отправлю тебе заказной бандеролью “Гостиницу” и “Шиш”. За второй не отвечаю. Взяли в Питере мое старое стихо и ткнули его, а мне это неприятно». (*Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. XV, no 1—2, Janv.—Juin, 1974, p. 213).

М.К. АЗАДОВСКИЙ

Марк Константинович Азадовский (1888—1954) — один из крупнейших советских литературоведов, фольклорист, этнограф, исследователь Сибири. Принадлежал к плеяде ленинградских ученых-филологов, выдвинувшихся в 20—30-х годах (был профессором Ленинградского университета с 1930 г.). См. о нем: В.М. Жирмунский. «М.К. Азадовский. Биографический очерк», в кн.: М.К. Азадовский. *История русской фольклористики*. М., 1958, стр. 3—18. Письма Азадовского публиковались в изданиях: *Литературное наследство Сибири*, т. 1, Новосибирск, 1969; *Из истории русской фольклористики*. Л., 1978; М. Азадовский. *Статьи и письма. Неизданное и забытое*. Новосибирск, 1978. В 1918—1930 гг. Азадовский работал в вузах Томска, Читы и Иркутска. Справка о нем помещена в *НРК*, № 5, стр. 32.

Чита, 15 марта 1922.

Разрешите обратиться к Вам, к <a> старшему colleg'e с большой просьбой. Вы несомненно, au sougant всех ист<орико>-лит<ературн>ых новинок книжного мира Франции и Германии. Мы же здесь не только отрезаны от новых книг, но даже и от известий о них. Разрешите поэтому просить — подательнице этого письма составить список важнейших новинок, к<ото>рые могли бы быть ей приобретены для меня¹. Меня интересуют по преимуществу: работы по фольклору, по методологии ист<ории> литературы, — из монографических работ: о Флобере, Гофмане.

М<ежду> прочим, будьте добры указать последнее критическое издание Гофмана, — оно, кажется, начало выходить в 1910 г. и до войны было не закончено. К сожалению, я забыл имя редактора и издательства².

Кроме того, какая-то монография вышла о Гофмане в издательстве Эрика Рейсса³.

Замечу, что более, чем немецкая, меня интересует французская наука.

Посылаю Вам свою работу по библиографии⁴ и материалы для отдела «Personalia» «Русской книги»⁵. К сожалению, пишу с экстренной оказией и не успел переработать в виде статьи.

Это сведения о деятель<ности> ист<орико>-фил<ологических> фак<ультет>ов Томска и Иркутска за 1920/21 учебный год, и сведения о покойных на территории Сибири.

Недельки через две-три пришлю статью об историко-филологическом факультете Томского Университета за период 1917—1921, — и о некоторых новинках Дальневосточного Книжного Рынка⁶.

За исполнение просьбы заранее глубоко благодарю. Рад буду быть Вам полезным.

М. Азадовский.

Чита
Институт Народно-образовательный

Профессору А.С. Яценко
Журнал «Русская книга»
Berlin, Wilhelmstrasse 20.

КОММЕНТАРИИ

¹ Характеристику личной библиотеки Азадовского см. в статье: Л.В. Азадовская. «Из научного наследия М.К. Азадовского», в кн.: М. Азадовский. *Статьи и письма*, 1978, стр. 231—232.

² Имеется в виду издание Э.Т.А. Гофмана под редакцией Маассена (Carl Georg v. Maassen), начавшее выходить в мюнхенском издательстве Georg Müller в 1910 г.

³ Walter Harich. *E.T.A. Hoffmann. Das Leben eines Künstlers*. Berlin, Erich Reiss. ВВ. 1—2.

⁴ М.К. Азадовский. «Обзор библиографии Сибири», *Труды Общества этнографии, истории и археологии при Томском университете*, вып. 1 (Томск, 1920).

⁵ По-видимому, Азадовским представлены справки о фольклористе А.Д. Григорьеве, молодом пушкинисте В.П. Красногорском, поэте Ф. Латкине, профессорах В.И. Огородникове и М.М. Рубинштейне в пятом номере *НРК* за 1922 г.

⁶ В *НРК* не появились.

Н. С. АШУКИН

В 1922 году, к которому относятся контакты с Яценко, Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972), поэт, беллетрист, литературовед, — входил вместе с В. Г. Лидиным, Ю. И. Айхенвальдом, И. А. Новиковым и др. в правление московского Союза писателей (см.: Н. Захаров-Мэнский. «Литературная Москва (Письмо из Москвы)», *Накануне*, № 42, 17 мая 1922). В статье Бориса Пильняка «Заказ наш» (*НРК*, 1922, № 2, стр. 2) дом Ашукина назван центром, к которому тяготеют «писатели в лаптях». В апреле—мае 1922 года Ашукин напечатал в берлинском журнале *Слово* статью «Александр Блок»; позднее вышла его книга о Блоке. Статья Ашукина «Современность в литературе» (*НРК*, 1922, № 6), инспирированная, как показывает печатаемое ниже письмо к Яценко, Борисом Пильняком и содержащая оценку новых явлений русской прозы (Серрапионовы братья, Пильняк, А. Яковлев, Б. Пастернак), является ценным документом по изучению литературной ситуации 1922 года.

Об Ашукине см. очерк «Затворник», в кн.: Вл. Лидин. *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 3, М., 1974, стр. 391—394.

1

Москва, Мал. Серпуховка.

д. 6, кв. 1

8 VI 22 г.

Многоуважаемый Александр Семенович!

Посылаю Вам небольшую статейку — «Современность в литературе». Эта тема выбрана не мной, а Пильняком, который сказал мне, что именно это Вам нужно.

Не откажите в напечатании нескольких заметок в хронике, тоже при сем прилагаемых.

Если статья моя Вас удовлетворит, я охотно буду работать в Вашем журнале. Сообщите мне, какого рода материал для Вас желателен.

Попрошу Вас выслать мне 1-ый и 2-ой №№ «Русск<ой> Книги» за этот год.

Пильняк же мне сказал, что в обычае редакции гонорар уплачивать вещами. Если это так, то — как видно из письма Бориса — пришлите мне безопасную бритву. Если же это для Вас трудно, то книги.

Что-либо из следующих: Эпопея № 1, Пильняк, Повесть петербургская.

Впрочем, не знаю их цен.

С совершенным уважением

Ник. Ашукин.

2

Москва Мал. Серпуховская, д. 6, кв. 1
 23 X 1922

Многоуважаемый Александр Семенович,

Посылаю Вам кое-какие заметки для вашего журнала.

Рецензию о книге Эфроса можно сократить, если цитаты из нее покажутся Вам слишком длинными¹. В отдел «Судьба русск<их> писателей» посылаю о А. Эфросе, Ю. Соболеве и Л. Зилове. О них у Вас еще ничего не было².

Соколов-Микитов привез мне бритву. Большое спасибо. Какие у меня с Вами счеты? Остался ли я Вам должен.

За счет следующего моего гонорара попрошу Вас выслать мне книги.

Хотелось бы получить что-либо из след<ующих>:

А. Белый. Два тома Записок Чудака.

—”— Разлука. Стих<отворения>

А. Ремизов. Ахру (изд. Гржебина)

—”— Россия в письменах.

К. Бальмонт. Воздушный путь (Расск<азы>). Изд. Огоньки.

Эпопея.

Что-нибудь из этого.

Кроме того, Александр Семенович, напишите мне, какой матерьял для Вас наиболее интересен. Буду присылать.

С истинным уважением

Ник. Ашукин.

Москва, Мал. Серпуховская, д. 6, кв. 1
 Н.С. Ашукин
 20 XII 1922

Многоуважаемый Александр Семенович!

Обращаюсь к Вам с просьбой по книжной части. Будьте любезны выслать мне *седьмой том Собр. соч. А. Блока* (изд. «Эпоха» и «Алконост»). Книга мне очень нужна для работы (заканчиваю, вернее — уже почти окончил составление библиографии Блока)³. Стоимость книги и расходы по пересылке вычтите из моего гонорара. Впрочем, если такового на моем счете не значится или не хватит (я послал Вам кое-какие мелочи)⁴, буду Вашим должником. Вскоре пришлю матерьял для Нов<ой> Русск<ой> Книги.

Исполнением просьбы премного меня обяжете. В свою очередь готов служить Вам.

С истинным уважением

Николай Ашукин.

P.S. № 8 Книги до сих пор мной не получен.

КОММЕНТАРИИ

¹ Рецензия Ашукина на (не поступившую в продажу) книгу А. Эфроса *Эротические сонеты* в *НРК* не появилась.

² См.: *НРК*, 1922, № 10, стр. 37—38.

³ Н.С. Ашукин. *Александр Блок. Синхронистические таблицы жизни и творчества. 1880—1921. Библиография. 1903—1923.* М., 1923.

⁴ По-видимому, хроникальные заметки о литературных вечерах в Москве (*НРК*, 1923, № 1, стр. 33—34) и справки о Н.С. Ашукине, Е. Зозуле, Вл. Лидине, К. Липскерове, Ю. Слезкине, Пильняке, Пришвине, И.А. Новикове, А. Эфросе и А. Яковлеве (там же, в разделе «Судьба и работы...»).

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ
МАКСИМА ГОРЬКОГО**

ПИСЬМА МАКСИМА ГОРЬКОГО К Б.И. НИКОЛАЕВСКОМУ

Невозможно представить себе «берлинский» период русской литературы без фигуры Максима Горького. В силу различных причин — как научных условий (трудности документирования), так и экстранаучных (столкновение политических пристрастий) — начало двадцатых годов остается «потопленной эпохой горьковской жизни»¹. Между тем особый исторический интерес этого момента состоит не только в том, что Горький, после длительного периода общественной деятельности в Петрограде, возвращается теперь к творческой работе, но и в двойственности общественно-политического облика писателя, превращавшей его в «полуэмигранта»². Самая позиция «неучастия» одновременно и в советских, и в эмигрантских литературных изданиях, регулярно декларируемая Горьким (в частности, и в публикуемых ниже письмах к Б.И. Николаевскому и И.С. Коноплину), и обреченная на провал, упорная борьба за распространение собственного журнала *Беседа*³ в Советской России — вслед за кризисом «русского Берлина» и после краха издательства Гржебина, — заставляют видеть в литературном поведении Горького явление, характерное именно для «берлинского» этапа истории русской культуры.

При всей разрозненности и обрывочности корпуса горьковских документов, сохранных Б.И. Николаевским⁴ и находящихся сейчас в архиве Гуверовского института, научное значение его, несомненно, очень велико. Изучение его позволяет осветить с новой, неожиданной и нешаблонной, стороны равно литературную деятельность Горького и место писателя в революционной жизни России XX века.

Мы не располагаем в настоящее время данными о встречах Горького и Николаевского до Берлина. Единственная известная нам «встреча» произошла на страницах петроградского историко-революционного журнала *Былое*, в шестнадцатой книжке которого (вышла осенью 1921 года) была помещена статья Б.И. Николаевского «Первое преступление М. Горького (Из очерков по архивным материалам)». Статья эта вводила в научный оборот «дело» № 7 за 1889 г.

нижегородского жандармского управления и освещала не известный до того эпизод биографии Горького — его первый арест. В статье в *Былом* публикуемые жандармские документы были сопровождаемы мемуарными комментариями самого Горького — уточняющими, опровергающими и высмеивающими утверждения жандармов. Согласно первой сноске на стр. 174 журнала, комментарии Горького были сделаны «по просьбе редакции»; дата, проставленная под ними — «20 марта 1921 г.» — эту справку удостоверяет и разъясняет: Б.И. Николаевский, как один из членов Центрального комитета меньшевистской партии, был ровно за месяц до того, 21 февраля, арестован Чека⁵ и провел почти год в тюремном заключении, вплоть до выезда в январе 1922 г. в эмиграцию. Таким образом, это был «последний» арест в России старого деятеля революционного движения России и одного из самых крупных впоследствии его историков.

Эта «встреча» и одновременно «невстреча» Горького и Николаевского на страницах историко-революционного журнала может, по видимому, многое объяснить в характере личных контактов и корреспонденции их в Берлине в 1922—1923 гг.

После длительной голодовки в Бутырской тюрьме лидеры меньшевистской партии были освобождены из заключения; в январе 1922 года Ф.И. Дан, Б.И. Николаевский, Л.О. Дан и Е.И. Грюнвальд выехали из Советской России и 11 февраля прибыли в Берлин⁶. С «тюремной» проблематикой связаны приводимые ниже эпистолярные документы, указывающие на встречи Николаевского с Горьким в середине 1922 г. Несмотря на то, что эти материалы появлялись уже в печати, исключительный их исторический вес заставляет нас заново опубликовать и прокомментировать их. Связаны они с начавшимся летом 1922 г. в Москве процессом над партией социалистов-революционеров, явившимся частью начатого после Октябрьской революции тотального разгрома советской властью социалистического движения в России.

В конце февраля 1922 г. в Москве неожиданно⁷ было объявлено о предстоящем процессе над правыми эсерами по обвинению в акциях, совершенных в период Гражданской войны. Обвинение против лидеров партии социалистов-революционеров базировалось на показаниях двух бывших членов Боевой организации — Лидии Коноплевой и ее мужа Г. Семенова (Васильева), к тому времени в рядах партии социалистов-революционеров уже не состоявших и, по слухам, принадлежавших к Российской Коммунистической партии. Показания Г. Семенова были изложены им в изданной в феврале 1922 г. в Берлине брошюре⁸, цинично-фальсификаторская и провокационная направленность которой бросалась в глаза⁹. В этой брошюре у-

верждалась причастность ведущих функционеров партии к попыткам покушения на В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и других большевистских вождей в начале революции.

К процессу 1922 г. привлечены были деятели революционного движения с безупречным прошлым, долгие годы проведенные в дореволюционных тюрьмах и на каторге, где они сталкивались с теми, кому на суде отведена была роль обвинения. Объявлению о судебном разбирательстве предшествовало длительное пребывание (с 1920 г.) лидеров партии социалистов-революционеров в тюрьме, без предъявления соответствующего конкретного обвинения. Извещение о суде было всеми (без различия политической принадлежности) воспринято как предупреждение о неминуемой казни старых революционеров и как предвестие нового этапа в ликвидации социалистического движения России¹⁰. Это, в свою очередь, совпало с международным признанием Советской России, переговорами в Генуе и с намеченным на апрель 1922 г. в Берлине совместным конгрессом трех Интернационалов — всех течений социал-демократии Европы¹¹.

Во главе общественной борьбы против предстоящей расправы над эсерами оказались лидеры меньшевистской партии, находившиеся в эмиграции в Берлине, — во главе с Ю.О. Мартовым, с первых дней Октябрьской революции последовательно выступавшие против террора и требовавшие отказа от смертной казни. Решение об активном участии в защите эсеров было принято меньшевиками после некоторых колебаний и разногласий между Заграничной Делегацией партии, с одной стороны, и Центральным ее комитетом, находившимся в России, — с другой. Об этом свидетельствуют мемуары Б. Двинова (входившего тогда в ЦК), указавшего на старые противоречия внутри русского движения:

Наш ЦК отдавал себе отчет в самом начале, что наше положение в этом деле может — из-за расхождений с эсерами — стать щекотливым, но тем не менее мы не могли не принять в защите эсеров самого активного участия. И ЦК в России, и Заграничная Делегация делали все, что могли, для спасения обвиняемых эсеров, и если они были спасены, то это несомненно произошло под давлением европейского пролетариата. Начиная с № 5, «Социалистический Вестник» не прекращал кампании по поводу дела эсеров. Этот процесс приковал к себе взоры всего мира и был значительным событием в политической жизни того времени.

Положение нашей партии в этом деле было трудным: партия, конечно, протестовала против иезуитского и провокационного процесса, но партия ни в коем случае не могла взять на себя ответственность за морально-политическое прошлое эсеров¹².

Весной 1922 г. был создан широкий фронт протеста против сфабрикованного суда, руководимый рабочими партиями Запада. В передовой статье «Первое предостережение» журнал Ю.О. Мартова писал:

Цинизм, с каким через 10 дней после опубликования брошюры предателя в Берлине было оостряпано «дело» против с.-р.-ов в Москве, со всею ясностью поставил перед социалистами и рабочими вопрос о методах расправы большевиков со своими политическими противниками вообще. То, что обычно творилось под спудом, впервые открыто выявилось во всем своем безобразии. *Террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации* — вот против чего поднял свой протестующий голос пролетариат¹³.

Под давлением общественного мнения социалистической Европы представители Коминтерна на апрельском совещании трех Интернационалов Н. Бухарин и К. Радек дали письменное заверение, что смертный приговор не будет вынесен на предстоящем процессе и даже не будет затребован обвинителями. Однако В.И. Ленин нашел это соглашение ущемляющим суверенность Советской России¹⁴, а нарком юстиции Д.И. Курский публично заявил, что берлинское соглашение несколько не связывает московский суд¹⁵. Открывшийся в начале июня суд, который, по предварительным сообщениям, должен был завершиться в течение двух недель¹⁶, проходил 50 дней. Видные представители западного социалистического движения, явившиеся, по берлинскому соглашению, в Москву для защиты подсудимых, подверглись организованной травле и были вынуждены 22 июня оставить судебное разбирательство. Вслед за ними покинули зал суда и русские адвокаты. Обвиняемые остались без формальной юридической защиты. Стало ясным, что смертный приговор лидерам социалистов-революционерам — неотвратим.

В этот момент Мартов и выступил с инициативой вовлечения Горького в борьбу за спасение эсеров. Предложенный им сценарий подразумевал обращение Горького к Анатолю Франсу, еще в марте 1922 г. обратившемуся к Советскому правительству с просьбой «не совершать по отношению к политическому противнику действий, которые могли бы быть истолкованы как проявление мести, ибо вы нанесли бы этим неисцелимый вред великому делу освобождения рабочих всего мира»¹⁷. А. Франс был не только одной из самых крупных фигур европейской культуры, пользовавшейся безусловным моральным авторитетом, но и по политическим своим симпатиям был долгое время близок к французской коммунистической партии. Он

постоянно проявлял интерес к русским делам. Присужденную ему незадолго до этого, в ноябре 1921 г., Нобелевскую премию в области литературы он пожертвовал в пользу голодающих в Советской России¹⁸ (тогда же в печати сообщалось о глубоком разочаровании А. Франса в коммунизме¹⁹). В свое время А. Франс возглавил европейскую кампанию по освобождению М. Горького из тюрьмы в 1905 году; апелляцией к нему Горького сейчас, в связи с делом социалистов-революционеров, создавалась красноречивая историческая параллель²⁰.

Сохранившиеся и публикуемые ниже документы свидетельствуют об исключительно важной роли Николаевского, только недавно вырвавшегося из застенков ЧК, в закулисных контактах вокруг суда над эсерами²¹. Сам Николаевский не оставил об этом прямых упоминаний, но в 1964 году, в письме И.С. Зильберштейну, подчеркнул историческое значение этих документов: «Наиболее интересной является группа материалов о выступлениях Горького в 1922 году с протестом против тогдашнего суда над социалистами-революционерами (Гоц, Тимофеев, Веденяпин и др.). Весь этот эпизод правильно может быть освещен только по этим материалам»²². Остается догадываться, почему именно к Б.И. Николаевскому обратился Ю.О. Мартов с просьбой воздействовать на Горького. Во всяком случае письмо Мартова к Николаевскому служит самым ранним документальным подтверждением личных контактов Николаевского и Горького. Приводим это письмо:

30. VI

Дорогой Б<орис> Иван<ович>.

По-моему, теперь нельзя терять ни минуты и необходимо добиться, чт<о>б<ы> Горький выступил по поводу эс-эров. Ведь совершенно ясно, что дело идет — и быстро — к кровав<ой> развязке при невозможности сделать теперь что-ниб<удь> в Германии, надо пускать в ход послед<ние> ресурсы: Горького и Ан<атоля> Франса. В прилагаемом письме²³ я прямо предлагаю Горькому обратиться к Франсу с просьбой о вмешательстве и опубликовать и свое отношение и ответ. Последнее, конечно, вернее всего, не зная адреса ни Г<орького>²⁴, ни Вашего, посылаю Вам письмо через Ф.И.²⁵ с просьбой непременно поехать лично к Горьк<ому> и отнести мое письмо, дабы он не мог ни уклониться от ответа, ни задержать с ним и чтоб Вы могли, в случае надобности, «надавить» на его хрупкую волю. Последнее, очевидно, крайне необходимо. Для него, м<ожет> б<ыть>, этот шаг приведет к разрыву *материальной* связи с б<ольшевы>ками²⁶, но... настал момент, когда его приходится прижать к стене. Всего лучше, если он Вам даст текст те-

леграммы к Франсу (или другого обращения, если он предпочтет придумать что-нибудь другое) и уполномочит Вас перевести и разослать. На этот случай, советую переслать (перевести сможет Ф. Ильич) Франсу через ред<акцию> Populaire²⁷ (Paris, Rue Feydeau 12) с просьбой перетелеграфировать. Если необходимо будет, чтоб я перевел, можно послать мне, я уже отсюда перешлю. Словом, действуйте!

Жму руку,

Ю.М.

В результате контактов Николаевского с Горьким, в начале июля 1922 года Горький выступил с двумя письмами, получившими широкую огласку в печати. Как и настаивал Мартов, Горький послал телеграмму Франсу, но этот шаг был им сделан наряду с отправлением — и обнародованием — другого письма — к А.И. Рыкову. Вот оба этих письма:

Достопочтенный Анатоль Франс!

Суд над социалистами-революционерами принял цинический характер публичного приготовления к убийству людей искренно служивших делу освобождения русского народа. Убедительно прошу Вас: обратитесь еще раз к Советской власти с указанием на недопустимость преступления. Может быть, Ваше веское слово сохранит ценные жизни социалистов. Сообщаю Вам письмом, посланное мною одному из представителей Советской власти.

Сердечный привет.

М. Горький.

Алексей Иванович!

Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство.

Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо за время революции я тысячекратно указывал Сов<етской> власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.

Ныне я убежден, что если эс-эры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России.

М. Горький.

1-VII-22

В архиве Николаевского первое письмо сохранилось в автографе Горького, с французским и немецким его переводами, а второе —

в рукописной копии Николаевского²⁸. 7 июля оба письма появились на первой странице *Le Populaire*²⁹ и были перепечатаны в других газетах, в том числе на русском языке в эсеровской берлинской газете *Голос России*³⁰, 11 июля в Париже был опубликован ответ Анатоля Франса³¹, поддержавший обращение Горького к советским властям:

Париж, 10 июля 1922.

Дорогой гражданин Горький,

К сожалению, я недостаточно хорошо знаком с тем важным делом, по которому Вы ко мне обращаетесь, и не мог следить по документам за ходом процесса против с.-р.-ов, имеющего место в настоящее время в Москве.

Тем не менее, как и Вы, я считаю, что люди, о которых идет речь, в свое время искренне служили делу освобождения русского народа.

Как и Вы, я считаю, что их осуждение тяжело отразится на судьбах Советской Республики.

От всего сердца присоединяюсь, дорогой Горький, к призыву Вашему по адресу Советского правительства, один из членов которого, говорят, фигурирует в процессе в качестве прокурора³². С братским приветом

Анатоль Франс³³.

После ответа Франса (но не сразу, а вслед за перепечаткой «переписки» Горького и Франса в берлинской эсеровской газете *Голос России*) о выступлениях Горького заговорила советская печать. В московской газете *Известия* Карл Радек поместил статью «Максим Горький и русская революция», в которой, сообщив о письмах Горького к А. Франсу и А. Рыкову (но не упомянув ответа А. Франса), автор утверждал, что Горький — хотя и хороший писатель, но плохой политик, и ссылаясь на перепечатку некоторых статей Горького в немецком монархическом издании. По общей характеристике Радека, Горький — простой интеллигентский филистер, не разбирающийся в классовой борьбе³⁴. Более резкой оценки высказывания Горького удостоились на страницах *Правды*. Письмо к Франсу истолковывалось здесь как апогей в ряду выступлений против социалистической революции и содержался намек на совпадение позиций Горького и меньшевиков-эмигрантов. Прицая Радека за слишком мягкую отповедь Горькому, газета заявляла: «Своими политическими заграничными выступлениями Максим Горький вредит нашей революции. И вредит сильно»³⁵. Все эти отзывы свидетельствуют о значительном политическом эффекте, достигнутом заявлениями Горького³⁶.

Если тактические соображения, заставившие Горького связать обращение к Франсу³⁷ с письмом к Рыкову³⁸, в общем, ясны (без «рыковского» письма апелляция к Франсу должна была быть истолкована как полный разрыв с советской властью³⁹ и никаких возможностей влияния на Кремль в будущем, хотя бы в вопросе о заключенных, у Горького не осталось бы), то причины персональной адресации именно к А.И. Рыкову требуют некоторого исторического разъяснения. В июне 1922 г. Ленин — несомненно, ближайший к Горькому человек в кремлевской верхушке⁴⁰ — решением консилиума был по болезни отстранен от занятий делами. В официальном извещении о состоянии его здоровья он был назван «*бывшим* председателем Совета народных комиссаров»⁴¹. При обсуждении тогда же кандидатуры его заместителя большинство членов Совнаркома высказалось за Троцкого⁴², однако в конечном счете все дела Ленина по Совнаркому перешли к его заместителю А.И. Рыкову. Как известно, Рыков был свойственником Б.И. Николаевского⁴³; можно полагать, что Б.И. Николаевский прямо участвовал в выработке стратегии Горького в связи с судом над эсерами. С различием флангов внутри кремлевской политической платформы связано у Горького, в письме к Рыкову, упоминание Троцкого и неупоминание Ленина (заболевание которого, кстати, было объявлено в 1922 г. последствием раны, полученной при покушении на него эсеров в 1918 г.). Угрожающая фраза о «моральной блокаде» Запада в письме к Рыкову на самом деле представляла собой угрозу и другого рода — возврат к блокаде экономической и к новой политической изоляции Советского государства. Между тем Горький, в 1906 г. обратившийся к Анатолию Франсу с призывом бороться против предоставления займов царскому правительству⁴⁴, по поручению Ленина при выезде в Германию в 1921 г. должен был содействовать мобилизации широкой международной поддержки Советской республике.

Неожиданность и парадоксальность — в глазах московских руководителей — акции Горького объясняется двумя обстоятельствами. Хотя Горький издавна, «домашним» образом, был связан с Центральным комитетом партии социалистов-революционеров⁴⁵, его политическая позиция — и в особенности во время берлинской «эмиграции» и выхода его книги *О русском крестьянстве* — оказывалась в гораздо большей степени противостоящей политической философии партии социалистов-революционеров, ориентировавшейся на крестьянские массы России, чем даже линия большевиков в период революции. В своих антикрестьянских филиппиках, в своей «крестьянофобии» Горький в большей, чем большевики, степени противопос-

тавлял себя социалистам-революционерам. Именно поэтому, надо полагать, Мартов направил к Горькому именно Б.И. Николаевско-го, в отличие от других меньшевиков всегда настаивавшего на привлечении крестьянских масс к революционному движению⁴⁶. Характеристика вождей партии социалистов-революционеров, представших перед судом, как *интеллигенции* в письме Горького к Рыкову одновременно дезавуировала выдвинутые против них обвинения в терроризме⁴⁷ — и перекликалась с горьковской концепцией революции как союза интеллигенции, рабочих и крупных капиталистов *против* бессмысленно жестокой, проникнутой инстинктом разрушения много-миллионной крестьянской массы⁴⁸.

Приговор по делу эсеров, вынесенный 7 августа, предусматривал — в нарушение письменного обещания Бухарина, Радека и Клары Цеткин (она была включена на суде в число общественных обвинителей) на берлинском совещании трех Интернационалов — смертную казнь по отношению к 12 членам Центрального Комитета партии. Однако решением ВЦИК от 9 августа исполнение смертного приговора было приостановлено на неопределенный срок и поставлено в зависимость от возобновления или невозобновления враждебной деятельности партии социалистов-революционеров против Советской власти. Эсеровские лидеры, томящиеся в тюрьме, стали, таким образом, заложниками — в период, когда институт заложничества, процветавший в эпоху Гражданской войны, был формально отменен. Но самым характерным для этого процесса является то, что решение о «приостановке» смертных приговоров не было сразу сообщено самим осужденным и они длительное время не знали, когда вынесенный им приговор будет приведен в исполнение. К этому периоду «ожидания» казни относится приводимое ниже письмо Л.О. Цедербаум-Дан⁴⁹ к Горькому:

21/II⁵⁰.

Многоуважаемый Алексей Максимович, посылаю Вам полученное мною письмо жены Тимофеева, показывающее, что полученная нами информация была правильной. Теперь по более поздним сведениям можно считать, что Тимофеев на каких-то условиях голодовку прекратил⁵¹. Сегодня мне сообщил один из наших друзей, связанных с коммунистами, что вчера он имел письмо из Москвы, где ему сообщают, что добиться высылки Тимофеева за границу ему не удалось, но удалось добиться, что Тимофеев посажен вместе с Гоцем⁵², чего оба хотели, что удалось добиться, чтобы Крыленко⁵³ заявил Ч.К., что он тоже имеет право влиять на условия заключения, и после некоторого отпора со стороны Ч.К. Крыленко вместе с Уншлихтом⁵⁴

посетил всех заключенных, имели будто бы «искреннюю» беседу, после которой «прижим» сменен нормальным режимом и на понедельник (вероятно, 19-го) было назначено медицинское освидетельствование всех заключенных целой комиссией, по заключению которой с узниками и будет поступлено соответствующим образом. Сообщаю, что среди коммунистов были разговоры о содержании с<оциалистов>-р<еволюционеров> и, по некоторым данным суда, большое значение имело Ваше письмо к Каменеву⁵⁵.

А что режим, действительно, был настоящим «прижимом» Вы можете видеть по письму А.П. Тимофеевой.

Ну, вот все, что могла Вам сообщить. Привет Вам от Ю<лия> О<сиповича>. У него все то же. Ухудшения нет, но и никакого улучшения!

Жму руку.

Лид<ия> Цедер<баум>-Д<ан>⁵⁶.

Позднее, 14 января 1924 г., Президиум ВЦИК снова рассмотрел вопрос о смертниках и заменил расстрел пятилетним тюремным заключением и ссылкой⁵⁷. Весной 1924 г. Е.Н. Тимофеев и А.Р. Гоц находились в ссылке в Казани, позднее были переведены на Урал⁵⁸.

В период процесса над эсерами Ленин, как уже говорилось, никакого участия в политической деятельности не принимал, хоть об этом суде его информировали Н.К. Крупская (18 июня), И.В. Сталин (11 июля) и, возможно, Н.И. Бухарин (16 июля) и А.И. Рыков (22 августа). О выступлении Горького в защиту эсеров он узнал только в начале сентября. Об этом свидетельствует следующее его письмо находившемуся тогда в Германии Н.И. Бухарину:

7/IX. 1922

Т. Бухарин!

Я читал (в «Социалистическом Вестнике») поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, Вы его выдаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение. Я мало видел газет (заграничных почти не видал). Значит, и «обстановку» мало знаю. Черкните подробнее Ваше мнение.

От всех нас лучшие приветы Вашей жене и Вам.

Ваш Ленин.

P.S. Я уже почти здоров.

P.P.S. Пишу *Крестинскому*⁵⁹, чтобы он мне достал *оригинал* письма Горького, напечатанного в номере от 20/VII 1922 «Социалистического Вестника».

Если он забудет, пришлите Вы⁶⁰.

Ни о каких контактах Горького с Лениным, начиная с этого времени вплоть до смерти Ленина, не известно. Из письма Горького к И.П. Ладыжникову (конец декабря 1922) мы узнаем о его намерении отправить Ленину письмо⁶¹, но было ли оно действительно написано, по имеющимся источникам установить невозможно. Тем более интересными представляются упоминания о контактах с московскими лидерами, сообщенные Горьким в письмах Николаевскому, ниже публикуемых. Более конкретные сведения об этих контактах, в значительной степени сводившихся к облегчению участи заключенных в тюрьму лидеров партии социалистов-революционеров, станут доступны, только когда будет полностью опубликована корреспонденция Горького этого периода.

* * *

Другая, центральная тема переписки Горького с Николаевским — дела журнала и серии *Летопись Революции*, выходивших в издательстве З.И. Гржебина. По отношению к берлинскому периоду биографии писателя внимание исследователей было до сих пор привлечено исключительно к редактированию Горьким *Беседы*. Наши материалы, свидетельствуя о громадном интересе Горького к научному освещению истории русской революции, раскрывают степень причастности писателя к редактированию историко-революционного журнала и позволяют осветить немаловажные стороны в истории этого литературного начинания. Но значение этих документов не только в этом. Революционная деятельность Горького подвергалась тщательному и разностороннему изучению, и в частности — скрупулезному архивному обследованию⁶². При этом личная близость Горького к большевистским кругам и деятельное участие в различных антрепризах большевиков заслоняли контакты писателя с другими флангами освободительного движения в России. Сравнительно недавно опубликованные письма его к первой жене свидетельствуют о постоянной осведомленности и интересе к борьбе социалистов-революционеров, в том числе в момент глубокого кризиса в партии — после разоблачения Азефа. Что касается отношения писателя к меньшевикам, то с наибольшей категоричностью господствующая точка зрения была сформулирована М.Ф. Андреевой: «Очень презрительно относился Алексей Максимович к Либеру и Дану. Горький вообще ненавидел меньшевиков всеми силами души, делая исключение только для Мартова, которого называл “Заблудившаяся душа”, да еще для Власа Мгеладзе, в просторечии именуемого “Триа”»⁶³. Печатае-

мые ниже документы существенно дополняют и наши представления о круге занятий писателя во время пребывания в Германии и расширяют картину его революционных «валентностей».

Предыстория журнала *Летопись Революции* восходит к 1919 году, когда основанное по инициативе Горького издательство З.И. Гржебина выпустило в Петрограде первые свои книги. Среди них была мемуарная книга тогдашнего наркома просвещения А.В. Луначарского *Великий переворот*, посвященная Октябрьскому восстанию и объявленная издательством как первый выпуск серии *Летопись Революции*, в плане которой значились также воспоминания Ф. Дана, М. Либера, Л. Мартова, А. Потресова и В. Чернова. Этот «историко-революционный» дебют вызвал исключительно резкую отповедь на страницах газеты *Правда*, опротестованную Горьким и его соратниками по издательству⁶⁴. Особое изумление вызывало у *Правды* то обстоятельство, что, судя по плану издательства, М. Горький и Гржебин поддерживали связь с находившимся по другую сторону фронта Гражданской войны В.М. Черновым⁶⁵. Как известно, вскоре издательство перевело свою деятельность в Берлин, и книга Луначарского осталась единственным выпуском серии, изданным в Советской России. Об обстоятельствах продолжения серии рассказывает следующее письмо М. Горького к В.И. Ленину:

26-го июня 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Среди рукописей, которые я отправляю за границу, имеются автобиографии Чернова и Мартова.

Все рукописи и книги будут просматриваться Комиссариатом Иностранных дел, который, просмотрев их, отправит с курьером в Эстонию, Гукковскому⁶⁶.

Возможно, что рукописи Мартова и Чернова будут задержаны. Сообщая Вам — на этот случай — мои рецензии на Чернова—Мартова и прошу сообщить Карахану⁶⁷ Ваше мнение по этому поводу.

Книга Мартова — определенно хороша, а произведение В. Чернова, хотя и рисует его отчаянным болтуном и хвастуном, но изобилует очень ценными фактами и дает достаточно ясное представление о жизни эпохи.

Всего лучшего!

А. Пешков⁶⁸.

В 1922 г. в издательстве Гржебина в Берлине написанные в подполье в Советской России мемуары Чернова и книга Мартова были выпущены в серии *Летопись Революции*.

После приезда Николаевского в Берлин по его инициативе наряду с серией был основан одноименный историко-революционный журнал. На первом этапе обсуждения состава его сотрудников Горький, по-видимому, в их числе не фигурировал: в сообщении о предполагаемом журнале в числе «ближайших участников» названы только трое — Ю.О. Мартов, Н.Н. Суханов⁶⁹ и Б.И. Николаевский⁷⁰. Однако летом 1922 г., во время показательного процесса над эсерами, встал вопрос и о привлечении к журналу Горького. В открытке к Л.Ф. Бичерахову от 1 августа 1922 г. Николаевский сообщал: «Редакция состоит, кроме меня, из А.М. Горького, Ю.О. Мартова и Н.Н. Суханова»⁷¹.

В отличие от других (многочисленных) историко-революционных изданий (в частности, незадолго до того начавшего выходить *Архива Русской Революции* И.В. Гессена) состав сотрудников и круг проблематики гржебинского журнала мыслился в значительной степени группирующимся вокруг русского социалистического — в первую очередь «социал-демократического» (меньшевистского) — движения и его представителей. Точно так же и план *серии* был преимущественно «социалистическим». Но с середины 1922 года серия провозгласила расширенную платформу: «Преследуя исторические задачи прежде всего, мы намерены дать в нашей серии место авторам различных политических взглядов — от крайних левых до правых включительно. Только такое полное сочетание материалов даст возможность охватить все жизненное богатство великого исторического переворота»⁷². Ср. в редакционной заметке первого номера журнала:

Преследуя исключительную цель *изучения* истории революционных движений и событий и *собирая материал* для такого изучения, «Летопись Революции» не связывает себя в выборе сотрудников никакими партийно-политическими рамками. Всякий очерк, всякое сообщение, носящие характер достоверности, найдут место на ее страницах, как показание очевидца событий или как работа исследователя, независимо от политической тенденции и симпатий автора. Отвергая, разумеется, тенденциозное *извращение* фактов, редакция предоставляет каждому сотруднику *освещать* изображаемые им события с той степенью политической субъективности, которая необходимо обусловлена его общим мировоззрением, хотя бы это освещение и было с точки зрения редакции неправильным. Роль судьи в этом случае редакция на себя не берет. Она полагает, что будущий исследователь, сопоставляя показания отдельных очевидцев, сам сумеет отделить в них *Wahrheit* от *Dichtung*, объективно верные факты от их субъективной оценки и *освещения*⁷³.

Можно полагать, что в этот момент расширения «социальной базы» журнала и наметился альянс с ним Горького. В первом номере журнала были напечатаны мемуары Горького «В.Г. Короленко», задуманные как часть его книги «Среди интеллигенции» (явно противостоящей «О русском крестьянстве»). В нарушение хронологического принципа расположения материала в томе и в отличие от первоначальных анонсов статья Горького открывала собой номер.

В архиве *Летописи Революции* в коллекции Николаевского сохранилась машинопись горьковского очерка с авторской правкой. Она не содержит в себе существенных отклонений от печатного текста журнала. Единственное исключение — кусок, посвященный «томскому семинаристу Баженову», следовавший за словами: «и весело хохотали, — к моему удивлению». Приводим его здесь:

Среди них были люди, на которых я смотрел почти благоговейно и все они нравились мне смелостью своих суждений, разнообразием знаний, верою в силу разума. Томский семинарист Баженов, — большой, волосатый, рябой и веселый человек, — увлекательно и ярко рассказывал мне о сектах первых веков христианства, помогал мне читать Спенсера и Уэввеля: «Историю индуктивных наук», однажды он сказал:

— В конце концов, батя мой, все решает разум, — он-то и есть тот рычаг, который, со временем, перевернет весь мир.

Я осведомился о точке опоры.

— Народ! — убежденно ответил он и любезно добавил: — В частности — Вы, Ваш мозг.

Я очень любил его, сердечно верил ему.

Перед Рождеством он застрелился в поле, оставив своему приятелю такую записку:

«Митя, продай мои вещи и заплати хозяевам квартиры 7 [руб.], 30. Книги Уэввеля пошли на Крутую Пешкову длинному Максимичу, помнишь? Спенсера тоже. Прощай, друг. А.Б.»

Получив книги и записку я испытал оглушающий удар в сердце. Трудно было помириться с уходом из жизни такого, — казалось, — крепкого духом, трезвого человека. Что убило его?

Я вспомнил, что однажды, в трактире, угощая меня пивом и немного захмелев, он, вдруг, сказал мне:

— Знаешь, Максимич, какая самая лучшая песня в мире? — Наклонился через стол и, глядя в глаза мне синеватыми глазами доброго медведя, тихонько мягким баском, пропел с печалью:

— Quand j'étais petit —
Je n'étais pas grand,
J'allais à l'école
Comme les petits enfants...

Пропел — и глаза его стали влажными.

— Прелестная песенка, честное слово! Такая простота в ней и, знаешь, такая смешная печаль...

Он перевел слова песни на русский язык, — я не понял, чем восхищается [он] в ней — почти до слез — этот волосатый, большой человек...

После — я видел много людей убитых «смешной печалью»...⁷⁴

Таким образом, Б.И. Николаевскому —этой «живой энциклопедии революционного и освободительного движения», по словам И.В. Гессена⁷⁵, — удалось к осени 1922 г. вовлечь Горького в работу журнала и серии *Летопись Революции*, — через полтора года после «заочного» сотрудничества в *Былом*. Публикуемые ниже документы дают яркое представление о роли Горького в определении редакционной линии, отборе текстов и приглашении авторов, проверке сообщаемых данных и литературной редакции материалов. Сопоставление их с прочими архивными материалами *Летописи Революции* с непреклонностью удостоверяет, что степень причастности Горького к журналу была во всяком случае не меньшей, чем Ю.О. Мартова (кстати, с осени 1922 г. прикованного к постели смертельной болезнью. До самой смерти — в ночь с 3 на 4 апреля 1923 г. — он находился в санатории в Шварцвальде⁷⁶). Чем же объяснить его отказ от формального признания своего участия в редакции, заявленный в печатаемых письмах? Можно полагать, что резкая реакция Москвы на публикацию писем к А. Франсу и А.И. Рыкову в *Социалистическом Вестнике* и нежелание доводить дело до полного разрыва обязали его избегать отождествления с редакцией, в которой доминировали меньшевики^{76а}.

Вслед за Горьким от участия в журнале отстранился и Н.Н. Суханов. В результате было решено выпустить первый номер без указания редактора. В письме к Б.И. Николаевскому от 30 декабря (за две недели до выхода первого номера в свет) он писал, в частности:

Резко поставил вопрос о редакции? Ничуть не резко. Ведь я же bona fide, от чистого сердца. Я не фирма, не марка, стало быть, меня удерживать можно было бы только как фактич<еского> работника. Но ведь я не фактич<еский> работник. Почему не вычеркнуть меня? С точки зрения фирмы и марки это будет Вам даже полезно. Пожалуйста, поступайте по усмотрению независимо от меня.

Но, собственно говоря, изложенное Вами фактическое положение дел привело меня в такое восхищение, что вопрос о редакции, на мой взгляд, совершенно не имеет, при таких условиях, практического интереса. Вы знаете мой неприятный характер, придирчивость и требовательность в редакционной работе. Но то, что Вы изложили в простых и бесхитростных фактах,

совершенно убеждает меня в полном благополучии и блестящей будущности журнала. Великолепный материал, какой не снился никаким *Былым* и *Голосам Минувшего*. Я просмотрел его внимательно — по характеру и соотношению частей. Нельзя было желать лучшего и было обязательно ожидать в 1.000.000 раз худшего. Так работайте, как работаете один. Вы спец, приобретайте тут опыт, стаж и имя и не гоняйтесь за коллегами, которые Вам не нужны. Прибавьте себе к стати и эти 40.000. — Вы говорите о недоумениях по случаю отсутствия печатных указаний на состав редакции. По-моему — пустое. Никаких недоумений не будет. Миллионы изданий — периодических — выходили с неизвестной редакцией и говорили сами за себя. — У Вас был недостаток — снисходительность к авторам и неразборчивость в материале. Но это изжито силою вещей: это было при недостатке материала, а наличие и избыток его механически излечили Вас. — Таково мое мнение⁷⁷.

Таким образом, к моменту выхода первого номера в свет, в «редколлегии» журнала остались двое — Ю.О. Мартов и Б.И. Николаевский. Это заставило Мартова вернуться к вопросу о расширении состава редакции. В письме к Николаевскому от 19 декабря 1922 года он предлагал:

После протеста Сухан<ова> остается решиться на одно из двух:

1) либо мы берем Водовозова⁷⁸, 2) либо присоединяем Ф. И-ча⁷⁹, как предлагал Гржебин, и безбоязненно выступаем с фракцион<ной> редакцией. Издалека судить трудно, сойдет ли это, но возможно, что после 1-го № сойдет. С Водовоз<овым> — трудность совмест<ной> работы в виду его глухоты. Еще вот, не знаю, насколько знаком с историей Петрищев⁸⁰, а то я бы попробовал его пригласить и н<ародный> с<оциалист>⁸¹, и левый, и литерат<урное> имя. Поговорите об этом с Гржеб<иным> и напишите Суханову. — Мельгунов, конечно, слишком правый⁸², чт<о>б его звать⁸³.

Когда первый номер поступил в продажу⁸⁴, рецензенты с удивлением отнеслись к безымянности редакции. «Как это ни странно, редакция журнала — аноним, и мы официально не знаем, из кого она состоит», — писал один из критиков⁸⁵. В середине января Николаевский и Гржебин вновь обратились к Горькому, фактически редактировавшему материалы, с просьбой формально войти в состав редколлегии. Как и в первый раз, Горький это предложение отклонил. К прежним его мотивам и нежеланию оказаться втянутым в политические раздоры в это время прибавился замысел собственного журнала — *Беседа*.

В советских кругах *Летопись Революции* вызвала настороженно-амбивалентную реакцию. Партийный историк революционного движения В.И. Невский писал:

Журнал, в котором печатают свои статьи такие видные деятели-меньшевики, как Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, П.Б. Аксельрод, такие социалисты-революционеры, как В.М. Чернов, такие представители западноевропейской соц.-демократии, как К. Каутский, — историко-революционный журнал с такими силами несомненно является одним из интереснейших исторических журналов. Не говоря уже о личном участии каждого из подобных авторов в революционном движении последних десятилетий, многие из этих деятелей крупные литературные таланты и знатоки революционной истории; если же принять во внимание, что журнал издается за границей, причем книги журнала предполагается выпускать раз в три месяца, что в распоряжении намеченных сотрудников журнала находятся ценнейшие заграничные архивы разных партий и направлений, то не подлежит никакому сомнению, как богат и интересен должен быть этот журнал.

Журнал, как об этом извещает предисловие от редакции, преследует «исключительную цель изучения истории революционных движений и *собирация материала*», а потому и «не связывает себя в выборе сотрудников никакими партийно-политическими рамками». Действительно, в первом номере мы встречаем рядом с именами меньшевиков Л. Мартова, В. Войтинского и Ф. Дана имена соц.-револ. В. Чернова, И. Каховской, западных соц.-демократов: Ф. Адлера, Э. Бернштейна, затем М. Горького и многих других не менее интересных авторов⁸⁶.

Подбор этих имен выглядел в глазах партийного историка явно одиозным. Поэтому он саркастически отозвался о «беспартийной» ориентации *Летописи Революции* и заподозрил научную добросовестность ее сотрудников:

К сожалению, в краткой заметке невозможно хотя бы кратко передать содержание интереснейших статей «Летописи Революции» и нам приходится под конец нашей заметки коснуться одной характерной стороны журнала, — этого *меньшевистско-эсеровского нефракционного объективизма* (известно, что большевистские исторические журналы отличаются «фракционным субъективизмом», по словам Л. Мартова).

В чем же выражается этот объективизм «Летописи Революции»? Да в том, что редакция журнала с большим удовольствием печатает все, что, по ее мнению, может опорочить, оплевать зловредный, ненавистный ей большевизм⁸⁷.

После смерти Мартова⁸⁸ работа над журналом и серией продолжалась, и — как показывают публикуемые материалы, — продолжалось и участие Горького в ней. Но первый номер оказался и единственным. Журнал прекратился вследствие краха издательства З.И. Гржебина⁸⁹. Следует полагать, что непосредственным поводом к расторжению договора Торгового представительства РСФСР в

Германии с гржебинским издательством, заключенного 24 июня 1922 года, явилась «меньшевицско-эсеровская» (по характеристике В.И. Невского) направленность историко-революционной продукции его⁹⁰.

Переписка с Николаевским продолжалась в 1923 году вплоть до отъезда Горького из Германии в Чехословакию (позже он поселился в Италии). Последнее — изолированное по времени и содержанию от прочих — письмо относится к моменту, когда длительный период политических колебаний Горького подходил к концу и писатель сделал решающий выбор в сторону сотрудничества с советским режимом. Его отзыв об Азефе и о книге Николаевского (прочитанной в рукописи)⁹¹ входит в ряд многочисленных размышлений и высказываний Горького о психологии «предательства», неотступно занимавшей его как художника. По свидетельству Б.И. Николаевского⁹², к его книге Горький написал предисловие — «очень для меня лестное, но я его тогда решил не печатать, так как политически разошелся с Горьким». Среди бумаг Николаевского, поступивших в архив Гуверовского института, этой статьи Горького нет.

1

КОММЕНТАРИИ

¹ В.Ф. Ходасевич. «Горький». *Современные Записки*, 70 (1940), стр. 132.

² Илья Эренбург. *Люди, годы, жизнь*. Книга третья—четвертая. М., 1963, стр. 31. Ср. в статье «сменовеховца» И.М. Василевского, объявившего после возвращения в СССР эмиграцию «душевной болезнью»:

«До чего мало похож, например, на белого эмигранта Максим Горький! Если сущность эмиграции в ее чуждости, коренной враждебности к революции, то Максим Горький весь с ног до головы, от своего рождения и происхождения, от детских впечатлений своих и “Песни о Буревестнике”, — весь с революцией, он сам — живой символ революции российской.

И все же: стоило Максиму Горькому пожить рядом с эмигрантами, и какими характерно эмигрантскими чертами оказалась отмечена новая, изданная в Берлине, книга Максима Горького “О русском крестьянстве”!» — И.М. Василевский (Не-Букова). «Заблудившийся в эмиграции (Максим Горький. “О русском крестьянстве”!»). В его кн.: *Что они пишут? (Мемуары бывших людей)*. Л., «Красная звезда», 1925, стр. 149. Двойственность политического самоопределения Горького в этот период прекрасно показана в статье Ходасевича «Горький» в *Современных Записках*, 70 (1940); см. также: Н. Берберова. *Курсив мой*. Мюнхен, 1972; Н. Берберова. «Три года из жизни М. Горького (1922—1925)», *Мосты*, 8 (1961), стр. 262—277.

³ См. о нем: В. Ходасевич, *цит. соч.*, стр. 142—144; В.А. Максимова. *Горький-редактор (1918—1936)*, М., 1965, глава II.

⁴ Обзор и сжатую их характеристику см. в письме Б.И. Николаевского к И.С. Зильберштейну, приведенном в статье: И. Зильберштейн. «Рукописи Горького: поиски и находки». *Литературная Газета* (Москва), 1967, № 16 (4094), 19 апреля, стр. 5.

Ср. отповедь И.С. Зильберштейну двух советских историков: Л.С. Гапоненко и К.Л. Селезнев. <Письмо в редакцию.> *Литературная Газета*, 1967, № 24 (4104), 14 июня, стр. 11.

⁵ Ladis K.D. Kristof. «B.I. Nicolaevsky: The Formative Years», in: *Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky*. Ed. by Alexander and Janet Rabinowitch with Ladis K.D. Kristof. Bloomington—London, 1972, p. 31. Еще до ареста, Николаевский был отстранен от ответственной работы в петроградском архивном управлении. См. об этом: «Разгром Наркомпроса. Коммунистический Кассо», *Социалистический Вестник* (Берлин), № 4, 1921, 18 марта, стр. 16.

⁶ См.: «Изгнание из коммунистического рая». *Социалистический Вестник*, № 3 (25), 1922, 3 февраля, стр. 14; ср.: Ф.И. Дан. *Два года скитаний. 1919—1921*. Берлин, 1922. См. также: Борис Двинов. *От легальности к подполью (1921—1922)*. Станфорд, 1968, стр. 84—85.

⁷ 9 февраля было опубликовано сообщение об упразднении ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии) и об образовании вместо нее Главного политического управления. Шаг этот вызвал предположения о победе либеральных тенденций и о вероятности существенных изменений в сторону либерализации во внутренней политике Кремля.

⁸ Г. Семенов (Васильев). *Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—18 гг.* Берлин, Изд. автора, 1922 (параллельно текст брошюры напечатан был в московской газете *Известия*). О Г. Семенове см. в кн. Виктор Шкловский. *Сентиментальное путешествие. Воспоминания. 1917—1922*. М.—Берлин, «Геликон», 1923, passim; ср. там же (стр. 344) характеристику его: «Если бы Семенов не был полуинтеллигентом, если бы он имел свое мастерство, он не пошел бы доносить. А у него в душе Торричелиева пустота и незанятые руки, делать ничего не умеет, ему жалко не рассказать, что и он крутил политику».

⁹ Ср.: Виктор Чернов. «Иудин поцелуй». Газ. *Голос России* (Берлин), № 901, 25 февраля 1922 г. В период «великой чистки» Г.И. Семенов выступал свидетелем в ходе следствия по делу Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Н.Н. Крестинского и др., обвинявшихся в подготовке покушений на Сталина, Молотова и других советских руководителей, а также в убийстве М. Горького — см. Обвинительное заключение, опубликованное в газетах *Правда* и *Известия* 3 марта 1938 г.

¹⁰ Весной 1922 г. последовали широкие аресты среди находившихся в России меньшевиков.

¹¹ См. об этом: Wiktor Sukiennicki. «An Abortive Attempt at International Unity of the Workers' Movement (The Berlin Conference of the Three Internationals, 1922)» in: *Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky*, pp. 204—242; Israel Getzler. *Martov. A Political Biography of a Russian Social Democrat*. Cambridge University Press, 1967, p. 214.

¹² Борис Двинов. *От легальности к подполью (1921—1922)*. Станфорд, 1968, стр. 114—115. Ср. в передовой советской газеты *Правда* «Меньшевики и эсеры»: «Процесс эсеров выявил политику меньшевиков. Не требуя от эсеров отказа от вооруженной борьбы с Советской властью, они требуют отказа от репрессий против эсеров. Меньшевики стали частью эсеровского контрреволюционного фронта. Пусть меньшевики сами пеняют на себя, если их будут оценивать не по родословной, а по делам» (*Правда*, № 145, 2 июля 1922). Ср. также мемуарное свидетельство Р. Гуля, относящееся к встрече с Черновым в Берлине задолго до московского процесса:

«Кто-то спрашивал В.М. Чернова о встречах с В.И. Лениным. И он оживленно рассказывал:

— Помню, раз до войны было дело, году, кажется, в 11-м — в Швейцарии. Толковали мы с ним в ресторанчике за кружкой пива — я ему и говорю: “Владимир

Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!" А он поглядел на меня и говорит: "Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера", — прищурился и засмеялся. Это ведь в 11-м году было, — хохочет Виктор Михайлович и берет кулебяку вилкой». — Роман Гуль. *Жизнь на фукса*. М.—Л., 1927, стр. 199.

¹³ «Первое предостережение». *Социалистический Вестник*, 1922, № 7 (29), 3 апреля, стр. 2.

¹⁴ См. его статью «Мы заплатили слишком дорого», 11 апреля опубликованную в московских газетах *Правда* и *Известия*, в кн.: В.И. Ленин. *Полное собрание сочинений*. Изд. 5. Том 45. Март 1922—март 1923. М., 1964, стр. 140—144. Ср. свидетельство о закулисном сопротивлении Н.И. Бухарина против кровавой расправы над эсерами — в статье: «Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б.И. Николаевским». *Социалистический Вестник*. Сборник № 4. 1965, декабрь, стр. 82; *Power and the Soviet Elite*. «The Letter of an Old Bolshevik» and Other Essays by Boris I. Nicolaevsky. Ann Arbor, 1975, p. 5. Ценные замечания о позиции Ленина в отношении эсеровского процесса содержатся в написанном Б.И. Николаевским некрологе Е.М. Ратнер (*Социалистический Вестник*, 1931, № 21 (259), 14 ноября, стр. 13—14).

¹⁵ Ср.: Ф. Дан. «Большевики и "единый фронт"». *Социалистический Вестник*, 1922, № 9 (31), 2 мая, стр. 5.

¹⁶ «Процесс эсеров». *Руль*, № 431, 16 (3) апреля 1922 г.

¹⁷ Цит. по изд.: *Социалистический Вестник*, 1922, № 6 (28), 21 марта, стр. 15.

¹⁸ См.: *Руль*, № 312, 26 (13) ноября 1921 г.

¹⁹ «Анатоль Франс против большевизма». *Голос России*, № 481, 16 декабря 1921 г.

²⁰ В статье «Об Анатоле Франсе», написанной в декабре 1924 г., Горький писал: «Его отношение к печальному "делу Дрейфуса", письмо по поводу травли Поля Маргерита и многое другое достаточно убедительно говорит, что безразличное отношение к людям и миру было совершенно чуждо скептицизму Анатоля Франса» (см.: М. Горький. *О писателях*. М., «Федерация», 1928, стр. 303).

²¹ В числе обвиняемых был его близкий друг М. Веденяпин. Ср.: «In 1922 Vedenjapin was among the accused in the famous Moscow trial of the Socialist Revolutionaries while Boris Ivanovich was among those making frantic efforts to mobilize socialist public opinion in Western Europe to intervene with the Bolsheviks and save the lives of the defendants». — Ladis K.D. Kristof. «B.I. Nicolaevsky: The Formative Years», in: *Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky*, p. 343.

²² И. Зильберштейн. «Рукописи Горького: поиски и находки». *Литературная Газета*, 1967, № 16 (4094), 19 апреля, стр. 5.

²³ Оно не опубликовано, и среди бумаг Николаевского его нет. Хранится, по видимому, в архиве М. Горького в Москве.

²⁴ В начале июня 1922 г. Горький переехал из Берлина в Герингсдорф на Балтийском побережье.

²⁵ Федор Ильич Гурвич-Дан (1871—1947), один из лидеров русского рабочего движения. См. о нем: Б.Л. Двинов. «Ф.И. Дан», в кн.: *Мартов и его близкие*. Нью-Йорк, 1959, стр. 119—137; <Б.И. Николаевский>. «Даты к политической биографии Ф.И. Дана», *Социалистический Вестник*, 1931, № 20.

²⁶ С момента выезда Горького за границу в кремлевских верхах на обсуждении находился вопрос об издании сочинений писателя и о переводе ему гонораров за границу (эта привилегия обычно не распространялась на других русских писателей). 13 июня 1922 года был, наконец, подписан соответствующий договор с советским Торговым представительством в Берлине (см.: *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, стр. 283).

²⁷ Парижская утренняя социалистическая газета, под редакцией Леона Блюма и Жана Лонге.

²⁸ В ценной работе Б. Вулфа (Bertram D. Wolfe. *The Bridge and the Abyss. The Troubled Friendship of Maxim Gorky and V.I. Lenin*. New York—Washington—London, 1967), где даны факсимиле обоих автографов (см. иллюстрации между стр. 50 и 51), копия Николаевского принята за автограф письма Горького к Рыкову и сделаны безосновательные выводы о «двух почерках» у Горького. Между тем, если местонахождение автографа «письма к Франсу» в архиве Николаевского — вполне объяснимо (Франсу была отправлена телеграмма в переводе), то обнаружение *оригинала* письма Горького к Рыкову среди бумаг Николаевского должно было бы всполошить исследователя: это означало, что письмо не было отправлено адресату. Добавим, что оба письма Вулф считает никогда не публиковавшимися. См. также: Михаил Геллер. *Концентрационный лагерь и советская литература*. Лондон, 1974, стр. 87, сноска 65.

²⁹ *Le Populaire*. No 154, 7 juillet 1922.

³⁰ См.: *Голос России*, № 1004, 13 июля 1922, стр. 1; перепечатано также в *Социалистическом Вестнике*, 1922, № 13/14 (35/36), 20 июля, стр. 11—12. Эта публикация учтена в статье Григория Аронсона «Максим Горький в эмиграции», в его кн. *Россия в эпоху революции. Исторические этюды и мемуары*, Нью-Йорк, 1966, стр. 177 (первая публикация — в газ. *Новое Русское Слово*, 23 июня 1946 г.); см. также: Михаил Геллер. «"Первое предостережение" — удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.)». *Вестник Русского Христианского Движения*, 127, 1978, стр. 215.

³¹ «Anatole France répond à Gorki». *Le Populaire*, No 158, 11 juillet 1922.

³² Намек на А.В. Луначарского, который вместе с Н.В. Крыленко и М.Н. Покровским был публичным обвинителем на процессе. Его назначение расценивалось до начала процесса прессой в качестве «либерального» предзнаменования. С Луначарским Горький был знаком с периода первой русской революции; их объединяли такие важные вехи в биографиях и истории русского революционного движения, как «богоискательство», школа на Капри, сотрудничество в газете Горького *Новая Жизнь* в 1917 году, работа с интеллигенцией в период Гражданской войны. Переписка Горького и Луначарского за 1906—1932 гг. опубликована в кн.: Горький. *Неизданная переписка (Архив А.М. Горького)*. Том XIV. М., 1976, стр. 11—123. Среди них нет писем за 1921—1926 гг. (в числе опубликованных — только две записки за 1921 г., и обе представляют собой ходатайства о разрешении Блоку выехать за границу).

³³ Цит. по публикациям: *Голос России*, № 1005, 14 июля 1922, стр. 1; *Социалистический Вестник*, 1922, № 13—14 (35/36), 20 июля, стр. 13.

³⁴ Карл Радек. «Максим Горький и русская революция». *Известия*, № 157 (1596), 16 июля 1922, стр. 2. 28 июля эта статья была напечатана в переводе в парижской газете *L'Humanité*. Ср.: *Руль*, № 503, 27 (14) июля 1922 г. Статья вошла в книгу: Карл Радек. *Портреты и памфлеты*. М.—Л., 1927, стр. 55—62.

³⁵ С. Зорин. «Почти на дне (О последних выступлениях М. Горького)». *Правда*, № 156, 18 июля 1922, стр. 2. Ответ К. Радека — «С. Зорин. Здесь пломбируют и вырывают большие зубы» помещен в *Известиях* 20 июля (№ 160). В тот же день в *Правде* напечатан стихотворный фельетон Демьяна Бедного «Гнетучка (Полушутя, полувсерьез)», в котором говорилось о позорном выступлении Горького в связи с судом над эсерами и Горький был обвинен в черносотенстве. Ср. обзор материалов советской печати в газете *Руль*, № 504, 28 (15) июля 1922 г.

³⁶ Среди горьковских материалов архива Николаевского хранится вырезка из московской *Нашей Газеты* (с пометой: январь 1929; уточнить дату не удалось), где под заголовком «С нами ли Горький» помещена речь А. Серафимовича. В ней снова

говорится о поведении Горького летом 1922 г., но письма к Франсу и Рыкову совершенно не упоминаются:

« — Помните процесс социалистов-революционеров в Москве? Горький, будучи тогда за границей, дал такое интервью, которое вызвало крайнее недоумение в широких кругах наших рабочих. В этом интервью Горький причитал о гибели интеллигенции, о “соли земли” и т. д. Через некоторое время после этого Горький случайно свиделся с Н.И. Бухаринным.

— Что вы, батенька, наделали? — упрекнул его Николай Иванович. — Вы тереете все ваше чудесное прошлое. Рабочие возмущены вами...

Горький искренно огорчен, он в отчаянии:

— Я черт знает что наделал. Как же мне теперь быть, как мне исправить мою ошибку?»

(Nicolaevsky, No 137).

³⁷ Оно не публикуется в советских изданиях Горького, хотя и упомянуто в нескольких источниках (см., напр.. *Летопись жизни и творчества А. М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, стр. 285—286). Другие горьковские письма к Франсу — не известны, за исключением одного-единственного, опубликованного в издании: *Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами (Архив А. М. Горького, том VIII)*, М., 1960, стр. 392. Оно относится к 20 декабря того же 1922 года и представляет собой просьбу принять скульптора, прославившегося впоследствии исполнителя ленинских портретов, Н.А. Андреева. Рекомендация эта носит безусловно иронический характер: «Он, по поручению Советской власти, сделал уже несколько портретов членов Третьего Интернационала, и для этой коллекции совершенно необходим Ваш портрет», — пишет Горький. По словам комментария в этом издании, сведений о работе Н.А. Андреева над портретом А. Франса не имеется.

³⁸ Упоминания об этом документе совершенно изъяты из современной советской литературы о Горьком.

³⁹ О поведении Горького в связи с процессом над социалистами-революционерами Е.И. Замятин говорит: «Это был кульминационный пункт разлада Горького с большевиками. Но не только с ними, а и с самим собой, потому что, несомненно, кроме “Пешкова”, человека с почти по-женски мягким сердцем, в нем жил большевик» (Е. Замятин. «М. Горький», в его кн.: *Лица*. Нью-Йорк, 1955, стр. 93). Ср.: Горький о Ленине и революции (неизданный документ 1922 года)», *Новый Журнал*, 124, 1976, стр. 289—291; *Вестник Русского Христианского Движения*, 118, 1976, стр. 255—256.

⁴⁰ См.: Bertram D. Wolfe. *The Bridge and Abyss. The Troubled Friendship of Maxim Gorky and V.I. Lenin*. New York—Washington—London, 1967.

⁴¹ Ср.: «Отставка Ленина», *Руль*, № 481, 18 (5) июня 1922.

⁴² «Совнарком и болезнь Ленина», *Руль*, № 483, 21 (8) июня 1922.

⁴³ Его брат был женат на сестре А.И. Рыкова и жил в Кремле в двадцатые годы (см.: Ladis K.D. Kristof. «B.I. Nicolaevsky: The Formative Years», in: *Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky*, p. 342; ср.: Б. Николаевский. «Письмо в редакцию». *Социалистический Вестник*, 1961, № 5 (753), стр. 97.

⁴⁴ См.: М. Горький. «Письмо Анатолию Франсу», в кн.: М. Горький. *Собрание сочинений в тридцати томах*. М., 1955, т. 23, стр. 386—391.

⁴⁵ Об этом свидетельствуют его письма к первой жене, Е.П. Пешковой, принадлежавшей к партии социал-революционеров (см. публикацию их в V и IX томах *Архива А. М. Горького*).

⁴⁶ О борьбе Б.И. Николаевского против «крестьянофобии» в среде меньшевиков см. в названной статье Ladis Kristof, p. 20.

⁴⁷ Кстати, в ходе суда первоначальные обвинения в организации террористических актов в 1917—1918 гг. отошли в тень, будучи заслоненными осуждением всей политики социалистов-революционеров в период Гражданской войны. Это нашло свое выражение в рекомендации трибунала смягчить наказание только членам террористической Боевой организации и не отменять смертного приговора по отношению к руководителям партии. По процессу социалистов-революционеров существует богатая литература. Назовем только некоторые полезные для исследователя источники: *Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменческих сношений с иностранными государствами*. М., 1922; *Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии правых эсеров*. М., 1922; Нурмин (А. Воронский). «Процесс эс-эров. (Заметки и впечатления)», *Красная Новь*, 1922, № 4 (июль—август), стр. 270—281; М. Вишняк. «На родине. Партия с.-р.» *Современные Записки*, 12, 30 сентября 1922, стр. 298—315; А.С. Изгоев. «Суд над террором», *Утренники*. Кн. I. Под ред. Д.А. Лутохина. Пг., 1922, стр. 13—15; *The Twelve Who Are to Die. The Trial of the Socialist Revolutionaries in Moscow*. (Foreword by Karl Kautsky). Berlin, 1922; Д.Л. Голинков. *Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917—1924 гг.)*. М., 1971, стр. 301—329, см. также: Д.Л. Голинков. *Крушение антисоветского подполья в СССР*. Кн. 2. Изд. второе, испр. и доп. М., 1978, стр. 206—219; А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг. 1918—1956. Опыт художественного исследования*. I—II. Париж, 1974, стр. 356—371.

⁴⁸ В наиболее отчетливой форме эта концепция была изложена в вышедшей вскоре после процесса над эсерами в 1922 г. брошюре Горького *О русском крестьянстве*. В то время как московские руководители объявили ее клеветой на Октябрьскую революцию, эмигрантская печать увидела в книге попытку Горького оправдать кремлевских вождей, переложив ответственность за ужасы Гражданской войны с руководителей Коммунистической партии на темные крестьянские массы русского народа (см., напр.: В.С. «Виновники зверств». *Воля России*, № 3 (31), 15 октября 1922, стр. 82—83. Ср. также: С.П. Мельгунов. «*Красный террор*» в России. 1919—1923. Изд. 2, доп. Берлин, 1924, стр. 14—15 — с отзывом Горького о ней в письме к Д.А. Лутохину от 21 июня 1924 г. — М. Горький. *Неизданная переписка*. (Архив А.М. Горького. Том XIV). М., 1976, стр. 388. Ср. также: Б. Дюшен. «М. Горький и русское крестьянство», *Литературное приложение к «Накануне»*, № 20, 1 окт. 1922 г. В английском переводе статья Горького была недавно включена в специальный выпуск *The Journal of Peasant Studies*, Vol. 4, No 1, October 1976, pp. 11—27). Попытка редактора московского журнала *Красная Новь* А.К. Воронского опубликовать статью Горького в Советской России в 1922 году осталась безуспешной. Одновременно с выходом книги Горький выступил в берлинской газете *Накануне* с опровержением слухов об изменении своего отношения к Советской власти (см. *Накануне*, № 139, 21 сентября 1922; ср.: *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, стр. 293—294). Опровержение это, помещенное в газете, распространявшейся в Советской России, осталось неотмеченным в советской прессе. 30-летний юбилей литературной деятельности Горького, отпразднованный тогда же в Берлине в кругах «Дома Искусств», *Накануне* (ему был посвящен специальный номер литературного приложения) и *Новой Русской Книжки*, подвергся замалчиванию в советской и эмигрантской печати. Очевидно, обструкция, которую устроил Маяковский на юбилейном вечере в Доме Искусств 1 октября, связана с поведением Горького во время суда над эсерами. Ср.: Н. Берберова. «Три года жизни М. Горького (1922—1925)», *Мосты*, 8, 1961, стр. 265 (публикация записей «камер-фурьерского журнала» Ходасевича).

⁴⁹ См. о ней: Б. Николоаевский. «Памяти Л.О. Дан (21 мая 1878—28 марта 1963)». *Социалистический Вестник*, 1963, № 3/4, стр. 59—60. См. также ее воспоминания в сб.: *Мартов и его близкие*. Нью-Йорк, 1959, стр. 7—37.

⁵⁰ Рукой Б.И. Николаевского приписано: 1923.

⁵¹ Евгений Николаевич Тимофеев, один из двенадцати «смертников». Справку о нем см. в *Новой Русской Книге*, 1922, № 5, стр. 60.

⁵² Абрам Рафаилович Гоц, брат Михаила Гоца, одного из основателей партии (см.: А.И. Спиридович. *Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916*. Изд. 2, доп. Пг., 1918) и племянник владельца знаменитой чаеоторговой фирмы Высоцкого, член Центрального Комитета партии эсеров, в 1917 г. вошел в первый состав президиума ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов. О его последующей судьбе см.: Victor Serge. *Memoirs of a Revolutionary. 1901—1941*. Oxford University Press, 1975, p. 164; David Shub. «The Trial of the SRs» *The Russian Review*, XXIII (1964), pp. 362—369; ср.: «Расстрел М.И. Либера и А.Б. Гоца», *Социалистический Вестник*, 1947, № 4 (596), 15 апреля, стр. 54—55 и В. Зензинов. «Памяти А.Р. Гоца», *там же*, № 5 (591), 22 мая, стр. 79—85.

⁵³ Н.В. Крыленко (1885—1938) в 1922 г. был председателем Верховного трибунала.

⁵⁴ И.С. Уншлихт (1879—1938) с апреля 1921 г. до осени 1923 г. был заместителем председателя ВЧК (ГПУ) Ф.Э. Дзержинского.

⁵⁵ Ср. публикуемое ниже письмо (№ 12) М. Горького к Николаевскому от 19 февраля 1923 г.

⁵⁶ В этот же день в *Социалистическом Вестнике* появилась заметка, разъясняющая письмо Л.О. Дан:

«По полученным нами из Москвы сведениям, с.-р. Тимофеев, не будучи более в состоянии переносить неслыханно-жестоких условий своего заключения, объявил 27-го января голодовку, требуя в поданном им в В.Ц.И.К. заявлении выполнения над ним смертного приговора или освобождения.

В Г.П.У. голодовка произвела переполох, и там заявление Тимофеева задержали. Однако содержание его Ц.И.К.-у стало известно.

По последним сведениям, — еще окончательно не проверенным, — Тимофеев голодовку прекратил. На каких условиях, и под влиянием чего, — нам еще неизвестно. — «Голодовка Тимофеева». *Социалистический Вестник*, 1923, № 4 (50), 21 февраля, стр. 12.

⁵⁷ См.: *Правда*, 15 января 1924; Д.Л. Голиков. *Крушение антисоветского подполья в СССР*, кн. 2, М., 1978, стр. 219.

⁵⁸ Письма Е.Н. Тимофеева из ссылки к Э.С. Шадхан-Войтинской хранятся в коллекции Николаевского.

⁵⁹ Полпред РСФСР в Берлине.

⁶⁰ Письмо впервые напечатано в кн.: В.И. Ленин. *Полное собрание сочинений*. Изд. 5. Том 54. *Письма. Ноябрь 1921—март 1923*. М., 1965, стр. 279—280. Перепечатано в кн.: В.И. Ленин и А.М. Горький. *Письма. Воспоминания. Документы*. Изд. 3, доп. М., 1969, стр. 264. В обоих изданиях неправильно утверждается, что речь идет у Ленина о письме к Анатолю Франсу. Не вызывает сомнения, что под «поганым письмом» Ленин имеет в виду обращение к А.И. Рыкову.

⁶¹ «Торопиться меня заставляет неуверенность в прочности “материальной основы” моего “бытия”. Не верится, что дадут средства на издание моих книг из Москвы <...>

На днях буду писать длинное письмо Ильичу о моих впечатлениях от здешних коммунистов. У меня бывают таковые. Некоторые из них — почтнее и поумнее — говорят очень печальные вещи, например, “Моральной помощи от России мы теперь

не можем, конечно, ожидать, а материальная — развращает нас, привлекая в партию элемент своекорыстный и ничтожный по качеству”. Очень единодушно порицают Зин<овьева> и Радека». — А.М. Горький. «Письма к писателям и И.П. Ладыжникову» (*Архив А.М. Горького*, том VII). М., 1959, стр. 243—244.

⁶² См., например: Б.И. Николаевский. «Первое преступление М. Горького. Из очерков по архивным материалам». *Былое*, № 16 (1921); *Революционный путь Горького*. М., 1933; *М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования*. М., 1957; И. Нович. *М. Горький в эпоху первой русской революции*. Изд. 2. М., 1960 и т. д.

⁶³ М.Ф. Андреева. «Встречи с Лениным». В кн.: *Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой*. М., 1961, стр. 61.

⁶⁴ Эта полемика подробно освещена в ценном исследовании Л.М. Хлебникова «Из истории горьковских издательств “Всемирная Литература” и “Издательство З.И. Гржебина”». *Литературное Наследство*. Том 80. *В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы*. М., 1971, стр. 676.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ И.Э. Гуковский — полномочный представитель РСФСР в Эстонии.

⁶⁷ Л.М. Карахан — заместитель наркома иностранных дел.

⁶⁸ К письму приложены отзывы Горького на рукописи. См.: *В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы*. Изд. 3, доп. М., 1969, стр. 183—184.

⁶⁹ Суханов (Н.Н. Гиммер) род. в 1888 г. в семье прототипа пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп». Экономист, публицист, сблизившийся в 10-е годы с меньшевиками. В 1917 г. был членом Исполкома Петроградского совета и сотрудничал в горьковской газете *Новая жизнь*. После Октябрьской революции оставался на советской работе вплоть до ареста — он был привлечен к делу меньшевиков; в 1931 г. О дальнейшей его судьбе см. справку в кн.: Р.А. Медведев. *К суду истории. Генезис и последствия сталинизма*. Нью-Йорк, 1974, стр. 274. В 1922—1923 гг. в серии *Летопись Революции* вышли его семитомные *Записки о революции* (см. о них статью М.В. Вишняка «Раб лукавый» в *Современных Записках*, XV, II, 1923, стр. 343—367; ср. также: В.И. Ленин. «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)», в кн.: В.И. Ленин. *Полное собрание сочинений*. Изд. 6. Том 45. *Март 1922—март 1923*. М., 1964, стр. 378—382).

⁷⁰ См.: *Новая Русская Книга*, 1922, № 5, стр. 44.

⁷¹ Архив журнала *Летопись Революции* в коллекции Николаевского (№ 128, Вох 2). 30 июня 1922 г. Горький пишет Е.Д. Кусковой, только что высланной из Советской России: «Что думаете делать? Вероятно, у вас есть охота писать, — не поговорить ли вам по этому поводу с Гржебиным? Вы, вероятно, знаете, что он затевает с Мартовым во главе издание — “Архив русской революции”. Уверен, что вы и Серг. Ник. <Прокопович> могли бы много дать этому изданию». (Е.Д. Кускова. «Трагедия Максима Горького». *Новый Журнал*, 38, 1954, стр. 237.)

⁷² «От издательства». В кн.: М.С. Маргулиес. *Год шитервенции*. Кн. I. Берлин, 1923, стр. 6.

⁷³ «От редакции», в кн.: *Летопись Революции*. Кн. I. Берлин—Петербург—Москва. Изд. З.И. Гржебина, 1923, стр. 2. Вся эта заметка, за исключением последних двух фраз (начиная со слов «Роль судь...»), приписанных Б.И. Николаевским, составлена Ю.О. Мартовым.

⁷⁴ Nicolaevsky Collection, No 128, Voh 1, машинопись очерка Горького «В.Г. Короленко», л. 7—8. Ср. *Летопись Революции*, № 1, стр. 12. Фрагмент этого мемуарного очерка, соответствующий напечатанному в *Летописи Революции* тексту (стр. 10—13), был включен автором, в измененном виде, в автобиографический рассказ «Сторож». См. М. Горький. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в*

двадцати пяти томах. Том 16, *Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917—1924*. М., 1973, стр. 138—166; см. также комментарии, стр. 553—556. Ср. также *Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям*. Том 4, М., 1976, стр. 371—374. В этот же манускрипт входил и другой пространный фрагмент, исключенный автором при публикации в *Летописи Революции*, стр. 15 (от слов «Генерал грузный» до слов «в нижегородский музей»). Он был введен Горьким во «Время Короленко». См.: *Полное собрание сочинений*, т. 16, стр. 173—175.

К истории публикации переписки Горького и Короленко см. ценную справку А.В. Храбровицкого, — *Память. Исторический сборник*. Вып. 2. Париж, 1979, стр. 422. См. также публикацию А.В. Храбровицкого «В.Г. Короленко и голод в послереволюционной России», *Память. Исторический сборник*. Вып. 4. Париж, 1981, стр. 397—401.

⁷⁵ И.В. Гессен. *В двух веках. Жизненный отчет*. Берлин, 1937, стр. 59.

⁷⁶ См.: Б. Двинов. «Л. Мартов (Ю.О. Цедербаум)». *Новый Журнал*, 63, 1961, стр. 285.

^{76a} Напомним, что берлинское издательство «Эпоха», выпускавшее журнал Горького *Беседа*, принадлежало меньшевикам Д.Ю. Далину и С.Г. Сумскому (см. комментарий В.Ф. Ходасевича к письмам М. Горького, *Новый Журнал*, 29, 1952, стр. 207).

⁷⁷ Nicolaevsky Collection, No 128, Box 2.

⁷⁸ Василий Васильевич Водозовов (1864—1933) — до революции член партии трудящихся, входил с 1911 г. в редакцию журнала *Современник*, в 1917 г. входил в редакцию *Былого*, после Октябрьской революции работал в Петроградском Историко-революционном архиве (см.: *Новая Русская Книга*, 1922, № 3, стр. 35), в конце 1922—нач. 1923 г. находился в Берлине, а затем переехал в Прагу (*Новая Русская Книга*, 1923, № 5—6, стр. 51). О его трагической смерти рассказывает Н.О. Лосский (*Воспоминания. Жизнь и философский путь*. München, 1968, стр. 265). См. также: Д. Шуб. «Из давних лет. Страницы воспоминаний». *Новый Журнал*, 100, 1970, стр. 424—425.

⁷⁹ Ф.И. Дан.

⁸⁰ Афанасий Борисович Петрищев (1872—1938), известный публицист и писатель. Эмигрировал в 1922 г.

⁸¹ О партии народных социалистов см. недавнее исследование: Н.Д. Ерофеев. *Народные социалисты в первой русской революции*. М., 1979.

⁸² Б.И. Николаевский позднее сотрудничал в исторических сборниках С.П. Мельгунова *На Чужой Стороне*.

⁸³ Nicolaevsky Collection, No 17.

⁸⁴ 15 января 1923 года. См.: *Социалистический Вестник*, 1923, № 3 (49), 31 января, стр. 16.

⁸⁵ С. М<ельгунов>. «Исторические заметки. *Летопись Революции*». — Газ. *Дни* (Берлин), № 68, 20 января 1923.

⁸⁶ В. Невский. <Рец.:> «Летопись Революции». — *Пролетарская Революция. Исторический журнал Истпарта*. 1923, № 3 (15), стр. 314—315.

⁸⁷ Там же, стр. 321. Ср. рецензию Н.И. Иорданского на мемуары В.М. Чернова в первом номере журнала *Летопись Революции* — Н.И. Иорданский. «Между историей и политикой. Моисей русской интеллигенции». *Красная Новь*, 1923, кн. 3 (май), стр. 289—296.

⁸⁸ На его кремации и похоронах присутствовали, в частности, Гржебин и Горький. См.: *Новая Русская Книга*, 1923, № 5—6, стр. 44; Григорий Аронсон. «Максим Горький в эмиграции», в его кн. *Россия в эпоху революции. Исторические этюды и мемуары*. Нью-Йорк, 1966, стр. 178—179.

⁸⁹ «Самым крупным, перешеголявшим и “Слово” было издательство Гржебина, друга и протеже Горького, через которого он ловко устраивал свои дела. Грже-

бин заключил договор с советской властью, обязавшейся приобретать несколько тысяч экземпляров выпущенной им книги и на этом широком фундаменте развил бешеную деятельность. Благополучие, однако, длилось недолго — между партнерами возникли недоразумения (Гржебин горько жаловался на интриги против него), договор был нарушен и Гржебин оказался в положении худшем, чем старуха в “Сказке о рыбаке и рыбке”. Колоссальный склад, в том числе и весьма ценных и отлично изданных им книг, рассчитанный на твердый сбыт в России, превратился в макулатуру, издательство, промелькнувшее блестящей кометой, шумно исчезло, а сам Гржебин преждевременно скончался в Париже» (И.В. Гессен. *Годы изгнания, Жизненный отчет*. Париж, 1979, стр. 108).

⁹⁰ Среди бумаг *Летописи Революции* (Nicolaevsky Collection, No 128, Box 2, Folder 28) сохранилось решение третейского суда по этому делу, заседавшего в Берлине 2—4 мая 1923 года. Ср. позицию просоветской газеты *Накануне* относительно историко-революционной серии «Летопись Революции», выраженную в репортаже Нины Петровской «Выставка книг, выпущенных к-вом З.И. Гржебина в Берлине»:

«Удивляет отдел книг о русской революции, где стоит особняком А.В. Луначарский с “Великим переворотом”. На какой круг читателей он рассчитан? На закоснело-эмигрантский развед... ибо рассуждения о революции Виктора Чернова и ему подобных в России абсолютно никому не нужны и могут вызвать одно недоумение. Здесь жаль издательского труда и времени.

Остается непонятным, как к-во с такими широкими заданиями могло впасть в подобное заблуждение» (*Накануне*, № 469, 25 октября 1923 г., стр. 6).

⁹¹ Б.И. Николаевский. *Конец Азефа*. С предисловием В.И. Невского. Л., Госиздательство, 1926. Ср. отзыв об этой книге в письме Горького к В.Ф. Ходасевичу от 20 июля 1925 г. (*Новый Журнал*, 31, 1952, стр. 204), ср. недавно опубликованную заметку его — в кн.: М. Горький. *Художественные произведения. Статьи. Заметки*. (Архив А.М. Горького. Том XII). М., 1969, стр. 222; ср. также: И. Зильберштейн. «Рукописи Горького: поиски и находки». *Литературная Газета*, № 16 (4094), 19 апреля 1967, стр. 5.

⁹² В письме к И.С. Зильберштейну — см. названную статью Зильберштейна.

ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО

1

Зиновий Исаевич¹.

Я получил от Кочаровского письмо, в котором он извещает о своем отказе сотрудничать в «редактируемой мною “Летописи”»². Письмо — длинное, отказ подробно мотивирован ссылками на мое «народозлобие», на незнание мною русского крестьянства и «объективный, великий вред» наносимый мною народу. В заключении говорится, что я «действую как враг русского народа»³.

Уже не первое письмо такого содержания получаю я и надеюсь получить еще не мало — после опубликования моей книги⁴.

Я думаю, — я уверен — что отношение ко мне, вызванное моими взглядами на крестьянство будет усиливаться и, несомненно, повредит делу «Летописи» — делу очень ценному.

Поэтому я еще раз настоятельно предлагаю членам редакции «Летописи» вычеркнуть мое имя из состава редакционной коллегии.

Надо согласиться, что делу это <не> повредит, а лишь поможет его росту — и я прошу удовлетворить просьбу мою.

А. Пешков.

1.XI.22

Р. С. «Редактируемой мною» — это же не верно!

¹ Гржебин.

² Кочаровский Карл-Август Романович (1870— ?), публицист, экономист, исследователь аграрного строя России. В 90-е годы входил в петербургскую народо-вольческую группу; позднее регулярно печатался в изданиях социалистов-революционеров. О его участии в революционном движении см.: Марк Вишняк. *Дать прошлому*. Н.-Й., 1954, стр. 129—138. Автор книги *Русская община* (1900, 1906; книга посвящена

памяти Н.Г. Чернышевского). Жил долгие годы в эмиграции (см. автобиографическую справку в журнале *Русская Книга*, 1921, № 4, стр. 16—17), в 1917—1918 гг. редактировал в Риме газету *La Russia*, с начала 20-х гг. жил в Праге, где был сотрудником Института изучения России, возглавлял в нем Социальный кабинет (изучавший социальные формы сельской жизни). Отказ Кочаровского от сотрудничества с Горьким объясняется диаметральной противоположностью их трактовок русского крестьянства. Если Горький считал крестьянство регрессивным в истории русского государства фактором (реакционная, разрушительная роль которого в полной мере проявилась в период революции 1917 г.), то Кочаровский, наоборот, видел спасение государства в восстановлении архаических, традиционных форм (по природе своей — социалистических) крестьянской жизни, на протяжении всей русской истории остававшейся независимой от государственной «оболочки» самодержавия. Текущий момент, несмотря на захват власти в стране противокрестьянской партией большевиков, К. Кочаровский расценивал оптимистически: «Теперь народная самостоятельность вырывается на простор в область экономическую и культурную, теперь слагается демократия не только формальная, представительная, но *подлинная, прямая* и не только политическая, но и демократия *экономическая и культурная*». (К.Р. Кочаровский. «Строение России», *Воля России* (Прага), 1922, № 1 (29), 15 сентября, стр. 22—35.)

³ Письмо К. Кочаровского к Горькому было переслано через Б.И. Николаевского, которому Кочаровский при этом писал следующее:

«24.X.1922.

Многоуважаемый г. Николаевский.

Благодаря за предложенное сотрудничество в “Летописи Революции”, должен к сожалению ответить, что не смогу осуществить его. Прошу извинить за опоздание в ответе и очень прошу переслать прилагаемое при сем письмо Алексею Максимовичу Пешкову.

С искренним уважением

К. Кочаровский».

— Nicolaevsky Collection, No 128, Box 2.

⁴ М. Горький. *О русском крестьянстве*. Берлин, изд. И.П. Ладыжникова, 1922 (книга вышла в начале октября).

2

<XI. 1922>¹

По «Летописи»

1. Записки анархиста² — скучны, не очень грамотны, по содержанию же мало интересны. Не верится, что уже в самом начале войны мужики — да еще смоленские! — интересовались настроением «фабричных» и выражали готовность «поддержать» их. Многословная эта история требовала бы весьма значительных сокращений.

2. Письма Аксакова — любопытны, и о<чень> требуют, небольшой хотя бы, статьи о их источнике и некоторой характеристики источника³.

3. В интересах точности следовало бы исправить в статье В.М. Чернова⁴ кое-что о Гапоне⁵: совершенно точно знаю, что поп этот *не* предлагал оружие большевикам, лишь просил помощи их для восстановления утраченных им связей с рабочими своих «организаций» и передачи оружия этим организациям; во главе их тогда стояли: Петров, Черемухин, Карелин, Тонин, Иконников, агент «охранки» Кузин и еще человека два-три, все — рабочие⁶.

Гапон в это время *не* бывал в Гельсингфорсе, а жил в глухом лесу, среди болот, далеко от городов. Держался нервно и трусливо, желая, во что бы то ни стало и как можно скорее, развязаться с этим делом.

«Виктор» не был членом Ц.К. б<ольшевик>ов⁷. Названные выше «гапоновцы» не знали, что поп в Финляндии и писали ему в Лондон.

4. Корректирные листы присланы мне мокрыми и в перепутанном виде. Я их высушил на радиаторе и читать все—не имею времени. И — глаза болят.

А.П.

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² Речь идет о публикации «В годы войны (Из записок анархиста)» Г.П. Максимова, *Летопись Революции*, № 1, стр. 243—268. Окончание этой статьи хранится среди материалов второго тома журнала в архиве Николаевского.

³ Письма славянофила И.С. Аксакова к издателю газеты *Гражданин* В.Ф. Пущиковичу были подготовлены к печати С.О. Яковсоном. Публикация эта не успела появиться в *Летописи Революции* (она предназначалась во второй номер) и помещена была в сб. *На Чужой Стороне* (Берлин—Прага), 1924, № 5, стр. 129—157.

⁴ См.: Виктор Чернов. «От «Революционной России» к «Сыну Отечества». *Летопись Революции*, № 1, стр. 79—81.

⁵ Георгий Аполлонович Гапон (1870—1906) — священник, общественный деятель, организовавший мирную демонстрацию с петицией к царю 9 января 1905 года, агент охранки. См. о нем очерк Горького, впервые опубликованный в кн.: А.М. Горький. *Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке.* (Архив А.М. Горького. Том VI). М., 1957, стр. 14—24. Ср.: В.Я. Орлова. «М. Горький — участник первой русской революции», *М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования.* М., 1957, стр. 128—130. Письмо Горького к Г.А. Гапону (август 1905 г.) опубликовано в сб.: *Революция 1905—1907 годов и литература.* М., 1978, стр. 253—256. Ср. также позднейшее письмо Н.Е. Буренина к Горькому (9 июня 1927 г.) — в кн.: М. Горький. *Неизданная переписка* (Архив А.М. Горького. Том XIV). М., 1976, стр. 287.

⁶ О гапоновской организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих гор. С.-Петербурга» см. в воспоминаниях В.А. Поссе *Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.)*. Редакция и примечания Б.П. Козьмина. Предисловие В.И. Невского. М.—Л., 1929. Ср. рецензию Б. Николоевского в журнале *Каторга и Ссылка*, 1930, кн. 2 (63), стр. 195.

⁷ «Виктор» — конспиративная кличка Николая Евгеньевича Буренина (1874—1962), организатора Военно-технической группы при ЦК РСДРП, с которым Горький познакомился летом 1905 г. в Финляндии и подружился на всю жизнь. Переписка их опубликована в кн.: М. Горький. *Неизданная переписка (Архив М. Горького, том XIV)*, М., 1976, стр. 198—287. Свидетельство Горького вызвало примечание в статье Чернова в *Летописи Революции*, стр. 81 (где имя Буренина искажено): «“Виктор” (Баженов) членом Ц.К. большевиков никогда не был. Он входил в состав “технической группы при Ц.К.” *Прим. ред.*». (Искажение может быть психологически объяснено появлением имени «томского семинариста Баженова» в манускрипте статьи о Короленко в первом номере *Летописи Революции.*)

3

<ноябрь 1922 г.>¹

1) Сведения г. Лифшица о кружке Федосеева² нуждаются в очень тщательной критической проверке; если верить ему, кружок этот возникает в декабре 1888 г.; к марту 89 г. относится выработка программы кружка, следов марксистского влияния на которой совершенно не заметно (стр. 94—96; между прочим, — немножко ниже, на стр. 98, г. Лифшиц сообщает, что арест кружка произведен 13 июля 1888 г., т<о> е<сть> ранее его возникновения. В какой из этих дат ошибка?). Между тем А.М. Горький, имевший отношение к казанским революционным кружкам того времени сообщает нам по поводу ст<атьи> Лифшица следующее:

«В Августе 87 г. Федосеев на чтении в кружке народников “Наших разногласий” Плеханова, выступал как горячий сторонник взглядов последнего. В ту пору я уже знал, что Ф<едосеев> является членом весьма серьезного кружка студентов. Был знаком с ткачами фабрики Алафузова»³.

Не повторяет ли здесь г. Лифшиц довольно частой для того времени ошибки жандармов, часто приписывавших одному кружку программу другого, параллельно действовавшего?⁴

¹ Датируется предположительно. Эта записка Б.И. Николаевского, в текст которой клеен автограф Горького, с мелкими коррективами включена, в качестве сноски 1 на стр. 288, в статью Б. Николоевского «Исторические журналы в Советской России» в первом номере *Летописи Революции*. Относится она к работе историка

С.Е. Лившица «Очерки истории с.-д. организаций Казани, ч. I, 1888—1901 гг.» (в казанском журнале *Пути Революции*, № 1, март 1922).

² Н.Е. Федосеев (1871—1898) — один из первых марксистов в России, начавший революционную деятельность еще в гимназии и переписывавшийся с Лениным. См.: И.С. Зильберштейн. «Некоторые вопросы биографии молодого Ленина», *Капторга и Ссылка*, 1930, № 1, стр. 7—23.

³ Ср.: Илья Груздев. *Горький и его время*. Том I. Изд. 2. М., 1948, стр. 139. Это свидетельство Горького перепечатано в статье советского историка Б.М. Волина «Н.Е. Федосеев» в кн.: Н. Федосеев. *Статьи и письма*. М., 1958, стр. 7.

⁴ После выхода *Летописи Революции* С.Е. Лившиц признал свою ошибку (не ссылаясь на статью Николаевского). В предисловии к публикации мемуаров М.Г. Григорьева «Воспоминания о Федосеевском кружке в Казани (1888—1889 гг.)» он отказался от своего прежнего вывода о немарксистском и террористическом характере федосеевской организации, основанного на жандармских документах, и заявил: «Жандармы, оказывается, “наплели”... И кружок Федосеева — теперь уже не приходится в этом сомневаться, — был определенно марксистским». (*Пролетарская Революция*, 1923, № 8 (20), стр. 55—56.)

4

<ноябрь 1922 г.>¹

Копия.

3. Воспоминания Тейтеля написаны блестяще с литературной стороны и несколько наивно по содержанию². Но в наивности автора есть своя прелесть, искупающая все недостатки книги. Со страниц ее встает живая фигура человека почти святого, это как бы второй доктор Гааз, человек всю жизнь свою бескорыстно и с восторгом служивший людям³. К тому же он еврей, что придает книге особое значение⁴. Несомненно, ее будут читать и многих она научит многому хорошему. Решительно высказываюсь за издание. Просите автора о праве сокращений.

¹ Машинописная копия. Датируется предположительно.

² Яков Львович Тейтель (1850—1939) — известный русский общественный деятель, юрист, создатель сети благотворительных и культурно-воспитательных учреждений для беспризорных детей. С 1921 г. — председатель Общества русских евреев в Германии. Написанная им в Киеве в 1918—1920 гг. книга *Из моей жизни. За сорок лет*, отрывки которой с 1921 г. печатались в русских и еврейских газетах, вышла отдельным изданием на русском языке в парижском издательстве Я. Поволоцкого в 1925 году. В ней, в частности, автор рассказал о знакомстве с Горьким в Самаре и о позднейших контактах с ним. В первом номере *Летописи Революции* (стр. 134—137) помещена заметка Я.Л. Тейтеля «Суды по аграрным делам в годы реакции (Из запи-

сок члена окружн. суда)». О Тейтеле см. кн.: *Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. 1851—1931*. Париж—Берлин. [1931].

³ Ср.: «Бескорыстный, чуждый партийности, постоянный за всех хлопотун, Я.Л. Тейтель, прозванный “доктором Гаазом”, пользовался большой популярностью среди поволжского населения, особенно среди учащейся молодежи и бедноты». — С.И. Левин. «70-летие Я.Л. Тейтеля», *Руль*, № 320, 5 декабря (22 ноября) 1921 г. Память о Федоре Петровиче Гаазе (1780—1853), тюремном враче, самоотверженном филантропе, прозванном «святым доктором», в 1890-е годы воскресил в ряде своих выступлений А.Ф. Кони. Ср. упоминание об этом в письме Горького от 15 октября 1899 г. — А.М. Горький. *Письма к Е.П. Пешковой. 1895—1906*. (Архив А.М. Горького. Том V). М., 1955, стр. 70.

⁴ Я.Л. Тейтель писал о Горьком: «А.М. очень интересовался еврейским вопросом. Интересовался как-то особенно, не слегка, не по обязанности либерального писателя, а старался понять самую суть жизни еврея и, чтобы вернее понять, старался познакомиться с его языком и брал уроки древнееврейского языка» (Я.Л. Тейтель. *Из моей жизни. За сорок лет*. Париж, 1925, стр. 91).

5

<15/XII 22.>¹

Летопись.

На мой взгляд — «Воспоминания» Гогеля — бессодержательны, нап<и>саны неинтересно².

Все статьи Оберучева и отмеченные Ю.О. Мартовым в том же числе — мелочны, многословны, исторически не значительны³.

Печатаемая такой материал редакция сделает журнал бесцветным, неудобочитаемым.

Не думаю, что этот материал можно сделать более интересным даже и сократив его весьма значительно.

А.П.

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² Сергей Константинович Гогель (1860—1930-е гг.) — ученый-юрист, до революции приват-доцент Петербургского университета и профессор Психоневрологического института, крупный специалист по детской преступности, один из инициаторов организации особых судов для малолетних правонарушителей. Историк правительственных учреждений России. Служил в прокурорском надзоре, в Министерстве юстиции и в канцелярии Государственного Совета. В 1920 г. читал лекции в Юридическом институте в Севастополе, в 1921 г. переехал в Константинополь (см.: *Русская Книга*, 1921, № 3, стр. 29), а затем в Берлин, где преподавал в Русском научном институте. Неопубликованные его мемуары о Столыпине, Плеве, Витте и др. под названием «Воспоминания о прошлом русском строе», хранятся в фонде *Летописи Революции* в коллекции Николаевского. В письме Ю.О. Мартова к Б.И. Николаевскому от

30 ноября 1922 г. о них говорится: «Гогеля надо, конечно, дать (кстати. Вы мне послали ее, по-видимому, без конца), хотя написано серовато».

³ Константин Михайлович Оберучев (1864—1929), с 1880-х гг. участник революционного движения. По образованию — ученый-артиллерист, в чине артиллерийского полковника в 1906 г. был уволен со службы по обвинению в содействии восставшим во время вооруженного восстания в Киеве в 1905 г. В 1913 г. выслан за границу, в начале 1917 г. вернулся в Россию и был произведен Временным правительством в генералы и назначен Командующим войсками Киевского военного округа. В сентябре 1917 г. был делегирован за границу и в Советскую Россию не вернулся. (См. о нем Д.И. Дорошенко. «Война и революция на Украине (Из воспоминаний)», *Историк и Современник. Историко-литературный сборник*. I. Берлин, 1922, стр. 213; ср. также в воспоминаниях Д. Шуба в *Новом Журнале*, 110, 1973, стр. 283.) Возглавлял в Нью-Йорке Комитет помощи нуждающимся русским литераторам, почетным президентом которого стал Джордж Кеннан (см.: *Руль*, № 82, 1921, 23 (10) февраля; ср.: *Дом Искусств*, 1921, № 1, стр. 81—84). О его деятельности в 1919—1920 гг. см.: *Русская Книга*, 1921, № 2, стр. 28. В 1922 г. Оберучев приехал из Нью-Йорка в Берлин, и о привезенных им мемуарах рассказала, в частности, хроника журнала *Новая Русская Книга*, 1922, № 4, стр. 36. Мемуары его в журнале и серии *Летопись Революции* напечатаны не были (вышли отдельным изданием в Нью-Йорке в 1930 г.). С отзывом Горького ср. замечание в письме Мартова к Николаевскому от 6 декабря 1922 г.: «Оберучев, в общем, прескучен и мелочен, но можно выбрать несколько глав, где меньше проявляется обывательской мелочности и есть интересные факты». Ср. обсуждение состава второго номера журнала в письме Мартова от 19 декабря: «У Оберучева я отметил в оглавлении крестами главы, кот<орые> можно взять, но, во-1-х, к<а>к Вы указываете, не будет ли слишком много Киева, а во-2-х очень уж скудно он пишет и ничего нового не дает. В виду неизвестности, как выйдет у Белого, и очевидности, что Сумск<ий> будет малоинтересен, надо бы остальную часть 17 г. сделать живее».

6

<XII. 1922>¹

К письмам Рейнбота²

Хорошо бы достать отчет сенатора Зайончковского о его ревизии Москвы при Рейнботе. Этот отчет, чрезвычайно интересный в политическом и бытовом отношении, лег в основание обвинительного акта по делу Рейнбота. В нем, между прочим, указывалось, что публичный дом поднес Р<ейнботу> икону. Когда Зайон<чковский> сидел в тюрьме, его бумаги хранились у меня, затем жена его взяла их, сейчас она живет где-то в Германии³.

Сенатор Гарин служил в В.Ч.К.⁴ В прошлом году он ревизовал Петроград<ское> отделение Внешторга⁵.

На стр. 11-й «Обзора» фразы Ленина надо бы повторить целиком⁶, т<о> е<сть> «Доверять ни Чхеидзе и Ко, ни Суханову, Стеклову и прочим» — нельзя — так лучше, яснее⁷.

К стр. 39. Гусев именно *тот*, я знал его в 89 г. в Нижнем, когда он возвращался из ссылки; он рассказывал нам о своем знакомстве с Халтуриним, к <ото>рый был его учителем, — «распропагандировал его»⁸.

О книге Фигнер писать не буду, некогда⁹.

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² Рейнбот (Резвой) Анатолий Анатольевич (1869—1918), генерал-майор, в 1906—1907 гг. московский градоначальник. В октябре 1907 г. на него было произведено неудавшееся покушение; Рейнбот собственноручно расстрелял покушавшегося на него члена партии социалистов-революционеров Фрумкина (см.: И.В. Гессен. *В двух веках. Жизненный отчет*. Берлин, 1937, стр. 234). В конце 1907 г. Рейнбот был обвинен в присвоении казенных средств, уволен со службы и предан суду. По свидетельству С.Ю. Витте (мемуары которого появились впервые в печати в конце 1920 г. в газете И.В. Гессена *Руль* и вскоре вышли отдельным изданием), причиной ревизии, вызвавшей судебное разбирательство, была личная интрига Столыпина, увидевшего в Рейнботе своего будущего соперника. В апреле—мае 1911 г. суд приговорил Рейнбота к наказанию, но по повелению царя оно не было приведено в исполнение. См.: С.Ю. Витте. *Воспоминания*. Том 3 (17 октября 1905—1911). *Царствование Николая II*. М., 1960, стр. 487—488.

В записке Горького речь идет о публикации писем Рейнбота к В.Ф. Пуцыковичу, в *Летописи Революции* не появившихся и позднее напечатанных со вступительной заметкой С.О. Яacobсона в сб. *На Чужой Стороне*, VIII, 1924, стр. 203—212.

³ Николай Чеславович Зайончковский (1859—1918) был назначен сенатором осенью 1916 года (см.: Кн. Н.Д. Жевахов. *Воспоминания*. Том 1. *Сентябрь 1915 г.—март 1917 г.* Мюнхен, 1923, стр. 184).

⁴ Приближенный Д.Ф. Трепова, Николай Павлович Гарин (род. 1861) служил в департаменте полиции, а 9 ноября 1905 г. был назначен сенатором (см.: С.Ю. Витте. *Воспоминания*, том 3, стр. 79—80), во время Первой мировой войны и Февральской революции — помощник военного министра. Свидетельство Горького о сотрудничестве Н.П. Гарина в ВЧК представляет исключительный исторический и психологический интерес. Ср. характеристику Н.П. Гарина в мемуарах Витте: «Гарин — это не что иное как простой чиновник, сделанный сенатором, оставшийся с воззрениями подобообразования к уму и желаниям всякого начальства» (т. 3, стр. 487).

⁵ Горький был председателем оценочно-антикварной комиссии — см.: А.М. Гак. «Из истории участия А.М. Горького в экспертной комиссии Наркомвнешторга в 1919—1921 гг.» *Горьковские чтения. 1961—1963. Драматургия и театр*. М., 1964, стр. 222—233.

⁶ Это указание Горького, относящееся к статье Б. Н<иколаев>ского «Исторические журналы в Советской России», — Николаевским не выполнено: см.: *Летопись Революции*, № I, стр. 276.

⁷ Цитата из письма Ленина к Я.С. Ганецкому от 30 марта 1917 г. (См.: В.И. Ленин. *Полное собрание сочинений*. Изд. 5. Том 49. *Письма. Август 1914—октябрь 1917*. М., 1964, стр. 419—423). Впервые опубликовано в *Пролетарской Революции*, 1921, № 2.

⁸ Речь идет о статье А.А. Шилова «Последняя страница из истории “Северо-Русского Рабочего Союза”» (в журн. *Красная Летопись*), отреферированной в на-

званном обзоре Б.И. Николаевского (стр. 283—284). Гусев Василий Семенович (1851—1893) — народник, в 1884 г. был арестован и сослан, в 1889 г. Горький познакомился с ним, после его возвращения из ссылки, на квартире В.И. Кларка в Нижнем Новгороде — Гусев в это время организовал в Казани съезд народнических организаций. В 1890 г. он был снова арестован и умер в петербургской тюрьме. В.С. Гусев — прототип Якова Самгина. См.: Илья Груздев. *Горький и его время*. Том I, изд. 2. М., 1948, стр. 541—546; И.И. Вайнберг. «Жизнь Клыма Самгина» М. Горького. *Историко-литературный комментарий*. М., 1971, стр.50.

⁹ Рецензия самого Николаевского на *Запечатленный труд* Веры Фигнер (М., 1921) появилась в *Новой Русской Книге*, 1922, № 6, стр. 14—15. Ср.: *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, стр. 299.

7

<Декабрь 1922 г.>¹

Б. Николаевскому

О непригодности рукописей, возвращенных мною с Гржебиным, я, конечно, не мог ничего сказать Вам, ибо когда Вы были у меня, — рукописи еще я не читал. Ведь Вы же и привезли их.

А о содержании № 1-го я ничего с Гржебиным не говорил.

И не мог говорить, конечно.

Роман жены Дейча еще не получен мною².

Привет.

А. Пешков.

28.XII. 22

¹ Датируется предположительно.

² Лев Григорьевич Дейч (1855—1941), один из первых русских марксистов, основатель группы «Освобождение Труда». С 1918 г. занимался историко-литературной работой. В июне 1922 г. приехал в Берлин по командировке Института истории партии. Роман Э.М. Зиновьевой-Дейч нам неизвестен.

8

<I. 1923.>¹

Генер<ал> Шварц².

Хотя воспоминания написаны просто и довольно интересно, но все-таки несколько специально и очень субъективно. Для журнала этот материал тяжел, на мой взгляд. Но если у автора готов 2-й том — о революции в армии — З<иновию> И<саевичу> следовало бы ку-

пить эту рукопись и издать ее в одном томе. Вероятно получится интересная книга. Военно-историческое значение первого тома — несомненно.

А.П.

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² Во время французской оккупации Одессы в 1918—1919 гг. генерал А.С. Шварц (1874—1953) стоял (вместе с П. М. Рутенбергом) во главе «Совета обороны города». См.: Ф. Балкун. «Интервенция в Одессе (1918—1919 гг.)», *Пролетарская Революция*, 1923, № 6—7 (18—19), стр. 212—216; см. о нем также в кн.: М.С. Маргулиес. *Год интервенции*. Кн. I. Берлин, 1923. В 1922 г. А.С. Шварц, живший в то время во Франции, предложил издательству Гржебина подготовить рукопись «Воспоминаний о войне и революции», в двух томах. Мемуары Шварца хранятся в архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк).

9

<12/1 23>¹

Книга Юзова² озаглавлена «Основы народничества», 2 тома.

У него есть еще кн<i>га «Интеллигенция и народ»³.

Беллетристика Тасина⁴ сентиментальна и скучна. Содержание ее ничтожно по интересу. На эти темы писано много и значительно лучше. Хоть бы он побег описал, — в этом есть и<n>терес фабулы.

Лирика — слаба, кое-где я ее уничтожил.

А.П.

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² Юзов — литературный псевдоним Иосифа Ивановича Каблица (1848—1893), участника революционного движения 70-х гг., первым выдвинувшего идею о применении динамита в антиправительственном терроре (см.: Вера Фигнер. *Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах*. Том I. М., 1964, стр. 147—151), а в 80-е гг. — представителя и ведущего теоретика «легального народничества», чиновника Государственного контроля.

Запись о Юзове сделана Горьким в связи с предложением Л.Г. Дейча дать в *Летопись Революции* статью о группе 1890-х годов «Народник» и ее нелегальном печатном органе. Мартов по этому поводу писал Николаевскому: «...Я почти уверен, что он <Дейч> ошибается, когда говорит, что в “Основах (не “обосновании”) народничества” Юзов доказывал, что раз крестьяне за свои программы, то и ре-

волюционер должен их поддерживать. Боюсь, что он спутал: это Юзов мог говорить раньше, еще будучи бунтарем, а в 1884 г. он уже был определенным антисемитом и просто писал, что евреи эксплуатируют крестьян, вносят разорение в патриархальный быт, а потому должны быть преследуемы» (Письмо от 2 января 1923 г.). Ср. в книге Л.Г. Дейча *За полвека*, тогда же вышедшей в Берлине: «В выпущенной им в конце 80-х гг. книге “Основы народничества” Каблиц, если память мне не изменяет, доказывал, что истинный народник не должен ни в чем отступать от воззрений народа: раз последний почитает царя, то и народник обязан его почитать; если народ избивает евреев, — народник тоже обязан это делать. Не трудно, поэтому, угадать, до каких нелепостей договорился бы Каблиц в дальнейшем; но в конце 80-х гг. он сравнительно еще молодым, лет сорока, скончался от какой-то болезни. Между прочим, одним из ярких почитателей и последователей Каблицы был — безызвестный нововременец Меньшиков, тогда являвшийся толстовцем и сотрудником либеральной *Недели*. После смерти Каблицы Меньшиков написал очень теплый некролог, в котором признал, что многим в своих взглядах он обязан этому выдающемуся человеку» (Л.Г. Дейч. *За полвека*. Том второй. *Торжество бакунизма в России*. Берлин, «Грани», 1923, стр. 109—110).

³ И.И. Каблиц (Юзов). *Интеллигенция и народ в общественной жизни России*. Спб., 1886. Книги И. Каблицы *Основы народничества* и *Интеллигенция и народ в общественной жизни России* сохранились в библиотеке Горького (см.: *Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание в двух книгах*. Кн. I. М., 1981, стр. 323).

⁴ О Науме Яковлевиче Тасине, меньшевике, сотруднике до революции газеты *Киевская Мысль*, а с 1922 г. в Берлине — газеты *Дни*, авторе фантастического романа «Катастрофа» (1922) — см. справку в *Русской Книге*, 1921, № 9, стр. 31, а также письмо В.И. Ленина к Н.Н. Крестинскому (В.И. Ленин. *Полное собрание сочинений*. Изд. 5. Том 54. *Письма. Ноябрь 1921—март 1923*. М., 1965, стр. 22).

10

В.М.Чернов¹.

Органический, неисправимый недостаток автора — многословие. У него нет ни одной мысли, которая не была бы загружена словами, задавлена ими. Человек осторожный, он хитрит довольно наивно, полагая, видимо, что лишние слова могут придать изложению внешнюю объективность, скрыть от читателя противоречия фактов и мысли. Но ум, односторонне развитой, он не умеет скрыть тенденций, излюбленных им, с достаточной ловкостью.

Как история — его воспоминания не солидны, но, конечно, они имеют весьма значительный интерес для характеристики самого автора, как лидера партии и Председателя Учредительного Собрания.

Сокращать его писания необходимо по отдельным словам, а таких слов на каждой странице найдется строк 15—20. Текст стр. 10—14-й вполне свободно уложится на одной странице. От 14 до 19 тоже необходимо сильно сократить. Рассказ Тимофеева — стр. 32-й — был уже где-то напечатан, кажется в «Голосе России». Все — очень

тяжело и — сомневаюсь, чтоб это было «исторично». Историю не пишут диалогами.

В общем же — на мой взгляд — все это будет прочитано не без интереса и вызовет, по адресу автора, множество нападок и ругани и справа, и слева. Но — это едва ли увлечет «широкую публику», ибо — боюсь — покажется ей скучным².

Борисов. «То, что я видел»³.

Написано тяжеловато, однако интересно. Взятое в зеленые скобки, на мой взгляд, можно вычеркнуть. Это покаяние может дать «Рулю» хороший повод для истечения иронии по адресу социалистов. Не решаюсь вычеркнуть наиболее покаянные места, а — следовало бы. Очень прошу Вас, Б<орис> И<ванович>, внимательно прочитать эту рукопись. Жалобно написана!

Не было ли Бернштейново⁴ обращение к Штутгарт<скому> съезду уже опубликовано к<а>к предисловие к его книге «Истор<ия> Материализм<а>»? И — если было — следует ли вновь печатать его?

Очень интересные документы; особенно хорошо письмо Бебеля⁵.

Отвечаю на Ваши вопросы в письме 23.I. 23.

Гржебину я напишу сам, но, разумеется, решительно ничего не имею и против того, если Вы ему скажете, это — в Вашей воле.

Я уже сказал Вам о моем отношении к «Летописи», — повторяю: счел бы за честь быть полезным журналу, но: редактор такого журнала должен хорошо разбираться в тонкостях политики, — качество, которым я не обладаю. Даже редактура чисто литературная для меня трудна, ибо часто мне кажется, что данное, малограмотное место рукописи, которое я — во всех иных случаях — вычеркнул бы, нельзя вычеркнуть и даже исправить вследствие его политической ценности. Политики пишут хитро.

Затем — мало у меня времени. Но от сотрудничества в «Л<етописи>» я не отказываюсь, думаю, что не откажусь и после беседы с З<иновием> И<саевичем> Г<ржебиным>.

24.I.23.

Привет.

А. Пешков.

¹ Виктор Михайлович Чернов (1876—1952), лидер партии социалистов-революционеров, в мае—августе 1917 г. — министр земледелия во Временном правительстве, председатель Учредительного собрания, с 1920 г. — эмигрант. Ср. запись о нем 1923 г., опубл. в кн.: М. Горький. *Художественные произведения. Статьи. Заметки.* (Архив А. М. Горького. Том XII). М., 1969, стр. 219—220.

² По всей очевидности, речь идет о статье Чернова «За фронтом Учредительно-го собрания», объявленной в числе материалов второго номера *Летописи Революции*.

³ О какой книге идет речь, не установлено. Возможно, что это были мемуары порвавшего в 1921 г. с меньшевиками А. Ерманского (О.А. Когана, 1866—1941), одним из псевдонимов которого был П. Борисов. Книга его *Из пережитого (1887—1921 гг.)* позднее вышла в Госиздате (М.—Л., 1927). Среди материалов второго номера журнала этого манускрипта нет.

⁴ Эдуард Бернштейн (1850—1932) — немецкий социал-демократ, лидер II Интернационала. В первом номере *Летописи Революции* помещены его мемуары о М.П. Драгоманове и С. Подолинском, во втором была обещана публикация из его архива.

⁵ Август Бебель (1840—1913), один из основателей II Интернационала, руководитель германской социал-демократии. Ср. о встречах с Бебелем в письме Горького от 10 марта 1906 г. — А.М. Горький. *Письма к Е.П. Пешковой. 1895—1906. (Архив А.М. Горького. Том V)*. М., 1955, стр. 175.

11

Б. И. Николаевскому.

Дорогой Б<орис> Николаевич!

Рукопись Цаликова¹ переслана мне редакцией, значит: в редакции должен быть адрес лица, которое притащило рукопись².

Это — кавказец, он уполномочен Цаликовым вести переговоры об издании рукописи. У меня адреса его — нет.

Шварц — фигура крупная, человек весьма осведомленный, о состоянии и настроениях армии после 904 г. широкая публика мало знает³. Это — за. Но — не слишком ли специально написано? Посмотрите.

На этой неделе ко мне не приезжайте — все дни занят жестоко и будет много чужих людей. То же скажите З<иновию> И<саевичу> — не приезжал бы.

А на той неделе — от Среды до Субботы или Пятницы — я буду в Берлине. Обязательно.

Всего доброго.

15. II. 23.

А. Пешков.

Не достанете ли Вы мне Костомарова «Бунт Стеньки Разина»?⁴ Буду очень благодарен.

¹ Ахмет Цаликов (1882—1928) — общественный деятель Кавказа, литератор-меньшевик (см. его библиографию в кн.: Anna Bourgina. *Russian Social Democracy*.

The Menshevik Movement. A Bibliography. Stanford, 1968, pp. 95, 184), автор беллетристических книг «В горах Кавказа», «Чаша жизни» и др., вышедших до Октябрьской революции. См. об А. Цаликове в кн.: Е.А. Ананьин. *Из воспоминаний революционера. 1905—1923 гг.* Нью-Йорк, 1961, стр. 32. О какой рукописи Цаликова здесь идет речь — неясно.

² По-видимому, Абдул-Вахид Бурханов.

³ Ср. воспоминания А.С. Шварца, опубликованные в сб. *Порт-Артур*, Нью-Йорк, 1955. См. коммент. к письму № 8.

⁴ Книга понадобилась Горькому для работы над сценарием (невыходящего кинофильма), впервые напечатанным в кн.: *Архив А.М. Горького*, том II, *Пьесы и сценарии*. М., 1941, стр. 188—220; ср. комментарий в кн.: М. Горький. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в двадцати пяти томах*. Том 19. М., 1973, стр. 536—538. Об этой работе Горького сообщалось в хронике журналов *Новая Русская Книга*, 1923, № 3—4, стр. 49 и *Печать и Революция*, 1923, № 2, стр. 262. Ср. также в комментарии к письму Горького к П.П. Крючкову от 31 мая 1923 г. — М. Горький. *Неизданная переписка*. (Архив А.М. Горького, том XIV). М., 1976, стр. 446. Ср. в письме М. Горького А.В. Амфитеатрову (*Собрание сочинений в тридцати томах*. Том 29. *Письма, телеграммы, надписи. 1907—1926*. М., 1955, стр. 104) и упоминание Н.И. Костомарова в книге *О русском крестьянстве* (Берлин, 1922).

12

Дорогой Борис Иванович,

С благодарностью возвращаю «Современник»¹. Очень, очень благодарю Вас за любезность!

Посылаю Вам рукопись Ахмеда Цаликова². Это написано несколько наивно, но материал, кажется, совершенно свежий, не помню, чтоб по этому вопросу печаталось что-либо более значительное. Очень прошу Вас прочитать рукопись.

Я полагал бы: взять из нее «дневник» как более живое и яркое изображение событий; читается он легко. Но — из него необходимо выбросить всю лирику автора, целые страницы, — я бы взялся за это, — он очень выиграет от сокращений.

Само собою разумеется, что большинство газетных статей автора тоже выбросить — фактического материала в них — нет.

Вообще — рукопись требует сокращения наполовину.

Адрес лица, передавшего рукопись, — в редакции, лицо это уполномочено Цаликовым вести переговоры об издании.

Всего доброго,

А. Пешков.

19. II. 23

Из Москвы получено мною сведение: в виду того, что многие из с.-еров — больны, решено, — будто бы — отправить их в Крым, в санаторию для «приговоренных». Есть такая? Не слыхал³.

Телефон от Е.П.⁴ не получил. Рыкову, Каменеву — написал.

А.П.

¹ По видимости, московский исторический журнал *Современник*, 1922, кн. I.

² См. примечание к предыдущему письму.

³ Ср. письмо Л.О. Дан к Горькому от 21 февраля 1923 г., опубликованное выше.

⁴ Екатерина Павловна Пешкова (1876—1965), с 1896 г. — жена Горького, до революции принадлежала к партии социалистов-революционеров. После Октябрьской революции, будучи близким другом Ф.Э. Дзержинского, возглавляла Московский Политический Красный Крест, и через нее Горький хлопотал за «приговоренных». О Е.П. Пешковой см.: Дм. Минин. «Еще о Политическом Красном Кресте», *Память. Исторический сборник*. Вып. 3, Париж, 1980.

13

<II. 1923>¹

Документы из архива М.* не показались мне особенно значительными. Во всяком случае они требуют вводной, хотя бы маленькой — статьи.

У меня такое впечатление, что письмо Врангеля к Струве я уже читал в Советских газетах³. Не уверен в этом, но — кажется — читал!

А.П.⁴

* Маргулиеса <прим. Б. Николаевского>²

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² М.С. Маргулиес (род. в 1868 г.) — известный петербургский адвокат и общественный деятель, основатель радикальной (республиканско-федералистской) партии в 1905 г., перед революцией 1917 г. — член Совета Союзного банка, возглавлял в Петербурге ложу «Северная Звезда» (см.: С.П. Мельгунов. *На пути к дворцовому перевороту*. Париж, 1931, стр. 182), с 1915 г. — член Центрального Военно-промышленного комитета. В 1919 г. — министр торговли и промышленности в Северо-Западном правительстве. Трехтомные его мемуары *Год интервенции* вышли в издательстве Гржебина в 1923 г. (в серии *Летопись Революции*, № 13) — ср. о них: М. Брайкевич. «Из революции нам что-нибудь...», *На Чужой Стороне*, V (1924), стр. 217—250.

³ Ср.: Richard Pipes. «Les relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920)», *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 4, no 4, 1963, pp. 401—435; «К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архива П. Б. Струве». Публикация Г. П. Струве. *Мосты*, 15, 1970, стр. 413—427.

⁴ На обороте — зачеркнутое начало письма Горького к Томасу Манну.

14

<II. 1923>¹

О малорусском языке.

Думая, что это вопрос не решенный и что на почве его еще может возникнуть некий нелепый спор Москвы и Киева, очень рекомендовал бы «Летописи» обращаться с материалами «Дела 236» — осторожно. Материал этот требует весьма объективного, чисто исторического отношения. Статья, написанная даже в таком духе, едва ли отвечала бы целям и задачам нашего журнала².

Однако полагаю, что журнал смог бы напечатать некоторые документы, напр<имер>: телеграмму Савенко³, доклады Жандармских Управлен<ий> и Департамента полиции. Не настаиваю на этом.

Так называемое «мазепинство» слишком мало имеет отношения к социализму вообще и к революции в частности, хотя среди «мазепинцев» были и социалисты, как я знаю. Но — роль их — не похвальна да и ничтожна.

А. П.

¹ Датировано Б. И. Николаевским.

² Статья эта в архиве *Летописи Революции* не сохранилась и по имеющимся документам установить, кто был ее автором, нельзя.

³ Анатолий Иванович Савенко (род. в 1874 г.), член IV Государственной думы, сотрудник черносотенных газет, близкий соратник В. В. Шульгина, активно выступавший против «мазепинства» — сепаратистского украинского движения. См о нем в кн.: Князь Н. Д. Жевахов. *Воспоминания*. Том I. *Март 1917—январь 1920 г.* Новый Сад, 1928, стр. 99—100. См. также: В. Мякотин. «Петербургское правительство и украинское движение». *Последние Новости* (Париж), № 3538, 29 ноября 1930, стр. 3.

<Начало III. 1923>¹

Борис Иванович!

Кудрин — очень интересно, но, к сожалению, многословно и, в начале, кое-где слишком режет ухо застарелый «нигилизм».

Если б эту вещь можно было сократить, исправить, — получилась бы весьма любопытная книга в ряду таких, как «Записки» Кропоткина, Дебагория и т. п.

Но — сокращений оно требует многих, что, конечно, невозможно, ибо Н.С. считает себя опытным писателем. А это — всегда ошибка, даже Лев Толстой считал себя до конца дней своих писателем неопытным².

Каплуна я немножко сократил, но он пишет так вяло, что делать это трудно³.

В общем же, с удовольствием вижу, что 2-й № будет живее 1-го. Не перегружайте его материалом партийным.

Спасибо за письмо. Вы видите, что я был прав. Попробую что-нибудь сделать, но — не обещаю⁴.

Будьте здоровы.

А. Пешков.

¹ Датировано Б.И. Николаевским.

² Отзыв этот — о книге народовольца — а впоследствии социалиста-революционера Н.С. Русанова (Кудрина, 1859—1939) *Из моих воспоминаний*, вышедшей в 1923 г. в издательстве Гржебина в серии *Летопись Революции* (№ 13). Продолжение ее *В эмиграции* вышло в 1929 г. в Москве.

³ Воспоминания С. Г. Каплуна-Сумского о Киеве в Гражданскую войну.

⁴ Ср. письмо Б.И. Николаевского к Горькому от 4 марта 1923 г. (автограф сохранился в коллекции Б.И. Николаевского), содержащее отрицательную оценку горьковского очерка «Савва Морозов». (Письмо Николаевского публикуется в Приложении.) Очерк этот предполагался к печатанию во втором номере *Летописи Революции*, параллельно автор наметил его к включению в вышедшую в 1923 г. в Берлине книгу: М. Горький. *Мои университеты и др.* Еще до письма Николаевского Горький отказался от публикации «Саввы Морозова» (см. его письмо к П.П. Крючкову, процитированное в изд.: М. Горький. *Неизданная переписка*. (Архив А.М. Горького. Том XIV). М., 1976, стр. 445). Впервые «Савва Морозов» Горького был опубликован в журнале *Октябрь*, 1941, № 6, стр. 3—16; ср.: М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. *Материалы, воспоминания, исследования*. М., 1957, стр. 12—37. В письме к И.С. Зильберштейну Б.И. Николаевский утверждал, что в архиве его находится авторская машинопись воспоминаний «Два купца» (о Бугрове и Морозове) — см.: И. Зильберштейн. «Рукописи Горького: поиски и находки». *Литературная Газета*, № 16 (4094), 19 апреля 1967, стр. 5. В обработанной и поступившей в Гуверовский институт части архива Николаевского этого манускрипта обнаружить не удалось.

<Получено 19. III. 1923.>¹

Николазде — очень хорошо написано, да и по содержанию интересно. Я бы взял это для 2-го №-а².

Письмо К. Победоносцева — не интересно³.

Статья Голубева — плоха⁴. Стихи подобраны тоже плохо. Из них можно бы взять только 4 стихотворения Мятлева⁵, поместив их — без комментариев, под заголовком «Нецензурные стихотворения пред-революционных дней».

О Толстом — любопытно, но, кажется, письмо к царю было напечатано⁶ Следует взять, мне кажется.

Книга Войтинского очень интересна⁷. Посылаю свою рукопись⁸.

А. П.

¹ Помета Б.И. Николаевского.

² Николай Яковлевич Николадзе (1843—1928), грузинско-русский публицист и общественный деятель. Ср. в письме Ю.О. Мартова к Б.И. Николаевскому от 19 декабря 1922 г., обсуждающем состав второго номера *Летописи Революции*: «Николадзе м<ожет> б<ыть> интересен, хотя, по старости и его природе журналиста, едва ли будет идеально достоверен. И во вс<яком> случае даст номеру аромат архивной пыли, поэтому его надо поощрять». Речь идет о «Воспоминаниях о шестидесяти годах», позднее напечатанных в журнале *Каторга и Ссылка* (1927, кн. IV и V). Н.Я. Николадзе был привлечен в *Летопись Революции* Вл. Войтинским — см. их корреспонденцию в кн.: *Из переписки Н.Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями*. Общая редакция, составление, вступительная статья и комментарии проф. Георгия Джавахишвили. Тбилиси, 1980, стр. 216—220; ср. здесь же (стр. 220—265) переписку Н.Я. Николадзе с Б.И. Николаевским.

³ Ср.: *Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки*. Т. I, М.—Пг, 1923; а также: К.П. Победоносцев. *Письма к Александру III*. Т. 1—2. М., 1925—1926.

⁴ В архиве *Летописи Революции* отсутствует.

⁵ Владимир Петрович Мятлев (род. в 1868 г.), поэт-сатирик, внук автора «Курдюковой». См. о нем: М. Расловлев. «Сорок лет тому назад. (К истории русских монархических организаций после 1917 года)», *Возрождение*, № 114 (июнь 1967), стр. 81—83. 3 апреля в письме к Мартову Николаевский писал о втором номере журнала: «Сатиры печатать, значит, не будем». Ср. о Мятлеве в кн.: Ив. Наживин. *Записки о революции*. Вена, «Русь», 1921, стр. 175.

⁶ Скорее всего, письмо Л.Н. Толстого от 31 декабря 1901—16 января 1902 г. (опубл. в журн. *Былое*, № 1 (23), 1917, стр. 16—21). В письме к Мартову 3 апреля Николаевский сообщал: «О Толстом запросил <В. И.> Срезневского».

⁷ Владимир Савельевич Войтинский (1885—1960) — выдающийся экономист, литератор, деятель революционного движения в России, первоначально большевик, а затем меньшевик и противник Советской власти. Ср. его статью «Суд над социали-

стами-революционерами» в книге *Двенадцать смертников* (Берлин, 1922). Книга, о которой отзывается Горький, — мемуары Войтинского *Годы побед и поражений* — вышла в издательстве Гржебина в 1923—1924 гг. в серии *Летопись Революции* (№ 10). См. о Войтинском статью Владаса Станки (В.Б. Станкевича) в *Новом Журнале*, 61, 1960, стр. 237—251; *Emma Woytinsky. Two Lives in One*. New York, 1965. Письма М. Горького к Э.С. Войтинской (от 3 марта 1924) и В.С. Войтинскому (от 22 февраля 1925) опубликованы в *Новом Журнале*, 95, 1969, стр. 226—227.

⁸ Очерк «Н.А. Бугров», предполагавшийся к напечатанию во втором номере *Летописи Революции*. Впервые опубликован в журн. *Красная Новь*, 1924, кн. 2 (март), стр. 26—52. Ср. историю замысла этого текста — в комментариях к изд.: М. Горький. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в двадцати пяти томах*. Т. 17. М., 1973, стр. 580—582 (приводятся выдержки из писем Б.И. Николаевского к Горькому). 3 апреля 1923 г. Николаевский писал о «Бугрове» Мартову в (неотправленном — из-за смерти адресата) письме:

«Дорогой Ю. О.!

Получил Вашу открытку, — и еще раз жалею, что нельзя приехать к Вам. Опять не со всем согласен. 1) Горького, по-моему, никак нельзя отклонять; он уже давал мне одну статью, — о С. Морозове, — но т.к. она действительно была не доделана, о чем предупреждал и сам А.М., то я согласился с ним, что печатать ее не стоит, теперь он дал вторую статью, — если отклонить, то он обидится. С этим можно было бы не считаться, если б очерк был плох, но ведь он не только не плох, но положительно хорош. Отношение к революции, если брать узко, он имеет слабое, но имеет: Бугров фигура колоритная и его отношение к развертывавшимся событиям очень интересно, тем более, что впоследствии он был лидером октябристов (это я попрошу Горького придумать). По-моему, печатать безусловно нужно, с этим согласна и Л.О. <Дан>, с кот<орой> я только что говорил. <...>»

17

«Бермондтовщина»

Весьма не плохая вещь, с точки зрения беллетриста. Написана легко, живо, в хорошем тоне. Я бы очень советовал автору посмотреть на себя как на беллетриста — бытописателя, у него есть данные, заслуживающие серьезного отношения с его стороны. И если он разрешит себе некоторую дозу иронии над собою и пережитым, он может, мне кажется, написать очень интересные и полезные вещи.

Сокращение на 17-й стр<анице> необходимо. На 21-й — можно оставить, сие суть прием<ы> беллетриста. Вообще же не нахожу, что можно бы вычеркнуть без вреда для цельности вещи. В таких рукописях надо вычеркивать отдельные слова и фразы рукою самого автора, что и посоветуйте ему.

Вследствие некоторой неуверенности в себе, он пишет, местами, жидко и многословно.

Очень рекомендую ему быть больше беллетристом, давать больше бытового материала, это, вероятно, весьма удастся ему¹.

А.П.

¹ Автограф (с редакторской правкой) очерка И. Коноплина «Бермондтовщина (Дневник 1919—1920 гг.)» сохранился в фонде журнала *Летопись Революции* в коллекции Николаевского. Иван Степанович Коноплин (1894—1953) участвовал в Гражданской войне в рядах Добровольческой армии, в 1922 г. выпустил в Берлине три книжки. По воспоминаниям З.Ю. Арбатова («Ноллендорфплатцкафе», *Грани*, 41, 1959), Коноплин стал агентом ГПУ (НКВД). Мемуарный очерк И. Коноплина «Крестоносцы» (касающийся, в частности, и авантюры Бермондта), опубликован в сборнике *Белое дело*, IV, Берлин, 1928, стр. 146—177.

Бермондтовщина — история с «Западной Добровольческой Армией» (корпусом им. графа Келера), организованной полковником Бермондтом («князем Аваловым») при поддержке германской оккупационной армии в Прибалтике в 1919 г. Бермондт пытался в противовес ориентированному на Антанту «Северо-западному правительству» создать свое правительство германской ориентации; в нарушение соглашения с Юденичем о совместных действиях против большевиков, начал сепаратное наступление на Ригу и после разгрома бежал в Германию.

3 октября 1931 г. И. Коноплин послал Николаевскому открытку следующего содержания:

З/Х.31.

Глубокоуважаемый Борис Иванович,

Газеты Вы уже, надеюсь, получили. Буду высылать Вам если не все, то часть из тех №№, которые у меня остаются на руках.

У меня есть просьба к Вам: я пишу роман «Дмитрий Осенний». Мне очень нужна копия письма Горького к Вам обо мне. Вы давно *обещали* заснять оригинал и дать мне фоту. Очень очень прошу Вас об этом — буду Вам чрезвычайно обязан.

Примите пожелания всего доброго.

Ваш Ив. Коноплин.

В ответ на нее Николаевский отослал ему фотокопии двух писем Горького 1923 года, которые приводим ниже по сохранившимся негативам:

1

Г.И. Коноплину.

Я прочитал рассказы Ваши и хотел бы побеседовать с Вами о них.

Мне кажется, что у Вас есть способности. Но Вам необходимо много работать для того, чтоб обладать ими. Возвращаю Вам Ваши рассказы с пометками, сделанными наспех, но, надеюсь, что и они позволят Вам догадаться в чем Вы нуждаетесь.

Вам, прежде всего, нужно позаботиться о языке — для этой цели очень рекомендую читать Лескова, Чехова и Бунина; первый обладает самым богатым лексико-

ном великорусской речи, двое остальных — отличные стилисты, каждый в своем роде. Хитроумное слово свидетельствует, что Вы не теряете времени даром, учитесь, но — этого еще мало.

Если Вы пожелаете посетить меня — предупредите об этом по телефону Saagow. (Mark) 32 и захватите с собою рассказы, отмеченные мной.

Всего доброго.

А. Пешков.

2

И. Коноплину.

Принять предложение Ваше — не могу, ибо в изданиях заграничных не сотрудничаю; исключая, — «Беседа», как издание мною организованное.

Позвольте заметить, что если в альманахе Вашем будут печататься статьи характера экономического — это неизбежно вовлечет альманахи в политику и полемику. Впрочем — желаю успеха.

31. X. 23. Gunterstal

А. Пешков.

Письмо это упомянуто в *Летописи жизни и творчества А. М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, стр. 345. Альманах, о котором говорит Горький, — *Балтийский Альманах*, издававшийся в Ковно; Коноплин был его берлинским представителем.

18

Дорогой Борис Иванович,

Рукопись А. Цаликова интересна только как попытка изобразить быт и психику осетин, попытка эта местами очень удалась автору. Но — рукопись требует значительных сокращений, необходимо сократить, а кое-что и выкинуть.

Сократить: лирику автора, письмо, в котором он говорит об истории Осетии, речи Магометова.

Выкинуть: переписку с Валеи, отрывки из «Дневника», характеристики обычаев, — они и без этого хорошо написаны. Весьма хороша сцена погони за похитителями Фаризет. В общем — советуйте автору: Больше быта, меньше политики¹.

«Бугрова» издавать у Гржебина — не могу, связан договором².

Хвораю. Работаю мало, а жить — все дороже.

Передайте привет мой А. И.³, сердечный привет!

Поклон Гржебину, всего доброго Вам.

Книги пока оставьте у себя.

5. VII. 23.
Gunterstal

А. Пешков.

¹ В мае 1923 г. А. Цаликов предложил издательству З.И. Гржебина свою книгу *Записки осетина. Из революционной жизни Кавказа*. Препровождая манускрипт (он сохранился в архивном фонде *Летописи Революции*), автор писал Б.И. Николаевскому 24 мая 1923 года из Константинополя: «Не будете ли Вы добры передать А.М. Горькому, что если он найдет мои «Записки осетина» — не лишенными интереса, то не соблаговолит ли дать к ним предисловие. Мне хотелось бы, чтобы общественное внимание России было привлечено к делам Кавказа более серьезно, чем это наблюдалось до сих пор. Впрочем, может быть, мое предложение и не уместно. Вам — читателю со стороны видней».

² В письме от 25 июня 1923 г. Б.И. Николаевский писал Горькому: «Как быть с Вашей рукописью? З. И. хотел бы издать ее отдельно» (см.: М. Горький. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в двадцати пяти томах*. Том 17. М., 1973, стр. 581). Вопрос о судьбе очерка о Бугрове всплыл в связи с прекращением журнала *Летопись Революции*. В каталогах издательства З.И. Гржебина задуманное Горьким сочинение о Бугрове фигурировало с осени 1919 г.

³ Летом 1923 г. Б.И. Николаевский встречался в Берлине с А.И. Рыковым. См.: Б. Николаевский. «Письмо в редакцию». *Социалистический Вестник*, 1961, №5 (753), стр. 96—97.

19¹

Трудно сказать, что это такое *как пьеса*, — не очень сценично, бесхарактерно и скучновато.

Интересна — тема: страдания гомосексуалиста; после того как Штейнах² установил, что гомосексуализм — явление чисто биологическое, эта тема, вероятно, будет весьма модной. И еще более основательно углубит моральный распад совр<еменного> о<бщест>ва³.

Перевод — подозрителен. Местами явно небрежен, иногда производит впечатление несомненной порчи оригинала. Таковы все сцены, которые должны бы звучать сильнее.

¹ На записке — помета Б.И. Николаевского: «13. VII. 1923. О пьесе Стриндберг-Смирновой».

Карин Смирнова — дочь великого шведского писателя Августа Стриндберга, жена лектора русского языка и библиотекаря Гельсингфорского университета Владимира Мартыновича Смирнова (ум. в 1950 г.), активного деятеля большевистского подполья, на квартире которого в 1906 г. состоялась встреча Горького (перед его поездкой в США) с Лениным. В начале 1920-х гг. Смирнов был заведующим отделением Российского Телеграфного агентства (РОСТА) в Стокгольме. Мемуары В.М. Смирнова о его конспиративной работе опубликованы в журнале *Пролетарская Революция*, 1926, № 1, стр. 119—157. О Карин Смирновой см. в заметке: С.А. Головина, Н.Ф. Корицкая. «Редкая фотография», *Горьковские Чтения. 1959—1960*. М., 1962, стр. 120—122. «Пьеса», ею присланная Горькому, — по-видимому, перевод «Kamraterna» Стриндберга (1888).

² Эуген Штейнах (1861—1944), известный австрийский физиолог; был привлечен Горьким к журналу *Беседа*.

³ Ср. запись о гомосексуализме среди фрейбургских заметок, опубликованных в книге: М. Горький. *Художественные произведения. Статьи. Заметки.* (Архив А.М. Горького. Том XII). М., 1969, стр. 230.

20

Дорогой Борис Иванович¹.

Я вчера отказался от предложения сотрудничать в журнале «Звезда», который с октября будет выходить в Петербурге под редакцией Ионова², Циперовича³, Майского⁴, от сотрудничества в альманахах «Круг» и альманахах «Атеней».

Отказался на том основании, что так как «Беседу» в Россию не пускают, то это ставит меня в дикое положение пред ее иностранными сотрудниками, приглашенными мною для участия в «Беседе». Положение было бы еще нелепей, если б я, допустив, без протеста, «браковать» Р. Роллана⁵ и других, сам продолжал бы сохранять с «браковщиками» мило-душевные отношения. Прибавьте к сему историю с Гржебиным⁶.

Сегодня я, на том же — или тех же — основаниях, — решительно отказываюсь от участия в «Книге». Я должен сделать это, не имея никакого права выделять «Книгу» в «особую статью»⁷.

Возвращаю Вам рукопись пьесы, с приложением к ней полученного от Балабановой⁸ нового листочка.

Книги мои пошлите сюда.

Передайте мой привет Церетели⁹.

Всего доброго.

1. IX. 23.

А. Пешков.

¹ В автографе описка: *Николаевич*.

² Переписку Горького с И.И. Ионовым (1881—1942) см. в кн.: М. Горький и советская печать. Кн. 1. (Архив А.М. Горького. Том X). М., 1964, стр. 67—82.

³ Григорий Владимирович Цыперович (Циперович) (1871—1932) — участник революционного движения с 1888 г., экономист, литератор, до революции — меньшевик, с 1919 г. — член Коммунистической партии. В 20-е гг. — работник Совнархоза, профессор политэкономии.

⁴ Иван Михайлович Майский (1884—1975) — участник революционного движения, во время Гражданской войны вышел из партии меньшевиков и вступил в 1921 г. в большевистскую партию. Впоследствии — советский работник, дипломат, исто-

рик, с 1946 г. — академик. В 1922 г. выступил свидетелем обвинения на процессе социалистов-революционеров в Москве и напечатал свои мемуары (см. о них статью Л. Мартова «Воспоминания ренегата». *Социалистический Вестник*, № 23—24 (45—46), 1922, 9 декабря, стр. 15—16; В.Ф. Неганов. «Воспоминания И.М. Майского “Демократическая контрреволюция” как источник по истории краха Комуча», в сб.: *Буржуазные и мелкобуржуазные партии в России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конференции*. М., 1980, стр. 34—42). В 1922—1923 гг. заведовал отделом печати Наркоминдела. Был первым редактором ленинградского литературного журнала *Звезда*. См. о нем: Александр Некрич. *Отрешишь от страха. Воспоминания историка*. London, 1979, стр. 125—131.

⁵ Весной 1922 г. Ромен Роллан вышел из Коммунистической партии, заявив, что марксизм отвергает высшие моральные ценности человечества — свободу, истину и человечность.

⁶ Отказ — в нарушение прежней договоренности — в разрешении распространять в Советской России книги, изданные З.И. Гржебиным за границей. Это привело к финансовому краху издательства.

⁷ «Книга» — издательство и книготорговое акционерное общество, представлявшее советские интересы за границей. Его представителем в Берлине был П.П. Крючков.

⁸ А.И. Балабанова (1878—1965 г.) — известная деятельница международного социалистического движения. После отъезда из России в 1921 г. порвала с большевизмом. Была знакома с В.М. и К. Смирновыми. О встречах Балабановой с Горьким см. в ее воспоминаниях: Angelica Balabanoff. *My Life as a Rebel*. New York—London, 1938, pp. 54—55, 74—75.

⁹ И.Г. Церетели (1882—1959), один из лидеров меньшевиков, близкий друг Николаевского.

21¹

Дорогой Борис Иванович —

Есть такой человек Ананьин-Чарский, он хорошо знает итальянский Ренессанс и литературу Италии, он не мало писал по этим вопросам и, я уверен, был бы очень полезным для «Книги» информатором и переводчиком.

Он очень болен, ему необходимо уехать в Италию, откуда он мог бы работать на «Книгу».

Я не знаю его адреса. Вам даст его В.Ф. Ходасевич и Вы бы написали Чарскому².

Пишу — наскоро. На Ваше письмо не отвечаю, да, в сущности, и нечего мне ответить, — решение мое я не могу изменить.

Получил письмо от Бухарина, в ответ на мое письмо Рыкову, завтра Б<ухарину> отвечу³; посмотрим, что будет.

Привет.

А. Пешков.

¹ На письме помета Б.И. Николаевского: «Получено 21. IX. 1923».

² Евгений Аркадьевич Ананьин (1887—?), литературный псевдоним — Е. Чарский, литератор, переводчик, меньшевик (см. его книгу: *Из воспоминаний революционера, 1905—1923 гг.* Нью-Йорк, 1961). Автор ряда трудов по русской литературе (в том числе статей о Горьком) и итальянскому Возрождению (см. неполную библиографию его в кн.: *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930—1940)*). Вып. 2. Часть I. Белград, 1941, стр. 5—6).

³ Все эти письма не опубликованы; возможно — они связаны с продолжающимися хлопотами Горького за арестованных эсеров (в январе 1924 г. приговоренные к смертной казни на процессе социалистов-революционеров 1922 г. были освобождены из тюремного заключения и отправлены в ссылку).

22

Дорогой Б<орис> И<ванович> —

Ответ Бухарина не касается существа дела, а лишь выражает недоумение или обиду в форме вопроса: почему я на его — Б<ухарина> — и Зиновьева письмо ответил не им, а Рыкову?

Я написал Бухарину — почему.

Письмо Мартова не нашел, оно, видимо, осталось в бумагах, которые лежат в Берлине, но здесь¹ у меня оказалось письмо Дана, кое — посылаю.

«Бугрова» — не печатайте. Как я уже писал — не стану печататься в России до поры, пока окончательно не выяснится вопрос о «Беседе»².

Ответ Шми<д>та³ Гржебину — очень знаменателен. Все сие — отчаянно тяжко.

Привет.

15.X. 23.

А. Пешков.

¹ Письмо написано из Фрейбурга. В эти же дни Горький получил разрешение на выезд в Чехословакию и вернулся в Берлин (см.: *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, стр. 347).

² «Вопрос» о распространении *Беседы* в Советском Союзе окончательно выяснился в мае 1925 года, и журнал прекратил свое существование. См. В. Ходасевич. «Горький». *Современные Записки*, кн. 70 (1940), стр.131—158.

³ Отто Юльевич Шмидт (1891—1956) был в 1921—1924 гг. заведующим Госиздатом.

ПТИЦА ФЕНИКС².

Язык — беден, фраза строится беспомощно, не крепко: один и тот же глагол назойливо звучит по пяти раз на странице, много лиш-них слов, от этого — длинноты.

Нельзя писать: «пара дней», «пара товарищей», «пара эпизо-дов» — это одесские речения³; нельзя писать: «за довольно грубый»; не следует употреблять глаголы в форме: «умывшись», «игравшись», «проснувшись»; слог <->вши не красив, так же как <->вшийся и <->ийся, это несчастье языка — легко устранимое, шипящих и свист-ящих окончаний следует избегать. Язык вообще тусклый, лишен об-разности в описаниях и характеристиках в речах.

Материал повести слишком слишком разжижен бесконечными разгово-рами; есть целые главы, совершенно лишённые содержания.

Все люди говорят одним и тем же языком, речь не индивидуаль-на и — отчасти — поэтому, люди бесхарактерны.

Действия повести слишком мало, листа на два, три, а написа-но — около 45-и листов.

Повесть — бытовая, но бытового материала в ней почти нет: все совершается как бы на необитаемом острове, вне событий вре-мени.

Героиня надоедает с первых же страниц, надоедает и «стальной взгляд» героя.

В общем — неудачная вещь.

М.Г.

¹ Машинописная копия, с автографом Горького.

² Автор манускрипта, которому посвящен горьковский отзыв, остался нам не-известным.

³ Ср. замечания в кн. П.Б. Струве *Историко-социологические наблюдения над развитием русского письменного языка. Мысли и справки*. София, 1940, стр. 33—38; А. Селищев. *Язык революционной эпохи*. М., 1928.

Ужасна, потрясающе отвратительна эта фигура, облик которой Вы, Борис Иванович, осветили светом, окончательно решающим все споры, все недоумения, вызванные проклятым торговцем героями и палачом их.

Теперь об Эвно Азеве можно забыть, — он расплавлен в кучу грязи, в жирное, темное пятно, которому память не хочет дать места в себе; по крайней мере — моя память¹.

Я так поражен показанной Вами оголенностью этого мещанина, что, несколько, растерялся и не знаю что сказать? Да и что скажешь об этом символе мещанства, о существе, которое ради физиологических наслаждений со своей любовницей продавал людей, которые любили его, их врагам на смерть и каторгу?

Комплиментов Вам за эту работу я не стану говорить. Вы сами понимаете ее глубочайшую важность. Спасибо за присланную книгу, переписку Плеханова с Аксельродом. Изумительно хорош Акс<ельрод> в его отношении к людям, какая душевная чистота и нежность. Правильно говорит ему Плех<анов>: «до какой степени вы ценнее, бесконечно выше, чище, революционнее...»²

Да, вспоминается — невольно — слово «опороченное» — святой. Еще раз спасибо! Жму руку.

19/VII/25

А. Пешков.

¹ Ср. отзывы об Азеве и его деле в письмах Горького 1909 года — А.М. Горький. *Письма Е.П. Пешковой. 1906—1932.* (Архив А.М. Горького. Том IX.) М., 1966.

² *Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода.* Редакция и примечания П.А. Берлина, В.С. Войтинского и Б.И. Николаевского. Том I. М., 1925, стр. 80. Полностью соответствующая фраза из писем Плеханова 1892 года, окруженная в этом издании цензурными купюрами, выглядит так: «До какой степени Вы бесконечно умнее, выше, чище, революционнее наших “молодых товарищей”».

ПРИЛОЖЕНИЕ

4. III. 1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Еще ночью, в пути, прочел «Савву Морозова». Как ни жалко, а я почти согласен с Вами в том отношении, что в этом виде давать в

печать не стоит. Вы так избаловали читателей своими воспоминаниями, что этот портрет ему покажется неудачным, вернее недоделанным. По-моему, если Вам охота выслушать мое мнение, — главный недочет этого очерка в перенесении Вами центра тяжести характеристик на разговоры. Бывают разные люди: об иных можно передать их думы и слова, и человек встает перед читателем во весь рост, хотя бы он не знал его личной жизни, его дел, действий. В них центр тяжести — работа мозга и знакомство с нею, знакомит со всем человеком. Но бывают и иные. Не то, чтобы у них голова не работала, — порой она работает и не плохо, — но работа ее протекает не в сфере отвлеченного мышления, а в той, где слово соприкасается с делом. И тогда знакомство со словами без знакомства с делами не знакомит с человеком. Таков был С<авва> Морозов, и тот факт, что он именно потому и погиб, что не нашел дела, нисколько этому не противоречит. Наоборот: у Вас это есть в заключительном аккорде, — он умер потому, что не нашел своего дела, но он его искал, метался, а эти поиски, не в области теории, а в области практики, — Вашему читателю остаются неизвестными. Вставьте их, расскажите, — хотя бы не на основании личных встреч, а по рассказам, проверенным наблюдением (воспоминания ведь не обязаны ограничиваться только личными встречами), о прошлом Саввы, о его роли в купеч<еском> мире, о меценатстве, об отношении к сильным мира сего, — то, о чем Вы, несомненно, много знаете еще с Нижнего, — и фигура его оживет. У Вас это есть, но лишь в резолютивной форме (напр<имер>, об отношении его к купцам и обратно), а этого мало: читатель любит, чтобы его считали умным, и давали материал для резолюции, а не самые резолюции. Это сильно, б<ыть> м<ожет> вдвое — втрое, расширит очерк, но зато, я уверен, он Вам очень удастся.

Теперь об операции увеличения отрывка для «Л<етописи> Р<еволюции>». Я отметил его на стр. 18—29. Но его нужно переделать, — вставить краткую характеристику Саввы Морозова, подробнее остановиться на событиях 8-го января (в «Сыне Отеч<ества>» и др.) и на вечере 9-го. Не бойтесь, А.М., если кому-нибудь попадет по больному месту: не говоря уже о том, что ныне не это мода, и по существу ведь нельзя писать истории, не ругая тех или иных «творцов» ее.

Но дайте обязательно.

Пока всего хорошего. Крепко жму руку.

Бор. Николаевский.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А.В. 57
А.С. см. Лидин Вл.
Абрамович Н.Я. 26
Авинова М.Ю. 68, 230
Агранов Я.С. 87
Агурский М. 58, 97
Адалис А.Е. 26
Адамс В.Т. 292
Адлер Ф. 331
Адоратский В.В. 161
Азадовская Л.В. 308
Азадовский М.К. 307–308
Азеф Е.Ф. 258, 325, 332, 341, 368
Айзенштадт А.Г. 25
Айхенвальд Ю.И. 309
Акимова С.В. 251
Аксаков И.С. 344
Аксельрод П.Б. 331, 368
Аксенов И.А. 26
Алданов (Ландау) М.А. 32, 56, 103, 104, 116–119, 120–122, 133, 229
Александр III 359
Александр VI Борджиа, папа 214
Алексеев В.Г. 228
Алексеев Г.В. 16, 17, 64, 74, 76, 78, 79, 81, 84, 87–96, 150, 152, 174, 185, 228
Алексеев М.П. 292
Алексеев Н.Н. 14, 15, 236–237, 238–241
Алексеев С.А. см. Аскольдов С.А.
Алексеева З. 240
Алиса см. Ященко Алиса
Альтман М.С. 264
Альтман Н.И. 46, 164
Алянский С.М. 156, 159, 160
Аминад Петрович см. Дон Аминадо
Амфитеатров А.В. 76, 77, 159, 265, 278, 283, 355
Амфитеатров-Кадашев В.А. 25, 78, 141, 283–285
Ананьин Е.А. (псевд.: Е.Чарский) 212, 355, 365, 366
Андерсон П.Ф. 15, 49, 236
Андреев В.Л. 54
Андреев Л.Н. 34, 79, 116
Андреев Н.Е. 9, 295
Андреев Н.А. 336
Андреева М.Ф. 325, 339
Андреевский С.А. 277, 278
Аничков Е.В. 23
Анненков Ю.П. 35, 39, 58, 190, 196
Анненский И.Ф. 242
Анри В.А. 117
Арбатов З.Ю. 361
Арнштам А.М. 24, 25, 52
Аронсон Г. 59, 60, 160, 335, 340
Аросев А.Я. 157, 160, 161, 178
Арсеньев Н.С. 9, 230, 241
Арсеньева К.С. 26
Архиппов Н.А. 26, 85, 299
Арцыбашев М.П. 116
Асеев Н.Н. 26, 60, 79
Аскольдов С.А. 223, 234, 235, 250
Афанасьев-Соловьев И. 305, 306

- Ахматова А.А. 5, 34–36, 39, 43, 52, 56, 58, 59, 127, 133, 159, 160, 183, 248, 250, 251, 265, 266
- Ашукин Н.С. 26, 76, 79, 161, 174, 175, 309–311
- Балабанова А.И. 364, 365
- Балкун Ф. 351
- Балтрушайтис (Baltrušaitis) Ю.К. 13, 26, 125–127, 139, 166, 215–216, 218, 227
- Бальзак О. 304
- Бальмонт К.Д. 26, 27, 76, 124, 127, 146, 310
- Баран Г. 8
- Баранов В.И. 55, 57, 60, 78
- Барбюс А. 115
- Баташев А. 289
- Батлер (Butler) С. 34
- Батюшков Ф.Д. 40
- Бах И.-С. 105
- Бахрах А.В. 96, 183, 197, 266, 279, 289, 291
- Бебель А. 353, 354
- Бедный Д. 335
- Беккер И.И. 263
- Белинский В.Г. 52
- Белицкий Е.Я. 159
- Белкин В.П. 16, 33, 110, 119, 160, 190, 222, 242–266, 269
- Белкина В.А. 244–249, 252–254, 256–258, 260, 262, 263, 266, 268
- Белкины, семья 110, 266, 268, 269
- Белов С.В. 160
- Белозерская-Булгакова Л.Е. 85, 279
- Белозерцев (Степной) И.А. 25
- Белый Андрей 5, 7, 20, 26, 28, 29, 39, 46, 47, 53, 54, 74, 84, 86, 95, 125, 127, 128, 133, 143, 149, 155, 173, 177, 183, 203–204, 235, 310, 348
- Бенжамен Р. 115
- Бенина М.А. 9
- Бенуа А.Н. 24, 35, 36, 244, 259, 263, 265
- Беранже П.Ж. 221
- Берберова Н.Н. 122, 263, 290, 332, 337
- Бердяев Н.А. 14, 26, 223, 229, 231, 238, 241
- Березарк И.Б. 209
- Берков П.Н. 142
- Берлин П.А. 82–85, 179, 183, 201, 368
- Бермондт (П. Авалов) 17, 361
- Бернштейн Э. 331, 353, 354
- Бешенковский Е.Б. 8
- Билибин А.Я. 154, 245, 248, 251, 257, 259, 262, 264, 265
- Билибин И.Я. 183, 206, 209, 264
- Билибин Я.И. 245, 264
- Билибина (урожд. Бубнова) В.А. 245, 264
- Бичерахов Л.Ф. 327
- Благой Д.Д. 228
- Блок А.А. 14, 26, 34–36, 39, 40, 41, 47, 49, 54, 57, 58, 125, 127, 128, 133, 141, 146, 149, 155, 159, 160, 204, 217, 264, 290, 309, 311, 335
- Блюм Л. 335
- Бобрищев-Пушкин А.В. 97
- Бобров С.П. 26, 54
- Богданов А.А. 26
- Божнев Б. 288, 290, 291
- Большт Ф. 9, 55
- Большаков А.М. 25
- Большаков К.А. 26
- Борисов 353, 354
- Боулт Дж. 148
- Браз О.Э. 244, 262, 263
- Браиловский А.Я. 64
- Брайкевич М. 356
- Браун Э. 8
- Брейтман Г.Н. 18
- Бродский И.А. 263, 264
- Бромлей Н.Н. 26
- Брусилов А.А. 19
- Брюсов В.Я. 13, 16, 25–27, 48–50, 52, 88, 124, 127, 209, 211

- Бугаев Б.Н. см. Белый Андрей
 Бугров Н.А. 358, 360, 362, 363, 366
 Булгаков М.А. 5, 85, 279
 Булгаков С.Н. 54, 241
 Булгарин Ф.В. 39, 52
 Бунаков И.И. см. Фондаминский И.И.
 Бунин И.А. 7, 54, 56, 76–78, 88, 95, 108, 116–118, 120, 122, 192, 196, 209, 273, 286–287, 300, 361
 Бунина В.Н. 49, 118, 196, 227
 Бунины 54, 118
 Буренин Н.Е. 344, 345
 Бурлюк Д.Д. 23, 148–152
 Бурлюк М.Н. 152
 Бурханов А.В. 355
 Бурцев В.Л. 88
 Бурышкин П.А. 48
 Бутурлин Ф.М. 282
 Бухарин Н.И. 123, 161, 318, 323, 324, 333, 334, 336, 365, 366
 Быстрянский В. 50
 В.С. 337
 Вагнер Р. 246
 Вайнберг И.И. 350
 Валентинов Н. 122
 Вальницкий К.М. 18
 Вальтер В. 124
 Варшавский С.И. 283
 Василевский (псевд.: Не-Буква) И.М. 45, 46, 60, 76–78, 96, 97, 133, 141, 332
 Васильев А.А. 249, 251, 257, 266
 Вассерман Б.С. 8, 146
 Вахрамеев А.И. 244, 264
 Вахрушева Е.А. 118
 Ведекинд Ф. 119
 Веденяпин М. 319, 334
 Вейдемюллер К.Л. 25, 212
 Вейдле В.В. 232, 297
 Вейсбрем-Куклимат П.К. 165, 290, 291
 Венгеров С.А. 20
 Венгров Н. 26
 Венский Е. (Е.О. Пяткин) 91, 95, 96
 Вербицкая А.А. 45
 Вергилий 250
 Вересаев В.В. 26, 67, 72
 Вермель С.М. 288
 Вернадский В.И. 295
 Вернадский Г.В. 295, 296, 297
 Вертинский А.Н. 299, 300
 Веселовский А.Н. 148, 164
 Ветлугин А. 174, 201, 205
 Веттер Г.А. 232
 Визе В.Ю. 184
 Вилли (В.Е. Турок) 95, 96
 Вильям Г. 88, 90
 Витте С.Ю. 275, 347, 349
 Вишняк А.Г. 140, 146–147
 Вишняк М.В. 14, 17, 49, 50, 117, 298, 337, 339, 342
 Вогау Б.А. см. Пильняк Б.А.
 Водка Г.Н. 198
 Водовозов В.В. 330, 340
 Воинов В.В. 263
 Войтинская Э.С. 360
 Войтинский В.С. 331, 359, 360, 368
 Волин Б.М. 346
 Волконский А.М. 25
 Волошин М.А. (Макс, Мах) 7, 23, 26, 27, 47, 63–72, 88, 94, 96, 124, 127, 262
 Вольдемар А.И. 16, 50
 Волькенштейн В.М. 26
 Вольпе 260
 Вольский А. 18, 53
 Волынский А.Л. 35, 36, 40
 Воронский А.К. (псевд.: Нурмин) 140, 141, 196, 337
 Воротников А.П. 213–214
 Врангель П.Н. 19, 52, 205, 207, 209, 283, 284, 295, 300, 356
 Высоцкий В. 338
 Вышеславцев Б.П. 14, 229, 235, 238–241
 Вышеславцева Н.Н. 241

- Гааз Ф.П. 346, 347
 Гайдебуров П.П. 165
 Гак А.М. 349
 Галактионов И.Д. 200, 202
 Галати (Косвен) Е.А. 81, 84
 Гальцов П.С. 26
 Ган А.Я. 25
 Ганецкий Я.С. 349
 Гансон (Ganson) В.Я. 68, 70–72
 Гапон Г.А. 344
 Гапоненко Л.С. 333
 Гарин Н.П. 348, 349
 Гауптман Г. 166, 170
 Гейне Г. 221, 228
 Геккер Ю.Ф. 220, 221, 228
 Геллер М.Я. 231, 335
 Генри см. О.Генри
 Георгиевский В.С. см. Евлогий, митрополит
 Георгиевский Л.А. 221
 Гераклит Ефесский 164
 Герасимов М.П. 26
 Герман Э.Я. 26
 Герцык А.К. 26
 Герцык Е.К. 54
 Гершензон М.О. 183, 230
 Гессен В.М. 55
 Гессен И.В. 30–32, 50, 51, 54, 55, 58, 108, 118, 173, 188, 205, 230, 327, 329, 340, 341, 349
 Гете И. 114, 221, 228
 Гиляровский В.А. 26
 Гингер А.С. 288, 290, 291
 Гиппиус В.В. 166
 Гиппиус З.Н. 20, 49, 58, 77, 79, 187, 265
 Гиршвальд М. 169
 Глоцер В.И. 196
 Гневушев А.М. 25
 Гогель С.К. 16, 347, 348
 Гоголь Н.В. 166, 167, 191
 Голиков Д.Л. 141
 Голинков Д.Л. 282, 337, 338
 Голлербах Э.Ф. 76, 83, 86, 142
 Головина С.А. 363
 Голубев 359
 Голубкина А.С. 170
 Голубцов В.В. 18
 Гольденринг С. 113, 118
 Гольштейн Л.Ю. 85
 Гомер 148
 Гоникман С.Л. 260
 Гонкуры 299
 Горбатов К.И. 244, 264
 Горбачев Г.Е. 173
 Горвиц-Самойлов В. 18
 Горн В. 119
 Горнфельд А.Г. 76
 Горный С. 78
 Городецкий С.М. 26
 Гортинский С.Ф. 25
 Горький М. (А.М. Пешков) 7, 25, 35–39, 43, 44, 56, 59, 60, 78, 87, 116, 117, 141, 160, 173, 184, 185, 195, 196, 203, 211, 231, 270, 271, 275, 313, 315, 316, 318–369
 Гофман Э.Т.А. 307, 308
 Гоц А.Р. 319, 323, 324, 338
 Гоц М.Р. 338
 Грабарь В.Э. 303
 Грабарь И.Э. 49, 51, 300–303
 Граббе (Grabbe) Х.Д. 166
 Грачева В.М. 306
 Гребенщиков Г.Д. 272
 Гречанинов А.Т. 165
 Гречишкин С.С. 49, 153, 211, 265
 Гржебин З.И. 55, 56, 159, 160, 171, 172, 178, 182, 184, 218, 219, 221, 224, 242, 310, 315, 325, 326, 330, 331, 339–342, 350, 351, 353, 354, 356, 358, 360, 362–366
 Григоров Н. 305, 306
 Григорьев А.Д. 308
 Григорьев Б.Д. 20
 Григорьев М.Г. 346
 Грин М. 54, 56, 118
 Гронский П.П. 16
 Гроссман Л.П. 183

- Груздев И.А. 87, 183, 201, 346, 350
 Грюнберг Е.Ю. 52
 Грюнберг Э.Ю. 302
 Грюнберг Ю.О. 303
 Грюнвальд Е.И. 316
 Гудиашвили Л. 288, 289, 290
 Гуковский И.Э. 326, 339
 Гуль Р.Б. 7, 9, 16–20, 38, 49–51, 54, 55, 57, 64–66, 73, 79, 81, 83–87, 93, 102, 118, 119, 135, 139, 142–144, 173, 187, 196, 205, 211, 228, 279, 300, 333, 334
 Гумилев Н.С. 29, 35, 36, 39, 40, 47, 142, 159, 160, 197
 Гурвич-Дан Ф.И. 316, 319, 320, 325, 326, 330, 331, 333, 334, 340
 Гуревич Л.Я. 26
 Гуро Е.Г. 149
 Гурович А. 44
 Гусев В.С. 349, 350
 Гутнов Е.А. 84, 86, 171
- Д. 60
 Далин Д.Ю. 173, 278, 340
 Даманская А.Ф. 50, 56, 57, 80, 84
 Дан Л.О. 316, 323, 324, 338, 356, 360, 366
 Дан Ф.И. см. Гурвич-Дан Ф.И.
 Дантон Ж. 116
 Дарский Д.С. 183
 Двинов Б.Л. 317, 333, 334, 340
 Дебагорий-Мокриевич В.В. 358
 Дейч Л.Г. 350–352
 Дейч М.А. 130, 141
 Дейч Э.М. см. Зиновьева-Дейч Э.М.
 Деникин А.И. 17, 209, 302, 303
 Денисьева Е.А. 228
 Деньшин А.И. 49
 Державин Г.Р. 36
 Джавахишвили Г. 359
 Джемс В. 244
 Дзержинский Ф.Э. 141, 208, 338, 356
 Диккенс Ч. 247
 Дикс Б.А. (Леман) 26, 126, 139
- Динерштейн Е.А. 196
 Добронравов Л.М. 23
 Добужинский М.В. 35, 36, 244, 258, 263, 265
 Домбровская (Балькис-Савская) М.В. 293
 Дон Аминадо (Д.Аминадо; наст. имя и фам. А.П.Шполянский) 75, 76, 94, 96, 97, 117, 118, 141, 174, 205
 Дорошевич В.М. 90, 95
 Дорошенко Д.И. 348
 Достоевский Ф.М. 35–36, 114, 140, 151, 155, 160, 166, 167, 240, 241
 Драгоманов М.П. 354
 Драчович М. 8
 Дрейфус А. 334
 Дризен Н.В. 20
 Дроздов А.М. 20, 21, 27, 28, 46, 51, 52, 73–85, 87, 90–93, 95, 140, 174, 178, 196, 205
 Дымшиц-Толстая С.И. 100, 117, 242, 251, 266
 Дьякова О. 90, 213
 Дьяконов М.А. 159, 161, 198, 199, 201
 Дюамель (Дюгамель) Ж. 115
 Дюшен Б.В. 44, 110, 118, 119, 337(Б.?)
 Дюшен Ф. 119
- Евангулов Г.Е. 288, 291
 Евлогий (В.С. Георгиевский), митрополит 240, 241
 Евреинов Н.Н. 37
 Евреинова А.А. 231
 Екатерина II, императрица 101
 Елпатьяевский С.Я. 23
 Ерманский А.О. 354
 Ерофеев Н.Д. 340
 Ершов И.В. 166
 Есенин С.А. 9, 26, 53, 95, 102, 125–128, 133, 139, 149, 186, 197, 305, 306
- Жакоб М. 289
 Жебелев С.А. 266

- Жевахов Н.Д. 349, 357
 Жид А. 166
 Жирмунский В.М. 266, 307
 Житомирская С.В. 227
- Забрежнев В.И. 26
 Зайдман А.Д. 57
 Зайончковский Н.Ч. 348, 349
 Зайцев Б.К. 26, 141, 177, 183, 222, 228, 229, 273, 274, 300
 Зайцева В.А. 49, 227, 229, 300
 Зайцевы, семья 298
 Зак А.Н. 277, 278
 Закс А.С. 49, 292–294
 Залит К. 46, 184
 Залиты 178
 Залшупин С.М. 77, 157, 161
 Замирайло В.Д. 24
 Замятин Е.И. 34–36, 39, 44, 56, 59, 66, 175, 177, 191, 201, 336
 Зандер Л.А. 25
 Зарецкий Н.В. 7, 9, 66
 Захаров-Мэнский Н. 309
 Зверев Н.А. 164
 Зданевич И.М. 288
 Зелинский Ф.Ф. 158
 Зелок О.Г. 289
 Зензинов В.М. 92, 338
 Зенкевич М.А. 26
 Зеньковский В.В. 241
 Зерновы 241
 Зилов Л.Н. 310
 Зильберштейн И.С. 319, 332–334, 341, 346, 358
 Зина см. Алексеева З.
 Зиновьев Г.Е. 317, 339, 366
 Зиновьева-Дейч Э.М. 350
 Зноско-Боровский Е.А. 26, 66, 67, 118, 141
 Зозуля Е. 26, 76, 79, 311
 Золотницкий А. 305, 306
 Зонов А.П. 165
 Зорин С. 335
 Зошенко М.М. 36, 191, 194, 242
- Ибсен Г. 13
 Иванов Вс.В. 36, 43, 75, 136, 189, 191, 193, 194
 Иванов Вяч.И. 14, 26, 55, 127, 149, 217, 226, 245, 251, 264–268
 Иванов П.К. 300
 Иванов С.В. 58
 Иванов Ф.В. 20, 27, 51, 83, 85, 202
 Ивановы 298
 Иванов-Разумник 26, 55, 183
 Ивнев Р. 306
 Игнатьева В.И. 56
 Изгоев А.С. 337
 Измайлов А.А. 40
 Иконников 344
 Иллисон Л.И. 159, 161
 Ильин И.А. 17
 Ильинский Б. 183
 Инбер В.М. 26
 Ионов И.И. 201, 364
 Иорданский Н.И. (псевд.: Негорев) 226, 230, 340
 Иоффе А.А. 49
 Ирецкий В.Я. (В.Ир.) 74, 75, 79
 Исаков С.Г. 8
 Исаков С.К. 52, 263
- Каблиц И.И. (псевд.: Юзов) 351, 352
 Каверин В.А. 184, 191
 Кадлубовский А.П. 297
 Казин В.В. 26
 Каменев Л.Б. 68, 324, 356
 Каменский А.П. 88, 95, 284
 Каменский В.В. 26, 56
 Каминка А.И. 31
 Канберг А. 282
 Кандель Б.Л. 9
 Канкарович А.И. 165
 Каннегиссер Л.А. 20
 Каплун-Сумский С.Г. 28, 41, 42, 46, 59, 155, 160, 340, 348, 358
 Кара-Мурза С.Г. 48
 Каратыгин В.Г. 247, 265

- Карахан Л.М. 326, 339
 Кардовский Д.Н. 244, 263
 Карелин 344
 Карелин А.А. 26
 Карлинский С.А. см. Karlinsky S.
 Карсавин Л.П. 16, 59, 223, 231–233,
 241, 248, 250, 266
 Карташев А.В. 240, 241
 Касаткин-Ростовский Ф. 91
 Катаньян Р.П. 97, 275, 282
 Каутский К. 331
 Кауфман А.Е. 278
 Каховская И.П. 331
 Кемецкий В. 290
 Кеннан Дж. 348
 Керенский А.Ф. 47, 98
 Керн Г. 59, 189
 Кёук см. Дьяконов М.А.
 Кирдецов Г.Л. 44, 45, 119
 Киреев Г.С. 156, 158
 Кириенко-Волошина Е.О. 72
 Кириленко К.Н. 118
 Киров С.М. 184
 Кларк В.И. 350
 Клейн Т.П. 57
 Клюев Н.А. 149
 Ключевский В.О. 164
 Ключников Ю.В. 37, 45, 97–99, 184,
 188
 Книпович Е.Ф. 166
 Книппер-Чехова О.Л. 277, 278
 Кнут Довид (Д.М. Фихман) 290, 291
 Ковалевский В.А. 26
 Ковалевский П.Е. 236
 Коган А.Э. 183, 185, 299, 300
 Коган Д.З. 242
 Коган П.С. 26, 57
 Кондаков Н.П. 286
 Кожевников В.И. 70
 Кожевников И.С. 72
 Козинцева Л.М. 24, 52, 136, 137
 Козлов А.А. 235
 Козьмин Б.П. 345
 Койранский А.А. 141, 298, 299, 300
 Кок П. де 34
 Кокто Ж. 289
 Колпинская А.Н. 25
 Колчак А.В. 17, 97
 Комаров А.Н. 104, 117
 Комиссаржевская В.Ф. 20, 165
 Комиссаржевский Ф.Ф. 165
 Кондратьев Н.Д. 279
 Кони А.Ф. 39, 125, 347
 Коничев К.И. 60
 Коноплева Л. 316
 Коноплева М.С. 264
 Коноплин И.С. 315, 361, 362
 Кончаловский П.П. 127
 Корицкая Н.Ф. 363
 Корнилов Л.Г. 95
 Короленко В.Г. 116, 328, 339, 340,
 345
 Костомаров Н.И. 354, 355
 Кочаровский К.Р. 26, 342–343
 Крандиевская (Толстая) Н.В. 100,
 104, 105, 107, 109, 110, 111, 117,
 146, 256, 262
 Крандиевские 117
 Крандиевский Ф.Ф. 117
 Краснов П.Н. 77
 Красногорский В.П. 308
 Краснушкин В.А. см. Севский В.
 Крестинский Н.Н. 45, 324, 333, 352
 Крестинский Ю.А. 16, 50, 117
 Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кривошеин А.В. 19
 Кропоткин П.А. 210, 358
 Крупская Н.К. 324
 Крученых А.Е. 56
 Крыленко Н.В. 323, 335, 338
 Крымов В.П. 201, 202
 Крючков П.П. 355, 358, 365
 Ксюнин А.И. 94, 95
 Кутель И.Р. 42, 59
 Кузин 344
 Кузмин М.А. 5, 20, 26, 29, 154, 160,
 250, 265, 266
 Кузьмин Н.В. 209

- Куинджи А.И. 264
 Кульбин Н.И. 242
 Куклимати П. см. Вейсбрем-Кукли-
 мати П.К.
 Кун Б. 65–67, 272
 Куприянов И.Т. 64, 66, 67, 72
 Купченко В.П. 63
 Курский Д.И. 318
 Кусиков А.Б. 50, 53, 173, 174, 306
 Кускова Е.Д. 26, 282, 339
 Кустодиев Б.М. 24, 250, 263
- Лаврецкий А. (И.М.Френкель) 142
 Лаврецкий В. см. Лившиц Я.Б.
 Лавров А.В. 49, 211, 265
 Ладъжников И.П. 15, 18, 51, 292, 325,
 339, 343
 Лазарев А.М. 183
 Лазарев В. 117
 Лазарева (Волчиха) Б.А. 175, 176,
 183
 Лазаревский Б.А. 88, 90, 91, 95
 Лазаревский И.И. 196
 Лазерсон М.Я. 26
 Ландау Г.Л. 18
 Ландау Е.И. 125, 142
 Ландау М.А. см. Алданов М.А.
 Ландсберг В.Е. 26
 Лансере Е.Е. 206, 209, 262
 Лапшин И.И. 59
 Ласунский О.Г. 279
 Латкин Ф. 308
 Латцко А. 116
 Лебедев В.И. 92
 Лебедев Н.А. 165
 Левандовская С.А. 69
 Левенсон А.А. 140, 146
 Левин С.И. 347
 Левитов А.И. 167
 Левицкий С.А. 234
 Лежнев И.Г. 38, 58, 97
 Лейхтенбергский Г.Н., герцог 205
 Леклерк А. 178
 Леман Б.А. см. Дикс Б.А.
- Ленин (Lénine, Lenin) В.И. 19, 55, 56,
 97, 120, 210, 225, 231, 275, 317, 318,
 322, 324–326, 333, 334, 336, 338,
 339, 346, 348, 349, 352, 363
 Лермонтов М.Ю. 167, 190–191, 262
 Лесков Н.С. 167, 361
 Либер М.И. 325, 326, 338
 Ливен А.П. 205
 Лившиц Б.К. 26
 Лившиц С.Е. 345–346
 Лившиц Я.Б. (псевд.: В. Лаврецкий)
 57, 278
 Лидин В.Г. 79, 80, 86, 87, 138, 139, 141,
 162, 217, 309, 311
 Лилли И. 8
 Лина Богдановна 251, 263, 267
 Липскеров К.А. 26, 311
 Лисицкий Л.М. 289
 Ловцкий Г.Л. 165
 Лодыженский В.А. 88, 90
 Лозинский М.Л. 35
 Лоло 39
 Ломакин Л.Д. 91
 Лонге Ж. 335
 Лосский Н.О. 59, 231, 234–235, 241,
 250, 340
 Лотарев И.В. см. Северянин И.
 Лукаш И.С. 78
 Лукомский Г.К. 28, 76, 299, 300
 Лукьянов С.С. 44
 Луначарский А.В. 25, 55, 56, 85, 288,
 303, 326, 335, 339, 341
 Лундберг Е.Г. 20, 26, 29, 30, 31, 32,
 54, 55
 Лунц Л.Н. 36, 59, 189, 191, 196, 197
 Лурье А.С. 251
 Лурье В.С. 209
 Лурье Х.С. 294
 Лутохин Д.А. 266, 275–278, 337
 Львов Г.Е. 105, 117, 118
 Львов Л.И. 53, 235
 Лядов А.К. 165
 Ляцкий Е.А. 18, 160

- Маевский В.А. 272
 Майков А.Н. 221
 Майский И.М. 364, 365
 Мак-Лейн Х. 8
 Макаров Н.П. 281, 282
 Макаров П.Н. 142
 Макеев Н.А. 229
 Маковский С.К. 76, 118
 Максимов Г.П. 344
 Максимов Д.Е. 264
 Максимова В.А. 332
 Малевич К.С. 53, 127
 Малевич О.М. 266
 Мальмстад Дж. 8
 Мандельштам О.Э. 5, 26, 125, 127, 194, 197, 288
 Манн Т. 357
 Мансуров С.П. 223, 229, 230
 Манухина Т.И. 241
 Маргерит П. 334
 Марго 262, 267
 Маргулиес М.С. 339, 351, 356
 Мариенгоф А.Б. 26, 149, 306
 Мартов Л. (Ю.О. Цедербаум) 317–320, 323, 325–327, 329–331, 334, 338–340, 347, 348, 351, 359, 360, 365, 366
 Мартынов И.Ф. 57
 Масанов И.Ф. 201, 282
 Матильда, Матильда Августовна см. Яценко М.А.
 Машков И.И. 127
 Машкова М.В. 49
 Маяковский В.В. 5, 26, 46, 53–54, 56, 60, 124, 127, 133, 139, 148, 149, 151, 196, 197, 337
 Мгеладзе В. (Триа) 325
 Медведев Р.А. 123, 339
 Мейерхольд В.Э. 166
 Мелик-Хаспабов В. см. Парнах В.Я.
 Мельгунов С.П. 330, 337, 340, 356
 Мельников-Печерский П.И. 167
 Менделеев Д.И. 122
 Меньшиков М.О. 352
 Мережковский Д.С. 159
 Мережковские 26
 Метерлинк М. 166
 Мешков В.Н. 244, 264
 Мещеряков Н.Л. 50, 87
 Микитов И.С. см. Соколов-Микитов И.С.
 Милкоков П.Н. 98
 Миндлин Э.Л. 57, 60, 96
 Минин Д. 356
 Минский Н.М. 29
 Минц З.Г. 33, 55, 56, 160, 266
 Минцлов С.Р. 81, 84, 117
 Митрохин Д.И. 24
 Михеев С. 284
 Младов Г.Г. 26
 Молотов В.М. 333
 Мопассан Г. 167
 Морозов С.Т. 358, 360, 368, 369
 Морозова В.А. 13
 Мочульский К.В. 291
 Муратов П.П. 26, 170
 Мэнсфилд К. 37
 Мякотин В.А. 357
 Мятлев В.П. 359
 Набоков К.Д. 34, 41, 43
 Наживин И.Ф. 53, 88, 90, 95, 359
 Надежда Григорьевна см. Чулкова Н.Г.
 Наполеон Бонапарт 191
 Не-Буква см. Василевский И.М.
 Невский В.И. 330, 332, 340, 341, 345
 Неганов В.Ф. 365
 Негорев Н.И. см. Иорданский Н.И.
 Незнамов П.В. 152
 Некрасов Н.А. 34, 36
 Некрич А.М. 365
 Немирович-Данченко Вас.И. 76
 Немирович-Данченко Вл.И. 77
 Нестеров М.В. 232, 233
 Нива Ж. 203
 Никитин Н.Н. 76, 192, 194–197
 Никитин Н.П. 280, 282

- Николадзе Н.Я. 359
 Николаевский Б.И. 7, 31, 49, 50, 61, 65, 85, 100, 119, 125, 141, 142, 151, 159, 161, 162, 173, 201, 202, 228, 263, 264, 266, 280, 282, 300, 315–369
 Ницше Ф. 166, 170
 Новгородский В. см. Уманский Д.А.
 Новгородцев П.И. 17, 236–238
 Новиков И.А. 26, 177, 309, 311
 Новиков М.М. 236
 Новиков Н.И. 122
 Новиков Ю.В. 263
 Новицкий П.И. 295
 Нович И.С. 339
 Новоселов Д. 68
 Новоселов М.А. 230
 Нурмин см. Воронский А.К.
- О.Генри 35
 Оберучев К.М. 347, 348
 Огородников В.И. 308
 Оксенев И.А. 76, 200–202
 Олигер Н.Ф. 25
 Оредовский Я. 275
 Оречкин Б.С. 15, 52
 Орлова В.Я. 344
 Осоргин М.А. 26, 140, 141
 Остроумова-Лебедева А.П. 266
 Оттокар Н.П. 297
 Офросимов Ю.В. 18, 118, 139, 142, 211
- П.Ш. 124, 140
 Павлов И.П. 43
 Павлович Н.А. 26
 Павлуцкий Г.Г. 300
 Папоушкова-Мельникова Н. 165
 Парамонов 209
 Парнах В.Я. 288–290
 Парнок С.Я. 26, 67, 288
 Паскар Г.М. 165
 Пастернак Л.О. 289
 Пастернак Б.Л. 5, 26, 53, 54, 60, 124, 125, 127, 137, 142–144, 146, 151, 173, 177, 184, 193, 194, 196, 229–230, 309
 Пау Амма см. Дьяконов М.А.
 Пашуканис Е.Б. 225, 230
 Первухин М.К. 26
 Первушин Н.В. 279, 280
 Перегудов А.В. 184
 Переселенков Н.Н. 18
 Петников Г.Н. 26
 Петр I 174, 192, 218–220
 Петрицев А.Б. 330, 340
 Петров 344
 Петров-Водкин К.С. 244, 263
 Петровская Н.И. 25, 49, 60, 211–212, 213, 341
 Петровский А.С. 54
 Петровский М.С. 211
 Пешков А.М. см. Горький М.
 Пешкова Е.П. 336, 347, 354, 356, 368
 Пикабия Ф. 289
 Пикассо П. 289
 Пиленко А.А. 26
 Пильняк (наст. фам. Воган) Б.А. 7, 32, 43, 53, 66, 76, 79, 101, 142, 157, 173–176, 178, 179, 181–187, 189, 191–194, 196, 309–311
 Пильский П.М. 95, 96
 Пинегин Н.В. 178, 179, 184, 254, 258
 Пинкевич А.П. 43, 157, 160
 Пиотровский В.Л. 79
 Платон 248, 266
 Платонов М. см. Замятин Е.И.
 Плеве В.К. 347
 Плеханов Г.В. 345, 368
 Плуکش П.И. 270
 Плутарх 250
 Победоносцев К.П. 359
 Поволоцкий Я. 346
 Подобедова О.И. 209
 Подолинский С. 354
 Познер В.С. 291
 Познер С.В. 124
 Покровский М.Н. 335
 Полевицкая Е.А. 107, 118

- Полнер Т.И. 118
 Полонский В.П. 26, 60, 184
 Полонский Я.Б. 122
 Полонский Я.П. 221
 Полоцкий С.А. (псевд.: В.Алов) 305, 306
 Полторацкий Н.П. 9, 232, 234, 235
 Поляков А.А. 283
 Поплавский Б.Ю. 288, 291
 Попова Л.С. 127
 Поссе В.А. 345
 Потапенко Н.И. 185
 Потеня А.А. 162
 Потемкин П.П. 23
 Потехин Ю.Н. 37, 45, 97, 184, 188, 230
 Потресов А.Н. 326
 Преображенская О.О. 165
 Пришвин М.М. 177, 192, 311
 Прокопович С.Н. 277, 278, 280, 282, 339
 Пугавкина А.С. 175, 176
 Пуни И.А. 28, 46, 53, 118, 124, 140, 178, 184, 190
 Путинцева Т.А. 118
 Пуцыкович В.Ф. 344, 349
 Пушкин А.С. 24, 25, 39, 52, 160, 167, 190–192, 289
 Пяст В.А. 23, 26, 51
 Пяткин Е.О. см. Венский Е.
- Радек К.Б. 318, 321, 323, 335, 339
 Радищев А.Н. 122
 Радлов Н.Э. 244, 264
 Радлов Э.Л. 266
 Радлова А.Д. 26
 Радугина Л.С. 49
 Раевская-Хьюз О.П. 4, 143
 Разин С. 354
 Расловлев М. 359
 Ратгауз Д.М. 88
 Ратнер Е.М. 334
 Рафалович С.Я. 26
 Рашильд 166
- Регельсон Л. 233
 Регинин В.А. 95, 96
 Резникова Н.В. 160, 183
 Рейнбот (Резвой) А.А. 348, 349
 Рейснер Л.М. 20
 Ре-Ми 278
 Ремизов А.М. 5, 14, 23, 24, 26, 28, 29, 39, 47, 53, 54, 60, 75, 77, 81, 82, 84, 95, 153–172, 173, 177, 178, 182, 183, 187, 191, 196, 201–203, 310
 Ремизова-Довгелло С.П. 58, 153, 155, 164, 187
 Ренников А.М. 73
 Ричиотти В. (Л.О. Турутович) 305, 306
 Роде А. 166
 Родов С.А. 278
 Розанов В.В. 24, 83, 86, 140, 142, 167, 233
 Розенберг В.А. 122
 Ройзман М.Д. 305
 Роллан Р. 121, 364, 365
 Росимов Г. 20, 51
 Рубинштейн М.М. 308
 Русанов Н.С. (Кудрин) 358
 Рутенберг П.М. 351
 Рыков А.И. 320–324, 329, 333, 335, 336, 338, 356, 362, 363, 365, 366
 Рылов А.И. 244, 264
 Рындина Л.Д. 207, 209
 Рязановский Н.В. 8, 295
- Саблин В.М. 170
 Саввич Н. 96
 Савенко А.И. 357
 Савинков Б.В. 27
 Савинов А.И. 244, 264
 Савинский В.Е. 244, 264
 Савич О.Г. 184
 Садовской Б.А. 20
 Садофьев ИИ. 42, 59
 Садыкер П.А. 44, 60
 Самарин Д.Ф. 229, 230
 Сандомирская Б.Ю. 49

- Сарьян М.С. 209
 Сварен-Завинский В.А. 139
 Свясов Е.В. 306
 Северянин И. (И.В. Лотарев) 56, 75, 292–294
 Севский В. (В.А. Краснушкин) 89, 91, 95
 Сегал Д.М. 9, 55
 Седов Г.Я. 184
 Сезанн П. 244
 Сеземан В.Э. 16
 Селезнев К.Л. 333
 Селищев А.М. 367
 Семенов (Васильев) Г.И. 316, 333
 Семенов С.А. 183, 185
 Сендрар Б. 289
 Сенилов В.А. 165
 Серафимович А.С. 335
 Сергеев В. 185
 Сергеев М.А. 56
 Сергеев-Ценский С.Н. 88, 270, 271, 284
 Сергеева-Ценская Х.М. 270
 Сергеенко П.А. 70, 72
 Сергий, патриарх (И.Н. Страгородский) 232, 233
 Силин А.Д. 206, 209
 Сирин В. 76, 78
 Скирмунт С.А. 105, 109, 117, 212
 Скрыбина А.А. 290
 Слезкин Ю.Л. 20, 26, 79, 81, 82, 84–86, 91, 136, 208, 311
 Слепцов В.А. 167
 Слоним М.Л. 52, 53, 60, 73
 Слонимский М.Л. 36, 78, 173
 Смарен-Завинский В.А. см. Smaren-Savinskis V.
 Смильг-Бенарио М. 18, 50
 Смирнов А.С. 171
 Смирнов В.М. 363, 365
 Смирнов М. 187, 196
 Смирнова К. 363, 365
 Соболев Ю.В. 26, 79, 310
 Сობоль А. 26, 79, 130, 137, 140–142
 Соколов С.А. (псевд.: С. Кречетов) 24, 205–211
 Соколов-Микитов (Сергеич) И.С. 53, 58, 65, 81, 174, 178–179, 181–184, 187–190, 194–197, 201, 202, 310
 Солженицын А.И. 235, 337
 Соловьев В.С. 86
 Соловьев С.М. 229
 Сологуб Ф.К. 7, 14, 26, 35, 36, 127–129, 131, 133, 140, 160, 246, 250, 254–258, 260, 265–269, 304
 Сологубы 14
 Сомов К.А. 266
 Сорокин П.А. 26, 231
 Спенсер Г. 328
 Спиридович А.И. 338
 Срезневский В.И. 359
 Стакле М.А. 57
 Сталин И.В. 189, 324, 333, 334
 Станкевич В.Б. (Владас Станка) 15–20, 30, 31, 50, 51, 54, 73, 119, 121, 122, 360
 Стеклов Ю.М. 348
 Степун Ф.А. 26, 229
 Столица Л.Н. 91
 Столыпин П.А. 100, 347, 349
 Стонов Д.М. 79
 Страгородский И.Н. см. Сергий, патриарх
 Стриндберг А. 363
 Стриндберг-Смирнова К. см. Смирнова К.
 Струве Г.П. 5, 8, 9, 52, 76, 78, 98, 122, 229, 230, 279, 288, 357
 Струве М.А. 291
 Струве П.Б. 230, 295, 356, 357, 367
 Суворин М.А. 91
 Судейкин С.Ю. 118, 242, 288
 Сумеркин А. 8
 Сумский С. см. Капшун-Сумский С.Г.
 Суханов Н.Н. 54, 327, 329, 330, 339, 348
 Сухотин П.С. 76
 Сытин И.Д. 45, 60

- Талов М.Л. 288, 291
 Таль Б.М. 66, 67
 Тарасенков А.К. 9
 Тарабукин Н.М. 217
 Тасин Н.Я. 79, 351, 352
 Татаринов В. 78, 97
 Татлин В.Е. 53, 102, 127
 Тейтель Я.Л. 346, 347
 Терапиано Ю.К. 290
 Тименчик Р.Д. 9
 Тимофеев Е.Н. 319, 323, 324, 338, 352
 Тимофеева А.П. 324
 Тихон, патриарх 241
 Тихонов А.Н. 34, 211
 Тихонов Н.С. 57, 136, 137, 183, 185, 194, 197, 306
 Толлер Э. 306
 Толстая Л.И. 50
 Толстая М.А. 110, 251, 266
 Толстая Н.В. см. Крандиевская Н.В.
 Толстой А.К. 114
 Толстой А.Н. 9, 14, 16, 32, 33, 35–45, 47, 50, 55–60, 65, 73, 75–79, 85, 93, 95, 97, 100–105, 107–120, 125, 154, 174, 175, 177, 178, 183, 187, 188, 196, 209, 231, 242, 247, 251, 253–259, 262, 265, 266, 268, 271, 273, 274
 Толстой Д.А. 110, 111, 266
 Толстой Л.Н. 70, 72, 114, 115, 121, 167, 191, 192, 339, 358, 359
 Толстые, род 111
 Толстые, семья 100, 255, 262
 Тонин 344
 Тренев К.А. 26
 Трепов Д.Ф. 349
 Третьяков С.М. 26
 Триа см. Мгеладзе В.
 Грифонов И.Я. 97
 Троповский А.Н. 212
 Троцкий Л.Д. 197, 317, 320, 322
 Трубецкой Н.С. 229
 Тугендхольд Я.А. 26
 Тукалевский В. 185
 Тургенев Н.И. 114
 Тургенев И.С. 111, 114
 Тургеневы 114
 Турутович Л.О. см. Ричиотти В.
 Тухачевский М.Н. 205
 Тцара Т. 289
 Тынянов Ю.Н. 24
 Тэффи 26, 77
 Тютчев Н.И. 221
 Тютчев Ф.И. 218, 219, 221, 223, 226, 228
 Уайльд О. 34
 Удальцова Н.А. 127
 Уитмен (Whitman) У. 34, 39, 56
 Уитни Т. 183
 Уманский Д.А. (псевд.: В. Новгородский) 222, 228, 229
 Уншлихт И.С. 323, 338
 Уолполь Х. 37
 Успенский Н.В. 167
 Устинов В.М. 300
 Устиновы 298
 Устрялов Н.В. 44, 50, 58, 60, 97, 98, 99, 185, 186
 Ухтомский Н.А. 44
 Уэввель В. 328
 Уэллс Г. 116
 Фадеев А.А. 189
 Файман Г. 85
 Федин К.А. 36, 87, 161, 184, 188–191, 193–202
 Федорченко С.З. 192, 196
 Федосеев Н.Е. 345, 346
 Федюкин С.А. 57, 58, 140, 188, 231, 278
 Федюшина Л.М. 9
 Фигнер В.Н. 349–351
 Филиппов Б.А. 197, 235, 288
 Философов Д.В. 124
 Фихман Д.М. см. Кнут Довид

- Флейшман Л.С. 4, 9, 54, 55, 60, 143, 153, 184, 185, 289
- Флобер Г. 307
- Флоренский П.А. 54, 223, 229
- Фондаминский И.И. 56, 154, 160
- Фостер Л.А. 9, 51, 291
- Франк Г.В. 118
- Франк С.Л. 241
- Франс А. 318–322, 329, 334, 335, 336, 338
- Френкель Л.Д. 53
- Френкель М. 26
- Фриш (Frisch) Ф.Е. 155, 159, 160, 168, 169, 172
- Фриш (Frisch) Э. 155, 160, 228
- Фрумкин 349
- Фудель С.И. 230
- Халтурин С.Н. 349
- Хандамиров М.Ф. 79
- Харитон Б.И. 79, 95
- Харитон Л.Б. 189
- Хейфец И.М. 130, 141
- Хейфец И.Я. 31
- Хлебников В.В. 5, 26, 56, 149
- Хлебников Л.М. 55, 56, 339
- Ходасевич А.И. 230
- Ходасевич В.Ф. 9, 26, 46, 72, 76, 183, 203, 211, 230, 265, 271, 332, 337, 340, 341, 365, 366
- Храбровицкий А.В. 340
- Хрулева Р.П. 63
- Хьюз Р. 4
- Цаликов А. 354, 355, 362, 363
- Цветаева А.И. 285
- Цветаева М.И. 5, 7, 26, 58, 63, 124, 125, 127, 136, 142–146, 284, 285
- Цедербаум-Дан Л.О. см. Дан Л.О.
- Цемах Т.Д. 64, 71, 72
- Ценский см. Сергеев-Ценский С.Н.
- Церетели И.Г. 364, 365
- Церетели И.И. 217
- Цеткин К. 323
- Цетлин М.О. 52, 146
- Цитрон М.Л. 229
- Цыперович Г.В. 364
- Цявловский М.А. 222, 229
- Чайковский Н.В. 32, 33, 35, 38, 56, 57, 117, 265
- Чапек К. 266
- Чарский Е.А. см. Ананьин Е.А.
- Чахотин С.С. 44
- Чацкий Л. 78
- Чаянов А.В. 24, 279–282
- Чеботаревская Ал.Н. 16, 245, 252, 254–256, 260, 263–265, 267–269
- Чеботаревская Ан.Н. 246, 247, 257, 260, 267, 304
- Черемухин 344
- Чернов В.М. 326, 331, 333, 340, 341, 344, 345, 352–354
- Черносвитова О.Н. 246, 255
- Черный А. 77
- Чернышевский Н.Г. 343
- Чертков Л.Н. 280
- Черубина де Габриах 26
- Чехов А.П. 36, 37, 114, 277, 278, 361
- Чехонин С.В. 300
- Чириков Е.Н. 76, 88, 90, 183, 277
- Чирикова В.Е. 178, 183
- Чистяков П.П. 264
- Чудакова М.О. 85, 279
- Чудовский 36
- Чуковская Л.К. 265
- Чуковский К.И. 7, 26, 32, 33, 35, 37, 38, 39, 41–44, 52, 55–59, 125, 133, 173, 242, 265, 277, 278
- Чуковский Н.К. 37
- Чулков В.Г. 217, 219
- Чулков Г.И. 13, 14, 16, 26, 48–50, 127, 136, 139, 177, 180, 215, 217, 218, 220–230, 232, 246, 247, 250, 262, 265, 268
- Чулкова Н.Г. 217–220, 224–227, 268
- Чулковы 227
- Чумаченко А.А. 26

- Чупров А.И. 164
 Чурилин Т.В. 26
 Чхеидзе Н.С. 348
- Шагинян М.С. 26
 Шамурин Е.И. 183
 Шапорин Ю.А. 266
 Шаршун С.И. 288, 291
 Шаховский Д.А. 201
 Шаховской Д.И. 279
 Шварц А.С. 350, 351, 354, 355
 Шварц Е.Л. 43, 59
 Шекспир В. 37, 165, 262
 Шенфельд-Россос Б.М. 44
 Шервинский С.В. 183
 Шершеневич В.Г. 26, 139, 149, 306
 Шестов Л. 26, 29, 30, 31, 54, 167, 183
 Шилов А.А. 349
 Шилов Ф.Г. 266
 Шипов Д.Н. 230
 Шипова Н.Д. 230
 Ширмаков П.П. 198
 Шкапская М.М. 26, 46, 184, 194, 197
 Шкловский В. 26, 43, 46, 59, 60, 169, 333
 Шклявер С.Я. 18, 302, 303
 Шкляр В. 26-27
 Шляф И. 166
 Шмелев И.С. 272-274, 284
 Шмелева О.А. 273
 Шмерельсон Г. Б. 305, 306
 Шмидт И.Ф. 107, 118
 Шмидт Л. 58
 Шмидт О.Ю. 366
 Шошин В.А. 202
 Шпенглер О. 202
 Шрейдер Г.И. 25, 173?
 Штейнах Э. 363, 364
 Штейнберг Ю.Б. 146
 Шуб Д.Н. 338, 340, 348
 Шульгин В.В. 285, 357
- Щеголев П.Е. 251, 262, 266
 Щеголев П.П. 262, 266
- Щедрин М.Е. 34
 Щербаков М.В. 151
 Щербакова И.И. 55
 Щукин И.И. 48
 Щупак Н.О. 203
 Щусев А.В. 300
- Эйхенбаум В.М. 26
 Экстер А.А. 127
 Элиасберг А. 117, 162-164, 172
 Эммонс Т. 8
 Эрберг (Сюннербер) К.А. 14, 49, 265
 Эрдман Н.Р. 306
 Эренбург И.Г. 7, 26, 27, 28, 45, 46, 47, 52, 53, 54, 57, 60, 65, 88, 93, 101, 102, 118, 123-132, 134-140, 142, 143, 146, 174, 182, 194, 196, 197, 202, 227, 228, 278, 289, 294, 332
 Эрлих В.И. 305
 Эфрон А.С. 143
 Эфрос А.М. 27, 310, 311
 Эфрос Н.Е. 27
- Юденич Н.Н. 17, 118, 361
 Юзов И.И. см. Каблиц И.И.
 Юлиус А. 288, 291
 Юон К.Ф. 300
 Ютанов В. 184
- Яблоновский А.А. 39, 45, 58, 174
 Яворская (Барятинская) Л.Б. 14
 Якобсон С.О. 222, 229, 344, 349
 Яковлев А.С. 79, 178, 184, 309, 311
 Якубовский Г. 278
 Якулов Г.Б. 127
 Янкул И.И. 164
 Янчевский Н.Л. 118
 Яценко А.С. (Сандро) 6, 7, 9, 11, 13-311
 Яценко Алиса 110, 193-195, 256
 Яценко М.А. (Матильда) 218, 219, 262, 263
 Яценки 14, 100

- Appel A. 9
 Berninger H. 184
 Beyssac M. 72, 288, 290, 291
 Bourgina A. 354
 Brooks J. 58
 Brown C. 288
 Bucher J. 152, 165
 Bulgakov M. 85
 Butler S. см. Батлер С.

 Cartier J.-A. 184
 Chavchavadze P. 230
 Chaffe 240
 Cristesco D. 120
 Cristesco H. 120

 Červinka V. 287

 Daujotyte V. 215

 Edgerton W. 197

 Fletcher W.-C. 233
 Frisch E. см. Фриш Э.
 Frisch F. см. Фриш Ф.Е.

 Getzler I. 333
 Grabbe Ch. D., von см. Граббе Х.Д.
 Günter J., von 168
 Gustavsson S. 58

 Hahn G. 164
 Harich W. 308
 Haupt G. 49
 Hayward M. 175
 Hoover H. 229

 Ingold F.Ph. 151
 Ivask G. 235

 Jaugelis G. 80

 Karlinsky S. 8, 9, 143
 Kautsky K. 337

 Kazuo Yamawaky 148
 Kerblay B. 279
 Khol Fr. 109
 Kristof L.K.D. 333, 334, 336

 Lampl H. 153, 187
 Lowe D. 183
 Luther A. 163, 172

 Maassen C.G., von 308
 Marie J.-J. 49
 Markov V. 152
 Medvedev R.A. см. Медведев Р.А.
 Müller G. 167, 172, 308

 N.S. 164
 Neumannová K. 172
 Niqueux M. 279

 Ossorguine-Bakounine T. 291

 Pipes R. 357
 Pitoëff G. 165
 Pitoëff L. 165

 R.K. 164
 Rabinowitch A. 333
 Rabinowitch J. 333
 Reck V.T. 173, 175, 185
 Reiss E. 307, 308
 Reizeler S. 121
 Riasanovsky N.V. см. Рязановский Н.В.
 Riha T. 236
 Ryšavý L. 172

 Sapir B. 203
 Sauliets V. см. Smaren-Savinskis V.
 Schiratzky B. 169
 Schmidt-Rolcke 239
 Sehen B. 57
 Serge V. 338
 Sinany H. 153
 Smaren-Savinskis V. (псевд.: V.Sauliets)
 218, 228
 Shub D. см. Шуб Д.Н.

Sokoloff N. см. Петровская Н.И.

Sommer E.F. 231

Struve N. 233

Sukiennicki W. 333

Šilbajoris R. 215

Turner W.J. 57

Voldemaras A. см. Вольдемар А.И.

Walter R., von 163

Weissman B.M. 58, 229

Williams R.C. 9

Wolfe B.D. 335, 336

Wright A.C. 85

Whitman W. см. Уитмен У.

Zālītis (Zāle) K. см. Залит К.

Zamyatin E. см. Замятин Е.И.

Zernov N. 300

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

БЕРЛИНСКИЕ ЖУРНАЛЫ А.С. ЯЩЕНКО

А.С. Ященко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина	13
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ АРХИВА Б.И. НИКОЛАЕВСКОГО

М.А. Волошин	63
А.М. Дроздов	73
Г.В. Алексеев	87
Ю.В. Ключников	97
А.Н. Толстой	100
М.А. Алданов (Ландау)	120
И.Г. Эренбург	123
М.И. Цветаева	143
А.Г. Вишняк	146
Д.Д. Бурлюк	148
А.М. Ремизов	153
Б. Пильняк	173
И.С. Соколов-Микитов	187
К.А. Федин	198
А. Белый	203
С.А. Соколов	205
Н.И. Петровская	211
А.П. Воротников	213
Ю.К. Балтрушайтис	215
Г.И. Чулков	217

Л.П. Карсавин	231
Н.О. Лосский	234
Н.Н. Алексеев	236
Б.П. Вышеславцев	238
В.П. Белкин	242
С.Н. Сергеев-Ценский	270
И.С. Шмелев	272
Д.А. Лутохин	275
А.В. Чаянов	279
В.А. Амфитеатров	283
И.А. Бунин	286
Молодые парижские поэты: В.Я. Парнах, Д. Кнут	288
И. Северянин	292
Г.В. Вернадский	295
А.А. Койранский	298
И.Э. Грабарь	301
Ф. Сологуб	304
Г.Б. Шмерельсон	305
М.К. Азадовский	307
Н.С. Ашукин	309

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Письма Максима Горького к Б.И. Николаевскому	315
Письма М. Горького	342
<i>Именной указатель</i>	370

**В оформлении воспроизведены элементы
обложки первого издания
(художник — *А. Ракузин*).**

- Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива**
Р 89 **Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Сост.,**
подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана,
Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. — 2-е изд., испр. — Paris —
М.: YMCA-Press — Русский путь, 2003. — 392 с.

ISBN 2-85065-259-8

ISBN 5-85887-161-5

Публикуемые документы относятся к историческому моменту, не имевшему прецедента в истории русской культуры. В 1921–1923 гг. диалог двух «половин» русской культуры выступал в наиболее явной и в то же время осложненной форме. Яркой иллюстрацией этого процесса является, в частности, деятельность А.С. Яценко и его берлинских журналов «Русская книга» и «Новая русская книга». Материалы из архива журналов, прежде всего прокомментированные письма деятелей русской культуры, составляют основу настоящего издания.

ББК 83.3(2 Рос)6

РУССКИЙ БЕРЛИН 1921–1923

Составители

**Лазарь Флейшман
Роберт Хьюз
Ольга Раевская-Хьюз**

**Корректоры *А.З. Лазуткина, Н.С. Самбу*
Верстка *Л.А. Фирсовой***

**Подписано в печать 10.08.2003
Формат 60х90/16. Тираж 1000 экз.**

**ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109004, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
E-mail: moskvin.gr@mtu-net.ru
Тел.: (095) 915-10-47**

**Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14**

ISBN 5-85887-161-5



9 785858 871613 >